

РОССИЯ И КИТАЙ

КОНФЛИКТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО

ГЛАВА 1

НАЧАЛО КОЛОНИЗАЦИИ РУССКИМИ СИБИРИ

Начало колонизации русскими Сибири произошло в годы правления Бориса Годунова, который с 1584 по 1598 г. правил от имени слабоумного царя Федора Иоанновича, а с 1598 по 1605 г. был царем сам.

На реке Иртыш в 1587 г. был основан город Тобольск, а в 1594 г. — город Тара. Одновременно на Оби построили города Сургут (1594), Нарым (1596) и Томск (1604). События Смутного времени не помешали русским людям освоить бассейн реки Енисей, где были построены города Туруханск (1607), Енисейск (1618) и Красноярск (1628).

Тут следует сделать небольшое замечание. Русская колонизация шла одновременно в централизованном, то есть по приказу из Москвы, и в инициативном порядке, причем оба эти течения были практически неразделимы. Под русскими людьми автор подразумевает и стрельцов, и казаков, и промышленников, и беглых крестьян, короче, всех, кто шел на Восток.

В дальнейшем русские люди проникали в Восточную Сибирь двумя путями: северным — по рекам Нижняя Тунгуска, Вилюй и его притоку Чуну, Лене; и южным путем — Верхней Тунгуской, ее притоком Илимом, притоком Лены Кутом и, наконец, Леной. У устья притока Лены Алдана эти два пути сходятся в один, идущий вверх по Алдану и его притоку реке Мае, которая своим верховьем близко подходит к верховью реки Ульи, впадающей в Охотское море. По этим рекам главным образом и продвигались русские люди при занятии и заселении Восточной Сибири.

В конце 20-х годов XVII века воевода города Енисейска начал снаряжать экспедиции вверх по Верхней Тунгуске для обложения ясаком туземцев и для полного их покорения. Кроме того, воевода хотел добраться до земли бурят, где предполагались большие залежи серебряной руды: русские люди видели у бурят серебро. Результатом этих экспедиций стала постройка сначала Рыбного острога на Верхней Тунгуске выше впадения в нее Уды, а затем, в 1631 г., — Братского острога при впадении Оки в Ангару. Итогом этого стало покорение живших в этой местности тунгусов и бурят.

Другие казацкие отряды с верхней Ангары по ее притоку Илим и далее по притоку Лены Куту пробрались на Лену и стали собирать здесь ясак с туземцев, а затем познакомились с якутами. Для обеспечения сбора ясака и с видами на будущее время казаки построили остроги Илимский на реке Илим, Усть-Кутский и Тутурский — при впадении реки Тутуры в Лену. Эти остроги сделались точками отправления при дальнейшем движении вниз по Лене. В 1632 г. казаки уже добрались до якутов, живших на средней Лене, и соорудили в их земле Якутский острог.

Русские люди продвигались и в других направлениях. В 1638–1639 гг. отряд томских казаков под начальством атамана Копылова по рекам Алдану и Мае достиг Станового хребта и, перевалив через него, рекой Ульей спустился к Охотскому морю. Казаки обследовали берега Охотского моря до реки Туи на севере и до реки Уды на юге и при устьях этих рек построили зимовья Усть-Туйское и Усть-Удское. Жившие по Алдану и Мае тунгусы и по берегам Охотского моря ламуты были обложены ясаком. Енисейские казаки под начальством атамана Перфирьева ходили вверх по реке Витим и собирали дань с живших там тунгусов.

Копылов и Перфирьев собирали у тунгусов сведения о реке Амур и живших там племенах. Тунгусы рассказали им, что там живут люди, сеющие хлеб, имеющие домашний

скот, добывающие медную, серебряную и свинцовую руду, ловящие ценных соболей и др. Якутский воевода, получив эти сведения, в 1643 г. отправил письменного голову Василия Пояркова на реки Зею и Шилку «для государева ясачного сбора, для приема вновь неясачных людей, серебряной, медной и свинцовой руды и для хлеба».

В июле 1643 г. Поярков с отрядом из 133 человек отплыл на стругах из Якутска и по Алдану и Учтуру к осени добрался до реки Гонам. Здесь он оставил 40 человек с грузами зимовать, а с остальными пустился через Становой хребет. По Зее отряд спустился до областей, населенных даурами. Казаки Пояркова перезимовали в построенном наскоро острожке, потеряв за время зимовки около 40 человек, умерших от голода. К весне к Пояркову подошла партия, оставленная им на зимовку на реке Гонам, и отряд на стругах двинулся дальше вниз по течению Зеи. До устья Амура добрались только 65 человек, там они «обьясачили и привели под цареву руку» гиляков.

Возвращаться обратно вверх по течению Поярков не рискнул и пошел на гиляцких лодках к северу вдоль берегов Охотского моря до тех мест, где, как он знал, находились русские зимовья. Этот поход продолжался около двенадцати недель. В устье реки Ульи он построил острожек на месте старого русского зимовья и зазимовал. Весной, оставив в острожке двадцать казаков, Поярков двинулся по реке Улье, потом волоком перетащил лодки на Маю и в июле 1646 г. вернулся в Якутск с богатым ясаком, заложниками и другими трофеями.

Поярков указал якутским воеводам места по Зее и Шилке (т. е. Амуру), и по их протокам, где, по его мнению, следовало построить острожки. «Там, — говорил Поярков, — в походы ходить и пашенных хлебных сидячих людей под царскую высокую руку привести можно, и в вечном холопстве укрепить, и ясак с них собирать, в том государю будет многая прибыль, потому что те земли людны и хлебны и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям хлебной скудости ни в чем не будет».

Весной 1647 г. отряд казаков под начальством Семена Шелковника пошел вниз по реке Улье, впадающей в Охотское море, а с устья Ульи морем переплыл к устью реки Охоты. Там отряд Шелковника встретил войско тунгусов численностью до тысячи человек. Казакам удалось отбить нападения и поставить в устье Охоты острожек. Так был создан первый русский порт на Тихом океане, получивший по имени реки название Охотск.¹

В 1654 г. тунгусам удалось сжечь Охотский острог, но вскоре появился новый русский отряд. Тунгусы были разбиты, а острог построен вновь.

Одновременно с Амурским краем было обследовано и побережье озера Байкал. Якутский воевода отправил на Байкал казацкого пятидесятника Курбата Иванова с 75 служилыми и промышленными людьми. Отряд высадился на острове Ольхоне и покорил там тунгусов. Затем сам Курбат вернулся в Якутск, а для исследования берегов Байкала послал половину своих людей под начальством десятника Скорохода, который прошел берегом Байкала до устья Баргузина и покорил тунгусов, живших в верховьях Ангары. Дальше небольшой отряд казаков идти не рискнул.

В 1649 г. обосновавшийся на реке Колыме сын боярский Власьев отправил служилых и промышленных людей в верховья Анюя, впадающего в Колыму. Там казаки поймали несколько туземцев и от них узнали, что от верховья Анюя за камнем начинается новая река Анадырь. Казаки вернулись на Колыму, собрали большой отряд и отправились разыскивать эту реку. Они нашли ее, спустились по ней вниз и встретились с другой русской экспедицией, поднимающейся вверх по Анадырю. Эта экспедиция под предводительством казака Семена Дежнева еще в 1648 г. вышла по Колыме в море, затем вдоль берега продвигалась на восток, прошла через нынешний Берингов пролив в Берингово море, а оттуда вошла в устье Анадыря.

¹ Формально порт со всеми штатами был утвержден в 1732 г. и существовал до 2 декабря 1849 г. В Охотске с 1660 по 1849 г. было построено 70 парусных судов.

При встрече этих двух экспедиций чуть было не произошло кровавое столкновение между русскими людьми из-за ясака, и Дежнев с товарищами поспешно удалился на судах обратно в море. Здесь в 1652 г. он бил моржей и собирал их клыки, периодически вступая в схватки с коряками и чукчами. С вестями от Дежнева немедленно был отправлен стрелецкий сотник для утверждения власти государя «в новой землице» и для установления порядка во вновь открытом промысле.

В 40-х гг. XVII века русские люди стали твердой ногой и в Забайкалье. Из Енисейска на Байкал был отправлен отряд казаков под начальством атамана Василия Колесникова проведать о серебряной руде. Идя по северо-восточному берегу Байкала, отряд достиг верховья Ангары. Там в 1646 г. был построен Верхнеангарский острог для удержания в покорности местных тунгусов.

От монголов, живших в Забайкалье, Колесников узнал, что серебряной руды здесь нет, а привозят ее китайцы. Но прежде чем эти сведения дошли до Енисейска, на Байкал вышли друг за другом еще две партии служилых людей. Вторая партия под началом сына боярского Ивана Галкина в 1648 г. построила на реке Баргузине Бургузинский острог. Из него русские люди выходили на разведку в верхние притоки Витима по рекам Селенге и Шилке и их притокам. Результатом этих разведок стала постройка Баунтовского и Верхнеудинского острогов (1652), Иргенского острога (1653) и Нерчинского острога (1654). Баунтовский острог был построен на озере Баунтовском, из которого вытекает приток Витима Цыпа, Верхнеудинский — на притоке Селенги реке Уде, Ирганский — на озере Ирганском, из которого вытекает приток Селенги Хилок, Нерчинский — при впадении Нерчи в Шилку.

В конце 40-х — начале 50-х гг. XVII века русские люди попытались основательно утвердиться на Амуре. В 1649 г. старый «опытовщик» атаман Ярко (Ерофей) Павлович Хабаров (родился около 1610 г., умер после 1667 г.) объявил якутскому воеводе, что пойдет на Амур, поведет 70 человек служилых и промышленных людей, будет содержать их на свой счет, кормить, платить жалованье, снабжать продовольствием и оружием. Воевода согласился.

Хабаров пошел новым путем — рекой Олёкмой, затем ее притоком Тунгирем, из Тунгирия волоком перешел в приток Амура реку Урку. Здесь находились улусы туземного князя Лавкая. Но и улусы, и большой город князя с пятью башнями, глубокими рвами, подлазами под все башни и тайниками с водой оказались пусты. Хабаров пошел вниз по Амуру до другого города, и тот оказался пуст, не было людей и в третьем городе, где Хабаров остановился отдохнуть.

В тот же день караул сообщил, что прибыли пятеро туземцев. Хабаров послал толмача спросить, что за люди? Оказалось, что это сам князь Лавкай с двумя братьями, зятем и холопом. Князь поинтересовался, с кем он имеет дело. «Мы пришли к вам торговать и привезли подарков много», — отвечал толмач. На что Лавкай ответил: «Что ты обманываешь! Мы вас, казаков, знаем. Прежде вас был у нас казак Квашнин и сказал про вас, что идет вас пятьсот человек, а за вами идет еще много людей, хотите всех нас побить и имение наше пограбить, жен и детей в полон взять. Поэтому мы и разбежались».

Хабаров стал через толмача уговаривать Лавкаю дать ясак государю, князь обещал подумать. С этим туземцы уехали и больше не возвращались. Хабаров пошел за ними, нашел еще два города, оба оказались пусты. Дальше Хабаров не пошел, вернулся в первый город, оставил там часть своего отряда, а сам в мае 1650 г. вернулся в Якутск.

Воеводе Хабаров доложил, что «по славной великой реке Амуру живут даурские люди, пахотные и скотные, и в той великой реке всякой рыбы много против Волги, по берегам луга великие и пашни, леса темные большие, соболя и всякого зверя много, государю казна будет великая. Хлеб в поле родится, ячмень и овес, просо, горох, гречиха и семя конопляное. Если даурские князья государю покорятся, то прибыль будет большая, в Якутский острог хлеба присылать будет не надобно, потому что из Лавкаева города с Амура-реки через волок на Тугирь-реку в новый острожек, что поставил он, Хабаров, переходу только со сто верст, а из Тугирьского острожка вниз Тугирем, Олёкмою и Леною до Якутска поплаву только две

недели. Даурская земля будет прибыльнее Лены, да и против всей Сибири будет место украшено и изобильно».

Донесение Хабарова произвело на казаков впечатление — тут же вызвались 170 добровольцев идти на Амур, да воевода дал еще 20 человек. И в том же 1650 г. отряд казаков, вооруженный тремя пушками, отправился на Амур. Но на этот раз дауры оказали сопротивление. Около одного из даурских городов (Албазина) русские казаки вступили в бой с даурами, туземцы бежали, у казаков 20 человек были ранены. Дауры ушли из Албазина, оставив его русским.

В другом городе туземный князь Гугудар также дал отпор русским. На требование дать ясак Гугудар отвечал: «Даем мы ясак богдойскому (китайскому) царю, а вам какой ясак у нас? Хотите ясака, что мы бросаем последним своим ребятам?» Хабаров затем писал: «И настреляли дауры из города к нам на поле стрел, как нива стоит насеяна. И те свирепые дауры не могли стоять против государственной грозы и нашего бою». Русские казаки взяли городок. Туземцы потеряли более шестисот человек убитыми, казаки — четверых убитыми, и 45 были ранены.

За годы покорения Сибири казаки привыкли, что если удастся сломить князька, то, значит, считай, и весь род покорился. Но у дауров все оказалось иначе. Хабаров захватил один даурский улус и взял даурских князей в аматанты (заложники), но скоро узнал, что улусники бегут. Хабаров спросил новых аматантов: «Зачем государю изменили и людей своих прочь отослали?» Те отвечали: «Мы не отсылали, мы сидим у вас, а у них своя дума. Чем нам всем помереть, так лучше мы помрем за свою землю одни, когда уж к вам в руки попали».

Для зимовки казаки Хабарова выстроили Ачанский городок. Дучеры и ачанцы несколько раз осаждали русских, но казаки легко отбивали все атаки туземцев.

Однако весной 1652 г. появился новый неприятель — маньчжурское войско, присланное по приказанию наместника китайского богдыхана. Это войско имело пушки и ружья. Но казаки и тут отбились. Хабаров писал: «Марта в 24 день, на утренней зоре, сверх Амура реки славная ударила сила из прикрыта на город Ачанский, на нас Козаков, сила богдойская, все люди конные и куючные (панцырные), и наш казачий есаул закричал в город Андрей Иванов служилый человек: братцы казаки, ставайте наскоре и оболочайтесь в куюки крепкие! И метались казаки на город в единых рубашках на стену городовую, и мы, казаки, чаяли из пушек и из оружия бьют казаки из города. Ажио бьют из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско богдойское. И мы казаки с ними, богдойскими людьми, войском их, дрались из-за стены с зори и до схода солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадут нам, казакам, в те поры продти через город, а богдойские люди знаменами стену городовую укрывали, у того нашего города вырубил их, богдойские люди, три звена стены сверху до земли. И из того их великого войска богдойского кличет князь Исинея царя богдойского и все войско богдойское: не жгите и не рубите казаков, емлите их казаков живьем. И толмачи наши те речи князя Исинея услышали и мне, Ярофейку, сказали. И услыша те речи у князя Исинея, оболочали мы казаки все на ся куюки, и яз Ярофейко и служилые люди и вольные казаки, помолясь спасу и пречистой владычице нашей богородице и угоднику Христову Николаю чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз Ярофейко, и есаул Андрей Иванов и все наше войско казачье: умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за дом Спаса и пречистые и Николы чудотворца, и порадеем мы казаки государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, и помрем мы, казаки, все за один человек против государства недруга, а живы мы казаки в руки им, богдойским людям, не дадимся. И в те стены проломные стали скакать те люди Богдоевы, и мы, казаки, прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную, и почали из пушки по богдойскому войску бити и из мелкого оружия учили стрелять из города, и из иных пушек железных бити ж стали по ним богдойских людях: тут и богдойские люди в силу их всю, божиею милостию и государским счастьем и нашим радением, их собак побили многих. И как они, богдой, от того нашего пушечного боя и от пролomu отшатились прочь, и в та пору

выходили служилые и вольные охочие казаки сто пятьдесят шесть человек в кюках на вылазку богдойским людям за город, а пятьдесят человек осталось в городе, и как мы к ним, богдоям, на вылазку вышли из города, у них, богдоев, тут под городом приведены были две пушки железные. И божиею милостию и государским счастьем те две пушки мы, казаки, у них, богдойских людей, и у войска отшибли, и у которых у них, богдойских людей, у лучших воитинов огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие в них взяли. И нападе на них, богдоев, страх великий, покажись им сила наша несчетная и все достальные богдоевы люди от города и от нашего бою побежали врознь. И круг того Ачанского городка смекали мы, что побито? Богдоевых людей и силы их шестьсот семьдесят шесть человек наповал, а наши силы казачьи от них легко от богдоев десять человек, да переранили нас, казаков, на той драке семьдесят воем человек».

Атаман Хабаров правильно оценил ситуацию, он не стал дожидаться подхода крупных сил маньчжур, покинул Ачанский городок и отправился вверх по Амуру. По дороге Хабаров встретил небольшой отряд казаков при одной пушке, направлявшийся из Якутска к нему на подмогу. Но это были не те силы, с которыми можно было возвратиться назад и сражаться с войском богдыхана.

1 августа 1652 г. Хабаров решил сделать остановку в устье реки Зеи, где сейчас находится город Благовещенск. Тут Хабаров собирался построить укрепленный городок. Но в этот же день в его отряде вспыхнул мятеж. 136 взбунтовавшихся казаков на трех судах отделились от Хабарова и поплыли вниз по Амуру. С атаманом остались только 212 человек.

Тогда Хабаров отправил в Якутск к воеводе четверых казаков с донесением о мятеже, просил сказать, что с оставшимися у него людьми осваивать новые земли невозможно, так как маньчжуры агрессивны и хорошо вооружены, а уйти с Амура без государева указа атаман не смеет.

Только в 1653 г. на Амур приехал дворянин Зиновьев с государевым жалованьем для Хабарова и его казаков. Ерофей Павлович, сдав ясак Зиновьеву, отправился вместе с ним в Москву, а «приказным человеком великой реки Амура новой Даурской земли» оставил за себя Онуфрия Степанова.

В сентябре 1653 г. Степанов с войском поплыл вниз по Амуру в поисках хлеба и строевого леса. Хлеб удалось найти только на берегах притока Амура реки Шингал. Оттуда Степанов поплыл дальше вниз по Амуру и зазимовал в стране дучеров, собирая с них ясак.

В начале июня 1654 г. Степанов с казаками вновь пошел на Шингал за хлебом. Три дня отряд благополучно плыл вверх по Амуру, но у Шингала казаки встретили большой отряд маньчжур с огнестрельным оружием. Часть войска плыла на судах, а конница шла берегом.

Маньчжуры с судов первыми открыли огонь по казацким стругам. Но казаки не растерялись, дали ответный залп и взяли на abordаж китайские суда. Уцелевшие маньчжуры заперлись за валами городка Шингал. Степанов приказал штурмовать городок, но приступ был отбит.

Из допроса пленных маньчжур выяснилось, что китайский богдыхан послал трехтысячное войско к месту впадения Шингала в Амур, войску было приказано оставаться там три года и не пускать русских. Кроме того, богдыхан запретил племенам Приамурья сеять хлеб и велел поспешно переселяться в глубь Маньчжурии на реку Наун.

Степанов ушел из Шингала и укрепился в устье реки Камары, впадающей в Амур с юга, построив там острожек Камарский. 13 марта 1655 г. десяти тысячное богдыханское войско подошло к острожку и стало пускать стрелы с огненными зарядами, чтобы пожечь острожек. 24 марта маньчжуры пошли на приступ с четырех сторон.

Для защиты от огня маньчжур казаки укрывались за специальными телегами, на которых были укреплены толстые деревянные щиты, обшитые кожей. Осаждающие использовали большие лестницы, имевшие на одном конце колеса, а на другом конце — железные крюки, а также другие китайские осадные приспособления. Казаки отбили приступ, а потом стремительно контратаковали противника и захватили всю их «осадную технику».

Но и после этого богдыханское войско оставалось под стенами острожка до 4 апреля. Маньчжуры день и ночь почему зря били по острожку из пушек, и ушли, так ничего и не добившись.

Это поражение китайского войска под Камарским острожком очистило Амур и Шингал, куда Степанов опять стал пробираться за хлебом.

Но в 1656 г. вышел новый указ богдыхана — свести все местные племена (русские называли их дучерами) с рек Амура и Шингала. Таким образом, маньчжуры применили тактику «выжженной земли».

Царь Алексей Михайлович и сибирские воеводы не желали затевать большую войну с богдыханом, и в 1654 г. из Тобольска в Китай был отправлен первый посол — сын боярский Федор Байков «для присматривания в торгах и товарах и в прочих тамошних поведениях».

Долго добирался Байков до Китая. От места впадения в Иртыш реки Белые воды до Китайского царства путь его пролегал горами, бедными водой и кормом, а по китайской земле до первого города Кококотана шел Байков два месяца, останавливаясь надолго для запаса воды и продовольствия. От Кококотана до заставного города Кипки посол добирался двенадцать дней, а оттуда Байков шел еще семь дней к китайскому царю в город Канбалык (Пекин), пройдя 18 городов. Канбалыка посол достиг только в марте 1656 г.

Тут Байков впервые познакомился с обычаями Поднебесной империи. В Канбалыке считали все государства мира вассалами богдыхана, а подарки послов — данью. Китайские придворные потребовали у Байкова отдать им все царские подарки, предназначенные богдыхану. Русский посланник возразил: «Везде такой обычай, что посол сам подает государю любительскую грамоту, и потом уже подарки». Придворные ответили: «У вашего государя такой чин, а у нашего свой. Царь царю ни в чем не указывает», и отобрали подарки силой.

Через день придворные велели русскому послу прибыть к ним в приказ и отдать им царскую грамоту. Байков ответил: «Прислан я к царю Богде, а не к приказным ближним людям». «Царь тебя велит казнить за то, что ты его указа не слушаешь», — велели передать послу китайские придворные. «Хотя бы царь велел по суставам меня разнять, а все же в приказ не пойду, и государевой грамоты вам не отдам», — ответил Байков.

В знак царского гнева за это упрямство послу вернули его подарки, на том дело и кончилось. Байков вернулся в Россию, где много рассказывал об удивительной стране, впервые увиденной русским человеком.

Узнав о таком приеме своего посла, царь Алексей обиделся и не захотел снаряжать новое посольство. А между тем враждебные действия со стороны китайцев не прекращались. 30 июня

1658 г. китайское войско на сорока гребных судах напало на Степанова, плывшего по Амуру ниже Шингала. Русские были разбиты, погиб сам Онуфрий Степанов и 270 казаков. Китаичам досталась богатая «государева ясачная соболина казна». Уйти удалось лишь одному стругу, еще несколько казаков вплавь добрались до берега и спасались посуху. Всего ушли 227 казаков.

Разгром отряда Степанова был лишь тактической неудачей русских. Еще до его гибели пришел из Москвы указ местным воеводам укрепиться на Шилке и в верхних притоках Амура, а оттуда уже действовать по возможности далее вниз по Амуру. Для исполнения этого енисейский воевода Афанасий Пашков возродил покинутые городки: Нерчинск при впадении Нерчи в Шилку и Албазин на Амуре.

В 1659–1670 гг. происходили лишь незначительные стычки с китайцами (маньчжурами). В 1670 г. китайский военачальник, занявший Шингал, предложил нерчинскому воеводе Аршинскому вступить в переговоры. Аршинский в инициативном порядке отправил четверых казаков прямо в Пекин к богдыхану с предложением союза и беспрепятственной торговли между обоими государствами.

Казаков в Китае приняли хорошо, в Нерчинск они вернулись с грамотой от богдыхана: «Были мои промышленные люди на Шилке-реке, и возвратясь, сказали мне: по Шилке в

Албазине живут русские люди и воюют наших украинских людей. Я, богдыхан, хотел послать на русских людей войною. И мне сказали, что там живут твои великого государя люди, и я воевать не велел, а послал проведать, впрямь ли в Нерчинском остроге живут твоего великого государя люди? Воевода нерчинский по твоему указу прислал ко мне послов и письмо, и я теперь узнал, что впрямь в Нерчинском остроге воевода и служилые люди живут по твоему великого государя указу. И впредь бы наших украинских земель не воевали и худа никакого не делали, а что на этом слове положено, станем жить в миру и в радости».

Грамота эта дала повод послать в Пекин новое посольство. В начале 1675 г. в Китай был отправлен грек Николай Гаврилович Спафари — толмач Посольского приказа. Добирался посол другой дорогой, чем Байков, через Енисейск и Нерчинск, и 15 мая 1676 г. прибыл в Пекин.

Но встретили русского посла в Пекине прохладно. Придворные заявили, что богдыхан Канхи не примет от него царскую грамоту. «Какие гордые обычаи, против права всех народов! — говорил Спафари китайцам. — Это чудо, все удивляются, отчего у вас так началось, что послов перед хана берут, а грамоты государской не берут?» Придворные объяснили послу: «В старых годах из некоторого государства был у нас посол, даров с собою привез очень много и словесно объявил всякую дружбу и любовь. Наш богдыхан, обрадовавшись, тотчас велел посла и с грамотою взять перед себя. Но как начали читать грамоту, оказалось в ней большое бесчестье богдыхану, да и сам посол начал говорить непристойные речи. С тех пор постановлено: брать прежде грамоту у посла и прочитывать, и, смотря по грамоте, богдыхан принимает посла или не принимает. Этого обычая и сам хан переставить не может. Только из дружбы к царскому величеству велел он не по обычаю взять у тебя грамоту двум ближним людям, а чтобы тебя самого принять с грамотою, об это и не думай!»

После многодневных споров придворные согласились, чтобы Спафари привез грамоту не в приказ, а прямо во дворец, в думу, где заседают ближние люди, и они отнесут грамоту богдыхану. После этого русского посла привели к богдыхану на поклон. Он кланялся быстро и не до земли, придворные заметили ему, что надо кланяться, как они — медленно и до земли. «Вы холопы богдыхановы и умеете кланяться, а мы богдыхану не холопы, кланяемся как знаем», — был ответ Спафари. После тройных поклонов мандарины велели бегом бежать к богдыхану, потому что у них так принято. Но русский посол пошел потихоньку, приговаривая: «Мне бежать не за обычай».

Подойдя к богдыхану, Спафари еще раз поклонился и уселся на подушку. До богдыханова места было сажень восемь. Богдыхан сидел на своем месте на возвышении, был он молод, 23 лет, «лицом щедроват» (то есть изрядно мордаст). Во время этого визита богдыхан попросту не обратил на Спафари внимания. Но в ходе второго визита послу удалось задать несколько вопросов богдыхану.

Спафари прожил в Пекине все лето. Русские привезли с собой много товаров, как казенных, так и своих, для продажи и обмена. Но торговля шла плохо: китайские вельможи, купцы и толмачи сговорились, по какой цене покупать у русских товары и по какой цене продавать свои. В конце лета русское посольство стало собираться домой. Спафари объявил, что без богдыхановой грамоты к государю не поедет, и потребовал, чтобы ему дали копию на латинском языке, дабы знать, нет ли в ней какого злого слова. Но мандарины объяснили Спафари китайские обычаи. Во-первых, любой посол, прибывший к богдыхану, должен говорить, что прибыл он от низшего к высшему. Во-вторых, все подарки, привезенные богдыхану от другого государя, считаются данью. В-третьих, подарки, посылаемые богдыханом другому государю, надо рассматривать как жалованье за верную службу. Так что богдыханова грамота к русскому государю составлена в соответствии с этими обычаями. «Ты не дивись, — говорили китайские вельможи Спафари, что у нас такой обычай, — как один бог на небе, так один бог наш земной, богдыхан, стоит он среди земли, в середине между всеми государями, эта честь никогда у нас не было и никогда не будет изменена. Доложи

царскому величеству словесно три дела: 1) чтобы выдал Гантемира;²2) если вперед пришлет сюда посланника, то чтобы наказал ему ни в чем не сопротивляться, что ему ни прикажем; 3) чтобы запретил своим людям, живущим на рубежах наших, обижать наших людей. Если царское величество эти три статьи исполнит, то и богдыхан исполнит его желания, в противном случае, чтобы никто от вас из России и из порубежных мест к нам в Китай с торгом и ни с какими делами не приходил».

С этим и отправилось домой русское посольство, без богдыхановой грамоты, которую Спафари так и не взял, не захотев видеть в ней оскорбительные для царской чести выражения. О китайцах же у Спафари сложилось самое невыгодное впечатление: «В торгу таких лукавых людей на всем свете нет, и нигде не найдешь таких воров: если не побережешься, то и пуговицы у платья обрежут, мошенников пропасть!»

Итак, дипломатические усилия России кончились ничем. Конфликт на Амуре продолжался. Основные усилия китайцев были направлены на уничтожение русской крепости Албазин.

Городок Албазин был поставлен в 1651 г. Ерофеем Хабаровым на месте даурского поселения. Название свое он получил по имени туземного князька Албазы. В 1658 г. после гибели атамана Степанова русские оставили Албазин, но в 1666 г. крепость была восстановлена Никифором Черниговским. Личность эта довольно колоритная. Никифор по национальности поляк, воевал против царя Алексея, за что и был сослан в «места не столь отдаленные» — на берега Лены. Там он ухитрился убить местного воеводу Обухова, причем не из-за идейных соображений, а так — подрались из-за бабы. Далее Никифор Черниговский собрал отряд казацкой вольницы и подался на Амур. Никифор оказался не только смелым, но и умным человеком, он понимал, что стать удельным князем Албазинским ему не удастся. Зная московские обычаи, Никифор собрал с инородцев огромный ясак пушниной и отправился в Москву с повинной.

В Москве Черниговский за убийство Обухова был приговорен к смертной казни, но «мягкая рухлядь» сделала свое дело. В результате царь не только помиловал Никифора, но и назначил албазинским воеводой.

В Албазин стали прибывать русские переселенцы, построившие на Амуре целый ряд слобод, а инок Гермоген основал близ Албазина в урочище Брусяной Камень монастырь, ставший оплотом миссионерской деятельности среди инородцев.

Согласно донесениям сибирских воевод, в Москву летом 1679 г., в Петров пост, отряд казаков во главе с Гаврилой Фроловым отправился из Албазина на разведку в долину реки Зея. Три года несли казаки дозорную службу на Зеи, приводили в русское подданство тунгусское население, основывали зимовья и остроги. Однажды казачий разъезд повстречал в горах двух всадников на белых конях, вооруженных луками и мечами. Это были святые Всеволод и Довмонт. Вступив в разговор с казаками, святые князья-воины предрекли последовавшее вскоре вторжение китайских войск на Амур, трудную оборону и конечное торжество русского оружия. «И паки придут китайцы, будут приступы и бои великие, и мы в тех боях будем в помощь русским людям. А града китайцы не возьмут».

4 июня 1685 г. (а по другим источникам 12 июля 1685 г.) у Албазина внезапно появилась 15-тысячная китайская армия со 150 пушками. Командовал ей воевода Лань-Тань. Гарнизон Албазина к тому времени состоял из 150 казаков при трех пушках. Китайцы пошли на штурм, но были отбиты, понесли большие потери. Однако недостаток продовольствия и боеприпасов заставил русского воеводу Алексея Толбузина согласиться на почетную капитуляцию. 23 июня гарнизон Албазина с оружием покинул крепость и ушел в Нерчинск. Часть жителей Албазина была захвачена китайцами в плен и отправлена в Пекин, где они основали Албазинскую колонию и стали первыми православными миссионерами.

Китайское войско быстро покинуло район Албазина и не успело снять урожай зерновых. Тем временем нерчинский воевода Власов выслал на помощь Толбузину отряд

2 тунгусского князька, сбежавшего в 1667 г. в Нерчинск — А.Ш.

казаков под командованием обрусевшего шотландца Афанасия Байтона. Толбузин вернулся, собрал урожай зерновых и восстановил крепость Албазин.

7 июня 1686 г. Лань-Тань вновь появился под стенами Албазина с восьмитысячной армией и четырьмястами осадными орудиями. Причем осадной артиллерией китайцев командовал... монах-иезуит француз Вербье. В первые же дни обороны Албазина пушечным ядром был смертельно ранен Толбузин. Вместо него командование принял Афанасий Байтон.

Шотландский казак и его команда дрались отчаянно и отбили все приступы китайцев. Однако из-за нехватки продовольствия у оборонявшихся началась цинга, и к апрелю 1687 г. численность албазинского гарнизона уменьшилась до 82 человек. Тем не менее Байтон продолжал держать оборону крепости.

Тем временем из Москвы на выручку Албазина прибыл окольный Федор Головин с кнутом и пряником — с войском и со статусом «великого полномочного посла». Головин вступил в переговоры с Лань-Танем, и 6 мая 1687 г. осада с Албазина была снята. В августе того же года китайское войско ушло к Айгуню. К концу осады в Албазине в живых остались лишь Байтон и двадцать казаков.

В августе 1689 г. под стенами крепости Нерчинск начались переговоры Головина с китайскими послами. В составе китайской делегации были и отцы иезуиты — испанец Перейра и француз Жербильон. Иезуиты служили переводчиками и консультантами у китайцев.

Переговоры начались с жалобы Головина на китайское правительство, начавшее войну, он потребовал, чтобы боевые действия немедленно прекратились и китайцы вернули бы все награбленное. Китайцы же ответили, что казаки во главе с Хабаровым пришли в Китайскую землю, построили Албазин и притесняли китайских ясачных людей. Богдыхан послал войско, взял Албазин, но воеводу Толбузина китайцы отпустили, потому что он обещал назад не возвращаться и нового города не строить. Обещание это не было исполнено. Тогда богдыхан опять послал войско на Албазин, но как только узнал о приближении русского посла для переговоров, велел войску отойти. По его убеждению, земля, на которой построен Албазин, и вся Даурская страна принадлежит Китаю.

Головин возразил, что если были какие обиды со стороны русских людей, то богдыхану следовало об этом дать знать великому государю, как это принято у всех народов, а не начинать войну. Земля, где построены Албазин, Нерчинск и другие острожки, богдыхану никогда не принадлежала, а принадлежит русскому государству, и жившие на ней ясачные люди платили ясак русскому государю, а если кто и платил ясак богдыхану, то делал это поневоле, потому что места эти в то время были далеко от русских городов. А когда русские люди построили Албазин, Нерчинск и другие острожки, то даурские жители стали по-прежнему платить ясак великому государю.

Китайцы настаивали, что землями от Байкала до Амура русские никогда не владели, а владел ими богдыхан, так как земли эти принадлежат Монгольскому хану, а все монголы — китайские подданные.

Дело дошло до точного определения границ. Головин сказал, что граница должна проходить по Амуру до самого моря, по левую сторону от Амура — русская земля, по правую — китайская. Китайцы же утверждали, что река Амур во владении богдыхана со времен Александра Македонского. Головин отвечал, что разыскивать старые хроники не стоит, потому что после Александра Великого многие земли разделились под державы разных государств. Китайцы, оставив Александра Македонского в покое, упорно продолжали настаивать на границе по Байкалу, в противном случае грозясь пойти войной на Албазин. Головин заметил им, что во время переговоров не принято грозить войной, а если китайцы хотят войны, то пусть прямо об этом и объявят. Это Головин велел перевести на монгольский язык, заподозрив, что иезуиты, переводя с латинского на китайский, многое прибавляют от себя. Подозрение это подтвердилось, китайцы отвечали, что они говорили только о границах, а о войне не было сказано ни слова.

Но и на монгольском языке китайцы твердо стояли на границе по Байкалу. Головин

предложил границу по реку Быструю. Китайцы предложили границу по Нерчинск: левый берег вниз по Шилке до Нерчинска — русский, а правый берег до реки Ононы и сама Онона по реку Ингоду — китайские. На этом китайцы стали требовать прекращения переговоров. Тогда Головин предложил границу по реку Зею. Китайцы только похихикали и отказались.

Тем временем к Нерчинску подошло многочисленное китайское войско. По приказу Головина стрельцы и казаки заняли боевые позиции перед острогом. Как позже доносил Головин: Нерчинский острог «был очень мал и худ, и к воинскому промыслу безнадежен — многие бревна погнили...»

Наконец 29 августа 1689 г. в Нерчинске был подписан договор с Китаем. Головину пришлось уступить. Граница была проведена по реке Аргунь. Город Албазин предписывалось разорить до основания. Но от Амура до реки Уды, впадающей в Охотское море, граница была проведена весьма условно. Дело в том, что на территориях севернее Амура, формально отошедших к Китаю, не было ни русских, ни китайцев. Мало того, обе стороны даже не имели нормальных карт этих территорий.

ГЛАВА 2

КОНФЛИКТ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

Русско-китайские отношения в Восточном Туркестане, то есть в районе современной границы Казахстана и КНР, отечественные историки всегда обходили стороной. В чем-то они были правы: ситуация там всегда была сложной, а любые оценки ее — спорными.

В 1635 г. в этом районе возникает Джунгарское ханство, основанное рядом калмыцких племен. Во главе его ставится Батур. В годы правления хана Галдана Церена (1727–1745) Джунгарское ханство вело непрерывные войны с Китаем за обладание Тибетом и Монголией. Лишь в 1739 г. Галдан заключил мир с Китаем, по которому граница между обоими государствами прошла от озера Усбанор на юг по восточным отрогам Монгольского Алтая.

После смерти Галдана Церена в 1745 г. в Джунгарии началась длительная междоусобная война за ханский престол. В течение чуть более 10 лет в Джунгарии сменилось шесть ханов. Постоянные междоусобные войны привели к распаду ханства и массовой миграции его жителей.

В 1755 г. двухсоттысячная китайская армия вступила в пределы Джунгарии и вскоре заняла большую часть ханства. Но уже к концу года здесь повсеместно вспыхнули восстания против захватчиков. В следующем, 1756 г. в Джунгарию вступает новая четырехсоттысячная китайская армия. Китайцы беспощадно вырезали целые города и селения. В середине лета 1757 г. началось антикитайское восстание в Монголии. В августе китайские войска были отозваны из северного Прибалхашья и брошены на подавление этого восстания.

Джунгария как самостоятельное государство перестала существовать. Огромное количество населения было перебито, еще больше умерло от свирепствовавшей оспы, многие были уведены в плен. Только малая часть калмыков (30–40 тыс. человек) спаслась бегством в Россию, где они нашли приют у своих единоплеменников в Прикаспии.

Однако китайские императоры по-прежнему считали Джунгарию своей. Четкой границы между Джунгарией и Россией не было.

В 1827 г. в Джунгарии началось антикитайское восстание под руководством Ходжи Джагангира. Китайские гарнизоны в крепостях Хотана, Яркенда и Янги-Гиссара были перебиты. В городе Кашгар китайцы держались 70 дней, а затем их постигла та же участь.

В 1828 г. сильное китайское войско вторглось в Джунгарию. Повстанцы были разбиты, а Ходжи Джагангир схвачен и казнен.

Но в начале 60-х годов XIX века началось новое мощное антикитайское восстание, во главе которого стал Бузрук-Ходжа — сын Джагангира. Китайцы были изгнаны из Кашгарии, но властвовать Бузрук-Ходже пришлось недолго. Власть захватил его сподвижник Якуб-бек. Он существенно расширил свои владения, овладел городами Кучи, Курли, Карашаром, Куня-Турфаном и другими.

Поначалу Якуб-бек ограничивался титулом бадаулета, что означало «счастливый». Якуб-бек начал получать помощь от англичан и турок. Англичане везде старались навредить и русским, и китайцам, а турки мечтали создать против России единый мусульманский фронт, благо, султаны по-прежнему претендовали на роль духовной власти над всеми мусульманами. Англией и Турцией Якуб-бек был признан эмиром Джиты-шаара. (Семиградия — так стала называться Кашгария после занятия Якуб-беком Карашара; до этого страну называли Алты-шаара — Шестиградия).

Летом 1873 года в Кашгарию (Восточный Туркестан) прибыло из Индии английское посольство, которое торжественно было принято Якуб-беком. Англичане вручили ему письмо от королевы Виктории и ценные подарки: батарею артиллерийских орудий, партию винтовок и крупную сумму денег. Формально оружие шло от турецкого султана Абдул Азиза. Якуб-бек заключил с англичанами кабальный договор, предоставив им право экстерриториальности. Английские посланники разъезжали по малоизвестной для них стране, все разведывали и разнохивали, в особенности их интересовали дороги, ведущие к русской границе. Англичане построили для Якуб-бека несколько оружейных мастерских, рассчитывая использовать Якуба и против России, и против Китая — смотря по ситуации.

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман неоднократно называл государство Якуб-бека «излюбленным детищем англичан».

Александр II повелел закрыть Якуб-беку и англичанам путь на север. Причем, как и во многих других операциях в Средней Азии, авторство ее было приписано местным властям, в данном случае — Кауфману. В 1870 году войска генерала Г. А. Колпаковского заняли Музартский перевал на Тянь-Шане, а летом 1871 года — город Кульджу и весь Илийский край. За эту операцию Колпаковский получил орден Святого Георгия 3-й степени.

Район этот представлял собой гористую местность, изрезанную долинами реки Или, впадающей в озеро Балхаш. Иногда Илийский край называли Кульджинским краем по названию главного города Кульджа (Инин).³ При этом Министерство иностранных дел России уведомило китайское правительство, что эта область будет возвращена Китаю, как только китайское правительство окажется в силах поддерживать в ней свою власть. Целью оккупации Илийскойго края было стремление царского правительства подавить восстание и не допустить его распространения на русские владения в Средней Азии, восстановить выгодные торговые отношения с западными частями Китайской империи и предотвратить захват Кульджи Якуб-беком.

Якуб-бек не рискнул начать войну с Россией, и в 1872 г. вступил в переговоры с Кауфманом и даже заключил с ним взаимовыгодный торговый договор.

Оккупационные военные власти пытались придать русскому господству в крае постоянный характер, но получили указание из Петербурга «избегать всяких мер, клонящихся к упрочению нашего владычества в Илийском крае».

В начале 1870-х годов маньчжурские (китайские) войска начали наступление на владения Якуб-бека. Однако продвигались они очень медленно. В 1877 г. Якуб-бек умер, в войсках начался разброд, и уже в следующем, 1878 г. маньчжуры окончательно захватили Кашгарию. Во многих местностях маньчжурские войска поголовно истребляли восставших жителей, обращая страну в пустыню, что вызвало протесты туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, опасавшегося, что в результате такой резни пострадает в будущем русская торговля в Западном Крае. Свыше четырех тысяч дунган, спасаясь от истребления, в жестокие январские морозы 1878 г. бежали через горные проходы в русские пределы вместе со своим предводителем Биян-ху.

Теперь Россия должна была выполнить свое обещание и вернуть Китаю Илийский край. Для переговоров по этому вопросу в Петербург прибыл китайский посол — сановник Чун Хоу. Многие русские администраторы советовали правительству оставить Илийский край за Россией, тем более что тамошнее местное население, состоявшее из различных

³ В настоящее время г. Кульджа находится на китайской территории в 60 км от границы с Казахстаном.

народностей, и в особенности уйгуры, в подавляющем большинстве с ужасом ожидали возвращения властей и войск маньчжурского правительства. Опасаясь всеобщей резни и полного физического истребления, население края умоляло русские войска не покидать его.

В сентябре 1879 г. Чун Хоу отправился в Ливадию, где отдыхал Александр II с княгиней Юрьевской. Там 20 сентября Чун Хоу и Н. К. Гирс подписали так называемый Ливадийский договор. Договор предусматривал передачу России небольшого западного участка Илийской долины, долины реки Текеса и Музартского прохода через Тянь-Шань. Город Кульджа с окрестностями возвращался Китаю. За расходы по оккупации и управлению Илийским краем Китай должен был выплатить России 5 млн. рублей. Договор предоставлял русским подданным право беспошлинной торговли в Монголии и застенном Западном Китае, разрешал отправку караванов не только через Калган на Тянь-цзинь, но, кроме того, через Цзяюй-Гуань (Сучжоу) на Ханькоу, предоставлял право вести торговлю в нескольких городах Китая, указанных в договоре. В городах Западного Китая и в Монголии учреждалось 7 новых русских консульств.

Однако Ливадийский договор не получил в Пекине одобрения. Недовольство китайского правительства было вызвано главным образом содержащимися в договоре постановлениями об изменении границы в долине реки Текес. Китайское правительство отказалось ратифицировать Ливадийский договор. Дипломат Чун Хоу был присужден к смертной казни посредством отсечения головы. Командующий войсками в Западном Китае Цзо Цзун-тан призывал к войне с Россией. Под началом у Цзун-тана было 70 тысяч солдат, он предлагал собрать еще 200 тысяч и начать вторжение в Россию.

В ответ русское правительство увеличило сухопутные силы у западных границ Китая, а в Печилийский залив (ныне залив Бохайвань) была введена эскадра вице-адмирала С.С. Лесовского. В составе эскадры были новейшие броненосные фрегаты «Минин» и «Князь Пожарский», крейсера «Европа», «Азия» и «Африка» и клиперы «Джигит», «Наездник», «Стрелок», «Пластун», «Крейсер», «Разбойник», «Забияка» и «Абрек».

Принятые меры несколько отрезвили горячие головы в Пекине. Чун Хоу был прощен, а в Петербург был отправлен новый посланник маркиз Цзен Цзи-цзе. 24 февраля 1881 г. между Россией и Китаем в Петербурге был подписан взамен Ливадийского новый договор. Русские власти отказывались от приобретений в долине Текеса и Сузартского перевала. За Россией остался западный клочок Илийской долины «для поселения в одной тех жителей этого края, которые примут российское подданство», иначе говоря, не пожелают жить под владычеством Цинской династии. Кроме того, для русских караванов по Петербургскому договору был сохранен лишь один путь, а именно через Калган и Тун-Чжоу в Тяньцзинь, а не два пути, как это предусматривалось Ливадийским договором. Русским подданным предоставлялось право отправляться для торговых дел в Сучжоу, но далее этого пункта русские караваны не имели права проходить. В этом состояло одно из отличий Петербургского договора от постановлений Ливадийского, согласно которому русским купцам разрешалось направлять караваны вплоть до Ханькоу. По новому договору сохранялась выговоренная Россией по Ливадийскому договору амнистия для участников восстания. Тем не менее, большая часть дунган и свыше 80 процентов уйгур при передаче Кульджи Китаю, опасаясь расправы, переселилась в русское Семиречье, где русские власти наделили их землей.

В отличие от Ливадийского договора, по Петербургскому договору китайцам пришлось «за издержки» выплатить не 5, а 9 млн. рублей. Как видим, эскадра Лесовского не даром коптила небо.

На том конфликт в Восточном Туркестане был исчерпан.

ГЛАВА 3

АМУРСКАЯ ПРОБЛЕМА В XVIII ВЕКЕ

Как уже говорилось, Нерчинский трактат оставил неразграниченными значительные участки русско-китайской границы. В бурный период правления Софьи, а затем в еще более

бурное время Петра Великого России было не до Китая. Лишь в 1725 г. туда отправился чрезвычайный посол граф Савва Рагузинский. Основной его задачей ставилось уточнение границ, защита русских купцов и выдача перебежчиков. В помощь послу была дана группа геодезистов.

По прибытии в Иркутск Рагузинский обнаружил полнейшую неразбериху. В мае 1726 г. он докладывал в Петербург: «По прибытии в Тобольск трудился я сколько мог в тамошней канцелярии для приискания ведомостей о беглецах, о границах и о прочем и что мог собрать, то взял с собою, хотя ничего в подлинном совершенстве получить не мог за худым управлением прежних губернаторов и комендантов и за таким дальним расстоянием мест и разности народов. Приехавши в Иркутск, получил я письма от агента Ланга из Селенгинска и при них ландкарту некоторой части пограничных земель. Эту ландкарту я осмотрел подробно и увидел, что из нее мало пользы будет, потому что в ней, кроме реки Аргуна, ничего не означено, а разграничивать нужно в немалых тысячах верст по обе стороны... Увиделся я здесь с четырьмя геодезистами, которые посланы для сочинения ландкарт сибирским провинциям, и отправил двоих из них для описания тех земель, рек и гор, которые начинаются от реки Горбицы до Каменных гор и от Каменных гор до реки Уди, потому что... все это осталось неразграниченным. Других же двоих геодезистов отправил я вверх по Иркуту-реке, которая из степей монгольских течет под этот город, и оттуда велел им исследовать пограничные места до реки Енисея, где Саянский камень, и до реки Абакана, которая близ пограничного города Кузнецка; также велено им ехать по Енисею-реке за Саянский камень до вершин... Все пограничные крепости — Нерчинск, Иркутск, Удинск, Селенгинск — находятся в самом плохом состоянии, все строение деревянное и от ветхости развалилось, надобно их хотя палисадами укрепить для всякого случая... И китайцы — люди неслуживые, только многолюдством и богатством горды, и не думаю, чтоб имели намерение с вашим величеством воевать, однако рассуждают, что Россия имеет необходимую нужду в их торговле, для получения которой сделает все по их желанию».

В августе 1726 г. с речки Буры Рагузинский писал: «Сибирская провинция, сколько я мог видеть и слышать, не губерния, но империя, всякими обильными местами и плодами украшена: в ней больше сорока рек, превосходящих величиною Дунай, и больше ста рек, превосходящих величиною Неву, и несколько тысяч малых и средних; земля благообильная к хлебному роду, к рыболовлям, звероловлям, рудам разных материалов и разных мраморов, лесов предовольно, и, чаю, такого преславного угодя на свете нет; только очень запустела за многими причинами, особенно от превеликого расстояния, от малолюдства, глупости прежних управителей и непорядков пограничных. Во всей Сибири нет ни единого крепкого города, ни крепости, особенно на границе по сю сторону Байкальского моря; Селингинск не город, не село, а деревушка с 250 дворишков и двумя деревянными церквями, построен на месте, ни к чему не годном и открытом для нападений, четзероугольное деревянное укрепление таково, что в случае неприятельского нападения в два часа будет все сожжено; а Нерчинск, говорят, еще хуже».

С августа 1726 г. по май 1727 г. Рагузинский находился в Пекине. Он предложил китайцам подписать трактат, по которому «каждая империя должна владеть тем, чем теперь владеет, без прибавки и умаления».

Однако китайские сановники потребовали передачи Поднебесной империи ряда земель. После долгих споров богдыхан повелел трем своим министрам отправиться вместе с Рагузинским на границу и там заключить трактат. В итоге 20 августа 1727 г. на пограничной реке Буре (Бурее) был подписан договор, по которому русско-китайская граница начиналась у крепости Усть-Каменогорская при впадении реки Улбы в Иртыш и шла до Аргуни в том же направлении, по гористой малонаселенной местности почти на всем ее протяжении. Повернув затем по течению Аргуни на север, граница пересекала Амур и направлялась на восток, к Охотскому морю.

Китайское правительство согласилось установить на границе лишь два пункта, где могла вестись торговля. Это была Кяхта, находившаяся посередине границы на реке Селенге,

и Цурухайтуй на реке Аргуни.

Сразу же после заключения Бурийского трактата русские приступили к строительству нескольких небольших пограничных крепостей, которые должны были составить так называемую Китайскую пограничную линию. Так, на реке Кяхте у самой границы была построена крепость Кяхта и рядом торговая слобода, в трех верстах от реки Кяхты — крепость Троице-Савская (китайцы на своей стороне, в двухстах метрах от Кяхты, построили укрепленную слободу Май-Мачин). Далее, в 800 верстах к востоку от Кяхты и в 145 верстах к югу от Аргунского острога на левом берегу Аргуни была возведена крепость Цурухайтуевская. В некотором удалении от границы, в качестве внутренних опорных пунктов, были построены крепость Петропавловская на левом берегу Никоя, при впадении его в Селенгу, и острог Читинский. В 1756 г. посередине между Кяхтой и Цурухайтуем в 50 верстах от границы на правом берегу Онона возвели крепость Акшинскую.

Оборонительные ограды этих укрепленных пунктов представляли собой небольшие четырехугольники из палисада, с такими же выступами, в виде маленьких бастионов, а иногда и с башнями по углам.

При столь незначительном количестве укрепленных пунктов вся охрана границы сводилась лишь к наблюдению за ней разъездами, для чего на всем ее протяжении, от реки Оки (левого притока Ангары) и до Амура было расположено до 80 караулов и маяков.

Средняя часть границы, от Енисея до Оки, пролежавшая на протяжении более 600 верст по неприступному Саянскому хребту, так же как и участок между Енисеем и озером Телецким, считались малодоступными. Наконец, западнее этого озера русские владения защищались Колыванской линией.

К 1764 г. был утвержден проект укрепленной линии, по которому она должна была состоять из 11 крепостей и 51 редута. Еще ранее было приказано сформировать в Сибири 4 бурятских пехотных полка и 7 ландмилиционных полков. Но в итоге сформировали лишь 3: Томский и Селенгинский пехотные и Якутский карабинерный. В том же 1764 г. на реке Чукой, в 45 верстах к востоку от Кяхты, началось строительство крепости Кударинская.

Руководить укреплением всей Китайской пограничной линии было поручено инженеру-квартирмейстеру Чурнасову, который, прибыв на место лишь через 4 года, представил новый проект укрепления границы. По этому проекту в состав линии, кроме трех уже существовавших крепостей (Троицко-Савской, Кударинской и Акшинской), должны были войти еще 5 новых крепостей и 58 редутов. Новые крепости планировалось построить: Тункинскую — на реке Тунке, притоке Иркуты, впадающей в Аргунь; Харацайскую — на реке Харацайке, притоке Джиды, впадающей в Селенгу; Чиндан-турукуевскую — на реке Ононе; Новоцурухтаевскую — на реке Уруле, притоке Аргуни; и Амурскую — при слиянии Шилки и Аргуни.

Крепости эти были большей частью земляные, в виде правильных четырех-, пяти-, шести- или восьмиугольников, с капонирами или бастионными фронтами, с длиной полигона каждого фронта 200–300 м. В некоторых из этих крепостей земляными были лишь бастионы или открытые капониры, а остальные части ограды состояли из палисадов с рогатками впереди.

Второстепенные посты Китайской линии (редуты) делились на большие, средние и малые. Большие редуты представляли собой квадраты из палисадов со стороной 200 м, с земляными квадратными же выступами, с барбетами на одно орудие по углам. Редуты средние и малые имели земляные валы и деревянные стены. Средние редуты были восьмиугольной формы со стороной в 200 м, а малые — квадратные со стороной в 50 м.

В крепостях и редутах пограничной линии по ведомости 1793 г. состояло: 845 человек пехоты, 1590 казаков, 29 артиллеристов.

Как видим, в отношениях с Китаем Россия в XVIII веке придерживалась исключительно пассивной оборонительной политики. Это было связано в первую очередь с тем, что русское правительство было отвлечено войнами в Европейской России, и с тем, что китайцам удалось напугать Петербург «бумажным тигром».

Так, через богатого русского купца Владыкина, занимавшегося перевозкой чая из Китая, сановники богдыхана подкинули дезинформацию о том, что де на берегу Амура живут десятки тысяч китайцев и даже содержится военная флотилия, личный состав которой превышает 4 тыс. человек. Увы, наши чиновники проглотили эту «утку».

А между тем Россия остро нуждалась в открытии судоходства по Амуру. Первое время между Камчаткой и Якутском существовал сухой путь через Анадырский острог, причем с 1717 г. сухим путем между Камчаткой и Якутском уже почти не пользовались. Предпочтение отдавалось морскому пути из порта Охотск на Камчатку. Но все равно оставался крайне неудобным тракт Якутск — Охотск. Ситуация усугубилась появлением во 2-й половине XVIII века в Охотском море и у берегов Камчатки европейских кораблей, в первую очередь английских и французских.

О том, что Амур может стать артерией, питающей живительными соками хиреющие окраины, догадались уже давно. Еще в 1736 г. бывший капитан-поручик Василий Казанцев, находившийся в Сибири в ссылке и прикомандированный к экспедиции Беринга, подавал обстоятельную записку, где излагал всю сложность и неудобство сообщения между Якутском и Охотском и обращал внимание правительства на необходимость использовать Амур для связи с Камчаткой и Охотским побережьем. К записке прилагались чертежи и карты.

Ответа из Петербурга не было, но Казанцев упорно продолжал добиваться внимания к поднятым им вопросам. И только через десять с лишним лет из Сената в адмиралтейств-коллегию поступил указ о том, что Сенат рассмотрел предложения Казанцева и признал их «неосновательными и к делу не относящимися». Казанцеву запретили впредь подавать такие «доношения» и отправили «для пропитания в монастырь».

В 1753 г. Сенат, по предложению графа Петра Ивановича Шувалова, решил выяснить возможности организации судоходства по реке Амур. Коллегия иностранных дел представила в Сенат записку, в которой предлагалось «при соединении реки Ингоды с Аргуном приискать удобное место для постройки судов и справиться о глубине реки Амура, и если глубины довольно, то строить тут и морские суда, от китайского же двора требовать свободного плавания по Амуру для русских судов; если же река Амур явится мелководна, то домогаться в Пекине позволения на устье Амура построить небольшую крепость и завести корабельные верфи; когда возобновится экспедиция, то склонять в подданство такие народы, которые никакой другой державе не подвластны».

По этому представлению Сенат вынес решение: «Иностранная коллегия должна домогаться у китайского двора свободного плавания по Амуру, а между тем на реке Ингоде, где она соединялась с Аргуном, приискать удобное место к строению судов, к чему употреблять морских служителей, оставшихся в Сибири от Камчатской экспедиции, и геодезистов; построить два судна, которые бы могли Амуром и потом морем плыть в русские порты, приготовить для этих судов все нужное и провиант на людей, и когда китайский двор позволит свободное плавание по Амуру, то суда эти отправить немедленно с приказанием описать подробно реку Амур и прилежащие к ней места».

В 1756 г. в Пекин отправился советник Братишев. По его возвращении в сентябре 1758 г. Коллегия иностранных дел доложила Сенату, что китайский двор отказал в позволении русским судам плавать по Амуру, и в грамоте китайского трибунала от 23 сентября 1757 г. написано, что богдыхан указал следующее: «У нас от века того не бывало, чтоб России позволено было в какое-нибудь место провозить свой хлеб рекою Амуром, чего и ныне никоим образом позволить нельзя».

На несколько лет разговоры об Амуре затихли. Умерла императрица Елизавета Петровна, ей наследовал непутевый Петр III. Вскоре он скончался якобы от «геморроидальных коллик». Новой императрицей стала умная, но не имевшая никаких прав на русский престол Екатерина II, бывшая Ангальт-Цербская принцесса София-Фридерика.

Лишь в 1764 г. Сенат вернулся к амурскому делу, и по его требованию Коллегия иностранных дел доложила: «Как ни уверена она в необходимости и пользе того, чтоб русские суда рекою Амуром ходили свободно, но по известному упорству в том китайского

двора не находит теперь способов возобновить свои домогательства».

Конечно, дело было не столько в «упорстве китайского двора», сколько в том, что 5 октября 1763 г. умер польский король Август III, и Екатерина, действуя кнутом и пряником, сделала польским королем своего давнего приятеля Станислава Понятовского. В Польше начались смуты, длившиеся до 1794 г. Вмешалась Турция, объявив России войну, и т. д. и т. п. Внимание Екатерины II было поглощено Крымом и Константинополем, и вопрос о судоходстве на Амуре больше не ставился.

ГЛАВА 4 ПРИСОЕДИНЕНИЕ АМУРСКОГО КРАЯ К РОССИИ

В 1787 г. граф Жан Франсуа де Ла Перуз (1741–1788?) на французских фрегатах «Буссоль» и «Астролябия» открыл (для европейцев) пролив между островами Сахалин и Хоккайдо. Далее он прошел Татарским проливом на север до бухты Де-Кастри. Там он увидел песчаные отмели и на основании своих впечатлений и опроса туземцев решил, что Сахалин — полуостров, отделенный от материка отмелью, а вход с юга в Амурский лиман недоступен для морских судов, и что устье Амура заперто мелями. Через десять лет после этого англичанин Браутон прошел Татарским проливом немного дальше и подтвердил заключение де Ла Перуза.

В 1803 г. русское правительство снарядило экспедицию под начальством Ивана Федоровича Крузенштерна (1770–1846) для обследования и описания берегов Сахалина, устья Амура и юго-восточного берега Охотского моря. Первый раз Крузенштерн побывал в этих местах в 1805 г., но так и не нашел безопасной бухты у берегов Сахалина. А в следующем, 1806 г. Крузенштерн попросту не стал заниматься Сахалином и отправил отписку в Петербург: «сколько... ни желал увидеть канал и весь берег Татарии от устья Амура до Российских пределов, что для вернейшего географического определения сей части почитал весьма нужным, однако не смел отважиться на то ни под каким видом. При вторичном отходе нашем из Камчатки остерегали меня не приближаться к берегу Татарии, принадлежащей китайцам, дабы не возбудить в недоверчивом и боязливом сем народе какого-либо подозрения и не подать через то повода к разрыву выгодной для России кяхтинской торговли».⁴

21 августа 1848 г. из Кронштадта с грузом для Камчатки вышло небольшое парусное судно «Байкал» (водоизмещением 250 т, длиной всего 28,7 м). 12 мая 1849 г. транспорт «Байкал» прибыл в Петропавловский порт. Сдав груз, командир транспорта капитан-лейтенант Геннадий Иванович Невельский (1813–1876) в инициативном порядке решил исследовать устье Амура.⁵ Обойдя Сахалин с севера, Невельский спустился к югу вдоль западного берега острова. После ряда неудач в необследованных местах был найден вход в лиман. «Байкал» встал в его северной части, откуда началось исследование фарватера к югу. Работа велась самим Невельским на трех шлюпках. Преодолевая невероятные трудности, экспедиция добилась успеха — 11 июля она вошла в устье Амура.

22 июля, делая все время промеры, Невельский достиг того места, где должен был находиться перешеек. Но перешейка не было, вместо него был пролив шириной около семи верст и глубиной в пять сажений (более 10 метров). Пролив этот был назван Татарским. Здесь Невельский остановился, так как к 15 сентября он должен был возвратиться в Охотск.

Вернувшись в Петербург 2 февраля 1850 г., Невельский доложил на заседании Особого комитета: «Мне и моим сотрудникам Бог помог рассеять заблуждение и раскрыть истину.

4 Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». С. 204.

5 Строго говоря, Невельский отправил прошение на Высочайшее имя, но ответа не получил и действовал на свой страх и риск.

Все, что я доношу, так же верно, как верно то, что стою здесь. Что же касается китайской военной силы, то сведения об этом... неправильны. Не только китайской военной силы, но и малейшего китайского волнения там не существует. Гиляки, там обитающие, вовсе не воинственны, и я полагаю, что не только семьдесят, но двадцать пять человек достаточно для поддержания порядка. Гиляки считают себя от Китая независимыми, и весь этот край при возможности проникнуть в него с юга, что доказали последние открытия, может сделаться добычей всякого смелого пришельца, если мы, согласно представлению генерал-губернатора, не примем ныне решительных мер. Я сказал все, и правительство в справедливости мною сказанного может легко удостовериться».

Узнав об открытиях Г.И. Невельского, царь Николай I простил его самовольный поступок, и в марте 1850 г. Невельский вновь отправился из Петербурга на Дальний Восток. Теперь он, как капитан 1 ранга, должен был состоять при генерал-губернаторе Восточной Сибири Николае Николаевиче Муравьеве (1809–1881).

Сразу по прибытии Невельский вновь начинает своевольничать. На левом возвышающемся берегу Амура в 22 милях от устья он основывает Николаевский пост. А 1 августа 1850 г. на мысе Куегда у этого поста Невельский торжественно поднимает русский военный флаг и объявляет о присоединении Амурского края к России: «От имени Российского Правительства сим объявляется всем иностранным судам, плавающим в Татарском заливе, что так как побережье этого залива и весь Приамурский край до Корейской границы с островом Сахалин составляют Российские владения, то никакие здесь самовольные распоряжения, а равно обиды обитающим инородцам не могут быть допускаемы. Для этого ныне поставлены российские военные посты в заливе Искай и на устье р. Амура. В случае каких-либо нужд или столкновений с инородцами предлагается обращаться к начальникам постов».

Однако в Петербурге Особый комитет, который находился под сильным влиянием министра иностранных дел К.В. Нессельроде, осудил поступок Невельского и постановил «разжаловать его в матросы с лишением всех прав состояния, а поставленные им на Амуре посты снять, упразднить». Нессельроде требовал немедленно снять посты на Амуре, генерал-губернатор Муравьев защищал Невельского, доказывая, что он действовал согласно с его, генерал-губернатора, мнением, что нерешительная и робкая политика России на Дальнем Востоке приведет страну к большим потерям и скомпрометирует в глазах Китая и европейских держав.

Аргументы Муравьева не подействовали, и тогда он обратился лично к царю. Выслушав рассказ генерал-губернатора, Николай I резко сказал: «Поступок Невельского молодецкий, благородный и патриотичный». А на докладе Особого комитета император наложил свою знаменитую резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

Еще раньше, 2 декабря 1849 г., Николай I подписал указ о преобразовании Петропавловска-Камчатского в главный русский порт на Тихом океане (вместо Охотска) и об организации Камчатской области.

В апреле 1853 г. Николай I утвердил разработанное главным управлением Российско-американской компании положение об организации Сахалинской экспедиции. В задачу экспедиции входило исследование ресурсов южной части Сахалина, основание портов и русских селений, что способствовало бы утверждению прав России на южную часть острова и предотвратило бы захват Сахалина иностранцами. Компания получала право колонизовать остров на одинаковых основаниях с другими землями (Курильские и Алеутские острова, Аляска, Калифорния и др.), упомянутыми в ее привилегиях, утвержденных в 1801 г.

Летом 1853 г. компания должна была занять на Сахалине те пункты, которые будут указаны генерал-губернатором Восточной Сибири, а в 1854 г. назначить на острове своего правителя. Компания обязалась не допускать на Сахалине никаких иностранных поселений и содержать достаточное число судов для ограждения побережья и гаваней Сахалина от вторжения иностранцев. В случае военного нападения компании предоставлялось право требовать от правительства войска. Ей также выделялась безвозвратная ссуда — 50 тыс. руб.

серебром.

15 апреля 1853 г. генерал-губернатор Н.Н. Муравьев приказал Г.И. Невельскому занять летом того же года два-три пункта на восточном или западном побережье южной части Сахалина и построить там укрепления, поставить орудия и поднять флаг Российско-американской компании.

30 августа 1853 г. посланный Невельским прапорщик Д.И. Орлов на транспорте «Байкал» прибыл к западному побережью Сахалина и у устья реки Кусунай (49°59'52" с. ш.) основал Ильинский пост.

Сам Невельский на корабле «Николай», на котором содержался годовой запас продовольствия, одежды и вооружения, 20 сентября 1853 г. бросил якорь против селения Тамари-Анива. Местные жители — айны — встретили русских дружелюбно, помогли выгрузить с судна пушки и провиант. 21 сентября на 46°39'20" с. ш. был торжественно заложен Муравьевский пост и поднят русский флаг.

На территории Муравьевского поста Невельский оставил 61 человека при девяти орудиях под началом майора Н.В. Буссе и его помощника лейтенанта Н.В. Рудановского. Остальных членов Сахалинской экспедиции (около 40 человек) он оставил в Императорской (ныне Советской) Гавани.

Весной 1854 г. Н.В. Буссе был утвержден временным правителем Сахалина. Получив письмо от адмирала Евфимия Васильевича Путятина от 25 мая 1854 г. о начавшейся войне с Англией и Францией, Буссе, посоветовавшись с другими офицерами, решил снять Муравьевский пост во избежание захвата его англофранцузской эскадрой и эвакуировать имущество в Императорскую Гавань. Он предупредил местное население и японцев, что русские вернутся и что следует сохранить все постройки поста. Муравьевский пост был восстановлен в 1867 г.

18 мая 1852 г. Николай I утвердил план экспедиции в Китай и Японию вице-адмирала Е.В. Путятина. Из состава Балтийского флота в эскадру Путятина был выделен фрегат «Паллада». В Англии Путятин должен был купить паровое судно, а на Тихом океане присоединить к эскадре корвет «Оливуца» и транспорт Российско-американской компании «Князь Меншиков».

7 октября 1852 года Е.В. Путятин на фрегате «Паллада» покинул Кронштадт. Во время стоянки в Англии была приобретена паровая шхуна, получившая название «Восток». Шхуна была невелика: водоизмещение 210 т, мощность машины 40 номинальных л. с.⁶ «Восток» имел на вооружении один 8-фунтовый единорог.

Вся эскадра собралась лишь летом 1853 г. в гавани Ллойд на острове Пиль в архипелаге Бонин. В начале августа эскадра взяла курс на Нагасаки.

10 августа 1853 г. в Нагасаки прибыла русская эскадра в составе «Паллады», «Оливуца», «Князя Меншикова» и «Востока». Визит американской эскадры Перри ничему не научил японскую администрацию. Русские суда были окружены караульными лодками. Высадку на берег русским запретили.

Е.В. Путятин просил японских чиновников передать губернатору Нагасаки, что посольство привезло от своего правительства два письма — одно ему лично, другое Верховному совету. Губернатор Нагасаки Осава Ситэцу Бунгоноками отказался принять письмо Верховному совету и вступить в переговоры без разрешения правительства, но обещал срочно доложить в столицу о русской миссии.

Затем японцы по традиции стали тянуть время. 6 ноября 1853 г. Путятин направил новое письмо Верховному совету. Он писал о необходимости разграничения владений Японии и России во избежание конфликтов между странами. Вице-адмирал еще раз указывал на то, что гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежит России и «находится в полном ее заведывании», в том числе и остров Итуруп. Русские промышленники имели поселения на острове с давних пор, задолго до появления на нем

6 Номинальная л. с. — это расчетная единица, мощность в индикаторных л. с. была больше.

японцев.

Путятин также настаивал на признании принадлежности Сахалина России еще до появления там японцев. Поэтому он предлагал провести границу по проливу Лаперуза, то есть между Сахалином и Хоккайдо. Он подчеркивал временный характер японских поселений на Сахалине в заливе Анива, где японцы появляются лишь на время рыболовного сезона. Путятин просил также открыть для русских порт Хакодате и какой-либо «другой порт недалеко от Эдо», чтобы поддерживать прямые контакты с японским правительством.

11 ноября Путятин покинул Нагасаки, предупредив губернатора, что скоро вернется и если не застанет уполномоченных японского правительства для ведения переговоров, то будет вынужден отправиться в Эдо.

Пополнив припасы и произведя ремонт судов в Шанхае, 22 декабря эскадра вернулась в Нагасаки. Не застав уполномоченных, Путятин заявил, что отплывает в Эдо. Напуганный таким заявлением губернатор известил о прибытии в Нагасаки двух правительственных уполномоченных — Цуцуи и Кавадзи.

С 4 по 23 января 1854 г. шли переговоры Е.В. Путятина с японскими сановниками. Все, что удалось достичь вице-адмиралу, так это получить письменное обещание предоставить России права торговли и «другие преимущества», если таковые будут даны другим державам.

24 января 1854 г. русская эскадра покинула Нагасаки и 1 февраля приблизилась к островам Рюкю.

Между тем в начале октября в Японию прибыла английская эскадра Дж. Стирлинга, ранее базировавшаяся в портах Южного Китая. Стирлинг использовал встречи с японцами для того, чтобы посеять недоверие Японии к России. Он заявил о ее «агрессивных намерениях» в отношении Сахалина и даже Хонсю и предупредил, что его эскадра вступит в бой с русскими кораблями, если он их обнаружит в японских водах. Дело в том, что в Европе уже началась война между Россией — с одной стороны и Англией и Францией — с другой.

Путятин получил известие о разрыве Францией и Англией отношений с Россией в начале апреля 1854 г. в порту Гамильтон на острове Комундо. Эскадра снялась с якоря и 8 апреля прибыла в Нагасаки за ответом японского правительства. Но губернатор сообщил, что ответ из Эдо не получен, однако переводчики неофициально уведомили посла о назначении правительством двух представителей для переговоров с ним о границах в Анива.

Путятин сообщил Цуцуи и Кавадзи, что прибывает в Анива для переговоров в конце июня, а для переговоров о торговле прибывает в какой-нибудь порт недалеко от Эдо. 14 апреля он покинул Нагасаки и на фрегате «Паллада» обследовал юго-восточное и восточное побережье Кореи и Южно-Уссурийского края, а затем взял курс на Императорскую Гавань.

13 (25) августа 1854 г. из Сан-Франциско вышла англо-французская эскадра под командованием английского адмирала Прайса. Эскадра должна была уничтожить русские корабли на Тихом океане и захватить их главную базу Петропавловск.

В составе эскадры были английские 50-пушечный фрегат «President», 40-пушечный корвет «Pique», 24-пушечный корвет «Amphitrite», 6-пушечный пароход «Virago» под флагом адмирала Прайса; французские 50-пушечный фрегат «Fort», 30-пушечный корвет «Eurycici» и 12-пушечный бриг «Obligado» под флагом адмирала Фебврие-Депуанта.

По сравнению с союзными эскадрами на Черном и Балтийском морях эскадра Прайса была невелика, но и силы русских в Петропавловске были совсем ничтожны.

Весной 1854 г. в Петропавловск пришел 44-пушечный фрегат «Аврора», а затем 10-пушечный транспорт «Двина». После прибытия этих судов численность защитников Петропавловска составляла 1016 человек, в числе которых были матросы, гарнизон и добровольцы из местных жителей. На суше и на судах имелось 72 пушки.

Военный губернатор Камчатки контр-адмирал Василий Степанович Завойко приказал разоружить правый борт «Авроры» и «Двины» и поставить оба корабля у входа во внутреннюю гавань левым бортом. Дополнительно вход в гавань заграждали деревянные бочки на цепях. Орудия же правого борта были перетащены на береговые батареи. Всего защитники Петропавловска построили семь батарей.

17 августа 1854 г. в Авачинскую губу вошел трехмачтовый пароход под американским флагом и начал делать промеры. Когда навстречу ему вышел для опроса русский вельбот, пароход тут же ушел в море. Моряки с «Авроры» опознали в этом пароходе «Virago».

На следующий день вся союзная эскадра вошла в Авачинскую губу и, подойдя на 7–8 кабельтов к гавани Петропавловска, обстреляла порт и город с целью выяснить силы обороны и расположение береговых батарей.

В ночь на 19 августа у себя в каюте застрелился командующий союзной эскадрой адмирал Прайс. По эскадре англичан объявили, что адмирал погиб в результате несчастного случая, заряжая собственный пистолет. (И это ночью-то?!) Командование принял французский адмирал Депуант.

20 августа союзники атаковали пятипушечную батарею № 1 на мысе Сигнальный. Пароход «Вираго» отбуксировал к батарее № 1 «Форт», «Президент» и «Пик», которые встали в линию так, что огонь орудий «Авроры» и «Двины», а также батареи № 3 не достигал их, а батарея № 2 достигала лишь на предельной дальности стрельбы. Таким образом, действительный огонь по неприятельской эскадре могли вести лишь батареи № 1 и № 4, но на них и был сосредоточен основной огонь союзников. Так что этим двум батареям, вооруженным десятью пушками, пришлось бороться с 82 корабельными пушками (одного борта).

Огнем противника были повреждены станки орудий, а командир батареи № 1 лейтенант Гаврилов ранен. Прислуга батареи № 1 вынуждена была заклепать орудия и отойти к батарее № 4 на перешейке Лаперуза.

После прекращения огня батареями № 1 корабли союзников перенесли огонь на батарею № 3. Поскольку батарея № 3 была расположена на возвышенности (около 30 м), огонь пушек противника был малоэффективен. Тогда союзники решили высадить десант. Тринадцать гребных судов и два бота с десантом (около 600 человек) направились к батарее № 3.

Прислуга батареи из-за своей малочисленности (всего 35 человек) не смогла отразить десант, а заклепала орудия и отошла к 11-пушечной батарее № 2.

Десантники-французы овладели батареей № 3. Но вскоре они были накрыты ядрами и бомбами с «Авроры» и «Двины». Тут к батарее № 3 приблизился отряд русских стрелков под командованием мичмана Михайлова. Французы, не вступая в бой, поспешно ретировались.

После этого суда союзников в течение шести часов вели безрезультатную перестрелку с батареей № 2.

К вечеру союзные корабли удалились. Всего в ходе боя 20 августа русские потеряли 6 человек убитыми и 13 человек были ранены. Последующие три дня союзники ремонтировали корабли, а русские восстанавливали батареи № 1 и № 3.

24 августа союзники решили вновь атаковать Петропавловск. Фрегат «Форт» подошел к пятипушечной батарее № 5, а фрегат «Президент» — к пятипушечной батарее № 4. Через некоторое время противнику удалось подавить русские батареи. Тогда близ батареи № 7 был высажен десант в 700 человек, а близ перешейка Лаперуза — еще 250 человек.

Первый отряд десантников преодолел хребет Никольской гряды и почти бегом направился к городу. Но вскоре этот отряд попал под огонь русских стрелков (около 250 человек), засевших в кустах. Потеряв убитыми четверых офицеров, десантники растерялись и побежали обратно к берегу. Однако русские догнали противника и навязали ему штыковый бой. С большим трудом десантникам удалось сесть в шлюпки и отплыть от берега.

24 августа сражение продолжалось с 7 ч 30 м до 11 ч 30 м по местному времени. Приняв десантников на борт, союзная эскадра ушла к Тарвинской бухте, где вновь был произведен ремонт кораблей и похоронены убитые.

Потери защитников Петропавловска в бою 24 августа составили 31 человек и 65 человек были ранены. В качестве трофеев русские захватили английское полковое знамя, семь офицерских сабель и 56 ружей. По английским и французским официальным источникам союзники потеряли 53 человека и 156 человек были ранены, американская и европейская пресса писала о 400 убитых.

Уходя из Авачинской губы, союзная эскадра встретила две небольшие русские шхуны — «Анадырь» и «Ситха». Первая была казенная, а вторая принадлежала Российско-американской компании. «Анадырь» союзники сожгли, а «Ситху» увели с собой в Ванкувер.

Поражение союзников в Петропавловске вызвало насмешки в американской и европейской прессе. Чтобы восстановить свой престиж, Англия и Франция на следующий год отправили к берегам Камчатки еще более мощную эскадру в составе двенадцати кораблей, на борту которых было 420 орудий. 19 мая 1855 года союзная эскадра вошла в Авачинскую бухту, но там не оказалось не только русских судов, но и самого Петропавловска.

Что же произошло и куда делись русские? Россия не имела достаточных средств на Дальнем Востоке для обороны. А на доставку войск и тяжелых пушек через всю Сибирь до Охотска потребовалось бы не меньше года, а то и двух. Поэтому было принято единственное разумное в сложившейся ситуации решение — эвакуировать Петропавловск.

3 марта 1855 г. контр-адмирал В.С. Завойко получил приказ иркутского губернатора Н.Н. Муравьева об эвакуации порта. К этому времени в Петропавловске находились: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца», транспорты «Двина», «Байкал» и «Иртыш», боты «Кадьяк» и № 1. Гарнизон Петропавловска блестяще справился с задачей. С береговых батарей были сняты все пушки и погружены на корабли. Кроме того, на корабли было доставлено 80 тыс. пудов (1310 т.) различного казенного и частного имущества.

5 апреля все русские корабли покинули разоренный Петропавловск и двинулись к берегам Сахалина. Губернатор Муравьев приказал перенести главный порт Дальнего Востока из Петропавловска в Николаевский порт у устья Амура. Поскольку Татарский пролив был еще скован льдом, русская эскадра вошла в залив Де-Кастри.

Тем временем союзники до 15 июня стояли у Петропавловска, занимаясь тем, что сжигали уцелевшие строения. Отдельный отряд из двух кораблей под командованием командора Элиота был направлен на поиски русских в южную часть Татарского пролива. 8 мая отряд Элиота (парусный фрегат и паровой корвет, к которым присоединился позже парусный бриг) обнаружил русскую эскадру в заливе Де-Кастри. Паровой корвет вошел в залив и на предельной дальности безрезультатно обменялся несколькими выстрелами с корветом «Оливуца», а затем двинулся обратно.

Элиот счел свои силы недостаточными для атаки против русских и решил до подхода подкрепления блокировать залив Де-Кастри с юга. И англичане, и французы свято верили, что Сахалин — полуостров, и с севера путь русским кораблям преграждает перешеек, соединяющий Сахалин с материком.

Контр-адмирал Невельский прибыл в залив Де-Кастри и предложил командирам кораблей идти к мысу Лазарева, а там дальше на север, насколько позволят льды. Предложение это было принято единогласно. Русская эскадра, не встретив льдов, прошла мыс Лазарева и 15 мая прибыла в устье Амура.

Через несколько дней английская эскадра из шести кораблей обыскала залив Де-Кастри, но не смогла найти русских кораблей.

Тем временем губернатор Муравьев предпринимал отчаянные попытки спасти русских на Дальнем Востоке от гибели. Еще 11 января 1854 г. Муравьеву было «высочайше разрешено» сноситься непосредственно с китайским правительством по всем пограничным вопросам. Муравьев добился личной аудиенции у Николая I в Петербурге, где просил разрешения императора на сплав вниз по Амуру войск и имущества для подкрепления Петропавловска, указывая, что ввиду возможных действий неприятельского флота иным путем подкрепить этот пункт нет возможности. Царь согласился.

Перед отъездом на Дальний Восток Муравьев еще раз разговаривал с императором. Николай, отпуская губернатора, сказал со свойственным ему лаконизмом: «Ну, с Богом! Плыви по Амуру, но чтобы при этом не пахло порохомым дымом».

Судя по всему, чиновники сибирского губернатора заплатили китайским властям некую сумму, и те «молчали».

Весной 1854 г. был спущен на воду построенный на Шилкинском заводе железный пароход «Аргунь» (водоизмещение 100 т, мощность машины 60 номинальных л. с). Это был первый пароход Амурского речного пароходства, принадлежал он Военному ведомству.⁷ Через несколько недель был спущен на воду второй пароход — «Шилка». Он имел деревянный корпус, водоизмещение 145 т, мощность машины 49 номинальных л. с.

С открытием навигации 14 мая 1855 г. оба парохода вместе с флотилией карбасов и барж (всего 77 плавсредств) отправились вниз по Амуру. Поход возглавил лично губернатор Н.Н. Муравьев.

20 мая караван судов подошел к тому месту, где когда-то был русский острог Албазин. Были еще видны следы земляного вала и сгоревших построек. Суда пристали к этому пустынному холму, и при торжественных звуках оркестра, обнажив головы в память отважных предков, десант во главе с генерал-губернатором высадился на берег.

Как писал очевидец: «Что-то родное сказалось сердцу, когда мы вышли на долину, где жили русские люди, где они так долго и храбро отстаивали права своего владения. Первым движением каждого было подняться на остатки албазинского вала и осмотреть его в подробности, и первым взошел на оный Н.Н. Муравьев. За ним мы все преклонили колена праху почивших храбрых и доблестных защитников Албазина».

14 июня 1855 г. Муравьев на пароходе «Аргунь» подошел к Мариинскому посту вблизи устья Амура, где его ждал Невельский. Генерал-губернатор рапортовал Николаю I в Петербург: «Не доходя около 900 верст до устья реки Амура, флотилия вступила в край, как бы давно принадлежавший России. Отважные и решительные действия начальника Амурской экспедиции и всех его сотрудников заслуживают полной признательности. Несмотря на лишения, трудности, опасности и ничтожество средств, при которых действовала эта экспедиция, она в столь короткое время успела подчинить своему влиянию не только дикие племена, здесь обитающие, но даже и самих маньчжуров, приезжающих сюда для торговли. Она фактически указала нам на важное значение этого края для России и рассеяла все заблуждения, какие до сих пор об этом крае имелись».

По приказу Муравьева в Иркутской губернии была взята 51 крестьянская семья (из документа неясно, насколько сия акция была добровольна) и переселена в низовья Амура. Так началось заселение Амурского края.

В 1854 г. вместе с Муравьевым по Амуру приплыли сто казаков Забайкальского казачьего войска, в следующую навигацию прибыла еще сотня казаков.

1 ноября 1856 г. Александр II постановил переселить на Амур два конных полка и четыре батальона Забайкальского казачьего войска. На самом же деле к 1860 г. были переселены лишь четыре конные казачьи сотни и две пешие. Из них была сформирована Амурская казачья бригада.

18 мая 1858 г. в амурские казаки были зачислены свыше двух тысяч проштрафившихся нижних чинов бывшего Корпуса Внутренней стражи.

8 декабря 1858 г. последовал императорский указ об организации Амурского казачьего войска. 1 июня 1850 г. было утверждено положение об Амурском казачьем войске в составе: конных полков № 1 и № 2, пеших батальонов: Амурского и Уссурийского и двух пеших резервных батальонов тех же наименований. Одновременно состоялся вызов желающих переселиться на Амур из государственных крестьян Вятской, Тамбовской и Воронежской губерний с предложением разных льгот и пособий. Таким образом в 1859 г. были переселены на Амур 240 человек, в 1860 г. — 524, в 1861 г. — 249 человек и т. д.

Параллельно шло строительство речных пароходов на Амуру. Правда, в большинстве случаев их строили в США или в Западной Европе, а на месте просто собирали. Пароходы на Амуру имели: Военное ведомство — с 1860 по 1864 г. было введено в строй шесть

⁷ Дабы более не удивлять читателя, скажу, что в 1850–1917 гг. Военное ведомство (т. е. русская армия) имело не только свои многочисленные транспортные пароходы, но и собственные паровые минные заградители и даже подводные лодки.

пароходов; Морское ведомство (Сибирская флотилия) — с 1857 по 1863 г. введено в строй восемь пароходов; и даже Амурское телеграфное управление — весной 1862 г. в строй было введено четыре парохода.

Теперь Россия получила превосходный и надежный путь к Тихому океану. Разумеется, сравнение идет со старым сухопутным путем до Охотска.

Вскрытие Амура происходит между 14 и 20 апреля, а ледостав — 20–30 октября. Зимой по льду устанавливался сравнительно удобный санный путь. Кроме того, по левому берегу Амура был устроен так называемый «почтовый тракт» — гужевая дорога, функционировавшая круглый год, правда, качество этого тракта заставляло желать лучшего.

В 1858 г. один из военных постов на левом берегу Амура у устья реки Зеи был переименован в Благовещенск, он должен был стать центром управления вновь организованной Амурской области. Другой пост, Хабаровский, ниже устья Уссури, стал административным центром Приморской области позже, в 1880 г. До этого времени этим центром был город Николаевск, выросший из поста Николаевского.

В ходе продвижения русских по Амуру стычек с китайцами не происходило. Причина была проста — китайцев там вообще не было. Под китайцами я понимаю города, поселки и деревни, населенные китайцами, администрацию, войска, пограничные посты. Вполне возможно, что на берегах Амура встречались отдельные китайские торговцы или преступники, бежавшие от китайских властей. Но об этом история умалчивает, да и их присутствие не может свидетельствовать о заселении Приамурья китайцами.

Русские вступили в пустой край, край, где кроме редких поселений диких местных племен никого не было. А что центральные китайские власти считали Амур своей рекой, так они и... Мадагаскар считали китайской провинцией. Благо, в начале XV века, еще до прихода португальцев, там побывала китайская флотилия, а ее командующий, прибыв в Пекин, поднес богдыхану дары от аборигенов Мадагаскара и заявил, что они приняли подданство Поднебесной империи.

Теперь же китайские сановники возмущались по поводу продвижения русских на Амуре, но были вынуждены в 1857 г. вступить в переговоры с русским правительством. 18 мая 1858 г. был подписан Айгунский договор, по которому река Амур признавалась границей между Россией и Китаем и плавание по Амуру и Уссури позволялось только судам этих государств.

ГЛАВА 5 ОСНОВАНИЕ ВЛАДИВОСТОКА

После окончания Крымской войны Александр II принимает решение об усилении обороны Дальнего Востока. С Балтики на Тихий океан посылаются несколько отрядов крейсеров.⁸ Первой из Кронштадта 7 сентября 1857 г. под командованием капитана 1 ранга Д.И. Кузнецова вышла эскадра в составе корветов «Воевода», «Новик», «Боярин» и клиперов «Пластун», «Джигит» и «Стрелок», через неделю — фрегат «Аскольд» под командованием капитана 1 ранга И.С. Унковского. 24 июня 1858 г. к берегам Восточной Сибири под командованием капитана 1 ранга А.А. Попова вышли корветы «Рында» и «Гридень» и клипер «Опричник». В 1859 г. на Тихий океан прибыли фрегат «Светлана», корвет «Посадник», клиперы «Разбойник» и «Наездник».

В истории нашего флота эти славные суда незаслуженно считают пасынками, забытыми славословиями в честь «Варягов» и «Аврор». Между тем посланные на Тихий океан парусные (винтовые) суда были вполне современными для того времени кораблями. Так, фрегат «Светлана», построенный в Бордо в 1858 г., имел длину 70 м, ширину 14,6 м, водоизмещение 3187 т; паровая машина мощностью 450 номинальных л. с. (1113

⁸ В данном случае речь идет не о конкретном типе корабля (крейсеров в составе русского флота еще не было), а о кораблях, предназначенных для крейсерства в океане, к ним относились фрегаты, корветы и клиперы.

индикаторных л. с.) позволяла развивать скорость до 10 узлов. К 1862 г. на нижнем деке фрегата имелось 20—60-фунтовых пушек № 1 и 4—36-фунтовые пушки № 1, на палубе стояли 2—60-фунтовые пушки № 1, 4—60-фунтовые пушки № 2 и 10—30-фунтовых пушек № 2.⁹ С таким вооружением «Светлана» могла дать бой любому линейному кораблю постройки до 1855 года.

Корветы «Боярин», «Новик», «Посадник» и «Воевода» были однотипными. Их построили в 1856 г. в Петербурге на Охтенской верфи. Длина их 50 м, ширина 9,8 м, водоизмещение 885 т, мощность паровой машины 200 номинальных л. с, скорость хода 7,5–8,5 узлов. Вооружение: 10—36-фунтовых пушек № 3 и одна 36-фунтовая пушка № 1.

Клиперы «Пластун», «Джигит», «Опричник», «Стрелок», «Разбойник» и «Наездник» также были однотипными. Их построили в 1856 г. в Архангельске. Длина их составляла 46,3 м, ширина 8,4 м, водоизмещение 615 т. Паровая машина мощностью 150 номинальных л. с. давала ход 8–9 узлов. Вооружение составляли одна 60-фунтовая пушка № 1 и две 24-фунтовые пушко-карронады.

Все эти крейсерские суда могли двигаться как под парами, так и под парусами, причем большую часть они шли вторым способом. Так, у «Джигита» в 321-суточном плавании от Кронштадта до залива Де-Кастри из 190 ходовых дней лишь 15 суток и 9 часов пришлось на долю паровой машины, работавшей преимущественно в штиль и маловетрие. Запас угля на «Джигите» составлял 95 т, а расчетная дальность плавания под парами — около 700 миль при 10-узловом ходе. Большинство русских крейсеров имело подъемные винты. Поскольку винт при движении под парусами создавал дополнительное сопротивление, то с помощью специальных устройств его отделяли от вала и поднимали вверх выше ватерлинии.

Русские эскадры на Тихом океане одновременно выполняли две задачи — охраняли дальневосточные рубежи России и были существенным сдерживающим фактором для британских политиков, систематически угрожавших России войной. Автора иногда упрекают в квадном патриотизме — мол, считает, Россия хорошая, а Англия плохая. А как иначе расценить поведение Владычицы морей, которая вмешивалась во внутренние дела и приграничные споры России? Возникнут какие-либо стычки у славян с турками на Балканах, забудят буйные паны (помещики)¹⁰ в Привисленском крае, ответит ли среднеазиатским кочевникам набегом на набег оренбургский губернатор — до всего Лондону есть дело, посылаются в Петербург ноты, а то и к берегам России британские эскадры. А вот Россия почему-то не вмешивалась ни во внутренние дела Великобритании, например в Ирландии, ни в британские авантюры в Египте, Судане, на юге Африки и вообще по всему свету. Англия притесняла не только Россию, а столь же нагло лезла в дела Франции, Германии и других государств. К сожалению, правители ведущих европейских государств не смогли забыть местечковые обиды из-за какой-нибудь Лотарингии (которую и на большом глобусе найти проблема) и коллективно поставить на место заносчивых британцев.

Одна же Россия не имела возможности создать флот, способный в линейном бою противостоять британскому. Поэтому ей оставалось укреплять свои береговые крепости, постоянно держать в Атлантике, Средиземном море и на Тихом океане парусно-паровые фрегаты, корветы и клиперы. Эти корабли могли по много месяцев действовать в океане вне своих баз и захватывать британские торговые суда, а также нападать на слабозащищенные порты и города британских колоний. С учетом использования съестных припасов, пороха и угля с захваченных судов русские крейсера могли годами действовать в океане.

С появлением значительных сил русских на Дальнем Востоке, естественно, возникла проблема их базирования. Ни Николаевск-на-Амуре, ни Петропавловск-Камчатский, ни тем более Охотск не могли по-настоящему служить главной военно-морской базой.

9 Номера 1, 2, 3 и 4 в русском флоте обозначали длину ствола орудия, самой длинной была пушка № 1, подробнее об этом см. Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии, Минск: Харвест, 2000.

10 Крестьянам сепаратистские тенденции в XIX веке в подавляющем большинстве были чужды.

Еще в августе 1855 г. английские пароходы-фрегаты «Винчестер» и «Барракуда» под командованием адмирала Сеймура исследовали побережье Приморья в поисках русской эскадры. Так англичане стали первыми европейцами, оказавшимися в бухте Золотой Рог. Местное же население называло бухту Хайшень-вэй — бухта трепангов. Англичане провели картографическую съемку бухты и назвали ее порт Мэй.

18 июня 1859 г. в бухту вошел русский пароход «Америка», на борту которого находился граф Н.Н. Муравьев-Амурский,¹¹ который и назвал эту бухту Золотой Рог, а ее северную часть — Порт Владивосток. 20 июня 1860 г. по приказу Муравьева-Амурского в бухту пришел военный транспорт Сибирской флотилии «Манджур» и в районе Порта Владивосток высадил десант солдат 3-й роты 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона под командованием прапорщика Н.В. Комарова. Этот отряд и организовал здесь постоянный военный пост. Однако Муравьев собирался основать в 90 верстах южнее в заливе Посъета военный порт.

Зимой 1860 г. в японский порт Хакодате прибыл на французском пассажирском пароходе капитан 1 ранга Иван Федорович Лихачев. Там в русском консульстве он узнал о планах высадки англичан в заливе Посъета. И вот, подобно Невельскому, Лихачев принимает решение занять залив Посъета в инициативном порядке. Район Владивостока и Посъета формально принадлежал Китаю, но в радиусе многих сотен верст там не было ни китайских солдат, ни чиновников.

В то время в Хакодате находилось два русских корабля — клипер «Джигит» и транспорт «Японец». Последний был построен в 1857 г. в Нью-Йорке и числился в Сибирской флотилии. Водоизмещение его составляло 1472 т, паровая машина мощностью 300 номинальных л. с. позволяла развивать скорость 10 узлов, вооружение состояло из девяти пушек малого калибра.

На «Джигите» занимались ремонтом котлов, и Лихачев отправился в залив Посъета на «Японце».

11 апреля 1860 г. транспорт «Японец» бросил якорь в Новгородской гавани залива Посъета. На следующий день Лихачев осмотрел бухту и объявил ее территорией Российской империи. Собственной властью он распорядился основать пост в бухте Новгородская и оставил там команду численностью в 21 человек под командованием лейтенанта П.Н. Назимова, которому дал специальную инструкцию. Там говорилось, что в случае появления иностранных судов надлежит поднимать русский флаг и объяснять иностранцам, что бухта Новгородская и залив Посъета являются собственностью России.

Объявив район залива Посъета русской территорией, И.Ф. Лихачев рисковал лишиться чина, пенсии, а то и попасть под суд. Однако генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, узнав о случившемся, написал Лихачеву: «Ты совершенный молодец, и я обнимаю тебя мысленно от всей души!.. Все письма твои я давал читать государю, и он в высшей степени доволен твоей распорядительностью и находчивостью...»

13 апреля «Японец» поднял якорь и направился в Печилийский залив. К тому времени в Печилийском заливе близ китайского порта Таку собрались фрегат «Светлана», корвет «Посадник», клиперы «Джигит», «Разбойник» и «Наездник». Ожидалось прибытие других кораблей. После присоединения «Японца» к эскадре Лихачев принял над ней командование. Замечу, что от порта Таку до Пекина менее 150 верст.

А в это время российский посланник вел трудные переговоры в столице Китая о территориальном разделении земель. Эскадра у ворот Пекина оказалась весьма кстати, а посланник даже приезжал 20 мая на «Джигит» советоваться с Лихачевым. Китайская сторона стала податливее, и 2 октября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому неограниченные ранее территории отошли к России.

Еще раз подчеркиваю, речь идет не о территориях, заселенных китайцами, а о

¹¹ Николай Николаевич Муравьев в 1858 г. был произведен в генералы от инфантерии и возведен в графское достоинство с прибавлением к фамилии титула «Амурский».

неразделенных между двумя государствами землях. Территории, официально присоединенные к России в 1858–1860 гг., были малонаселенными. По рекам Аргунь и Амур жили негидальцы (самоназвание — элькан бэйнин), по происхождению это эвенки, смешавшиеся с нивхами, нанайцами и ульчами. Нанайцы (ранее их называли гольды) расселились по нижнему течению Амура в современном Хабаровском крае и на правом притоке Уссури в Приморском крае. Часть нанайцев (их китайцы зовут хэчже) живут до сих пор между реками Сунгари и Уссури. Ульчи или ольчи (самоназвание — нани) населяли прибрежные районы по нижнему течению Амура, в Ульчском районе нынешнего Хабаровского края. Орочи (самоназвание — нани) жили в нынешних Советско-Гаванском и Комсомольском районах Хабаровского края. Удэгейцы селились в горах Сихотэ-Алинь нынешних Приморского и южной части Хабаровского краев. Как видим, никаких китайцев в этих краях не было.

Так 143 года назад сформировались современные границы между Россией и Китаем по рекам Амуру и Уссури. Все побережье Приморья до границы с Кореей стало русским.

В ознаменование заслуг в решении столь важного для державы вопроса И.Ф. Лихачеву был присвоен в 35 лет чин контр-адмирала и вручен орден Святого Владимира 3-й степени. Высочайший указ Александра II от 12 июня 1861 г. гласил: «Во внимание к чрезвычайно полезным трудам эскадры Китайского моря и отличной точности, с которой были выполнены ею предначертания, послужившие к заключению трактата с Китаем, Государь Император изъявил свое монаршее благоволение начальнику эскадры и всем командирам».

Я не зря подробно пишу о деятельности Невельского и Лихачева. Победу в войне и политике, а первая, как сказал Клаузевиц, является лишь продолжением второй, определяют не столько уровень военной техники и знаменитый толстовский «дух войска», сколько дух высшего и среднего состава, проявивших инициативу и взявших на себя ответственность.

Еще в январе 1859 г. Лихачев подал генерал-адмиралу «Записку о состоянии русского флота», где говорилось: «Только не держите эти суда в наших морях, где они как рыбы, вытасченные на берег... Не ограничивайте их поприще дорогою к Амуру и обратно... держите их в океане, в Китайском и Индийском морях, естественном поприще их военных подвигов в случае войны... У Вас образуются со временем настоящие адмиралы, которые будут бояться одной ответственности перед отечеством... которых не будет вгонять в идиотизм страх начальства».

Увы, через 40 лет русских капитанов и адмиралов охватит панический страх перед идиотским начальством, и они с позором проиграют войну намного более слабому противнику. Причем, о чудо! Отечественные историки причислят к лику святых перестраховщика Руднева, а деяния Невельского и Лихачева отойдут на второй план.

Но вернемся к истории освоения Приморья. 20 июня 1860 г. в бухте Золотой Рог с транспорта «Манджур» была высажена 3-я рота Восточно-Сибирского линейного батальона под командованием капитана Черкавского. Солдаты построили на северном берегу Золотого Рога казарму, склады и другие постройки. Осенью на зимовку во Владивосток прибыл корвет «Гридень». С него сняли четыре пушки и установили их на берегу. Зимой 1860–1861 гг. на пост несколько раз нападали банды маньчжур, но были отбиты.

В 1861 г. в заливе Золотой Рог появилась английская эскадра адмирала Гона. Видимо, просвещенные мореплаватели хотели обосноваться в «порту Мэй», но, увидев русских, были вынуждены ретироваться. В 1862 г. военный пост был переименован в порт, а через два года во Владивостоке была учреждена должность начальника южных гаваней.

Первые русские крестьяне появились в Южно-Уссурийском крае в 1862 г. Это были 32 семьи из Воронежа, основавшие село Турий Рог. До этого они были поселены в 1860 г. на реке Амур в 20 верстах ниже села Хабаровки. На реке Сучан обосновались землепашцы из каторжных 5 дворов, окончившие положенный срок работ. Они стали основателями сел Александровка и Владимировка.

В 1864 г. решено было начать заселение приморской полосы края. В окрестности залива Святой Ольги были доставлены с низовьев Амура 257 крестьян и небольшое число

«бессрочно-отпускных» солдат. А 15 августа 1865 г. во Владивосток на военном транспорте «Гиляк» прибыли 84 переселенца из Николаевска-на-Амуре. Одновременно в пост Владивосток был направлен взвод горной артиллерии под началом прапорщика С.А. Гильтебранта для укрепления местной обороны. К этому времени все гавани залива Петра Великого были подчинены начальнику южных гаваней с местопребыванием во Владивостоке.

Узнав о благоприятных условиях для сельского хозяйства, в навигацию 1866 г. в Южно-Уссурийский край направились еще 64 семьи (424 человека) из Благовещенска, которые расселились на побережье озера Ханка, реках Суйфун и Уссури.

Жизнь переселенцев на новых землях была беспокойна. Жившие по соседству китайцы вели себя воинственно, периодически нападали на поселения крестьян и грабили. Это заставило местные власти укрепить пограничную часть края. В том же 1865 г. в долину реки Суйфун были переведены 2 роты 3-го батальона, солдаты которых разместились в земляном укреплении древнего городища вблизи села Никольского. Штаб батальона находился в посту Камень-Рыболов.

На 1 января 1869 г. в крае было уже 13 крестьянских поселений, один город и два военных поста. Население составляли 19 222 человека, переселенных в основном из Амурской области. Н.М. Пржевальский писал о том, что многие крестьяне живут относительно зажиточно, однако добирались в эти места в основном те, у кого были достаточные сбережения. Крестьян среди них было всего 2693 человека.¹²

Роль нового порта в обеспечении военно-морских сил России на Дальнем Востоке возрастала. В 1864 г. сюда переводится из Николаевска-на-Амуре дивизион Забайкальской горной линейной артиллерии. Поселок постепенно растет. В 1866 г. завершилось строительство телеграфной линии, связавшей его с Николаевском-на-Амуре, Де-Кастри, Софийском и Хабаровкой. К этому времени во Владивостоке было 10 казенных зданий, 34 частных дома, 12 магазинов-складов и 14 китайских фанз, а уже через два года — 22 казенных здания. Население Владивостока к этому времени насчитывало около 500 человек.

Несколько слов стоит сказать и о Николаевске-на-Амуре. В 1856 г. в образовавшейся Приморской области Николаевск-на-Амуре стал областным центром, в нем сосредоточились управление русскими портами Тихого океана и областная администрация. Первым губернатором Приморской области стал контр-адмирал Петр Иванович Казакевич.

Недостатком Николаевского порта была малая глубина бухты, не допускавшая в те годы входа судов осадкой более 4 футов (1,2 м). Поэтому морские суда были вынуждены останавливаться на открытом для ветров рейде в 2 верстах от Николаевска. Товары выгружались на баржи, а с них — на речные суда. Из-за мощного ледового покрытия порт функционировал лишь с конца мая до конца октября.

Первоначально вооружение береговых батарей Николаевска-на-Амуре было относительно слабым и состояло в основном из орудий, снятых с вооружения Кронштадтской и других крепостей. Наши адмиралы наивно полагали, что англичане тоже пошлют в Татарский пролив устаревшие корабли. Так, к началу 1867 г. на вооружение Николаевска состояло: 14—3-пудовых гладких бомбовых пушек, 4—9-фунтовые стальные пушки обр. 1867 г., 6—12-фунтовых батарейных (нарезных, с дула заряжаемых) пушек, 6—6-дюймовых медных мортир (тоже с дула заряжаемых), а также 4—3-фунтовые горные пушки обр. 1867 г. Как видим, большинство этих орудий годилось лишь для артиллерийского музея. В течение последующих четырех лет на вооружение поступило 14—8-дюймовых пушек обр. 1867 г. на станках Семенова и 10—8-дюймовых стальных мортир обр. 1867 г. Скажем, пополнение состояло не из новейших орудий, но, тем не менее, противнику без больших броненосцев появляться в Амурском лимане теперь стало рискованно.

Отсутствие достаточно глубоководных подходов к Николаевску-на-Амуре, длительность зимнего ледостава в Амурском лимане, значительное удаление порта от южных

12 Пржевальский Н.М. Путешествие в Южно-Уссурийский край, СПб., 1870. С. 64–77.

районов русского Дальнего Востока снизили его значение. Это в немалой степени усугубляла продажа Александром II Аляски и Алеутских островов.

В феврале 1871 г. русское правительство приняло решение о переносе главного порта Сибирской флотилии из Николаевска-на-Амуре во Владивосток, а в 1880 г. областное и войсковое управление Приморской области перевели в село Хабаровка, переименованное в 1893 г. в Хабаровск.

Во Владивостоке в бухте Золотой Рог, длина которой больше 7,5 км, имелась хорошо защищенная естественная гавань с глубинами 8,5—21 м, в которой мог укрыться самый крупный флот того времени. Рядом с Владивостоком в районе современного Артема были найдены запасы бурого угля, а в районе Находки — каменного угля. Лучшего места для военно-морской базы на всем русском Дальнем Востоке было не сыскать.

В 1875 г. Владивосток официально был объявлен городом. Как и каждому русскому городу, ему был присвоен герб: выгравированный на серебряном щите уссурийский тигр держал за рымы два скрещенных золотых якоря. Герб символизировал неразрывную связь города с флотом, с моряками, его зависимость от мореплавания.

В связи с отправкой на Дальний Восток очередного отряда кораблей Балтийского флота, в составе корвета «Аскольд» и клипера «Всадник», Александр II 27 июня 1868 г. в порядке исключения разрешил передать флоту из Военного ведомства шесть 6,03-дюймовых береговых стальных пушек на станках комитетского чертежа (общий вес системы 5587 кг). Эксплуатация этих 6,03-дюймовых пушек на судах оказалась неудобной, и их отгрузили во Владивосток, где установили на береговых батареях. Это были первые современные орудия в обороне Владивостока. А корвет «Аскольд» вновь получил гладкоствольные чугунные пушки: 16—36-фунтовых № 2 и одну 60-фунтовую № 1. После 1875 г. «Аскольд» был перевооружен нарезными пушками обр. 1867 г. — восемью 6-дюймовыми и четырьмя 9-фунтовыми.

В 1876 г. в связи с событиями на Балканах и возможностью вооруженного конфликта с Англией русское правительство приступило к укреплению Владивостока. В 1877 г. во Владивосток доставили десять 6-дюймовых медных мортир обр. 1867 г. на станках Семенова и двести морских мин Инженерного ведомства. В том же году во Владивостоке были построены новые береговые батареи, вооруженные как уже нарезными, так и корабельными гладкими чугунными пушками калибра 36 и 60 фунтов. У входа в бухты Диомид и Золотой Рог были поставлены инженерные мины. Эти мины переводились в боевое положение с берега электрическим импульсом по специальному подводному кабелю. В обычном же положении они были полностью безопасны для проходящих кораблей.

Гарнизон Владивостока к тому времени состоял из 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона в составе 550 человек, 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона (440 человек), Сибирского флотского экипажа (808 человек), конной Уссурийской казачьей сотни (60 человек), полевой батареи при восьми 4-фунтовых нарезных пушках обр. 1867 г. и трех взводов горной артиллерии при шести 3-фунтовых нарезных горных пушках. Кроме того, в Южно-Уссурийском крае в районе поселка Камень-Рыболов и села Никольского располагался Амурский пеший казачий батальон и одна конная сотня того же полка. В Новгородском посту в заливе Посьета и на реке Янчихе находился общий отряд, состоящий из Уссурийского пешего казачьего батальона и Новгородско-Уссурийской местной команды с одним взводом 3-й горной батареи.

Любопытно, что все береговые укрепления Владивостока были подчинены Морскому ведомству. В этом нет ничего удивительного для современного читателя, благо, и в СССР все береговые батареи с середины 1920-х годов подчинялись флоту. А вот в царской России все береговые крепости, включая Кронштадт, находились в ведении сухопутного командования. (Исключение представляла крепость Петра Великого в 1912–1917 гг.).

Лишь в сентябре 1880 г. во Владивостоке были сформированы крепостное артиллерийское управление и крепостная артиллерийская рота. Таким образом, ответственность за береговую оборону Владивостока взяло на себя Военное ведомство.

В том же 1880 г. во Владивосток были доставлены первые береговые 9-дюймовые (229-мм) пушки и мортиры обр. 1867 г. Теперь крепость могла бороться с самыми мощными британскими броненосцами.

К концу 1881 г. на береговых батареях и складах Владивостока состояли стальные пушки и мортиры.

Стальных пушек обр. 1867 г.: 11-дюймовых (280-мм) на лафетах Семенова — 4; 9-дюймовых (229-мм) на лафетах Семенова — 15; 8-дюймовых (203-мм) нескрепленных — 6; 6-дюймовых (152-мм) пушек в 190 пудов на лафетах обр. 1878 г. — 6. Мортир обр. 1867 г.: 9-дюймовых на станках Кегорна — 10; 6-дюймовых медных на станках Семенова — 12.

В конце августа 1880 г. во Владивосток прибыла эскадра под командованием адмирала С.С. Лесовского в составе новейших броненосных фрегатов «Минин» и «Князь Пожарский», крейсеров «Европа», «Азия» и «Африка» и клиперов «Джигит», «Наездник», «Стрелок», «Пластун», «Крейсер», «Разбойник», «Забияка» и «Абрек».

В кампанию 1880 г. «Минин» был вооружен четырьмя 8-дюймовыми, двенадцатью 6-дюймовыми и четырьмя 4-фунтовыми пушками обр. 1867 г., а «Князь Пожарский» — десятью 8-дюймовыми и четырьмя 4-фунтовыми пушками обр. 1867 г.

Замечу, что эскадра Лесовского в ряде документов называется Эскадрой Тихого океана, но организационно она принадлежала Балтийскому флоту. И в дальнейшем, до 1932 г.¹³ Россия Тихоокеанского флота не имела, а 1-я, 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры находились в составе Балтийского флота.

Вполне допускаю, что такая система подчинения была оправдана с 1858 г. до середины 90-х годов XIX века. Но когда возникла опасность войны с Японией и на Дальнем Востоке была сосредоточена большая эскадра, требовалось создать Тихоокеанский флот со всеми положенными ему структурами. При этом царю и нашим адмиралам не пришлось бы «изобретать велосипед». За сотню лет до описываемых событий, в 1783 г., в только что освобожденном от турок Херсоне был спущен первый на Черном море русский корабль «Слава Екатерины». А всего два года спустя, в 1785 г., «по отдаленности края от находящегося в Петербурге центрального морского управления, для заведывания Азовской и Черноморской флотилиями и портами, учреждено было особое „Черноморское адмиралтейское управление“, находящееся в полном подчинении князю Потемкину, которому в 1785 году пожалован кейзер-флаг и предоставлено право производить в чины, до капитана 2 ранга включительно... При таком положении на обязанности Адмиралтейств-коллегии осталось только исполнение всех требований князя».¹⁴

Риторический вопрос: а что, Владивосток был ближе к Петербургу, чем Херсон? Или дело в том, кто стоял у кормила власти — великая императрица и великий политик, или ничтожная личность, окруженная холопами в адмиральских мундирах?

Кроме судов Балтийского флота, на Дальнем Востоке были и суда, имевшие «постоянную дальневосточную прописку», то есть причисленные к Сибирской флотилии.

В состав Сибирской флотилии входило несколько десятков паровых шхун. Водоизмещение типовой шхуны 700—1000 т, скорость хода 8—10 узлов, вооружение: две-четыре 4-фунтовые пушки обр. 1867 г. Ситуация заставила использовать такие шхуны в качестве универсальных судов. Они перевозили грузы и людей, использовались для связи и гидрографических исследований, охраняли дальневосточные берега от браконьеров. У дальневосточных берегов России имелись буквально сказочные запасы рыбы и ценных пушных зверей. С середины XIX века туда устремились сотни английских и особенно американских судов. Команды судов не только вели варварский забой морских животных у самых берегов Российской империи, но даже стали систематически высаживаться на берег.

13 21.04.1932 г. были созданы Морские Силы Дальнего Востока, переименованные 11.01.1935 г. в Тихоокеанский флот.

Там они беспощадно торговали с местными жителями, рубили лес, строились и вообще вели себя, как в индейских прериях или на Берегу Слоновой Кости.

В 1868 г. государственный секретарь США Сьюорд даже предложил русскому правительству узаконить хищнический промысел и контрабандную «торговлю» американцев на русском побережье и русских островах Тихого океана путем заключения особой конвенции якобы на началах «взаимности», хотя было очевидно, что русские рыболовы и зверопромышленники не посещают берегов Америки. Сьюорд сопровождал свое «конфиденциальное» предложение откровенными угрозами, заявляя, что если вопрос этот не будет урегулирован, то он «послужит причиной долгого, серьезного и, вероятно, непримиримого отчуждения и несогласия» между Россией и США.¹⁵

Министерство иностранных дел России оставило без ответа депешу Сьюорда. Дело в том, что в ходе холодной войны с Англией 1856–1885 гг. русское правительство периодически играло на противоречиях между Америкой и Англией и не желало резкой нотой раздражать Вашингтон. Но и терять суверенные права над Дальневосточными землями и водами Россия не желала. Поэтому русские парусно-винтовые шхуны постоянно крейсировали вдоль всего побережья. Десятки браконьерских судов были задержаны, а груз конфискован.

Но вернемся к судам Сибирской флотилии. Были в составе флотилии и отдельные клиперы и корветы. Так, к примеру, в 1857 г. для России в Нью-Йорке был построен корвет «Америка» за 284 151 рубль 58,5 копейки. Водоизмещение корвета составляло 554 т, паровая машина имела мощность 140 номинальных л. с. В 1868–1871 гг. корвет был вооружен одной 60-фунтовой пушкой № 1, двумя 24-фунтовыми пушко-карронадами и четырьмя 24-фунтовыми карронадами.

Наиболее сильными артиллерийскими кораблями Сибирской флотилии были мореходные канонерские лодки. Первой канонеркой Сибирской флотилии стала лодка «Морж», построенная в 1860 г. в Гавре. Длина ее 47 м, ширина 7 м, осадка 2,4 м. Водоизмещение 460 т. Корпус лодки деревянный. Мощность паровой машины составляла 80 номинальных л. с. (на испытаниях скорость составила 9,8 узла при 392 индикаторных л. с.). Полный запас угля (57 т) позволял канонерке двигаться в течение пяти суток 9-узловым ходом, то есть дальность плавания было около 1080 миль. В дальних походах канлодка должна была идти в основном под парусами, для чего она имела три мачты с парусным вооружением шхуны.

11 февраля 1861 г. канлодка «Морж» вышла из Фалмута (Англия) и 24 мая 1862 г. прибыла в Николаевск-на-Амуре. Первоначально «Морж» был вооружен двумя гладкоствольными 60-фунтовыми пушками № 1 и четырьмя нарезными заряжаемыми с дула 4-фунтовыми пушками. В начале 70-х годов его перевооружили нарезными пушками обр. 1867 г. — одной 6-дюймовой и шестью 4-фунтовыми.

Вслед за «Моржом» в Финляндии были построены две однотипные канонерские лодки «Горностай» и «Соболь». «Соболь» прибыл в Николаевск-на-Амуре 8 июня 1866 г., а «Горностай» — 5 августа 1867 г.

Эти канлодки почти непрерывно находились в плаваниях до конца 1885 г. В океане они показали достаточную остойчивость, легко всходили на волну, отличались плавной бортовой качкой, хотя в отдельных случаях положение осложнялось сильными ударами волн в корму. Большую часть пути канонерки прошли под Парусами. Однако, по мнению офицеров, лодки такого типа из-за малой осадки, плоскодонности и смещения центра парусности в корму «не обладали всеми качествами парусного судна»: в бейдевинд имели большой дрейф и скорость не более 6 узлов, при попутном ветре под парусами достигали не более 9 узлов.

Канонерские лодки не только охраняли русские берега, но часто исполняли функции стационаров в портах Китая, Японии и Кореи. Участие канонерок в исследовании морей

¹⁵ Конфиденциальная депеша Сьюорда русскому посланнику в Вашингтоне от 5.10.1868 г., АВПР, Гл. арх., 1–9, 1868, 70, № 5. Л. 34–35.

запечатлено в географических названиях. В честь «Моржа» названы банка в заливе Петра Великого в Японском море, гора в заливе Анива и бухта на острове Сахалине в Охотском море. В честь «Горностая» названы бухта и мыс в заливе Петра Великого, в честь «Соболя» — бухта в заливе Петра Великого.

В 1885 г. вновь серьезно обострились русско-английские отношения. Подстрекаемые англичанами китайские сановники потребовали от России южную часть побережья залива Посъет. В Северной Маньчжурии началось сосредоточение китайских войск. Сухопутные силы России на Дальнем Востоке были ничтожно малы, но зато сильная русская эскадра имела все возможности устроить погром китайского побережья. Как только императрица Циси и К° выяснили, что «просвещенные мореплаватели» всерьез драться с русскими не собираются, то мгновенно маньчжурская клика забыла о всех территориальных претензиях, и летом 1886 г. в Хунчуне между Китаем и Россией было подписано соглашение, подтвердившее прежние границы 1860 г. Все побережье залива Посъет по-прежнему осталось за Россией.

Военное присутствие России на Дальнем Востоке играло очень важную роль. Но окончательно закрепить новоприобретенные территории за империей могло только массовое переселение туда русских людей. К сожалению, русское правительство заняло в этом вопросе двойственную позицию. С одной стороны, цари и адмиралы прекрасно понимали, что «всерьез и надолго» удержаться на Дальнем Востоке без многочисленного русского населения нельзя. Ну, плавают в Японском море русская эскадра, придут англичане, потопят ее, а затем высадут несколько рот каких-либо сипаев, поднимут «Юнион Джек» на флагштоке и объявят Приамурский край британской колонией.

Поэтому русское правительство предприняло определенные шаги к поощрению переселявшихся крестьян из Западной Сибири и из центральных областей России на Дальний Восток. Так, для официальных (то есть получивших разрешение начальства) переселенцев в Сибирь был введен льготный тариф на железную дорогу. В Сибири власти за казенный счет фрахтовали баржи для сплава переселенцев вниз по Амуру. Часть переселенцев даже плыла на плотах.

Периодически правительство организовывало врачебно-продовольственную помощь переселенцам как на пути их следования по центральным областям России, так и в Сибири. С этой целью в Рязске, Сызрани, Челябинске, Нижнем Новгороде, Казани, Перми, а затем и на других станциях Сибирской железной дороги было устроено 57 особых врачебно-питательных пунктов. На каждом пункте имелись помещения для временного приюта и отдыха переселенческих семей, производилась их регистрация в связи с медицинским осмотром. Снабжение лекарствами и медицинская помощь были бесплатными. В наиболее важных пунктах открывались больницы. Продовольственная помощь выражалась в продаже по заготовительным ценам продуктов питания и горячей пищи. Следует отметить, что для детей младше 10 лет, а в крайних случаях и для взрослых, горячая пища раздавалась бесплатно. Такие же пункты были устроены кое-где и на гужевых дорогах, которые вели в заселяемые местности. В каждом переселенческом поезде имелся санитарный вагон со штатом медицинских работников. Правительство выдавало переселенцам так называемые «путевые ссуды», весьма значительные для тех, кто ехал в Амурскую область.

Также государство оказывало помощь переселенцам в обзаведении хозяйством. Переселенцы получали ссуду из казны деньгами, стройматериалами и топливом, для чего в некоторых местах были устроены лесные склады. Новоселы могли приобрести по низким ценам лошадей, сельхозтехнику и семена.

В первой половине 60-х годов XIX века число переселенцев достигло 1000–1500 человек в год. В 70-х и 80-х годах они продолжали прибывать на Амур, добираясь по Зее и Буре. Часть их из Амурской области стала переселяться в Уссурийский край. Правительство поощряло это переселение и с 1866 г. даже выдавало переселяющимся ссуды до 100 рублей на первоначальное обзаведение.

По предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина правительство для

ускорения заселения Амурского края в 1882 г. ввело перевоз переселенцев за казенный счет на пароходах Добровольного флота — 250 семей ежегодно. Переселенцев набирали преимущественно из Черниговской губернии, где особенно сильно сказывалось малоземелье. Новоселам выделялся земельный надел, давался лес для построек, по одной лошади и по одной корове, семена, сельскохозяйственные орудия и разные домашние принадлежности. Для устройства переселенцев было образовано особое Южноуссурийское переселенческое управление, функционировавшее до 1899 г. включительно.

В результате принятых мер численность русского населения в Южноуссурийском крае к началу XX века превысила 46 тыс. человек, которыми были заселены 118 селений на равнине, прилегающей к озеру Ханка, и в долине реки Суйфун.

Непрерывно усиливалось и Амурское казачье войско. В 1857–1862 гг. на Амур были переселены 13879 «душ обоюго пола» (в том числе 7130 мужчин) в составе 3095 семей, которые основали 67 станиц на Амуре и 29 станиц на Уссури.

1 июня 1860 г. Александр II утвердил положение об Амурском казачьем войске. По этому положению:

1) Войско было обязано: а) содержать сообщение по Амуру (от станицы Покровская до реки Уссури) и по Уссури, и далее сухим путем до морского побережья, летом — на лодках и пароходах, а зимой и по сухопутной границе — на лошадях; б) охранять границы; в) отправлять службу на пределах Амурской и Приморской областей, и вне их пределов; г) поддерживать почтовое сообщение (за плату) между станицами и селениями; д) заготавливать для казенных пароходов дрова и каменный уголь, а для постройки войсковых помещений — нужные материалы; е) нести все внутренние и натуральные повинности с постоянной оседлостью.

2) Войско никакими податями и сборами не облагалось, денежные повинности не несло и содержалось на счет казны.

3) В войско могли зачисляться лица всех состояний.

4) Все чины войска наделялись пожизненными участками земли: штаб-офицер — 400 десятин, обер-офицер — 200 десятин, церковный причт — 99 десятин и казаки — по 30 десятин. Причем на каждый из четырех округов прирезывались запасные земли на прирост населения и для войсковых хозяйственных надобностей.

5) Срок службы был определен: для офицера — 25 лет; для казака — 22 года полевой и 8 лет внутренней службы, а всего 30 лет.

Начальство старалось, чтобы казацкие станицы располагались на расстоянии не более 25 верст друг от друга.

Но казаков было слишком мало. Так, в 1876 г. в наряде было всего 588 казаков, из них для «военных целей» предполагались только 240 строевых и 48 нестроевых казаков. Из них собственно «военный наряд» сводился к 60 человекам, назначенным в караул к денежным ящикам, на гауптвахту, в конвой к арестантам и почтам; 116 казаков несли полицейскую службу на частных золотых приисках, в акцизном и полицейском управлениях, а прочие предназначались для внутренних надобностей войска. Войско было не в состоянии выставить назначенное число частей (8 конных и 20 пеших сотен).

К середине 1880-х годов число казаков несколько увеличилось, и 26 июня 1889 г. Уссурийский казачий пеший полубатальон был выделен в особое Уссурийское казачье войско. А Амурское казачье войско стало занимать лишь левый берег Амура от станицы Покровской до высоты Забеловского, на протяжении до 1800 верст, остальная часть границы перешла к вновь созданному войску.

Несмотря на все старания правительства, к началу XX века Восточная Сибирь в целом и Приморье в частности были очень слабо заселены русскими.

Почему? Может, крестьяне не хотели ехать в Сибирь? Статистка показывает, «что около одной трети переселенческих семей были на родине безземельными или же имели весьма скудные земельные наделы, до одной десятины; другая треть была также слабо обеспечена в

земельном отношении; и лишь одна треть имела сравнительно удовлетворительные наделы».¹⁶

Дело в том, что царское правительство одной рукой помогало переселенцам, а другой — пресекало переселенческое движение. Интересы государства Российского противоречили личным интересам русских помещиков, к которым принадлежала вся русская верхушка. Ведь после отмены крепостного права огромные помещичьи земли стали за гроши обрабатывать батраки из безземельных или малоземельных крестьян. Чем меньше получал батрак, тем большую прибыль получал помещик. А что, если батрак решит двинуть за Урал в поисках «райской земли»?

Царские сановники ради своих барышей начали распространять нелепые предположения, что, мол, предоставление крестьянам широкой возможности переселения в Сибирь на казенные земли разовьет среди них вредную подвижность и бродяжничество. Хотя, наоборот, большой отток нищих и безземельных крестьян на Восток резко бы снизил социальную напряженность в Европейской России.

Результатом активности помещичьего лобби стало введение в Положение правил, которые, не касаясь прямо переселений, косвенно должны были их затруднять. Правила эти касались перехода бывших помещичьих крестьян в другие общества. Переход дозволялся только при условии, что крестьянин уплатил все недоимки, не состоит под судом и следствием, не имеет бесспорных взысканий на себя и обязательств, отказывается от надела и имеет приемный договор от того общества, куда он переходит. Для крестьян, обязанных вносить выкупные платежи, выход из общества был затруднен рядом условий по уплате выкупа, а временнообязанным крестьянам выходы разрешены были только с согласия помещика. Целью введения новых правил было создание трудностей при переходе крестьян в другие общества, на крестьянские же земли, а как следствие, переселение в Сибирь.

Вслед за этим вышел новый указ, по которому права водворения на казенных землях получали кроме государственных крестьян только крестьяне мелкопоместных владельцев, однодворцы западных губерний, безземельные батраки и бобыли некоторых уездов Витебской губернии, горнозаводские мастеровые и отставные солдаты, которые не могли получить наделы от своих обществ по малоземелью или по другим причинам.

В 1866 г. новым указом затруднялось переселение даже государственных крестьян. Взамен свободного переселения им давалось только право ходатайствовать о переселении части членов их обществ в многоземельные губернии.

В верхах шла упорная борьба между администраторами, радеющими за благополучие страны, и тупыми и жадными сановниками, которые ради сиюминутной прибыли готовили России поражение 1905 г., а себе и своим семьям — приключения в ходе революций и Гражданской войны.

С.Ю. Витте писал в своих воспоминаниях: «Между тем {моя} мысль о переселении не только не встретила сочувствия, но встретила скрытое противодействие. Противодействие это основывалось на крепостнических чувствах и идеях.

Многие из наших влиятельных частных землевладельцев-дворян и их сановники в бюрократическом мире Петербурга, а прежде всего министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново, считали эту меру вредной. Они утверждали, что мера эта может иметь дурные политические последствия, а, в сущности говоря, при откровенном разговоре и суждениях об этом деле ясно выражалась крепостническая мысль, а именно: если крестьяне будут выселяться, то земля не будет увеличиваться в цене, потому что известно, что, чем больше количество населения, тем более увеличиваются и цены на землю; это, с одной стороны, неудобно, невыгодно для частных землевладельцев, потому что рост ценности на землю если и будет, то будет меньше; а с другой — рабочих рук будет меньше, а поэтому и за обработку земли придется платить больше. А желательно, чтобы не помещик искал рабочих, а рабочие умирали с голоду от неимения работы, тогда рабочие руки будут гораздо дешевле, а

потому и лучше».¹⁷

Надо ли говорить, что малочисленность русских поселений на Дальнем Востоке стала одной из важнейших причин поражения в предстоящей русско-японской войне.

ГЛАВА 6

ЯПОНСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1894–1895 ГОДОВ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО В НЕЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Вначале 1880-х гг. резко обострились отношения Китая и Японии в споре за сферы влияния в Корее. Японцы поддерживали в Корее феодальную оппозицию во главе с родом Кимов. Весной 1894 г. один из лидеров оппозиции Кимов — Ок Тюн — был заманен агентурой правящей династии Минов в Шанхай и там убит. Власти иностранного селтльмента выдали его труп корейскому правительству, которое решило совершить над ним обряд смертной казни, публично четвертовав мертвое тело.

Японское правительство решило использовать этот случай для демонстрации сочувствия корейской оппозиции, а также собственной «цивилизованности», не способной якобы мириться со столь варварскими обычаями. Оно заявило через своего посланника в Сеуле протест против «казни» покойника. Протест был отклонен. Инцидент вошел в летописи дипломатии в качестве редкостного примера политического конфликта из-за судьбы трупа. В Японии этот «конфликт» послужил отправным пунктом для разнузданной шовинистической пропаганды против корейского правительства и за захват Кореи Японией.

Скандал из-за трупа возник на фоне большого крестьянского восстания в Корее. Восстание носило как антифеодальную, так и религиозную направленность. Ядро восставших составляли тонхаки. Секта Тонхак («Восточное учение») возникла еще в 1859 г. Суть учения представляла смесь конфуцианства, буддизма, даосизма и католицизма. Наибольший размах учение получило в Южной Корее, в частности в провинции Чолла. Правительственные войска Кореи не в состоянии были справиться с движением. Корейское правительство обратилось за помощью к своему сюзеру — Китаю. Китайский представитель в Сеуле Юань Шикай в течение мая 1894 г. требовал скорейшей посылки китайских войск, но Ли Хун-чжан¹⁸ настаивал на формальной просьбе о помощи со стороны корейского короля «с тем, чтобы вся ответственность лежала на нем». 6 июня из Тяньцзиня были посланы полторы тысячи китайских солдат и три военных корабля. В соответствии с Тяньцзиньской конвенцией 1885 г. Китай информировал об этом Японию. Ли Хун-чжан официально уведомил японское правительство и русского посланника в Пекине о том, что войска будут отведены немедленно после подавления «беспорядков».

Посылка китайских войск в Корею были использована японцами для вмешательства в корейские дела. Японское правительство сразу начало направлять свои войска в Корею, и уже к середине июня японских войск в Корее было больше, чем китайских. Под контролем японских войск находилась столица, в то время как китайские войска занимали предместья к югу от Сеула.

Корейское правительство, напуганное непрерывно возрастающим притоком японских войск, пыталось добиться отзыва китайских и японских военных сил. Движение тонхаков было подавлено, но Япония не собиралась выводить свои войска из Кореи.

16 июня 1894 г.¹⁹ японское министерство предложило китайскому послу в Токио создать совместную комиссию для обследования положения и проведения «радикальных реформ» в области корейских финансов, администрации и т. д. Это означало фактический допуск

17 Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 290.

18 Видный сановник, фактически исполнявший в Китае обязанности премьер-министра.

19 Все даты в этой главе даны по новому стилю.

Японии к решению внутренних корейских вопросов.

Китайцы попытались обратиться с просьбой о посредничестве к США. Но госдепартамент действовал уклончиво. 13 июля 1894 г. китайское правительство сделало последнюю бесполезную попытку обращения к посредничеству США, а через неделю китайский посланник в Токио уже поручал защиту интересов китайских подданных в Японии американской миссии при японском дворе. Почти одновременно Япония поручила американскому посланнику в Пекине защиту интересов Японии.

23 июля королевский дворец был занят японскими отрядами. Королевская семья вместе с детьми была переведена в японское посольство. Во главе правительства был поставлен бывший регент, отец арестованного короля, престарелый Те Унь Гунь. В лице 80-летнего старца японские агенты нашли крайне удобное орудие для того, чтобы прикрыть свои захватнические планы весьма прозрачным покровом «борьбы» за «независимость» Кореи.

27 июля регент под давлением Японии вынужден был объявить войну Китаю и официально обратиться к Японии с просьбой о «помощи» для изгнания китайских войск с корейской территории.

Чтобы понять последние события, мне придется сделать маленькое отступление и кратко рассказать о состоянии японского и китайского флотов к 1894 г.

Ядро японского флота составляли броненосцы «Фузо» («Fusoo»), «Хией» («Hiyei») и «Конго» («Kongo»), броненосные крейсера «Чиода» («Chiyoda») и «Иосино» («Yoshino»), бронепалубные крейсера «Ицукусима» («Itsukushima»), «Мацусима» («Matsushima»), «Хасидате» («Hashidate»), «Акицусима» («Akidsushima»), «Нанива» («Naniwa») и «Такачихо» («Takachiho»).

Кроме того, в составе японского флота имелось восемнадцать канонерских лодок посыльных судов и корветов, а также 41 малый миноносец.

Китайский флот в мирное время был разделен на четыре эскадры: Северную (21 судно, 203 орудия, 3124 чел. экипажа), Южную (Шанхайскую) (11 судов, 96 орудий, 1523 чел. экипажа), Фучаускую (15 судов, 104 орудия, 2023 чел. экипажа) и Кантонскую (17 судов, 79 орудий, 600 чел. экипажа).

Во всех этих эскадрах было два броненосца 2-го класса, три небольших посредственно бронированных судна, 11 старых крейсеров, 30 мелких судов и канонерок и 43 миноносца.

Китайский флот имел два довольно мощных броненосца «Чжень-Иен» («Chen-Yuen») и «Тинг-Иен» («Ting-Yuen»). Броненосцы были построены в Германии в Штеттине на заводе «Вулкан» в 1881–1882 гг. Водоизмещение их составляло 7600 т, мощность паровых машин 6200 л. с. позволяла развивать скорость 14,5 узла. Вооружение: четыре 305/20-мм и два 150-мм орудия. Артиллерия была изготовлена фирмой Круппа. Броненосцы были построены по типуанглийского броненосца «Инфлексибл». Каземат, занимавший около половины длины всего судна, имел 14-дюймовую (355-мм) смешанную броню, остальные части кораблей защиты не имели. Нос и корма были совершенно открыты, но внутри суда были защищены 3-дюймовой (76-мм) броневой палубой. Корпус был разделен большим числом водонепроницаемых переборок и отделений, заполненных пробковым составом.

В составе китайского флота было несколько малых броненосных крейсеров. Однотипные крейсера «Кинг-Иен» («King-Yuen») и «Лай-Иен» («Lai-Yuen») имели водоизмещение 2850 т. Они также были построены на заводе «Вулкан» и спущены на воду в 1887 г. Их машины и котлы защищал очень короткий броневой пояс толщиной 5,5–9,5 дюйма (140–240 мм), но, так как верхняя кромка его доходила лишь до ватерлинии, то пользы от него было мало. Над броневым поясом имелась стальная палуба толщиной в 1,5 дюйма (38 мм), в незащищенных оконечностях крейсера она была вдвое толще. На испытаниях крейсера дали 16,5-узловой ход, но к 1894 г. скорость их не превышала 13 узлов. Вооружение составляли две 8,5-дюймовые (216-мм) пушки Круппа, размещенные в барбете и в носовой части судна. Барбет был защищен 8-дюймовой (203-мм) броней «компаунд». Кроме того, имелось тринадцать мелкокалиберных орудий.

Броненосный крейсер «Пинг-Иен» («Ping-Yuen») был построен в Фучжоу в Китае. Его

водоизмещение составляло 2900 т. На испытаниях крейсер развил ход только 10,5 узла, так как еще на стапеле из-за недостаточного финансирования длина крейсера была урезана, а это пошло в ущерб обводам. Фактически, это был уже не крейсер, а помесь канлодки и монитора. В носовом барбете были установлены одна 260/22 мм/клб пушка весом в 22 т, две 150/35 мм/клб и восемь 75/30 мм/клб пушек. Все орудия были изготовлены Круппом.

Броненосный крейсер «Цзи-Иен» («Tsi-Yuen») был построен в Германии в 1880–1884 гг. Водоизмещение его 2400 т. Машина Двойного расширения мощностью 2800 л. с. позволяла развивать скорость до 15 узлов. В барбете находились две 210/30 мм/клб пушки, а на корме в башне одна 150/35 мм/клб пушка. По бортам стояли открыто четыре 75/30 мм/клб пушки. Все орудия были изготовлены фирмой Круппа.

Броненосные крейсера «Чих-Иен» («Chih-Yuen») и «Чинг-Иен» («Ching-Yuen») были построены в Англии фирмой «Армстронг» в 1866 году. На испытаниях скорость их хода составила 18,5 узла. Вооружение: три 203-мм и две 152-мм пушки. Их броневая палуба на скосах имела толщину 4 дюйма (102 мм), а в оконечностях корабля и в середине — 2 дюйма (51 мм).

Более старые и меньших размеров броненосные крейсера «Tshao-Yong» и «Yang-Wei» также были построены фирмой «Армстронг». Первоначально они могли развивать скорость до 16 узлов, но к 1894 г. котлы и машины их сильно поизносились. В носу и корме стояли по одной 10-дюймовой (254-мм) пушке Армстронга на центральном штыве. На палубе были установлены четыре 5,1-дюймовые (129,5-мм) нескорострельные орудия и семь револьверных пушек.

Кроме перечисленных судов в бою при Ялу участвовали еще два небольших крейсера: «Kwang-Ping» и «Kwang-Chia» (или «Kwang-Kai»). Первый имел водоизмещение 1030 т и был вооружен тремя 4,7-дюймовыми (119,4-мм) скорострельными пушками. Водоизмещение второго составляло 1300 тонн, а вооружение — три 6-дюймовых (152,4-мм), четыре 5-дюймовых (127-мм) и восемь мелкокалиберных орудий.

Из судов, не принимавших участие в этом бою, наиболее значимыми были «Foo-Ching», «Ye-Sing», «Foo-Sing», «Kia-Chi», «Nan-Shuin», «Nan-Ting» и «Yang-Pao». Все они были близки по типу к «Чих-Иен» и имели на вооружении 8- или 8,25-дюймовые (203- или 209,5-мм) и 4,7-дюймовые пушки.

Канонерские лодки имели на баке по одному 38- или 35-тонному, с дула заряжаемому орудью.

Торговый флот Китая значительно уступал японскому. Китайцы имели только 35 пароходов общим водоизмещением 44 тыс. т.

А теперь вернемся к событиям в Корее. Китайцы также решили усилить свое влияние в Корее и высадили десант у Асана. Для перевозки войск китайцы зафрахтовали английские пароходы «Коушинг» и «Фишин» и германский пароход «Ирен». Замечу, что война еще не началась, и это была рутинная отправка войск.

Транспорты собрались у Вэйхайвэя (ныне город Вэйхай), а навстречу им вышли боевые китайские корабли. Но пароход «Коушинг» по неведомым причинам отделился от остальных транспортов и пошел самостоятельно. На его борту находились два китайских генерала, 1100 пехотинцев, 12 полевых орудий и германский инструктор майор фон Геннекен. В 9 часов утра 5 августа судно было перехвачено японскими кораблями. Японцы решили захватить «Коушинг», китайцы отказались. Тогда крейсер «Нанива» (командир Того — будущий герой Цусимы) с 350 метров, то есть в упор, выпустил в безоружный пароход, шедший под английским флагом и с английской командой, торпеду, а затем расстрелял его из орудий главного калибра. Китайцы в ответ открыли огонь из ружей (полевые пушки находились в небоеспособном положении). Несмотря на ураганный огонь японцев из всех орудий, транспорт тонул около часа. А после того как «Коушинг» скрылся под водой, японцы перенесли огонь из винтовок и малокалиберных пушек Гочкиса и Норденфельда на две китайские шлюпки и сотни барахтавшихся в воде людей. Обе китайские шлюпки были потоплены. Японцы спустили свои шлюпки, но подбирали только европейцев, китайцев же

убивали.

По законам Морского права японцы совершили сразу несколько преступлений — расстреляли пароход под нейтральным флагом без объявления войны, да и даже если бы война была объявлена после выхода «Коушинга» из порта (радио тогда не было), то все равно японцы не имели права по нему стрелять. Наконец, стрельба по тонущим людям даже в военное время считается тяжким воинским преступлением.

И что же сделала Владычица морей? Достаточно было громкого окрика из Лондона, и Япония выплатила бы Англии любую компенсацию и убралась бы из Кореи. Но англичане сделали вид, что ничего не произошло, а потом потребовали деньги за «Коушинг»... с Китая. Зато позже, в 1914–1918 и в 1939–1945 гг., британские морские суды будут чинить расправу над пленными германскими морскими офицерами, стрелявшими по тонущим морякам или даже просто не оказавшими им помощь.

История учит, что война начинается лишь по желанию правителей государств, а инциденты используются лишь как поводы. Не будет повода, так его сфабрикуют, а то и начнут войну без повода. Какие огромные жертвы понесла Россия-матушка из-за проклятых слов: «Как бы чего не вышло». В переводе на казенный язык это прозвучало: «Не поддаваться на провокации».

Днем 22 июня 1941 г., когда немецкие танки прошли первые десятки километров советской земли, красные командиры отчаянно бомбардировали Москву запросами, а можно ли обстреливать и бомбить германские войска по ту сторону границы?

В XX веке войны часто начинались с провокаций, с вооруженных столкновений, но только тогда, когда правительство агрессора уже приняло решение начать войну, и вот тогда любой инцидент становится поводом к войне. Об этом хорошо написал дедушка Крылов в басне «Волк и ягненок»: «У сильного всегда бессильный виноват», «уж виноват ты тем, что хочется мне кушать».

Поводом для заранее спланированного нападения может быть что угодно. Вот, к примеру, в августе 1964 г. у берегов Северного Вьетнама, якобы были обстреляны два американских эсминца. Кто стрелял, до сих пор неизвестно. Американцы продемонстрировали лишь несколько дыр толщиной в палец в борту эсминца. Залатать сии дыры стоило несколько долларов. Тем не менее США сочли инцидент поводом для начала широкомасштабной войны против ДВР.

Когда повода нет, его придумывают. Вторжение в Панаму или Гренаду американцы объяснили заботой о безопасности американских граждан в этих странах. Никаких доказательств притеснений граждан США до сих пор не предъявлено. Несколько лет назад США нанесли ракетный удар по Багдаду. Повод — какие-то иракцы хотели убить какого-то отставного американского президента. Доказательств, разумеется, никаких. Но ничего, «мировая общественность» проглотила и это.

Нужно было НАТО напасть на сербов в бывшей Югославии, и вот, как раз вовремя прилетает 81-мм мина и падает на базаре в Сараеве. Сербы разбиты, введены натовские войска, а о злополучной мине все напрочь забыли.

С другой стороны, когда агрессор не готов к нападению, любые самые кровавые инциденты кончаются лишь дипломатическими нотами. В мае 1937 г. германский карманный линкор «Дойчланд» с «визитом вежливости» зашел в порт на острове Ивис, захваченный испанскими мятежниками. 29 мая авиация испанской республики бомбардировала порт. Наш СБ с нашим экипажем вцепил в «Германию» две 100-килограммовые бомбы. Линкор был иррадно разбит, 20 трупов, 73 раненых.

В июне 1967 г. корабль радиотехнической разведки США AGTR-5 «Либерти» занесло к берегам Синая. То ли по ошибке, а скорее, чтобы избавиться от столь глазастого и ушастого свидетеля, израильская авиация нанесла ракетный удар по «Либерти». А затем контрольный выстрел торпедой сделал израильский катер. Тем не менее подошедшие американские корабли удержали «Либерти» на плаву. Но ремонту корабль не подлежал, 34 американца были убиты, 164 ранены.

В мае 1987 г. американский сторожевой корабль «Старк» вел разведку Персидском заливе. Иракский истребитель «Мираж F-1» угостил «Старк» ракетой «Экзозет». Корабль был разрушен, хотя и остался на плаву, 37 человек убито, 21 ранен.

Никаких последствий эти инциденты не имели, кроме некоторых хлопот для дипломатов.

Так, может быть, в ходе «военной реформы» раз и навсегда запретить в воинских уставах фразу «на провокации не поддаваться» и записать «провокации пресекать штатными огневыми средствами, действовать решительно и энергично»?

За несколько часов до инцидента с «Коушингом» японцы напали на китайский отряд кораблей в составе крейсера «Цзи-Иен» и еще на два слабо вооруженных судна.²⁰ Китайские суда вышли в море, вероятно, для прикрытия транспорта, шедшего на Дагу. По рассказам японцев, китайцы не отсалютовали флагу адмирала Цубои, как требовал того международный этикет, а изготовились к бою и «имели такой вид, как будто были намерены приступить к враждебным действиям». Далее японцы рассказывали, что вышли из узкости, где им приходилось маневрировать, и пошли в открытое море. Но «Цзи-Иен» так близко шел за японским крейсером «Нанива», что он повернул и направился к китайскому судну. Теперь «Цзи-Иен», тесно зажимаемый «Нанивой», вероломно выпустил в него мину, но промазал. Японский крейсер сразу же открыл огонь по всем трем китайским кораблям, открыли огонь и два других японских судна.

По китайской же версии все происходило с точностью до наоборот, однако их версия звучит более правдоподобно. Три японских корабля напали на китайцев и без всякого предупреждения начали по ним стрелять. Китайские корабли не были подготовлены к бою и ответили на огонь после некоторого замешательства. Несколько японских снарядов сразу же попало в боевую рубку «Цзи-Иена», погибли первый лейтенант и мичман. Голова лейтенанта повисла на одной из переговорных труб. Но находившийся в рубке капитан Фонг не был даже ранен, он немедленно отдал приказ изготовить корабль к бою и сошел вниз.

Крейсер был сильно поврежден, но все же сумел уйти в Вэй-хайвэй. Китайцы потеряли 16 человек убитыми, в том числе трех офицеров, и 25 человек были ранены. Тем временем «Kuwan-Shi» (или «Kwang-Yi»), хотя и был маленьким и слабо вооруженным судном, первым вступил в бой, сперва с «Нанивой», а затем с «Нанивой» и «Акицуси» вместе. Вскоре на китайском судне кончились боеприпасы, 37 человек экипажа были убиты, судно получило многочисленные пробоины и стало тонуть. Тогда командир, взяв курс к берегу, выбросился на камни и высадил там остатки экипажа. Сперва японцы оставили судно в покое, но затем выпустили по нему тридцать снарядов. От одного из них взорвалась находившаяся в кормовой части мина, разворотив всю корму. С китайского судна спаслись только восемнадцать человек, все они имели тяжелые ранения.

За посыльным судном «Tsan-Chieng» японцы погнались уже после того, как утопили «Kowshing», они быстро заставили судно замолчать и захватили его.

Первое сражение произошло 29 июля 1894 г. у Асана — города на берегу Желтого моря южнее Сеула. Отряд японского генерала Ошима внезапно атаковал китайский отряд генерала Ие. Любопытно, что силы противников были равны — по 4500 человек и по 12 орудий. Китайцы потерпели поражение и отошли к Пен-Янгу (Пхеньяну). Японцы же отошли к Сеулу.

Благодаря полному бездействию китайского флота японцы постепенно безнаказанно высаживались в Корею, и к концу августа японские войска в Сеуле и Чемульпо были доведены до двух дивизий. Благодаря бою у Асана и последующему бездействию китайцев японцы сначала перевели войска в Фузань, а затем оттуда бригада на судах была перевезена к устью реки Татонги, а две бригады были высажены в Венсане (Генсане) в Браутонском

20 Их названия не установлены. Х. Вильсон дает две версии: «Kuwan-Shi» и «Tsao-Kiang» по одной, а по другой версии эти корабли назывались «Kwang-Yi» и «Tsan-Chieng». Последний был недавно купленным коммерческим пароходом и имел легкое вооружение.

заливе. Остальные же японские войска двинулись из Фузаня через Сеул на север.

20—22 августа японцы заняли крепость Хван-Тзу. А 16 сентября 15-тысячная японская армия под командованием фельдмаршала Ямагато атаковала китайские войска численностью 14—15 тысяч у Пен-Янга. Китайцы были наголову разбиты, а их главнокомандующий генерал Тзо сдался в плен. После победы у Пен-Янга вся Корея оказалась в руках японцев.

Китайский же флот в бездействии стоял в Вэйхайвэе. Наконец, в начале сентября из Пекина адмирал Дину приказал начать активные боевые действия против японцев. Дину и его иностранным советникам предстояло выбрать одно из двух. Во-первых, они могли собрать все годные военные суда, отправиться на поиски японцев и дать им решительное сражение. Если бы японцы были при этом разбиты, то господство на море осталось бы за Дином. Если же китайцы потерпели бы поражение, то их, по крайней мере, не затрудняли бы транспорты и они не потеряли бы много людей напрасно. Во-вторых, Дин мог конвоировать флотилию транспортов, держа свои суда наготове для их защиты. Сам он, видимо, склонялся в сторону первого плана. Он стремился найти японцев и сразиться с ними, прежде чем выводить свои транспорты. Но поражение, нанесенное китайским сухопутным силам у Пен-Янга, связало ему руки и принудило действовать как можно быстрее. Ему пришлось конвоировать свои транспорты, когда японцы еще не были разбиты на море, и господство над этим морем оставалось спорным.

17 сентября 1894 г. у острова Хэйан близ устья реки Ялу состоялось решающее сражение китайского и японского флотов.

В составе китайского флота были броненосцы «Чжень-Иен» и «Тинг-Иен»; броненосные крейсера «Кинг-Иен», «Лай-Иен», «Цзи-Иен», «Чих-Иен», «Чинг-Иен», «Tshao-Yong», «Yang-Wei», «Kwang-Kai», «Пинг-Иен», «Кванг-Пинг»; миноносцы «Fu-Lung» и «Choi-Ti». Всего 14 судов.

Со стороны Японии в бою участвовали броненосцы «Фусо» и «Хией»; броненосные крейсера «Чиода» и «Йосино»; бронепалубные крейсера «Ицукусима», «Мацусима», «Хасидате», «Нанива» и «Такашихо»; «Акицузу» («Akitsusu»), «Акажи» («Akagi») и вооруженный пароход компании «Nippon Yusen Kaisha» «Saikio».

Всего на китайских кораблях было 12-дюймовых (305-мм) пушек — 8; 10,2-дюймовых (259-мм) и 9,8-дюймовых (249-мм) — 5; 8,2-дюймовых (208-мм) — 12; 5,9-дюймовых (150-мм) — 18; 5,1-дюймовых (129,5-мм) и 4,7-дюймовых (119,4-мм) — 12. У японцев было 12,6-дюймовых (320-мм) пушек — 3; 10,2-дюймовых (259-мм) — 4; 9,4-дюймовых (238,8-мм) — 4; 172—150-мм — 27; 152-мм скорострельных — 8; 120-мм скорострельных — 59.

Интересно, что и на японских, и на китайских кораблях имелись десятки европейских инструкторов. Так, по данным Х. Вильсона, у китайцев на «Тинг-Иене» находился майор фон Геннекен, начальник штаба Дина, с господами Тайлером, Никольсом и Альбрехтом. На «Чжень-Иене» были капитан Мак-Жиффин и господин Гекман, на «Чих-Иене» — господин Пюрвис и на «Цзи-Иене» — господин Гофман.

Когда оба флота сблизались до дистанции 4—5 верст, китайцы открыли огонь, но японцы не отвечали. Японские артиллеристы начали стрельбу с дистанции 2,5 версты, желая полностью использовать свое преимущество в скорострельных пушках калибра 120—150 мм.

В ходе упорного боя китайские корабли «Чих-Иен», «Кинг-Иен», «Tshao-Yong» и «Yang-Wei» затонули. Японцы не потеряли ни одного корабля. На затонувших китайских кораблях погибли от 600 до 800 человек, а на уцелевших убиты 34 человека и 88 ранены. Японцы потеряли убитыми 10 офицеров и 80 человек нижних чинов; ранены 16 офицеров и 188 нижних чинов.

В ходе боя одни только «Чих-Иен» и «Тинг-Иен» сделали вместе 197 выстрелов из 12-дюймовых орудий. Остальные суда должны были выпустить почти такое же количество 10,2- и 8,2-дюймовых снарядов. Таким образом, по очень приблизительным подсчетам, китайскими кораблями было выпущено около 400 тяжелых снарядов, из которых менее двадцати (около 4 %) попало в цель. Но большая часть попавших в цель китайских снарядов были бронебойными, и особого вреда они не причинили. Однако русским адмиралам этот

урок в прок не пошел, и они по-прежнему отдавали предпочтение легким бронебойным снарядам, игнорируя тяжелые фугасные.

После поражения при Ялу китайский флот уже не показывался в море. Китайцы увели свои сильно поврежденные корабли в Порт-Артур, где приступили к их ремонту. Японский же флот остался в море, в порт на ремонт ушли только суда «Хией», «Мацусима», «Акажи» и «Saikio». Адмирал Ито в течение нескольких недель после сражения занимался в основном конвоированием транспортов, не обращая никакого внимания на китайцев.

24 октября 1894 г. японские войска высадились вблизи Порт-Артура. Со стороны моря Порт-Артур был защищен восемью фортами, расположенными по обе стороны входа в бухту. Восточная группа состояла из трех фортов, западная — из пяти. С суши Порт-Артур был окружен целым поясом фортов и батарей, но большинство их было полевого типа и вооружены были самыми разнообразными крупновскими орудиями.

Китайские войска не препятствовали высадке японцев. 8 ноября 1894 г. японцы после небольших боев заняли Кинг-Чжоу и Халиенван, и, таким образом, полуостров был окончательно отрезан. После этого японцы пошли на юг, и после опять-таки непродолжительного сопротивления китайцы очистили все подступы к Порт-Артуру.

20 ноября 1894 г. японская артиллерия начала обстрел Порт-Артура с суши. На следующий день, 21 ноября, японская эскадра с предельной дистанции открыла огонь по береговым формам крепости. Китайцы периодически отвечали, но попаданий в японские корабли не было. В 4 часа дня, когда японская эскадра находилась в шести милях от фортов, начался страшный ливень. Воспользовавшись плотной завесой дождя, десять японских миноносцев во главе с эсминцем «Котака»²¹ ворвались в гавань Порт-Артура. Миноносцы открыли огонь из скорострельных пушек по береговым укреплениям, открытым с тыла, а затем высадили десант. Через час порт был в руках японцев.

22 ноября крепость Порт-Артур была взята сухопутными войсками. Сто исправных орудий, портовые сооружения, 15 тыс. т каменного угля, запасы пороха, 12 коммерческих и военных судов — все это досталось японцам.

Единственное, что упустили японцы, это уход китайского флота в Вэйхайвэй, где он оставался в бездействии. Напрасно некоторые военные историки (к примеру, Витгефт) пытаются доказать, что подобного рода упущение со стороны Японии было умышленным, чтобы облегчить себе действия против Порт-Артура. Согласиться с этим нельзя, так как уход китайского флота в Вэйхайвэй вынуждал японцев предпринять наступательные действия против последнего, потому что пока китайский флот существовал, японцы не могли безнаказанно плавать в водах Печилийского залива и в Желтом море.

Следующее нападение было сделано на Вэйхайвэй. 18 и 19 января 1895 г. японский флот бомбардировал Дэнчжоу, находившийся в 80 милях западнее крепости. 20 января армия, высадившись к востоку от порта, начала осаду. Гавань Вэйхайвэя образуют две бухты, напротив которых лежит остров Люгундао. Таким образом, в гавань имеются два входа: один — к востоку, достаточно широкий и с островом Цзидао почти посередине фарватера, и второй — к западу, вдвое уже первого и довольно опасный из-за подводных камней.

30 января японские корабли вместе с сухопутными войсками открыли с предельной дистанции огонь по фортам. Крейсера «Нанива», «Акицусима» и «Куцураги» подошли к укреплениям у Чжаобэйцзуй близ восточного входа. Вскоре, после взрыва порохового погреба, батарея на Чжаобэйцзуй замолчала. Тем временем остальные корабли эскадры адмирала Ито бомбардировали остров Люгундао. Японцы овладели большинством сухопутных фортов, а в ночь на 31 января командование решило произвести минную атаку китайского флота.

Оба входа в гавань заграждались бонами, состоявшими из трех 1- и 1,5-дюймовых швартовов, поддерживаемых на расстоянии 9 м друг от друга поплавками. Восточное

21 Единственный японский миноносец, имевший палубную и бортовую броню толщиной в 15 мм в районе паровой машины.

заграждение между островом Цзидао и берегом имело около 3000 м длины. В большом количестве были поставлены мины, но они оказались не особенно действенными. Блокируя Вэйхайвэй, японцы сделали попытку очистить средний проход, но это им не вполне удалось. Поэтому миноносцы отправились для атаки в ближайший к берегу проход, где они должны были находиться под прикрытием фортов, уже занятых к тому времени сухопутными войсками.

Под прикрытием темноты японские миноносцы направились к проходу, но когда они уже приблизились к нему, форты вдруг открыли огонь. Миноносцы ретировались, не понеся потерь.

Ночью 2 февраля была сделана новая попытка минной атаки, и опять неудачно, так как китайцы вовремя заметили японские миноносцы и открыли по ним огонь. Следующие два дня японцы продолжали бомбардировать остров Люгундао с суши и с моря. Китайские форты и броненосцы отвечали, но им не хватало места для маневрирования.

8 февраля двенадцать китайских миноносцев попытались прорваться через западный проход. Как только они вышли, японские корабли открыли по ним огонь и начали преследование, захватив или потопив большую их часть. Китайские миноносцы со своими поизносившимися котлами не в состоянии были оторваться от японских крейсеров.

Третью минную атаку японцы назначили в ночь на 4 февраля. В ходе этой атаки миноносцу № 10 удалось выпустить торпеду в корму китайского броненосца «Тинг-Иен». При этом погиб японский миноносец № 22.

Четвертая и последняя атака была предпринята ночью 5 февраля. На этот раз главную задачу выполнял первый отряд, а остатки второго и третьего должны были караулить западный вход. Китайцы не обнаружили миноносцев до тех пор, пока те не очутились среди них, а тогда они оказали лишь слабое сопротивление. «Котака» и миноносцы № 11 и № 23 выпустили семь мин. В «Тинг-Иен» попала, предположительно, еще одна мина. Еще по одной мине попало в «Лай-Иен» и «Чинг-Иен».

9 февраля 1895 г. от удачного попадания погиб броненосный крейсер «Чинг-Иен».

12 февраля китайское командование вступило в переговоры с японцами. Китайцы требовали выпустить гарнизон из крепости, на что японцы согласились, но с непременным условием сдачи крепости и флота. После этого адмирал Тинг покончил с собой.

14 февраля японцы заняли Вэйхайвэй. Трофеями их стали десять китайских военных судов. В плен сдались около двух с половиной тысяч совершенно изнуренных и промерзших китайцев.

В феврале 1895 г. японцы захватили остров Формозу (Тайвань), Пескадорские острова (острова Пэнхуледоо), а также ряд населенных пунктов на юго-восточном побережье Китая.

20 марта 1895 г. в японском городе Симоносеки начались японско-китайские переговоры о мире. Китай представлял Ли Хун-чжан, Японию — Ито и Муцу.

24 марта на Ли Хун-чжана, возвращавшегося после совещания с японскими представителями, было совершено покушение членами японской реакционно-монархической организации «черного дракона». Покушение на хорошо известного китайского полномочного представителя произвело за границей крайне невыгодное для Японии впечатление.

17 апреля китайская сторона была вынуждена подписать продиктованный японцами договор, вошедший в историю как Симоносекский. По этому договору Китай признал полную независимость Кореи от Китая (статья 1), «уступил» Японии Формозу, Пескадорские острова и южную часть Маньчжурии (Ляодунский полуостров) с прилегающими островами (статья 2). Контрибуция исчислялась в громадной сумме — в 200 млн. таэлей, подлежавших уплате восемью взносами. Первые два взноса должны были быть произведены через 6 и 12 месяцев после обмена ратификациями (статья 4). В качестве обеспечения уплаты контрибуции и процентов служили таможенные пошлины (статья 8).

Не меньшее значение, чем громадная контрибуция и территориальные приобретения, имела для Японии статья, предусматривавшая для нее и для ее подданных те же права и привилегии, которыми пользовались в Китае европейские державы и США (статья 6). Это

уравнение Японии с европейскими державами сочеталось с предоставлением ей преимуществ системы наибольшего благоприятствования.

На первом этапе японско-китайской войны Министерство иностранных дел России заняло выжидательную позицию. Вместе с тем петербургские официальные и биржевые газеты предвидели опасность успехов Японии для интересов России. Так, «Новое время» (15 июля 1894 г.) предупреждало об опасности победы Японии, захвата Кореи и создания на Дальнем Востоке «нового Босфора». Притязания Японии на Корею, агрессивные выступления отдельных идеологов в пользу отрыва от России Сибири вызвали резкие заявления «Нового времени» (24 сентября 1894 г.). «Биржевые ведомости» высказывались за раздел Китая между западными державами и призывали к «обузданию» Японии.

1 февраля 1895 г. в Петербурге было созвано особое совещание под председательством великого князя Алексея Алексеевича для обсуждения той позиции, которую следовало занять России. Полная победа Японии не вызывала сомнений, но требования ее были еще неизвестны — японские дипломаты держали их в секрете.

На совещании великий князь Алексей Алексеевич заявил, что «постоянные успехи Японии заставляют ныне опасаться изменения статус-кво на Тихом океане и таких последствий китайско-японского столкновения, коих не могло предвидеть предшествующее совещание». (Имелось ввиду совещание 21 августа 1894 г.). Поэтому совещанию надлежало обсудить меры, которые «следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке». Следует ли присоединиться в «корейском вопросе» к другим державам или же «перейти к самостоятельным» шагам?

В ходе обсуждения ясно проступили две политические линии. Одна заключалась в том, чтобы компенсировать себя какими-либо территориальными присоединениями — незамерзающий порт для зимовки Тихоокеанской эскадры или отторжение части Северной Маньчжурии для более короткого пути Сибирской дороги к Владивостоку. Другая линия предусматривала отпор Японии под флагом защиты независимости Кореи и целостности Китая. Главная цель такого курса — не дать Японии укрепиться неподалеку от русских границ, не позволить ей овладеть западным побережьем Корейского пролива, закрыв выход России из Японского моря.

Министры высказались против немедленного вмешательства. Слабость русского флота и сухопутных сил на Дальнем Востоке была основным сдерживающим фактором.

Совещание приняло решение усилить русскую эскадру в Тихом океане так, чтобы «наши морские силы были по возможности значительнее японских». Министерству иностранных дел было поручено попытаться «войти с Англией и другими европейскими державами, преимущественно с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. При этом Министерство иностранных дел должно иметь в виду, что главная цель, которую мы должны преследовать, — это сохранение независимости Кореи».

В марте 1895 г. Николай II назначил министром иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского. Новый министр запросил ведущие европейские страны о возможности совместной дипломатической акции, направленной на обуздание японских милитаристов. Англия воздержалась, зато Германия безоговорочно поддержала Россию. Вильгельм II, утверждая проект телеграммы в Петербург, подчеркнул, что готов сделать это и без Англии, отношения с которой у Германии к этому времени успели уже основательно испортиться.

Теперь и Франции не оставалось ничего иного, как поддержать Россию.

4 апреля 1895 г. русскому посланнику в Токио из Петербурга была отправлена следующая телеграмма: «Рассмотрев условия мира, которые Япония соизволила предъявить Китаю, мы находим, что присоединение Лаотонгского²² полуострова, потребованное Японией, явилось бы постоянной угрозой китайской столице, сделало бы призрачной

независимость Кореи и было бы постоянным препятствием к продолжительному успокоению на Дальнем Востоке. Благоволите высказаться в указанном смысле перед японским представительством и посоветовать ему отказаться от окончательного овладения этим полуостровом. Мы все же хотим пощадить самолюбие японцев. Ввиду этого вы должны придать своему шагу самый дружелюбный характер и должны войти по этому поводу в соглашение с вашими французскими и германскими коллегами, которые получают такие же инструкции».

В заключение в депеше говорилось, что командующий Тихоокеанской эскадрой получил приказание быть готовым ко всякой случайности.

11 (23) апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио одновременно, но каждый в отдельности, потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой. Она была составлена в оскорбительном тоне.

Одновременно Россия объявила мобилизацию войск Приамурского военного округа. Эскадры России, Германии и Франции, сосредоточенные вблизи Японии, имели в совокупности 38 кораблей водоизмещением 94,5 тыс. т против 31 японского корабля водоизмещением 57, 3 тыс. т. В случае же начала войны три державы без труда могли утроить свои морские силы, перебросив корабли из других регионов. В японской армии, находившейся в Китае, вспыхнула эпидемия холеры. В Японии военная партия во главе с графом Ямагато трезво оценила ситуацию и уговорила императора принять предложения трех европейских держав. 10 мая 1895 г. японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодунского полуострова.

Следует отметить, что Германия очень активно поддерживала все политические акции России на Дальнем Востоке. Кайзер Вильгельм II писал Николаю: «Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке», «...что для России великой задачей будущего является дело цивилизованного азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником».

Поддерживая дальневосточную политику России, кайзер преследовал две цели. Во-первых, отвлечь внимание России от Европы и Черноморских проливов, что развязало бы руки Германии и Австро-Венгрии, а во-вторых, в союзе с Россией получить базы и сферы влияния в Китае.

В конце послания Николаю II кайзер скромно заметил: «Надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не „стеснит“ тебя».

ГЛАВА 7

ПОСТРОЙКА ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Впервые идею о постройке железной дороги в Сибири подал граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Еще в 1850 г. он предложил проект постройки здесь колесной дороги, которая впоследствии должна была замениться железной. Но за недостатком средств проект этот так и остался на бумаге, хотя в 1857 г. были сделаны все нужные изыскания.

Почти одновременно с графом Муравьевым английский инженер Дуль предложил построить конно-железную дорогу от Нижнего Новгорода, через Казань и Пермь, а далее через всю Сибирь до одного из портов на Тихом океане. Но предложение это, не обоснованное результатами изысканий, сочувствия у русского правительства не вызвало.

В 1866 г. полковник Е.В. Богданович, командированный в Вятскую губернию для оказания помощи голодающим, заявил о необходимости постройки железной дороги из внутренних губерний до Екатеринбурга и далее до Томска. По его мнению, эта дорога стала

бы единственным надежным средством для предупреждения голода в Уральском крае и, будучи затем проложена через Сибирь к китайской границе, получила бы крупное стратегическое и коммерческое значение. Идея полковника Богдановича была одобрена, начались изыскания, и к концу 1860-х годов имелось уже целых три проекта о направлении Сибирской железной дороги.

Но, несмотря на внимание, оказанное предложению полковника Богдановича Александром II, разбор проектов будущей дороги не выходил за пределы специальной литературы и ученых обществ. Только в 1875 г. вопрос о постройке железной дороги через Сибирь стал обсуждаться в Кабинете Министров, но был ограничен соображениями об устройстве ее лишь в пределах Европейской России и не далее Тюмени. В конце концов было принято компромиссное решение — создать водно-железнодорожный путь в Сибирь.

В 1883–1887 гг. были проведены большие работы по сооружению Обско-Енисейской водной системы с расчисткой и спрямлением ряда русел небольших рек, устройством канала длиной 7,8 км, постройкой плотины и шлюзов. В результате появилась возможность перевозить грузы и пассажиров по водно-железнодорожному пути: от Петербурга по Волго-Балтийской водной системе до Перми, далее по островной железной дороге Пермь—Екатеринбург—Тюмень, затем по Обско-Енисейской и Селенгинской водным системам и далее по Амуру вплоть до Тихого океана. Протяженность этого пути составляла более десяти тысяч километров, использование же его целиком зависело от погодных условий. Поэтому путешествие было продолжительным и трудным, а порой и рискованным. Только постройка железной дороги могла способствовать освоению Сибири.

К обсуждению вопроса строительства Сибирского пути были привлечены министерства путей сообщений, военное, финансовое, морское, внутренних дел, земледелия и государственного имущества, императорского двора. 6 июня 1887 года считается датой принятия правительственного решения о необходимости сооружения дороги. При этом предполагалось, что она будет не сплошной, а смешанной, водно-железнодорожной.

В феврале 1891 г. вышел указ о строительстве «сплошной через всю Сибирь железной дороги» от Челябинска до Владивостока. Сооружение ее объявлялось «великим народным делом». Магистраль делилась на семь дорог: Западно-Сибирскую, Средне-Сибирскую, Кругобайкальскую, Забайкальскую, Амурскую, Северо-Уссурийскую и Южно-Уссурийскую. Позднее появилась Китайско-Восточная железная дорога. 19 мая 1891 г. во Владивостоке началось строительство Великого Сибирского пути.

Всеми делами стройки ведали Управление по сооружению Сибирских железных дорог, Инженерный совет Министерства путей сообщений и Мостовая комиссия, подчинявшаяся Временному управлению казенных железных дорог, которое входило в Железнодорожный департамент МПС.

В ноябре 1892 г. правительство выделило 150 млн. руб. на первоочередные и 20 млн. руб. на вспомогательные работы. Строительство предполагалось завершить в следующие сроки: Челябинск—Обь—Красноярск — к 1896 г.; Красноярск—Иркутск — к 1900 г.; линию Владивосток—Графская — к 1894–1895 гг. Предварительная стоимость была определена в 350 млн. руб. золотом, или 44 тыс. руб. на километр. С 1892 г. на всех дорогах, кроме Амурской, развернулись изыскательские и строительные работы.

Среди рабочих на строительстве железной дороги были завербованные в беднейших губерниях России и местные, страдавшие от неурожая. Временные рабочие выполняли самые тяжелые земляные работы. Местные крестьяне рубили лес, подвозили землю, балласт и строительный материалы. Специальные вербовщики старались не напрасно: за каждого рабочего они получали от 40 до 80 рублей. Транссиб строили до 83 тысяч штатных рабочих и около 6 тысяч инженерно-технических работников. В общей сложности на стройке были заняты одновременно более 100 тысяч человек. Работы в основном выполнялись вручную. Основными орудиями труда были лопаты, ломы, топоры и пилы.

Широкий размах работ при принятом способе строительства (за счет государства) позволил целесообразно маневрировать рабочей силой. Это давало преимущество перед

частным способом, когда строительство осуществляется разрозненными, конкурирующими акционерными обществами. Использование огромного количества людей на строительстве железных дорог от Урала до Тихого океана позволило постоянно наращивать темпы сооружения Транссиба. К зиме 1893 г. было построено 413 км, в 1894 г. — уже 891 км, а в 1895 г. — более 1340 км.

Весной 1891 г. началось строительство на Уссурийской линии, работы возглавил инженер О.П. Вяземский.

В 1893 г., с двухлетним опережением запланированного срока, правительство открыло финансирование строительства Средне-Сибирской дороги. Это было весьма своевременным, так как освободились рабочие и специалисты, завершившие в сентябре 1892 г. линию Златоуст—Челябинск, да и местное население страдало от неурожая и нуждалось в приработке.

Важным событием стало строительство моста через Обь. Рядом с мостом возник поселок, превратившийся потом в город Новосибирск. Средне-Сибирская железная дорога начиналась от восточного устоя моста и завершалась в Иркутске. Она была удалена от транспортных коммуникаций, при строительстве ее не хватало рабочих, и поэтому часто применяли труд каторжников. Из Центральной России приходилось доставлять не только рабочих, но и оборудование и материалы.

Барьерными объектами были и другие крупные реки, через которые пришлось сооружать большие мосты, в том числе длиной 515 м через Томь и еще более длинный — 950 м через Енисей.

Летом 1896 г. приступили к работе на участке от Иркутска до Байкала. В постоянную эксплуатацию эта часть Транссиба была принята в 1901 г. Из-за сложности рельефа, дальности подвоза и других причин перерасход средств при сооружении этого участка достиг 16 млн. руб., и километр дороги обошелся в 90 тыс. руб. По озеру от пристани Лиственничная была налажена паромная переправа до пристани Мысовая. Дальше дорога шла на Верхнеудинск.

Подвижной состав перевозился мощными паромными-ледоколами «Байкал» и «Ангара», которые регулярно курсировали на 73-километровой переправе. Такой смешанный способ транспортировки оказался впоследствии недостаточно эффективным, что особенно проявилось в период передислокации войск и военной техники на Дальний Восток. Это заставило ускорить рассмотрение вопроса об окончательных изысканиях и строительстве Кругобайкальской железной дороги.

Еще в 1891 г. рассматривалось два варианта обхода озера Байкал — северный и южный. Северный был более простым. Однако экспедиция О.П. Вяземского установила, что южный вариант, несмотря на его сложность, все же предпочтительнее, так как местность здесь лучше обжита. Поэтому остановились на нем. Трасса проходила по скалистому берегу, огибая Байкал.

На Кругобайкальской железной дороге длиной в 260 км построили 39 тоннелей общей протяженностью 7,3 км, 14 км подпорных стен, 47 предохранительных галерей, виадуки, волнорезы, многочисленные мосты и трубы. Эта дорога уникальна по концентрации разнообразных искусственных сооружений. Она представляет собой как бы наглядную энциклопедию инженерно-строительного искусства. Объем земляных работ при сооружении дороги составил свыше 70 тыс. кубометров на один километр. Не случайно эту линию сооружали шесть лет. Самоотверженный труд строителей позволил в 1905 г. (на год раньше срока) начать регулярное движение поездов. В то же время паромная переправа просуществовала еще почти 20 лет. Для этого соорудили новую пристань Баранчук близ станции Байкал.

После Забайкальской дороги (Мысовая—Сретенск) вначале предполагалось строить Амурскую. В соответствии с этим в 1893–1894 гг. произвели изыскания от Сретенска до станции Покровская на Амуре и далее до Хабаровска. Однако сложность условий, суровость климата, а главное, занятие Россией Порт-Артура, заставили принять другое решение —

вести железную дорогу к Порт-Артуру и Дальнему.

В конце 1895 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте был основан Русско-Китайский банк. Он был учрежден группой французских банков и Петербургским международным банком под покровительством русского правительства, которое обеспечивало своими представителями руководящее положение в правлении. Устав банка предусматривал самые разнообразные операции на Дальнем Востоке. Помимо обычных банковских функций, имелось в виду финансирование китайских властей, хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая. Банк имел специальный фонд для подкупа китайских сановников.

В середине 1890-х годов между империалистическими державами началась жестокая борьба за право постройки железных дорог в Китае. Наиболее активно действовали финансовые группировки Англии, Франции и США. Каждую финансовую группу поддерживало свое правительство. Тут опять следует учитывать китайскую специфику. Концессии на строительство железной дороги в Китае предусматривали не только ассигнование средств, создание технического проекта железной дороги и получение дивиденда. В случае постройки дороги управляющий и технический персонал будет состоять в основном из граждан страны, которой будет передана концессия, а для охраны железной дороги будут введены или иностранные войска, или китайская охрана, вооруженная и контролируемая руководством железнодорожной компании.

Банковский синдикат США предложил китайскому правительству грандиозный проект железной дороги Кантон—Ханькоу—Пекин и далее, через Манчжурию, до соединения с русской Транссибирской магистралью.

Министру финансов Витте удалось склонить Николая II к поддержке русского проекта Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Витте предлагал провести новую железную дорогу по территории Китая. Идея кратчайшего пути на Дальнем Востоке или идея «спрямления» не была нова. Еще в 1887 г. адмирал Копытов предлагал вести эту дорогу из Иркутска на Кяхту и из Кахты через Цицикар и Гирин к Владивостоку. В 1891 г., при открытии работ на Южно-Уссурийском участке этот вопрос был поднят снова. И вот в феврале 1895 г. Витте подал в МИД записку, в которой указывал на неудобства участка Сибирской железной дороги, шедшего вдоль дуги, образуемой рекой Амур. При этом направлении дорога не только значительно удлинялась, но и само строительство дороги, особенно на участке между Сретенском и Рейновой, сталкивалось со значительными техническими трудностями. Признавая необходимым во всяком случае довести Забайкальский участок железной дороги до Сретенска, откуда река Шилка становилась судоходной, Витте предлагал затем обойти Амурскую дугу. Новая линия должна была идти от одной из станций к западу от Нерчинска до Ново-Цурухайтуйского караула, оттуда — на Мергень, а далее — по готовой скотопроегонной дороге от Мергеня до Амура несколько ниже Благовещенска, где она и должна была соединиться с ранее проектируемой Амурской линией.

Полковник Стрельбицкий, только что вернувшийся из экспедиции по Маньчжурии, сообщил, что такое направление дороги в пределах Маньчжурии не встретило бы никаких серьезных технических трудностей. К тому же даже по приблизительным подсчетам длина пути сокращалась почти на 400 верст.

Обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке после успешного вмешательства трех держав в условиях Симоносекского договора, изменила намерения Витте, и во всеподданнейшем докладе от 30 октября 1895 г. он говорил о направлении железной дороги не на Благовещенск, а через всю Маньчжурию по направлению к Владивостоку.

Британская разведка, видимо, что-то пронюхала о планах Витте, и 13 октября 1895 г. в газете «Таймс» со ссылкой на «надежный источник» в Гонконге была опубликована статья о русско-китайском договоре. Согласно его условиям Россия получала право якорной стоянки флота в Порт-Артуре, право строительства и ввода в действие железнодорожных линий Нерчинск—Цицикар—Владивосток и Цицикар—Порт-Артур под русским управлением, а

также другие торговые выгоды, к которым неприменимо понятие наибольшего благоприятствования. Китай оговаривал за собой право выкупа железнодорожных линий через 20 лет, причем размер суммы будет установлен по взаимному соглашению позднее.

Немедленно министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский отправил русским послам в Париже и Лондоне официальное опровержение: «Сообщенная газетой „Таймс“ новость о заключенном между Россией и Китаем договоре насчет Порт-Артура и строительства железной дороги по китайской территории является вымышленной».

В конце апреля 1896 г. в Россию прибыл китайский сановник Ли Хун-чжан. Формальным предложением было, видимо, участие в коронации Николая II. В Петербурге Витте заявил Ли Хун-чжану, что «благодаря нам Китай остался цел, что мы провозгласили принцип целостности Китая и что, провозгласив этот принцип, мы будем вечно его держаться. Но, для того чтобы мы могли поддерживать провозглашенный нами принцип, необходимо прежде всего поставить нас в такое положение, чтобы в случае чего мы действительно могли оказать им помощь. Мы же этой помощи оказать не можем, пока не будем иметь железной дороги, потому что вся наша военная сила находится и всегда будет находиться в Европейской России. Следовательно, необходимо, с одной стороны, чтобы мы могли в случае надобности подавать войска из Европейской России и, с другой стороны, чтобы мы могли подавать войска также и из Владивостока».

«А что теперь, — говорил Витте китайскому сановнику, — хоть мы во время войны Китая с Японией двинули некоторые части наших войск из Владивостока по направлению к Гирину, но по неимению путей сообщения войска эти шли так медленно, что не дошли до Гирина даже тогда, когда война между Китаем и Японией уже окончилась».

«Наконец, для того чтобы комплектовать войска в Приамурской области, нам нужно оттуда возить новобранцев и туда их перевозить».

Таким образом, для того чтобы мы могли поддерживать целостность Китая, нам прежде всего необходима железная дорога, и железная дорога, проходящая по кратчайшему направлению во Владивосток; для этого она должна пройти через северную часть Монголии и Маньчжурии. Наконец, дорога эта нужна и в экономическом отношении, так как она подымет производительность и наших русских владений, где она пройдет, и также производительность тех китайских владений, через которые она будет идти».²³

Первоначально Ли Хун-чжан всячески отговаривался. Следует заметить, что Витте не лукавил. 22 мая 1895 г. министр иностранных дел Лобанов-Ростовский в служебной записке писал: «Единственное, чего мы хотим, чтобы Китай в связи со своим займом не вступил в какую-либо зависимость от Европы и мы не получили непосредственно у наших границ второго Египта или даже второй Турции».

25 апреля Ли Хун-чжан был принят Николаем II, который повторил предложение С.Ю. Витте. После беседы с царем китайский сановник стал уступчивее. Кроме того, он получил от русского правительства взятку в четыре миллиона рублей, из которых два миллиона ему выдали немедленно, а еще два — в течение последующих лет. Кстати, Ли вскоре умер, сэкономив два миллиона русской казне.

22 мая 1896 г. в ходе коронационных торжеств (через 4 дня после трагедии на Ходынке) Ли Хун-чжан и Лобанов-Ростовский подписали так называемый Московский договор. Любопытно, что царь о нем даже не соизволил упомянуть в своем дневнике.

В тексте договора было сказано: «В видах упрочения мира, столь счастливо установленного на Дальнем Востоке, и предотвращения нового иностранного нашествия на азиатский материк, обе договаривающиеся стороны заключили между собой оборонительный союз, который должен получить свое осуществление при любом нападении Японии на Тихоокеанские владения России, на Китай или Корею. В этом случае обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, которыми они в данную минуту располагают, и насколько возможно помогать друг другу при

снабжении этих же сил различными припасами. Как только стороны будут вовлечены в общие действия, ни одна из них не может заключить мира с противной стороной без согласия другой, т. е. союзной. Во время военных действий все порты Китая в случае надобности будут открыты русским военным судам, которые должны встретить здесь все необходимое им содействие со стороны китайских властей.

Дабы облегчить русским войскам доступ к пунктам, которым будет угрожать нападение, и обеспечить средства для существования этих войск, китайское правительство соглашается на сооружение железной дороги через Маньчжурию, причем все условия этого сооружения будут в виде контракта установлены в Петербурге переговорами между китайским посланником и Русско-Китайским банком. Во время военных действий Россия имеет право на свободное пользование этой дорогой для перевозки и снабжения своих войск. В мирное время Россия пользуется тем же правом, причем какие-либо задержки могут быть оправданы только в том случае, если бы это вызывалось потребностями местного транзита. Договор вступает в действие в тот же день, когда контракт, указанный выше, будет утвержден богдыханом, и имеет силу в течение 15 лет. За шесть месяцев до этого срока обе стороны вступят в соглашение относительно его дальнейших продолжений».

Подписание контракта о железной дороге между китайским посланником в Петербурге и представителями Русско-Китайского банка — князем Ухтомским и Ротштейном состоялось в Берлине 27 августа (8 сентября) 1896 г. Согласие богдыхана на договор было получено 25 июля, а на контракт — 16 августа. Ратификация секретного договора произошла в Пекине 16 сентября.

Для сооружения и эксплуатации этой дороги банк учредил Акционерное общество Китайско-Восточной железной дороги. Концессионный контракт устанавливал, что ширина колеи КВЖД должна быть такой же, как и на русских железных дорогах. Земли, принадлежавшие Обществу, а также его доходы освобождались от всяких пошлин и налогов. Обществу предоставлялось право самостоятельно устанавливать железнодорожные тарифы. Особое значение получало право Общества на «безусловное и исключительное управление своими землями», то есть всей полосой отчуждения. Условия концессионного договора превращали эту полосу в нечто вроде большого, вытянутого русского селтльмента. Общество КВЖД завело даже свою собственную вооруженную полицию. Через 80 лет железнодорожная линия должна была безвозмездно отойти к китайскому правительству. Через 36 лет оно приобретало право выкупа дороги. Практически Общество КВЖД существовало в значительной мере на средства русской казны.

Стоит отметить, что к концу 1898 г. Англия получила от Китая концессии на сооружение железной дороги общей протяженностью 2800 миль, Россия — 1530 миль, Германия — 720 миль, Франция — 420 миль, Бельгия — 650 миль, США — 300 миль.

Высший надзор на КВЖД сосредотачивался в руках русского министра финансов. Ему принадлежали обширные права как по личному составу дороги, так и по решению вопросов о направлении линии, о технических условиях ее постройки и о тех технических проектах и сметах, которые не могли быть разрешаемы главным инженером.

4 декабря 1886 г. Устав Общества КВЖД был высочайше утвержден. Председателем правления назначили бывшего китайского посланника при Петербургском и Берлинском дворах сановника Сюй-цзин-чена; должность товарища председателя занял инженер С.К. Кербедз, а главного инженера — А.И. Югович.

Подлинным же правителем КВЖД, а фактически и всей Маньчжурии, стал С.Ю. Витте. Имея под своим началом охранную стражу дороги, выбирая для нее даже орудия той или другой системы, заведующая речной флотилией, часть судов которой была вооружена и снабжена командой, министр финансов нес на себе обязанности и чисто военных властей. Строя и руководя службой железной дороги, он совмещал и круг деятельности, принадлежащей министру путей сообщения. В действительности Витте стал «негласным наместником», хотя и жил он не в районе своей новой и сложной службы, а по-прежнему в Петербурге, где он оставался только министром финансов.

ГЛАВА 8 ЯВЛЕНИЕ ЖЕЛТОРОССИИ

Утром 16 августа 1897 г. жители пограничных сел и станций Южно-Уссурийского края — Покровки, Константиновской и других — наблюдали интересную картину: двадцать две тройки, одна за другой, мчались по почтовому тракту в сторону китайской границы. В тройках ехали гости, приглашенные на церемонию официального открытия работ по постройке Китайской Восточной железной дороги.

На противоположном, китайском, берегу реки Уши на возвышенности раскинулся большой круглый павильон в китайском стиле: с красными лакированными колоннами по периметру стен, с окнами, забранными резными деревянными решетками. По конькам и краям выгнутой черепичной крыши возвышались фигурки обезьян, собак, львов и драконов. Над павильоном развевался странный флаг: наполовину китайский, наполовину русский. По диагонали полотнище разделялось на два цвета — белый и желтый, на одной половине — солнце и дракон, на другой, в левом верхнем углу, — российский бело-синие-красный флаг. Это было знамя нового Общества КВЖД. Оно символизировало дружбу и сотрудничество России и Китая в постройке железной дороги.

Русские строители железной дороги, как и все иностранцы в Китае, пользовались правом экстерриториальности. В соответствии со статьей 6 контракта на постройку КВЖД в полосе отчуждения постепенно были созданы все обычные институты русской административной системы: полиция, в которой служили русские и китайцы, а также суд.

По договоренности с китайскими властями КВЖД обязательно выкупала у частных владельцев отчуждаемые ею для нужд дороги земли. Ширина отчуждаемой земли на перегонах между станциями устанавливалась в 40 сажень (85,4 м) — по 20 сажень в каждую сторону, но фактически была меньше: по 15 сажень (32 м) с одной стороны и по 18 сажень (38,4 м) — с другой. Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 га), под остальные станции и разъезды — до 30 десятин (32,7 га). Под Харбин первоначально было отчуждено 5650,03 десятины (6158,53 га) несколькими отдельными участками, а в 1902 году площадь отчуждения увеличилась до 11102,22 десятины (12101,41 га). На правом берегу Сунгари (Харбин) отчуждалось 5701,21 десятины, на левом берегу (Затон) — 5401,01 десятины. Вся эта площадь была объединена общей границей.

Строительство Южной линии было одной из первоочередных задач, поставленных русским правительством перед Обществом КВЖД. Забегая вперед, замечу, что 5 февраля и 29 июня 1899 г. правительство поручило Обществу устройство морского пароходства на Тихом океане. К 1903 г. КВЖД располагала двадцатью крупными океанскими пароходами. Они обеспечивали грузовое и пассажирское сообщение между портами Приморской области, портом Дальний и крупными портами Кореи, Китая и Японии, осуществляли транзит пассажиров из Западной Европы на Дальний Восток. Забегая вперед, скажу, что в ходе русско-японской войны флот КВЖД был полностью уничтожен.

В Маньчжурии на КВЖД выросли новые города: Дальний, Маньчжурия и Харбин. Последний стал сердцем КВЖД. Ее 107 станций вскоре превратились в цветущие поселки. К 1903 г. Обществом КВЖД в них было выстроено 294 061 кв. м жилых помещений, а к 1910 г. — 606 587 кв. м, то есть 467,9 кв. м на 1 км главного пути. В 1903 г. общее число служащих дороги достигало 39 112 человек, из них русских было 18 123, а китайцев — 20 948, австрийцев, итальянцев, швейцарцев и турок было вместе 17 человек, еще 17 японцев и 9 корейцев.

Стоимость КВЖД, включая содержание порта Дальний и города Дальний, составляла к 1903 г. 318 640 236 руб. золотом. К 1906 г. она возросла до 375 млн. руб. В последующие годы эта сумма приблизилась к 500 миллионам. Так сколько же стоила вся КВЖД? На этот вопрос дать точный ответ невозможно.

Для сокращения сроков постройки дороги администрация КВЖД решила создать

крупный опорный пункт непосредственно на самой территории Маньчжурии, который бы отвечал одному, но главному требованию: сюда с наименьшими затратами должен был быть обеспечен подвоз огромного количества строительных материалов, необходимых для сооружения этого гигантского транспортного предприятия. Этим пунктом было выбрано место пересечения железнодорожной магистрали реки Сунгари. И назван он был просто: Сунгари, или железнодорожный поселок Сунгари. Так был основан город Харбин.

Происхождение названия Харбин точно не установлено. Есть версия, что оно произошло от названия китайской деревни Хао-бин, или Хабинь, которое можно перевести как Хороший берег или Веселая могила (?). Деревня эта будто бы располагалась недалеко от будущего Харбина. Однако никаких документальных подтверждений этой версии и самого факта существования оной китайской деревушки нет. Г.В. Мелихов²⁴ считает, что слово «Харбин» имеет маньчжурские корни, скорее всего от слова «харба», обозначающее брод, переправа. Русские, видимо, добавили суффикс — ин. По такому принципу словообразования составились названия многих старинных русских городов, например Калязин на Волге. Первоначальное значение корня этого названия — грязный, грязниться. То же в полной мере относится и к названию Харбин. В пользу этого толкования можно привести тот дополнительный аргумент, что в разговорной речи харбинцев длительное время сохранялось ударение на первом слоге — Харбин.

Отношение русских к основанию Харбина хорошо выразил малоизвестный поэт А. И. Митропольский (псевдоним Арсений Несмелов):

Под асфальт, сухой и гладкий,
Наледь наших лет, —
Изыскательской палатки
Канул давний след...
Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи, —
Русский рок таков.
Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
— Здесь построим русский город,
Назовем Харбин.

Для приема грузов, предназначенных для постройки новой дороги, 12 апреля 1897 г. Обществу КВЖД была передана во временное пользование часть бухты Золотой Рог во Владивостоке, а именно пристань Эгершельд.

В феврале—марте 1898 г. была произведена сводка всех данных, необходимых для начала строительных работ.

Одним из важнейших подготовительных мероприятий к постройке дороги стала организация речной флотилии КВЖД. На нее ложилась основная тяжесть доставки в Маньчжурию огромного количества грузов и оборудования, необходимых для строительства.

Работами по созданию флотилии руководил инженер С.М. Ваховский. В 1897 г. он был командирован в Бельгию и Англию, где заключил контракт на поставку для КВЖД мелкосидящих пароходов и металлических барж, пригодных для плавания по перекатам Сунгари. Морским путем в разобранном виде они были доставлены из Европы во Владивосток, а оттуда для сборки и спуска на воду их перевезли на станцию Иман Уссурийской железной дороги, а затем и на Красную речку под Хабаровском.

«Работы по сборке и склепке судов были поставлены инженером Ваховским весьма умело и быстро, что вызывало немалое удивление даже у испытанных в этом отношении

иностранцев, которым довелось увидеть столь сложное техническое оборудование и кипучую работу в неожиданном и глухом уголке безлюдного Приамурья».²⁵

Первый пароход, так и названный «Первый», был спущен на воду 20 июля 1898 г. Вскоре был спущен и «Второй» пароход. Всего было собрано и спущено на воду 18 пароходов, получивших названия с «Первого» по «Восемнадцатый», 4 катера, 40 стальных и 20 деревянных барж и одна землечерпалка. За время строительства дороги и города Харбина эта флотилия перевезла не менее 650 тыс. т различных грузов.

Вместе с пароходством КВЖД на Сунгари были созданы и другие частные пароходства: Товарищества Амурского пароходства — В.Н. Лютикова и М.И. Кожевникова, Г.Н. Косицина, Б.А. Алексеева, М.З. Буянова, Курбатова, А.Л. Вертопрахова. А.К. Лукьянова и др.

6 мая 1898 г. из Хабаровска вверх по Уссури в Харбин отправился первый пароход. Это был пароход «Благовещенск», арендованный у частного Амурского общества. На борту его находились руководители Строительного управления во главе с С.В. Игнациусом в сопровождении рабочих, служащих и казаков Охранной стражи. Плавание проходило трудно. Главным препятствием были многочисленные сунгарийские перекаты и мели. Вода в реке была низкая. Это вызвало недоумение у строителей, привыкших видеть реки Европейской России после таяния снегов наиболее полноводными. А в Маньчжурии, где зимой снега почти не бывает, его таяние не вызывает повышения уровня воды в реках. Но в период интенсивных и частых муссонных дождей — в июле и августе — вода в реках достигает своей наивысшей отметки.

Из-за многочисленных задержек на мелях, когда приходилось сгружать с парохода наиболее тяжелые грузы, например рельсы, и оставлять их на островках, это путешествие по Сунгари длилось более 20 дней.

28 мая 1898 г. пароход «Благовещенск» прибыл в Харбин. Этот день многие авторы считают днем основания города. Но следует заметить, что рейс «Благовещенска» получил такую известность из-за присутствия на его борту начальства. Фактически первым пароходом, шедшим в Харбин, стал «Святой Иннокентий», привезший туда из Хабаровска рядовой персонал КВЖД.

Поселок Сунгари как по волшебству стал превращаться в город. 28 мая 1898 г. во временном бараке открылась первая железнодорожная больница. Первыми европейскими врачами в Харбине стали главный врач КВЖД М.И. Полетика и хирург Свентицкий, которые практиковали в этой больнице в Старом Харбине. Вскоре в Новом Харбине открылась капитальная, превосходно оборудованная Центральная больница КВЖД. В одной из фанз бывшего завода «Сян-фан» открылась небольшая столовая для строителей, которой заведовал грузин Агрести — первый частный предприниматель в Харбине. Открылась первая, тоже частная, гостиница «Номера для проезжих Гамартели». Хоть была она маленькая и грязноватая, но номера там не пустовали. А к июлю в одном из барачных начал свои операции отделение Русско-Китайского банка во главе с С.Б. Габриелем. Начала торговлю популярная на Дальнем Востоке фирма И.Я. Чурина. Ю.П. Нациевский первым открыл в Харбине кафе-кондитерскую. А 12 августа распахнул свои двери первый парфюмерный и галантерейный французский магазин и парикмахерская Руссиаль (позднее — Бланша).

Руководители постройки позаботились и о типографии. В 1898 г. в саманном доме были установлены первые четыре новенькие типографские машины. А 6 декабря 1898 г. открылась первая начальная школа для детей рабочих и служащих.

В феврале 1898 г. в доме Анпера в Старом Харбине открылась первая маленькая домовая церковь. А первым православным священником в Маньчжурии стал отец Александр Журавский, живший там с 1897 г. С прибывшими в Харбин в 1899 г. частями Охранной стражи появился здесь и отец Сергей Брадучан. Позднее в Старом Харбине между улицами Офицерской и Армейской построили небольшую, но очень красивую трехглавую церковь.

Первое время у строителей дороги были большие проблемы с продовольствием.

Отсутствовали основные, привычные для русских продукты, так как китайцы не выращивали в Маньчжурии ни картофеля, ни капусты, не держали молочный скот, и на рынках почти не было говядины и молочных продуктов. В.Н. Веселовзор в своих воспоминаниях, опубликованных в харбинской газете «Русский Голос», писал: «Жители и служители дороги страдали от отсутствия ржаного хлеба и гречневой каши. Дичь — фазаны, козлятина, изюбятина — была в изобилии, но приедалась, а обыкновенной говядины достать было почти невозможно, так как она тоже была привозная. Русская капуста, картофель были редкостью во времена постройки города. Их так же, как и сливочное масло, привозили из Сибири. Зато спиртных напитков было в изобилии благодаря беспошлинной торговле и свободным портам Владивостоку и Порт-Артуру. Например, коньяк лучшей марки „Три звездочки“ — Мартель стоил 1 рубль 20 копеек бутылка, а четверть водки стоила 30–40 копеек! За пустую бутылку крестьяне давали курицу, за сотню яиц брали четвертак (25 коп.), а за пару фазанов — 20 копеек! В то же время побриться у парикмахера стоило 2 рубля золотом».²⁶

В 1899 г. в Харбине жили около 14 тыс. выходцев из Российской империи, в основном русских, но были и поляки, евреи, армяне и другие национальности.

Еще в 1898 г. Харбин был соединен с Россией телеграфной линией, что существенно облегчило строительство дороги, и вместе с тем в первый период постройки передавалась масса смешных и пустячных телеграмм, которые шли по всем крупным станциям. Например, однажды со станции Пограничная Восточной линии оповестили всю дорогу о краже петуха и кур у помощника начальника станции. В телеграмме во всех подробностях передавались приметы украденных кур: «Петух красный, бесхвостый, стоимостью в 70 коп. и 5 кур, из них одна черная с белыми пятнами, одна с рябинами, одна желтая и две светло-желтые с рябинами, стоимостью по 70 коп. Прошу принять меры розыска». А одну из телеграмм вообще не могли понять: «В 11 часов вечера Кирилл В. нанес ножом рану в правую холку Степану Л.», далее сообщалось о принятых мерах. Когда стали выяснять, какая часть тела имелась в виду под «холкой», то оказалось, что это ягодица. Полицейский употребил простонародный термин, который телеграфист отказался передать, тогда и придумали «холку». А одна телеграфистка передала с Южной линии: «При забивке свай утопили женщину. Срочно пришлите другую». Оказалось, что слово «баба», стоявшее в первоначальном тексте, показалось телеграфистке слишком грубым, и она отказалась передавать его в Харбин.

В начале XX века резко возрос объем строительства в Харбине. С 1901 г. площадь вновь построенных жилых помещений возрастала ежегодно на 22 750 кв. м. Одновременно строилось здание Управления дороги площадью около 16 800 кв. м, штабы Охраны (более 2270 кв. м), мужские и женские Коммерческие училища (более 7280 кв. м), Железнодорожная гостиница (около 3640 кв. м), Почтово-телеграфная контора, школы для мальчиков и девочек и здание Общественного собрания, достраивалась Центральная больница. В начале 1903 г. на Вокзальном проспекте выросло большое красивое здание Русско-Китайского банка.

По итогам первой в истории Харбина переписи, проведенной 15 марта 1903 г., население полосы отчуждения Харбина составило 44 576 человек (38983 мужчины и 5593 женщины). Из них русских подданных было 15 579, китайских подданных — 28 338, японцев — 462, прочих — 200. Так что трудно сказать, был ли в то время Харбин больше китайским или русским городом. Замечу, что к этому времени в районе Порт-Артура — Дальнего было свыше 17 тысяч русских, а всего в Маньчжурии их жило около 83 тысяч.

Теперь вряд ли удастся установить автора названия «Желтороссия», данного полосе отчуждения КВЖД и прилегающим к ней районам. Главное, что к концу 1890-х годов термин Желтороссия широко использовался не только населением, но и прессой.

Как уже говорилось, в Желтороссии появилась и своя армия — Охранная стража КВЖД. Первым начальником Охранной стражи стал бывший командир 4-й Закаспийской

стрелковой бригады полковник А.А. Гернгросс.²⁷ Личный состав Охранной стражи служил по вольному найму, большую часть его составляли казаки. Первоначально было сформировано 5 конных сотен: одна — из Терского казачьего войска, две — из Кубанского, одна — из Оренбургского и одна сотня смешанного состава. 26 декабря 1897 г. все пять сотен прибыли на пароходе «Воронеж» во Владивосток и приступили к службе в Маньчжурии.

Жалованье в Охранной страже было куда больше, чем в армии. Так, рядовые получали 20 руб. золотом в месяц, вахмистры — 40 руб. с готовым обмундированием и столом. Для казаков Охранной стражи была создана и своя форма: черные открытые тужурки и синие рейтузы с желтыми лампасами, фуражки с желтым кантом и тульей.

В соответствии с договором, Россия не должна была вводить в Маньчжурию частей регулярной армии. И чтобы еще больше подчеркнуть отличие Охранной стражи от частей регулярных войск, погоны они не носили. На офицерской форме их заменяло изображение желтого дракона. Такой же дракон украшал сотенные значки и был на пуговицах и на кокардах папах, из-за чего в уральской сотне даже произошли волнения. Казаки решили, что дракон — печать антихриста, и носить такое изображение христианину не подобает. Они отказались носить на себе драконов, но начальство пригрозило, и казаки нашли выход — стали носить папахи кокардами назад, ведь печать антихриста ставится на лоб, а насчет затылка ничего не говорится.

Кроме того, офицеры носили наплечные позолоченные жгуты, но они очень болезненно переносили отсутствие погон, особенно во время поездок в Россию.

Замечу, что армейские офицеры не любили офицеров Охранной стражи, а саму Охранную стражу именовали «таможенной стражей» или «гвардией Матильды», по имени супруги шефа всего корпуса Пограничной стражи С.Ю. Витте Матильды Ивановны.

Любопытно, что в Охранной страже КВЖД в разное время служили: прапорщик А.И. Гучков (1862–1896) — будущий министр Временного правительства, будущие генералы и вожди белых армий А.И. Деникин (1872–1947), Л.Г. Корнилов (1870–1918), а также Е.И. Мартынов (1864–1932) — впоследствии главный начальник снабжения Красной Армии и генерал-лейтенант.

Военное ведомство отстало от других стран с принятием на вооружение скорострельных (патронных) полевых пушек.²⁸ А тратить деньги на старые полевые пушки обр. 1877 г. Витте не пожелал и закупил для КВЖД через Аргентину 75-мм пушки Круппа. Эта акция вызвала буквально бурю гнева у великого князя Сергея и верхушки Военного ведомства.

Несколько забегаю вперед, скажу, что Охранная стража 19 января 1901 г. была включена в состав Особого Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи с доведением ее численности до 25 тыс. всех родов войск — конницы, пехоты и артиллерии. К маю 1911 г. на вооружении Заамурского округа пограничной стражи имелось 62 пушки: из них 8—3-дюймовых обр. 1900 г., 20—75-мм Круппа, 12—3-дюймовых горных обр. 1904 г. и 22 — легких (87-мм) обр. 1877 г.

После вхождения в корпус пограничной стражи у Охранной стражи появилось лишь новое начальство в среднем звене. Дело в том, что сам корпус был в ведении Министерства финансов и подчинялся С.Ю. Витте, а сам Витте подчинялся царю.

Судя по воспоминаниям и мемуарам участников строительства КВЖД, службу свою Охранная стража несла исправно. Главной ее задачей являлась охрана строителей, станций и линий железной дороги. Вся линия дороги была поделена на отрядные участки, которые делились на ротные участки. Непосредственно вдоль линии дороги были установлены посты

²⁷ Гернгросс Александр Алексеевич. Родился в 1851 году. Участник русско-турецкой войны. С 1893 г. служил в Средней Азии. В 1897 г. полковник Гернгросс назначен главным начальником Охранной стражи КВЖД.

²⁸ Тем более что у клана великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича, управлявших нашей артиллерией, имелись свои личные интересы в перевооружении армии 3-дюймовыми скорострельными пушками обр. 1900 г., которые они отдали на откуп Путиловскому заводу.

пехоты (от 5 до 20 человек в каждом). У каждого поста строилась вышка для наблюдения и «веха» — высокий столб, обмотанный просмоленной соломой. Во время тревоги или при нападении солому поджигали, что служило сигналом для соседних постов. Непрерывно от поста к посту проводилось патрулирование линии.

В первое время нападения хунгузов²⁹ на посты происходили довольно часто. Охранная стража отражала все нападения, затем преследовала разбойников и учиняла над ними жестокую расправу. В результате хунгузы были так напуганы русскими казаками, что практически перестали нападать на КВЖД.

Формально Охранной страже вменялось в обязанность контролировать местность на 25 верст в стороны от железной дороги (сфера непосредственной охраны) и вести дальнюю разведку еще на 75 верст (сфера влияния). Фактически же Охранная стража действовала на расстоянии 100–200 верст от железной дороги. Кроме того, стража охраняла и пароходные сообщения по Сунгари (конвой на пароходах и посты вдоль берегов реки), крупные лесные заготовки дороги, исполняла судебные-полицейские функции.

Из Харбина строительство дороги велось одновременно по трем направлениям: к русской границе на запад и на восток, и на юг — на Дальний и Порт-Артур. Одновременно дорога строилась и с конечных пунктов: от Никольска-Уссурийского, со стороны Забайкалья и Порт-Артура, а также на отдельных отрезках между этими пунктами. Была поставлена задача как можно скорее сомкнуть пути, хотя бы на временной основе. Скорейшая организация движения стала главной целью.

Дорога проектировалась однопутной. Расстояния между станциями на равнинных участках не должны были превышать 35 км, а на горных — 25 км. Путьевые казармы строились на расстоянии 13–19 км одна от другой, а между ними были еще полуказармы. Расстояния между главными и оборотными депо составляли 100–170 км. Станциями с узловыми депо были назначены Пограничная, Ханьдаохэцзы, Бухэду и Маньчжурия. Пропускная способность была принята в 10 пар паровозов с перспективой доведения ее в будущем до 16 пар, то есть почти до верхнего предела для однопутных железных дорог, который составлял 18 пар поездов в сутки.

К лету 1901 г. укладка пути достигла Бухэду и стала подниматься к Хинганскому хребту. Подход к будущему тоннелю по крутым восточным склонам хребта инженер Бочаров Н.Н. спроектировал в виде полной петли радиусом 320 м, в которой нижний путь проходил в каменной трубе под верхним. Это было также обусловлено необходимостью уменьшить длину будущего тоннеля. Уже по проложенному пути на Хинган были доставлены необходимые для строительства машины, оборудование и строительные материалы. Петля и тоннель строились с марта 1901 г. по ноябрь 1903 г. А в это время железная дорога от Хингана ушла далеко на запад, и 21 октября 1901 г. у Унура произошла смычка Западной линии.

Путь от Харбина до Владивостока был соединен еще 5 февраля 1901 г. у станции Ханьдаохэцзы, а от Харбина до Дальнего — 5 июля того же года. Укладка пути на КВЖД была, таким образом, закончена на всем протяжении и дорога открыта для рабочего движения поездов.

Осенью 1901 г. после прибытия необходимого оборудования начались интенсивные работы по пробивке тоннеля. До завершения работ по строительству тоннеля и петли поезда пропускались в обоих направлениях по системе временных тупиков, устроенных на восточном склоне Большого Хингана, и нижнему заезду петли. Рабочий поселок, выросший у восточного портала Хинганского тоннеля получил название Петля.

В первую очередь прокладывалось железнодорожное полотно и устраивались тупики, с помощью которых Бочаров успешно решил задачу преодоления железной дорогой

²⁹ Хунгузами (хунхузами) называли шайки профессиональных грабителей. Единого руководства у этих шаек не было, но они зачастую находились под покровительством местных китайских властей, с которыми делились частью добычи.

Хинганского хребта. Эти знаменитые бочаровские тупики начинались сразу же за станцией Петля. Строительство их было обусловлено необходимостью организации временного обходного железнодорожного сообщения для подвоза стройматериалов и оборудования для строившейся линии, а также для доставки пассажиров до тех пор, пока не будет готов тоннель. Для этого и служила система железнодорожных тупиков — отрезков пути по полкилометра длиной каждый, расположенных в три яруса в виде зигзага по склону хребта. Тупики позволяли поездам как спускаться с крутого восточного склона Большого Хингана, так и подниматься снизу на самую высшую точку перевала и обеспечивали, таким образом, возможность непрерывной железнодорожной связи в обход тоннеля еще задолго до ввода его в эксплуатацию.

Движение поездов по тупикам было разработано до мельчайших деталей. Стоит привести описание поездки по тупикам Н.А. Байкова в феврале 1902 г.: «С перевала поезд спускался на тормозах по тупикам, которых было всего шесть. Таким образом, поезд двигался то вперед головой, то хвостом. Уклон был так велик, что паровоз, становившийся всегда в голове поезда, несмотря на усиленный „задний ход“, мчался с головокружительной быстротой. Из-под тормозов сыпались искры и пахло горелым железом. Буксы горели во многих вагонах. Во время этого сумасшедшего бега нас качало, как на море, и многие пассажиры читали молитвы, вручая свои души Богу. На всех лицах был написан панический страх и ужас, даже поездная прислуга крестилась и слышались возгласы: „Пронеси, господи!“ Каждое колено тупика длиной в одну версту мы пробегали в 20–30 секунд и каждый раз ожидали того момента, когда поезд, не будучи сдержан тормозящим паровозом, выскочит из тупика и пойдет „вверх тормашками“ вниз по откосу горы. Но, к счастью, этого не случилось; мы благополучно доехали до нижнего тупика, и все с облегчением вздохнули... „Вот это езда, так езда!“ — сказал мой Михаил».

1 июля 1903 г. КВЖД перешла в регулярную эксплуатацию, хотя и с большим числом недоделок, оцененных в 57 млн. руб. Тоннель через Большой Хинган еще не был достроен.

Зимой 1903–1904 гг. между Москвой и портом Дальний еженедельно ходили четыре роскошно оборудованных пассажирских поезда. Они отправлялись из Москвы по понедельникам, средам, четвергам и субботам. В полдень на третьи сутки поезд прибывал в Челябинск, утром на восьмые сутки — в Иркутск. Затем была четырехчасовая переправа через Байкал на пароме (или езда по Кругобайкальской дороге после введения ее в эксплуатацию). В полдень на двенадцатые сутки поезд прибывал на станцию Маньчжурия, а еще через пять суток — в порт Дальний. Вся поездка занимала 16 суток вместо 35 на океанском корабле.

В 1904 г. Транссиб представлял собой комплекс железных дорог, протяженность которых приведена в таблице № 1.

Стоимость строительства дорог Транссиба составила около одного миллиарда рублей, средняя стоимость 1 км пути доходила до 120 тыс. руб.

С началом строительства Транссиба встал вопрос о дополнительных железнодорожных подходах к нему из Европейской части России. Для этого в 1896 г. построили линию от Екатеринбурга до Челябинска длиной 252 км, а к 1899 г. — от Перми до Котласа через Вятку (866 км). Таким образом, появился выход на Северную Двину, по которой далее грузы попадали в Архангельск, и новый подход к Транссибу.

Таблица № 1

Для обеспечения кратчайшего выхода к Великому Сибирскому пути с северо-запада решили провести линию Петербург—Вологда—Вятка. Царский указ о ее строительстве вышел в 1902 г. Для предпостроечных изысканий и последующего сооружения линию разделили на две части: Петербург—Вологда протяженностью 599 км и Вологда—Вятка протяженностью 642 км.

ГЛАВА 9 АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ НАД ПОРТ-АРТУРОМ

Вопрос о занятии незамерзающего порта на Дальнем Востоке постоянно обсуждался руководством Морского и Военного ведомств еще с 70-х годов XIX века. Последним толчком же, заставившим поспешить Россию в этом вопросе, стали действия Германии и Англии.

Англия уже имела несколько военно-морских баз на Дальнем Востоке — Сингапур, Гонконг и другие, но мечтала о захвате новой базы в Северном Китае. Внимание британских, германских и русских адмиралов привлекла бухта Циндао (Киао-чоу). Коллежский советник русского МИДа писал: «Стратегическое значение Циндао (Киао-чоу), в силу его графического положения, громадно, оно отдает в руки занявшего его весь Шаньдун и открывает свободный доступ в Пекин, упраздняя все Печилийские укрепления как средства для обороны подступов к столице против владеющего названной бухтой».

В 1896–1897 гг. германский посол в Китае барон Гейканг несколько раз поднимал вопрос о передаче Циндао Германии. Китайское правительство все время отвечало Германии решительным отказом, ссылаясь, с одной стороны, на свое собственное намерение воспользоваться этой бухтой как стоянкой для возрождавшегося в те дни китайского флота, а с другой стороны, на право первенства, принадлежавшего по отношению к этой бухте России.

Действительно, еще в 1895 г., в период переговоров с Японией, командовавший в это время соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмирал Тыртов 2-й после совещания со своими ближайшими сотрудниками — вице-адмиралом С.О. Макаровым и контр-адмиралом Е.И. Алексеевым, указал именно на Циндао как на удобнейшую зимнюю стоянку русских судов. Эта же стоянка была необходима России потому, что Владивосток замерзал, рейд Чифу имел большие недостатки, корейские порты были неудобны тем, что телеграф там находился в руках японцев, а стоянка в японских портах, которой Россия пользовалась раньше, после событий 1895 г., оказалась уж совсем неудобной в политическом отношении. «Киао-чоу удовлетворяет условиям, имеется телеграф и провизия», — писал вице-адмирал Тыртов.

20 октября 1897 г. в Шаньдуне, недалеко от Циндао, местным населением были убиты два католических миссионера, по национальности немцы. Теперь Германия получила повод для захвата Циндао. 26 октября Вильгельм II отправил в Петергоф телеграмму, в которой сообщал о самом факте нападения китайцев на католических миссионеров, находящихся под его личным покровительством, писал, что он обязан наказать этих китайцев, и выражал уверенность, что Николай II ничего не будет иметь против его решения отправить германскую эскадру в Циндао, дабы с этого пункта действовать против «китайских разбойников». Вильгельм II писал, что Циндао наиболее подходящая стоянка, что наказания необходимы и произведут хорошее впечатление на всех христиан, что он, император, несет известные обязательства перед католиками в Германии и должен показать себя способным оказать им покровительство.

Николай II ответил на эту телеграмму, что он не может быть ни за, ни против отправки германской эскадры в Циндао, поскольку недавно выяснилось, что стоянка там оставалась за русскими судами только временно, а именно на зиму 1895–1896 гг. Вместе с тем Николай II высказал опасения, что строгие меры наказания только вызовут волнения, произведут тяжелое впечатление на Дальнем Востоке и расширят или углубят пропасть, уже и без того существующую между христианами и китайцами.

Утром 2 ноября 1897 г. три германских судна вошли в бухту Циндао, высадили 200 человек десанта и разрушили телеграфную линию. Уступая угрозе германского адмирала, начальник китайского гарнизона очистил порт и укрепления и отступил, оставив в руках немцев орудия, снаряды, амуницию и припасы. Отправившийся к германскому адмиралу за объяснениями генерал Чжан был обезоружен и задержан немцами.

Германская пресса представила убиение двух миссионеров как угрозу всей германской

нации. В помощь германской эскадре Тихого океана была немедленно отправлена вновь сформированная из четырех судов 2-я крейсерская дивизия под командованием брата императора принца Генриха. Отправка этих судов происходила с большой помпой и рядом патриотических манифестаций.

Германское правительство воспользовалось шаньдунским инцидентом и внесло в рейхстаг проект об усилении флота.

Китайское правительство пыталось сопротивляться. К Циндао был послан пятитысячный отряд, а князь Гун³⁰ обратился к русскому послу А.И. Павлову с просьбой послать русскую эскадру в Циндао. Николай II сгоряча отдал приказ эскадре идти в Циндао, но 8 ноября приказ этот был отменен.

Потеряв надежду на помощь извне, Китай вступил с Германией в новые переговоры и в конце декабря 1897 г. заключил с ней особое соглашение, по которому Германия получала право на арендное пользование бухтой Циндао в течение 99 лет.

Любопытно, что район Циндао был подчинен ВМФ, а не министерству колоний Германии. За несколько лет Циндао превратился из маленькой рыбацкой деревушки в 60-тысячный город с многочисленными промышленными предприятиями и мощной крепостью. На Циндао стала базироваться эскадра германских кораблей.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что аннексия Циндао вызовет лавинообразную серию захватов других китайских территорий прочими империалистическими государствами, среди которых первыми будут Англия и Япония. Одним из самых лакомых кусочков Китая был Порт-Артур. Захват его был неизбежен. Вопрос заключался лишь в одном — кто это сделает.

Удобная гавань на южной оконечности Ляодунского полуострова получила в 1858 г. название Порт-Артур. Эту пустынную гавань впервые использовали англичане в ходе второй опиумной войны. Ближайшей базой британской эскадры, действовавшей в Печилийском заливе, был Гонконг, отстоявший на многие сотни миль. Поэтому «просвещенные мореплаватели» создали временную базу на Ляодунском (Квантунском) полуострове.

База получила название Порт-Артур то ли по фамилии капитана 1 ранга Артура, командира одного из британских кораблей, находившегося в этих водах, то ли в честь полумифического короля британских кельтов Артура (V–VI вв. н. э.). Во всяком случае, англичане к тому времени называли именем Артура целых три порта: на юго-востоке острова Тасмании (Австралия), на западном берегу Горного озера (континентальная Канада) и в Мексиканском заливе (США).

После окончания второй опиумной войны гавань Порт-Артура опустела, точнее, там осталось маленькое китайское рыбацкое селение. Лишь в 1882 г. наместник провинции Хубэй Ли Хун Чан решил построить две сильные морские крепости на обоих берегах пролива Ляотешаньшуйдао, ведущего в Печилийский залив, — Порт-Артур (китайское название Люйшунь) и Вэйхайвэй (современное название Вэйхай). Расстояние между этими портами около 160 км. Выбор места для обоих портов (морских крепостей) был очень удачен. Фактически эти крепости стали второй линией обороны Пекина, после фортов порта Дагу.

Руководил постройкой укреплений Порт-Артура германский инженер Ганнекен. Около десяти лет свыше четырех тысяч китайцев строили крепость и порт. В 1892 г. работы были в основном закончены.

Для благоустройства порта был выкопан Восточный бассейн размерами 530 г 320 метров и глубиной при отливе 5 метров, а во время прилива — более 8 метров, с гранитной облицовкой. Ширина входа в бассейн составляла 80 метров. Вокруг бассейна расположились мастерские и другие портовые сооружения, дававшие возможность производить ремонт судов любой сложности. В Восточный бассейн выходили два дока. Порт и мастерские имели электрическое освещение.

Укрепления Порт-Артура разделялись на два фронта обороны: береговой и сухопутный.

30 Сановник, выполнявший обязанности премьер-министра.

Береговой фронт проходом в гавань делился на две части: восточную (Тигровый полуостров) и западную (Городская сторона). На восточной части имелось три береговых форта, вооруженные 32 береговыми орудиями, а на западном участке было пять береговых фортов с 30 береговыми орудиями системы Круппа. Все форты были долговременными, с большим количеством казематированных помещений. Материалом для постройки фортов служили, главным образом, глина и камень, и только кое-где верхний слой земли брустверов и откосов был усилен тонким слоем «плохого бетона».

Итак, России пришлось решать — занимать ли ей Порт-Артур, или его займут другие. Кроме того, русской эскадре на Дальнем Востоке давно уже требовался незамерзающий порт. Единственная военно-морская база на Тихом океане, Владивосток, зимой замерзала. Хороших ледоколов не было, и приходилось или на полгода ставить эскадру на прикол, или на зиму уходить гостить в порты Японии или Китая. Обычно наши адмиралы предпочитали гостить в Японии. Причем не последним аргументом базирования в Нагасаки были любвеобильные гейши. Морское министерство рассматривало несколько вариантов создания незамерзающей военно-морской базы. Моряки отдавали предпочтение не Порт-Артуру, а базе на юге Корейского полуострова. Основные аргументы: контроль над стратегическим Цусимским проливом, защита Кореи от вторжения японцев и, наконец, Владивосток был вдвое ближе (почти на 800 миль).

Управляющий Морским министерством вице-адмирал Тыртов писал: «Помешать из далекого Порт-Артура подготовлениям Японии к внезапному занятию Кореи нам будет значительно труднее, чем английской эскадре из Безикской бухты захвату Босфора. Для того чтобы... своевременно разрушить такой план захвата и чтобы Япония не решилась на это предприятие в сознании риска неудачи и неизбежных громадных потерь, необходимо иметь опорную точку на юге Кореи. База эта... нужна сверх того как связующее звено Владивостока с Порт-Артуром. Станция в южной Корее являлась бы, кроме того, сильной угрозой... более многочисленному торговому флоту Японии. Приобретение такого порта должно составлять цель, к которой необходимо стремиться неуклонно...

Для обеспечения нашего спокойствия и развития на крайнем Востоке нам нужны не дальнейшие приобретения в Китае... а достижение преобладания на море. Но такое преобладание недостижимо одним уравнением наших сил в Тихом океане с японскими и даже некоторым излишком с нашей стороны, пока расстояния наших баз от объекта действий, т. е. Кореи, будут так велики, как теперь по сравнению с Японией, для которой всегда будет служить большим соблазном возможность... перебросить в Корею целую армию раньше, чем это даже будет известно во Владивостоке или Порт-Артуре. Поэтому нам необходимо стремиться приобрести... защищенную базу в юго-восточной части Кореи, предпочтительнее всего Мозампо, чтобы обеспечить себя от всяких неожиданностей со стороны Японии».

Как видим, и тогда нашим адмиралам были однозначно видны все недостатки Порт-Артура. Но дело решили экономические интересы, и не столько России, сколько конторы Витте и К°. Им Порт-Артур нужен был не как военно-морская база, а как опорный пункт для торговой экспансии в Северном Китае. А формально для царя и для общественности выдвигается совершенно справедливый аргумент — не захватим мы, захватят другие.

Действительно, захват немцами Циндао заставил Англию начать сосредоточение своей Тихоокеанской эскадры у Чусанских островов, недалеко от устья Янтсекианга. Намерения англичан были известны. Отдельные суда английской эскадры появились в Печилийском заливе. С конца ноября в Петербург стали поступать тревожные известия, что в Чифу ожидается британская эскадра в полном составе, что она идет затем в Порт-Артур, дабы предупредить Россию.

Посол Павлов сообщил об этом в Петербург 25 ноября 1897 г. 27 ноября из самого Чифу донес об этом русский консул Островерхов. Наконец, о подобных планах Англии намекнул русскому представителю в Пекине и германский посол барон Гейкинг.

Когда известие о намерениях англичан дошло до командующего Тихоокеанской

эскадрой контр-адмирала Федора Васильевича Дубасова, то он предложил Морскому министерству занять архипелаг Коргодо с портом Мозампо. Русская военно-морская база там, как доносил Дубасов, вполне разрешила бы вопрос о стратегическом упрочнении России на берегах Восточного океана и дала русским опорный пункт, господствующий над сообщениями Кореи с Северным Китаем и Японией, связанный к тому же с Сеулом главной в Корее большой дорогой, расстоянием всего до 400 верст. 27 ноября 1897 г. Дубасов доносил в Петербург: «Мог бы занять эту базу и удержать, минировав второстепенные проходы и защищая эскадрой главные». Телеграмма эта была получена 30-го вечером, уже после того, как 29 ноября в 3 часа ночи в Нагасаки, где находилась русская эскадра, были посланы совсем иные распоряжения, расходившиеся с мнением командующего Тихоокеанской эскадрой. Впрочем, если бы его телеграмма и была получена до этих распоряжений, вряд ли Петербург изменил бы свое решение — занять не Мозампо, а Порт-Артур.

Барон Розен, русский посланник в Токио, писал: «Нам очевидно опасно оставление этой важнейшей для нас позиции в бессильных руках Китая». Того же мнения держались и в Петербурге. Управляющий МИДом граф Муравьев находил, что теперь, по получении согласия китайского правительства на свободное посещение русскими судами китайских закрытых портов, он находит вполне возможным и своевременным немедленную отправку нескольких русских судов в Порт-Артур, «дабы предупредить занятие этой гавани другой нацией».

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович заявил: «Надо послать в Артур сильную эскадру». Николай II, как всегда, не имел ни своего мнения, ни вообще каких-то идей в области дальневосточной политики. Он традиционно колебался. Наконец, 28 ноября дядя Алексей уговорил царя согласиться на отправку русской эскадры в Порт-Артур.

29 ноября 1897 г. в 3 часа ночи контр-адмиралу Дубасову было послано по телеграфу приказание немедленно по получении этой телеграммы отправить в Порт-Артур отряд из трех судов. «Отряд должен спешить, — говорилось в депеше, — и по прибытии оставаться в этом порту впредь до распоряжения, причем судам быть готовым ко всяким случайностям. Сохраните поручение в строжайшем секрете даже от командиров; его должны знать только вы и Реунов. Официально назначьте посылку отряда в какой-нибудь другой порт. Остальные суда эскадры держите в полной готовности; уведомьте срочно о получении телеграммы и о выходе отряда».³¹

1 декабря в Петербург пришло новое известие, что 4 английских судна спешно грузятся углем в Чифу и что они, по всей видимости, идут к Порт-Артуру. Очевидно, что англичане могли предупредить русских: от Чифу до Порт-Артура было несколько часов хода, от Нагасаки до Квантуна — два с половиной дня. В Морском министерстве начали беспокоиться. Наконец, 2 декабря от Дубасова была получена телеграмма о сделанных им распоряжениях и депеша о состоявшемся в ночь на 1 декабря выходе контр-адмирала Реунова из Нагасаки.

Предполагалось, что в Порт-Артуре уже могут находиться английские корабли. Поэтому Реунову было предписано тотчас же по прибытии в Порт-Артур заявить местным властям, что русские корабли, имея право в силу состоявшегося соглашения пользоваться китайскими арсеналами, пришли фактически осуществить это право; что вслед за отрядом Реунова придут и другие корабли русской эскадры, для которых нужно при помощи местного арсенала выполнить некоторые работы; что китайские власти должны передать это заявление английским кораблям, если те находятся в Порт-Артуре или придут туда, и просить англичан об очищении места для русской эскадры. Если же англичане не приняли бы заявления властей и приступили бы к занятию порта, то Реунов должен был до получения определенных указаний из Петербурга ограничиться энергичным протестом. Во всяком случае, он не имел права непосредственно требовать от иностранных судов, чтобы они покинули порт, а тем более начать против них какие-либо враждебные действия.

Но англичан в Порт-Артуре не оказалось. Когда 4 декабря задержанный в пути свежим ветром отряд Реунова появился, наконец, на его внешнем рейде, там находилось всего два военных судна, да и то китайских. Английская же канонерская лодка «Дафнэ» пришла в Порт-Артур только 6 декабря. Несмотря на запрещение китайских властей, она вошла во внутренний рейд и, простояв 3 часа, ушла обратно.

Контр-адмирал Дубасов считал необходимым наряду с Порт-Артуром занять и Талиенван. 2 марта 1898 г. он телеграфировал в Петербург генерал-адмиралу: «Без поддержки Талиенвана — Порт-Артур мог быть изолирован, и связь их обоих с внутренней базой могла быть прервана». Об этом еще 27 ноября говорил управляющий морским министерством граф Муравьев, считая, что одновременно с занятием Порт-Артура должны быть отправлены суда и в Талиенван. Как раз 2 декабря из Чифу был передан новый слух, будто бы Англия уже овладела Талиенваном. Поэтому 3 декабря в три часа ночи Дубасову было отправлено приказание Николая II немедленно послать в бухту Талиенван один крейсер и две канонерские лодки. «Невозможно позволить англичанам хозяйничать на севере», — телеграфировал великий князь Алексей Александрович.

8 и 9 декабря крейсер «Дмитрий Донской» и канонерские лодки «Сивуч» и «Гремящий» вошли в гавань Талиенвана. Английских судов там не оказалось. 17 декабря в Порт-Артур пришла канлодка «Кореец». Одновременно с ней пришли на внешний рейд и встали на якорь английские крейсера «Immortalite» и «Iphigenia». Китайцы подняли им сигнал, что вход в порт запрещен, и англичане через некоторое время ушли.

Первоначальные отношения русских и китайцев были самые дружественные. Русский посол Павлов писал: «Китайские власти в Порт-Артуре и Талиенване оказывают нашим судам самое широкое внимание». Три китайских судна по очереди ходили в Чифу для подвоза русским кораблям провизии. Сухопутное китайское начальство предупреждало каждое желание русских моряков. Происходил взаимный обмен подарками, обедами и любезностями. Весь запас угля в Порт-Артуре был передан контрадмиралу Реунову совершенно бесплатно, затем по распоряжению центрального китайского правительства из Шанхайгуаня был выслан дополнительный запас угля для русских кораблей. Наши корабли пришли в Порт-Артур с минимальным запасом угля и без денег, так как при выходе из Нагасаки командирам дано было знать, что они идут в Фузан. А в Фузане уголь был уже заготовлен, и расстояние было невелико. Когда же в море были вскрыты запечатанные конверты с приказанием, оказалось, что отряд идет в Порт-Артур. «К счастью, угля хватило, но были и такие суда, которые висели на волоске», — писал один из очевидцев. По приходе же в Порт-Артур русских выручили китайцы.

Следуя инструкциям из столицы, генерал-губернатор Печили заявил английскому консулу в Тяньцзине, что «русские пришли в Порт-Артур для защиты интересов Китая».

Известие о появлении русских судов в Порт-Артуре вызвало тревогу в Англии и Японии. 18 декабря 1897 г. английская эскадра адмирала Бюллера в составе шести кораблей (общее водоизмещение 24 940 т) появилась на рейде Чемульпо. Тогда же разнеслись слухи о намерении англичан высадить десант на острова Чусан и в порт Гамильтон. 10 января 1898 г. лондонская газета «Стандарт» поместила на своих столбцах самую воинственную статью, лорд Уолсней заявил, что если война начнется, то она застанет британскую армию в блестящем состоянии. Русскому послу в Лондоне приказано было заявить английскому правительству, что Россия крайне удивлена тревогой, возникшей как в лондонской печати, так и в общественных сферах столицы, что, по мнению русского правительства, интересы России и Англии на Дальнем Востоке не могут прийти в серьезное столкновение. Из дальнейших объяснений с английским премьером стало очевидно, что Лондон вполне удовлетворен этим ответом. Вообще же солидарность России с Германией невольно заставила Англию действовать с особой осторожностью. Уже 10 января 1898 г., в тот самый день, когда в Лондоне появилась статья в «Стандарте», контр-адмирал Дубасов донес, что общее настроение стало спокойнее, что отношения русских и английских судов носят дружественный характер, а встречи между адмиралами русской и английской эскадр

отличаются особенной любезностью.

В Японии появление русских судов у Квантуна повлекло целый ряд воинственных приготовлений. Всем адмиралтействам было приказано держать корабли в полной боевой готовности, поспешить с их ремонтом, вести работы даже ночью.

Министр иностранных дел Японии Нисси запросил русского посланника, какие цели преследовала Россия, занимая Порт-Артур, и имеют ли русские в виду содействие или противодействие германским предприятиям в Китае. Барон Розен ответил, что занятие Порт-Артура стоит в прямой связи с занятием Циндао, что поступок немцев побуждает Россию искать обеспеченной стоянки вблизи Шаньдунского полуострова, что «наша политика всецело направлена к поддержанию мира и спокойствия на Крайнем Востоке», и что посылка отряда для временной стоянки в Порт-Артуре, очевидно, лишь мера предосторожности, «ни против кого не направленная и принятая с согласия китайского правительства».

В то же время японский посланник в Пекине потребовал от китайцев объяснений и напомнил им данное при возвращении Ляодунского полуострова обещание не уступать этой местности никакой другой державе. Китайцы ответили, что о территориальной уступке Порт-Артура нет и речи, и что по дружескому соглашению с Россией ее флоту лишь предоставлено право пользоваться Порт-Артуром и Талиенваном для временной стоянки.

Подобно Англии, Япония не решилась на активный протест. Она не могла не видеть, что «тройственный союз», с которым она уже имела дело в период ратификации Симоносекского договора, не рухнул, а живет. Настолько согласованы были все операции германской и русской эскадр, всего в течение одного месяца занявших у Китая три лучших северных гавани. Конечно, Япония еще более убедилась бы в силе и прочности этого союза, если бы могла слышать, что сказал 5 декабря 1897 г. русскому послу в Берлине император Вильгельм II, беседуя с ним по поводу Циндао и Порт-Артура: «Ваши враги — будь то англичане или японцы — становятся и моими врагами, и какими бы агрессивными они ни были, как бы ни противостояли вашим интересам, будьте уверены в том, что германская эскадра станет бок о бок с вашими военными судами».³²

Таким образом, управляющий морским министерством был прав, сообщая 9 января Дубасову, что «опасаться неприязненных действий Японии или Англии нет оснований».

За день до прихода русской эскадры в Порт-Артур китайцы попросили у России новый заем в сто миллионов лан. Деньги Китаю были крайне необходимы для выплаты Японии последних взносов денежной контрибуции. 2 декабря 1897 г. Д.Д. Покотилов³³ передал министру финансов России просьбу Китая, чтобы Россия гарантировала и этот заем подобно тому, как она уже обеспечила заем 1895 г.

В ответ на это С.Ю. Витте 4 декабря уведомил Покотилова, что Россия возьмет на себя совершение нового займа при условии, если Китай: 1) предоставит ей надлежащие гарантии в исправности своих платежей по этому займу; 2) подтвердит в безусловной форме разрешение южного направления Китайской Восточной железной дороги (т. е. задуманного в то время направления на Бодуне и Нингуту взамен нынешнего направления на Цицикар и Нингуту); 3) примет на себя обязательство не допускать никаких иностранцев, кроме русских, к сооружению железных дорог и к эксплуатации других промышленных предприятий во всех трех провинциях Маньчжурии, а равно и в Монголии и т. д. А, кроме того, Китай предоставит России выбрать гавань для устройства порта для Добровольного флота, причем, в новый порт будут иметь право входить все суда под русским флагом.

12 марта 1898 г. в Желтое море вошли прибывшие с Балтики броненосные крейсера «Рюрик» и «Дмитрий Донской». Но еще 11 марта китайские сановники в Пекине на переговорах с Павловым согласились передать России Порт-Артур и Талиенван с

32 Россия и Япония на заре XX столетия. С. 81.

33 Д.Д. Покотилов — представитель русского Министерства финансов в Пекине и директор пекинского отделения Русско-китайского банка.

прилегающими территориями в аренду сроком на 25 лет. Статья 6-я соглашения определяла, что Порт-Артур для военных и коммерческих судов других государств будет считаться закрытым портом, но зато Талиенван, кроме одной из его внутренних бухт, будет считаться открытым для иностранной торговли и доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Параллельно с переговорами в Пекине русское командование вело переговоры в самом Порт-Артуре с местным начальством — генералами Сун-Цином и Ма-Юйкунем. Под их началом только в Порт-Артуре состояли 7500 человек пехоты и конницы при 20 полевых орудиях. В конце концов генерал Сун-Цин получил 100 тыс. руб., а генерал Ма-Юйкунь — 50 тыс. руб. Досталось и мелким чиновникам.

28 февраля Павлов сообщил Колесову, прикомандированному в качестве переводчика к русской эскадре: «...в мое распоряжение уже предоставлены денежные средства на выдачу пособия китайским властям Порт-Артура и Даляньваня, дабы привлечь их на нашу сторону... Полагаю чиновникам категории Гу, Ли, Хо практичнее всего определить теперь ежемесячно от 100 до 200 лан со дня прихода наших судов в Порт-Артур и обещать одновременно более крупную сумму в несколько тысяч лан».³⁴

Трудно сейчас сказать, что произвело большее впечатление на китайских военных — приказ из Пекина, «живые» деньги или 12-дюймовые пушки броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин». Но меньше, чем за сутки (с 15 на 16 марта) все китайские солдаты покинули Порт-Артур. Взятка китайским генералам окупалась хотя бы тем, что в Порт-Артуре ими были брошены в исправном состоянии десятки мощных крепостных орудий, многие из которых позже участвовали в обороне крепости в 1904 году.

Утром 16 марта 1898 г. в Порт-Артур из Владивостока прибыл пароход Добровольного флота «Саратов». Был высажен десант в составе двух сотен забайкальских казаков, дивизиона полевой артиллерии и команды крепостной артиллерии.

В 8 часов утра 16 марта, пока шла высадка десанта, на мачте Золотой горы (вершины, господствующей над Порт-Артуром) великий князь Кирилл Владимирович³⁵ поднял Андреевский флаг рядом с китайским желтым флагом. Раздался салют эскадры — Порт-Артур официально стал русской военно-морской базой.

В тот же день, 16 марта, состоялась высадка в Талиенване. Сюда еще накануне был отправлен из Порт-Артура контр-адмирал Реунов с крейсером «Дмитрий Донской», канонерской лодкой «Кореец» и клипером «Всадник». Всего в Талиенване были высажены на берег 180 человек при трех орудиях. Порядок не был нарушен ни в Порт-Артуре, ни в Талиенване. Значительная часть населения покинула оба города. Китайцы хорошо помнили резню, учиненную японцами при занятии Порт-Артура, и предпочли не испытывать судьбу. Русское командование было этому только радо и разместило войска в брошенных китайцами административных зданиях, кумирнях и частных домах.

В 30 милях от Порт-Артура находится группа островов, которые китайцы называли Мяо-дао. Острова имели стратегическое значение, и контр-адмирал Дубасов решил занять их. 16 ноября 1898 г. крейсер «Дмитрий Донской» высадил на островах небольшой десант, и населению островов были розданы прокламации о присоединении островов к арендуемой Россией территории. Однако министр иностранных дел граф Муравьев испугался и уговорил Николая II отдать приказ об уходе русских сил с островов Мяо-дао. Взамен русские дипломаты заключили с китайцами отдельное соглашение по этим островам, согласно которому Китай обещал не передавать их другим странам и не позволять иностранным кораблям базироваться на них.

Это было очередной наивностью наших дипломатов. За несколько дней до начала русско-японской войны японцы захватили острова, а затем стали использовать их в качестве

34 Дацышен ВТ. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин. С. 26.

35 Он тогда служил вахтенным начальником на броненосном крейсере «Россия».

военно-морской базы для блокады Порт-Артура.

19 марта вышел приказ Николая II: «Государь Император объявляет Высочайшую благодарность Командующему эскадрой в Тихом океане, Контр-Адмиралу Дубасову и Монаршее благоволение — всем чинам вверенной ему эскадры и сухопутного отряда за отличное исполнение возложенных на них поручений по занятию Порт-Артура и Талиенвана».

Через четыре дня «Монаршее благоволение» было объявлено командирам эскадренных броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин» и крейсера 1 ранга «Россия» капитанам 1 ранга Парегаго, Иенишу и Доможирову. В декабре 1898 года Дубасов и Реунов были награждены орденами Святой Анны 1 степени. 14 сентября 1899 г. император пожаловал «За труды по занятию портов Квантунского полуострова Артур и Талиенван» ордена офицерам штаба начальника Тихоокеанской эскадры, кораблей «Сисой Великий», «Наварин», «Россия», «Рюрик», «Память Азова», «Адмирал Корнилов», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Забияка», «Всадник», «Гремящий», «Отважный», «Кореец», «Манджур», «Сивуч» и пароходов Добровольного флота «Ярославль», «Саратов», «Екатеринославль», «Владимир», «Петербург» и «Воронеж». Награждение орденами за занятие Порт-Артура производилось до июня 1900 г.

На занятие Порт-Артура Англия ответила традиционным британским шантажом — послала мощную эскадру в Желтое море. Эта эскадра превосходила по силе русскую, но у наших адмиралов на сей раз оказались крепкие нервы, и они попросту игнорировали англичан. Отважиться на войну против России без союзников Англия бы никак не осмелилась.

Поскольку владычице морей не удалось отстоять китайский суверенитет над Порт-Артуром, она решила отнять у Поднебесной империи порт Вэйхайвэй с окрестностями. 25 марта 1898 г. Англия потребовала от китайского правительства уступки Вэйхайвэя на северном побережье Шаньдуна, дабы иметь собственную базу на подступах к Пекину. Заодно английское правительство заявило претензии на увеличение своих владений на полуострове Цзюлун (Коулун) на материке напротив Гонконга. Аренда Цзюлуна была оформлена англо-китайским договором от 9 июня, а аренда Вэйхайвэя — 1 июля 1898 г.

Одновременно британская дипломатия добилась расширения прав английского судоходства по рекам Китая. Так, к примеру, она получила соглашение о признании бассейна реки Янцзы, богатейшей части Китая, сферой влияния Англии.

Не осталась без куша и Франция. 7 марта 1898 г. она потребовала для себя «угольную станцию» (фактически военно-морскую базу!) в Южном Китае, концессию на железную дорогу от границы Вьетнама до города Юньнань-фу и некоторые другие преимущества. 9—10 апреля 1898 г. состоялся обмен нотами, который зафиксировал согласие китайского правительства на французские требования. При этом в качестве «угольной станции» Франции уступили на началах аренды порт Гуанчжоувань в провинции Гуанси.

Итак, Китай грабили все, кому не лень. Опомнились и итальянцы. 17 февраля 1899 г. итальянский посланник предъявил Китаю требование об уступке Италии бухты Санмынь и о признании всей провинции Чжэ-цзянь в сфере итальянского влияния. Это влияние должно было сказаться, во-первых, в проведении железной дороги от бухты Санмынь к реке Янцзы, а во-вторых, в подчинении итальянскому контролю всей торговли шелком в Чжэ-цзянь. Притязания были довольно существенными, так как эта торговля являлась одной из основных статей дохода китайского государственного казначейства.

Итальянская нота переполнила чашу терпения китайского правительства. Получив итальянскую ноту и доклад по ней премьер-министра, вдовствующая императрица Цыси (1835–1908, годы правления 1861–1908) бросила их на пол. Нота была возвращена обратно при частном письме премьер-министра, в котором говорилось, что последний не имеет права и не будет входить в обсуждение подобного предложения, так как оно превышает его компетенцию. Возвращение официально присланной ноты было принято итальянским правительством за оскорбление.

В последних числах февраля 1899 г. Италия предъявила Китаю ультиматум и назначила своему посланнику в Китае Мартино для ответа четырехдневный срок. Когда 2 марта этот срок истек, а ответа не было, Мартино заявил, что он будет ждать еще 24 часа. Но прошло и 3 марта, прошло еще несколько дней, а Китай молчал.

Тем временем выяснилось, что Италия может послать в Китай эскадру всего лишь из пяти судов и высадить десант численностью не более пятисот человек, да и за дальностью расстояния и печальным состоянием своих финансов Италия совершенно лишена возможности вести с Китаем продолжительную войну. Взвесив все шансы, итальянское правительство решило уступить. Козлом отпущения стал посланник Мартино, который был отозван из Пекина.

Эта дипломатическая победа существенно подняла престиж Цыси в глазах народа. Во всем Китае росла ненависть к «белым дьяволам».

ГЛАВА 10

УЧАСТИЕ РОССИИ В ИНТЕРВЕНЦИИ В КИТАЕ

Русско-китайская война 1900 года имеет две интересные особенности. Во-первых, она почти неизвестна отечественному читателю, поскольку большевики и «демократы» не любили афишировать ее. Во-вторых, эта война является уникальной в том плане, что ее инициаторами были не русские и не китайцы. Кашу заварили западноевропейские империалисты, а расхлебывать ее пришлось русским и китайцам.

Европейские империалистические государства не только захватили китайские порты и требовали концессии на строительство железных дорог, разработку полезных ископаемых и т. д. Они хотели духовно покорить китайский народ.

В Китай с середины XIX века устремились тысячи христианских проповедников, большинство их составляли католики. И это были не тихие пастыри, проповедующие добро и справедливость. Миссионеры относились к китайским чиновникам и высшей знати как к дикарям. В книге «Европа и Китай» (СПб., 1881) Ф.Ф. Мартенс писал: «Католические миссионеры защищали всякого крещеного туземца против законных требований отечественного правительства, они не признавали власти китайского правительства по отношению к его подданным христианам, они, наконец, часто с явным презрением относились к этому правительству и к органам местной администрации». В спорах с местной администрацией миссионеры грозили обращением к государствам, их пославшим, и приходом европейских войск.

Миссионеры забыли, что две тысячи лет назад именно Англию и Францию населяли дикие племена, а Китай был огромной империей с высоким уровнем цивилизации. Зато это очень хорошо помнили китайцы.

Еще в 1869 г. принц Гун, провожая английского посланника Алока, сказал: «Сделайте милость, увезите с собой опиум и миссионеров». Посланник уехал, но опиум и миссионеры остались.

Следует заметить, что все вышесказанное относится лишь к западным державам. К 1900 г. в Китае имелось всего пять православных церквей, а православных китайцев насчитывалось не более пятисот человек. Количество католиков и протестантов было намного больше. В Китае работали до тысячи европейских миссионеров и имелось несколько тысяч христианских храмов, только китайцев-католиков было, по разным данным, от пятисот тысяч до миллиона человек, а китайцев-протестантов — несколько десятков тысяч.

Русских в Китае (за пределами Маньчжурии) было ничтожно мало. К примеру, во время переписи в Шанхае в мае 1900 г. иностранцев оказалось 6774 человека, из которых англичан было 2500 человек, а русских всего 47.

В 90-х годах XIX века в Китае возникло движение «Отряды во имя мира и справедливости» — «Ихэтуань».

Европейцы «ихэтуанями» называли различные организации и отряды, иногда

сотрудничавшие между собой, но чаще относящиеся друг к другу враждебно. Отличительной особенностью всех ихэтуаней был красный цвет: члены организаций носили красные пояса, красные повязки и красные знамена. Были среди ихэтуаней и желтопоясные отряды. Большинство мужских организаций ихэтуаней имели в своем названии слово «кулак», а на знаменах — изображение больших кулаков. За это европейцы стали называть их боксерами. Название звучное и понятное европейскому обывателю, и оно быстро перекочевало со страниц желтой прессы в ученые труды и учебники истории.

Девушек в отряде «Красный фонарь» обучали чудодейственной гимнастике, их учили созерцанию и самоусыплению. Во сне и в состоянии транса они говорили непонятные слова, якобы имевшие пророческое значение. От женщин, вступивших в отряды, требовали соблюдения правил: не причесываться по воскресеньям и не бинтовать ног. Они распевали песни: «Женщины, не причесывайте волос — отрубим головы чужеземцам. Женщины, не бинтуйте ног — уьем чужеземцев и посмеемся».

Вожди «боксеров» уверяли своих последователей, что путем определенных заклинаний и обрядов они могут сделать бессильными и безвредными пушки и винтовки «белых дьяволов».

Молодые крестьяне, прежде чем стать настоящими ихэтуанями, проходили соответствующий курс обучения: заучивали заклинания, исполняли особые гимнастические упражнения, которые приводили их в транс. Считалось, что после прохождения такого «курса» человек становился неуязвимым для пуль и осколков снарядов.

Борьба ихэтуаней с «белыми дьяволами» сводилась к изгнанию всего иностранного — религии, книг, товаров, специалистов, орудий производства и различной техники. Китайский историк Фань Вэньлань писал об ихэтуанях, что при виде человека или предмета, на которых был отпечаток чего-либо иностранного, «они не могли сдержат гнева и успокаивались, лишь уничтожив этот предмет или убив такого человека». Целью ихэтуаней было разрушение всего иностранного: железных дорог, железнодорожных составов, телеграфных линий, современных зданий, а также физическое уничтожение всех иностранцев.

Среди ихэтуаней была популярна песня:

Изорвем электрические провода,
Вырвем телеграфные столбы,
Разломаем паровозы,
Разрушим пароходы.
Убитые дьяволы уйдут в землю,
Убитые дьяволы отправятся на тот свет.

Железные дороги, грохочущие паровозы (буквально «огненные телеги»), телеграфные провода — все это рассматривалось ихэтуанями как наваждение нечистой силы, которая нарушила покой добрых духов на китайской земле. В одной из листовок ихэтуаней говорилось: «Железные дороги и огненные телеги беспокоят дракона земли и сводят на нет его хорошее влияние на землю. Красные капли, которые капаят с железной змеи,³⁶ являются кровью оскорбленных духов, летающих в воздухе. Эти духи не в силах помочь нам, когда эти красные капли падают возле нас».

Среди ихэтуаней бродили самые невероятные слухи о действии заклинаний. Говорили, например, что наклеенное на иностранное здание специальное заклинание после громкого возгласа «гори» вызывало пожар, что железнодорожное полотно недалеко от города Тяньцзиня было разрушено от одного прикосновения стебля гаоляна, что некая девушка по имени Ван Юйцзе могла свободно взбираться на высокие иностранные здания и вызывать пожар, и ее не брали пули иностранцев.

В декабре 1899 г. на Шаньдунском полуострове «боксерами» был убит английский

36 то есть ржавчина, отлетающая с телеграфных проводов

миссионер Брукс. Английский посланник немедленно потребовал строгого наказания виновных и появления императорского указа, осуждающего убийство миссионера. Требования эти были исполнены, но вслед за тем 30 декабря появился второй указ, диаметрально противоположного содержания. В нем говорилось, что губернаторы не должны преследовать жителей за участие в тайных обществах, и что если население деревень занимается военным искусством для взаимной охраны и помощи, то оно лишь исполняет своей прямой долг.

Китайская императрица Цыси, правившая от имени нескольких китайских императоров, решила использовать движение ихэтуаней в своих целях. По ее приказанию еще в 1898 г. начались реформы вооруженных сил Китая. В том же году началась коренная реформа «Бэйян гэцзюнь» («Армии Северного океана»). Через полгода в Чжили были сформированы две новые дивизии численностью в 20 тысяч человек. В 1899 году властям провинций Хубэй и Цзянси было приказано укомплектовать для Чжили десять инов.³⁷

28 мая 1900 г. ихэтуанисожгли железнодорожную станцию Фэнтай, находившуюся недалеко от Пекина. На следующий день ихэтуани порвали протянутые вдоль городской стены электрические провода, предназначенные для снабжения электроэнергией трамвайных линий, повредили трамвайные вагоны, многие из которых были сожжены, убили водителей и кондукторов трамваев. 4 июня они прервали телеграфную связь между Пекином и Тяньцзинем, а 7 июня убили двух английских миссионеров.

Участились «братания» между ихэтуанями и императорскими войсками, и это еще более накаляло обстановку в Пекине.

Учитывая общий антииностранный настрой в столице, Цыси 28 мая 1900 г. издала указ, обращенный к ихэтуаням: «Пришло время следовать старому и испытанному пути наших предков. Помогите нам, божество Юй Хуан! Повинуйтесь и следуйте его наставлениям! Смерть иностранцам!»

Надо сказать, что и ранее китайские правители периодически «критически» высказывались о «белых дьяволах». Так, в 1884 г. губернатор провинции Гуандун выпустил циркуляр, где говорилось: «Европейцы не принадлежат к человеческому роду: они происходят от обезьян и гусей. Вы, может быть, спросите, откуда эти дикари овладели такой ловкостью в сооружении железных дорог, пароходов и часов? Знайте же, что они под предлогом проповеди религии приходят к нам, вырывают у умирающих китайцев глаза и вынимают мозг и собирают кровь наших детей. Из всего этого делают пилюли и продают их своим соотечественникам, чтобы сделать их умными и во всем искусными. Только те из них, которые отведали нашего тела, приобретают такой ум, что могут изобретать вещи, которыми они гордятся».

8 мая 1900 г. на собрании дипломатического корпуса в Пекине было решено потребовать от китайского правительства немедленного принятия следующих мер: наказания всех печатающих или расклеивающих прокламации, направленные против христиан и иностранцев, казни всех поджигателей, подстрекателей к поджогу и убийц; обнародования этих мер в столице и в северных провинциях Китая и строгого наказания всех полицейских чинов, не наблюдающих за их исполнением. В случае, если предъявленные Китаю требования не будут выполнены в течение пяти суток, посланники пригрозили высадить десанты.

Русский посланник Гирс ударился в панику. Он чуть ли не каждый день слал телеграммы в Петербург, требуя вооруженного вмешательства России в дела Китая и конкретно ввода русских войск в Пекин.

Одновременно с Гирсом интервенции в Китай требовал и Алексеев — главный начальник Квантунской области.³⁸ 22 мая 1900 года он шлет депешу военному министру:

37 Ин — батальон 500 человек пехоты или 250 кавалерии.

38 Евгений Иванович Алексеев — личность весьма колоритная, и встречаться с ним мы будем часто. Поэтому нелишне сказать о нем пару слов. Он родился 11 мая 1843 г., в 1856 г. был определен в Морской кадетский

«Лично считаю, что обстоятельства требуют энергичных действий в Пекине, притом внушительною силою».

Но вернемся в Пекин. А что, собственно, мешало господину Гирсу собрать чемоданы и покинуть столицу Поднебесной империи? Вряд ли императрица Цыси отказала бы ему в достаточном конвое до Дагу.

Однако вместо того, чтобы урезонить Гирса, Алексеев приказал отправить в Печилийский залив русскую эскадру под командованием контр-адмирала М.Г. Веселаго. В ее составе были броненосец «Сисой Великий», броненосный крейсер «Дмитрий Донской», канонерские лодки «Кореец» и «Гремящий» и минные крейсера «Всадник» и «Гайдамак».

Эскадра встала на рейде китайского порта Дагу, и на берег были отправлены 74 матроса при одной 2,5-дюймовой десантной пушке Барановского и 30 казаков 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка. Русский отряд вместе с французским и итальянским десантом погрузили на два понтона и под охраной «Корейца» отправили на барже в устье реки Бэйхэ. Интернациональный десантный отряд по реке добрался до Тяньцзиня, а там сел на поезд и отправился в Пекин.

18 мая 1900 г. в посольский квартал Пекина вошел десант, в котором кроме русских были 75 французов, 63 американца, 50 немцев, 28 итальянцев, 25 японцев, а на следующий день приехали 79 англичан при двух пушках и 30 австрийцев.

Параллельно в район Дагу перебрасывались новые русские корабли. 24 мая в Дагу прибыл на крейсере 1 ранга «Россия» с канонерской лодкой «Сивуч» старший флагман и начальник эскадры Тихого океана вице-адмирал Я.А. Гильтебрандт. 29 мая из Порт-Артура в Дагу отправился первый эшелон Квантунских войск в составе 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, четырех орудий, взвода саперов и полусотни казаков, всего в количестве двух тысяч человек под общим начальством полковника Анисимова.

Тем временем обстановка в Пекине продолжала накаляться. Следует отметить, что и европейцы в Пекине вели себя нагло. Иеромонах Авраамий описывал, как схватили на посольской улице 17-летнего китайца (поймал лично германский посол Кеттелер) и били все, каждый посол дал по затрещине. 31 мая испанский посол лично застрелил ихэтуаня. В тот же день русские матросы арестовали китайца с курительными свечами. Вечером 31 мая 20 немецких солдат напали на кумирню, где ихэтуане проводили свои мистерии, и убили 7 китайцев.

Последнее происшествие послужило сигналом к началу штурма ихэтуанями духовных и дипломатических миссий в Пекине. В течение нескольких дней в Пекине были сожжены католические центры Дунтан, Наньтан, Ситан и осажден Бэйтан, погибли несколько европейских миссионеров. Вечером 31 мая было уничтожено русское Северное подворье, где располагалась Духовная миссия. 1 июня было сожжено австрийское посольство, затем была уничтожена нидерландская миссия. 4 июня было прервано телеграфное сообщение столицы с Тяньцзинем. В ночь на 6 июня в Пекине было заметно необычайное движение, в храмах усиленно гудели гонги и звучали молитвенные трубы, над всем городом стоял гул от воинственных криков ихэтуаней. Стало ясно, что и «боксеры», и правительственные войска готовятся к чему-то особенному.

Утром 6 июня китайское правительство предложило иностранным представителям в 24 часа выехать из Пекина в Тяньцзинь. Оно объявило, что в угрозе европейских адмиралов занять Дагу оно видит объявление войны. Дипломаты уезжать из Пекина не хотели и ответили, что они могут исполнить желание китайского правительства только в том случае,

корпус, отучился, 4 мая 1863 г. выпущен гардемарин. Алексеев довольно часто бывал в заграничных командировках, но ни разу не участвовал ни в одном сражении. Не прославился он и написанием научных и военных монографий. Зато в 1891 г. (в 48 лет) был произведен в контр-адмиралы, в 1897 г. — в вице-адмиралы, а 19 августа 1899 г. был назначен «главным начальником и командующим войсками Квантунской области (района Порт-Артура) и всеми морскими силами в Тихом океане». Чем же объясняется столь блистательная карьера серой и заурядной личности? Лишь тем, что он был внебрачным сыном цесаревича Александра, будущего царя Александра II.

если один из отрядов, идущих от Тяньцзиня, будет беспрепятственно допущен до городских стен и примет на себя обязанности конвоя.

Как бы в ответ на это китайцы в 6 часов вечера открыли огонь по иностранным миссиям. Матрос Георгий Ильин пал первой жертвой китайских пуль, отстреливаясь с крыши одного из домов русской миссии. На следующий день, 7 июня, германский посланник барон Кеттлер заявил, что он один объяснится с маньчжурами. Его уговаривали не делать этого, но все оказалось напрасно. Барон Кеттлер отправился в паланкине с переводчиком Кордесом, их охраняли шестеро пеших и двое конных солдат. С полпути барон отпустил охрану назад, оставив при себе только переводчика. Впереди несли паланкин Кордеса, а за ним — паланкин Кеттлера. При повороте на улицу Хадамэнь Кордес видел, как из группы китайских солдат выделился один и выстрелил из винтовки в паланкин Кеттлера. Барон был убит наповал. Позже ихэтуани изрезали его труп на куски.

Убийство Кеттлера послужило началом осады иностранных посольств, которая длилась 56 дней, с 7 июня по 1 августа 1900 г. Около 900 европейцев и американцев и три тысячи китайцев-христиан находились под защитой всего лишь 525 иностранных солдат и офицеров.

6 июня императрица Цыси издала указ, фактически объявляющий войну иностранцам. Там говорилось: «С основания нашей династии иностранцы, посещавшие Китай, пользовались в нем хорошим обращением... Вначале они не выходили из повиновения, но за последние 30 лет, пользуясь снисходительностью Китая, они стали посягать на его территорию, попирали китайский народ и домогаться богатств Китая. Каждая уступка Китая увеличивала их нахальство. Они угнетали мирных граждан, оскорбляли богов и святых мужей, вызывая самое горячее негодование в среде населения. Это повлекло за собою сожжение храмов и избиение обращенных патриотами. Горячо желая избежать войны, правительство издавало указы, в которых повелевало охранять посольства и щадить обращенных. Указы, объявляющие ихэтуаней и обращенных христиан одинаково детьми отечества, издавались в надежде устранить старую между ними вражду, и крайняя доброта издавна была оказываема иностранцам. Но этот народ не знал чувства благодарности и все продолжал увеличивать свое давление на Китай. На днях было получено сообщение Дю-Шаляра (французского генерального консула) в Тяньцзине с требованием сдачи укреплений... Со слезами на глазах мы объявили о войне в храме предков. Мы предпочли прибегнуть к крайней мере и вступить в борьбу, чем ценою вечного позора искать каких-нибудь средств к сохранению своей жизни. Мнение наше разделяют все чины, и сотни тысяч солдат-патриотов (ихэтуаней) собрались без нашего призыва, даже дети — и те тащат копы на службу отечеству. Иностранцы опираются на хитрость, мы же возлагаем надежду на небесную справедливость; они опираются на насилие, а мы — на человеколюбие. Не говоря о правоте нашего дела, у нас более 20 провинций, в которых более 400 миллионов народу, и нам нетрудно будет поддержать достоинство нашей страны».

Несмотря на формальное неравенство сил, европейцы успешно обороняли посольский квартал в Пекине. Это объясняется тем, что 525 европейских солдат и офицеров относились к элитным подразделениям и были вооружены магазинными винтовками. Кроме того, сотни мужчин, укрывшихся в посольском квартале, также взяли в руки оружие, а большинство из них ранее служили в армии. Китайская артиллерия могла за пару дней разнести в щепки посольский квартал, но императрица Цыси категорически запретила это делать. Она боялась, что при этом могут быть убиты посланники ведущих европейских государств, правительства которых позже в отместку могут потребовать голову императора Гуансюя и самой Цыси.

К 20 мая 1900 г. на рейде Дагу собралось двадцать иностранных судов. Командование объединенными силами было поручено английскому вице-адмиралу Э. Сеймуру.

На берегу был сформирован интернациональный отряд в составе 915 англичан, 450 немцев, 358 французов, 312 русских, 112 американцев, 54 японцев, 40 итальянцев и 25 австрийцев.

28 мая сводный отряд интервентов двинулся на Пекин, до которого по прямой было 166 верст. Интервенты захватили железнодорожную станцию, китайские железнодорожные

служащие разбежались, и тогда паровозы повели европейцы. Первый поезд с английскими войсками вышел в 10 часов утра, за ним через час на втором поезде выехала десантная рота, сформированная из состава команды крейсера «Россия», ротой командовал лейтенант Заботкин. На следующий день, 29 мая, выехали еще две сводные роты, сформированные из команд броненосцев «Наварин» и «Петропавловск» и крейсеров «Дмитрий Донской» и «Адмирал Корнилов» под общим командованием лейтенанта Бурхановского. Русский десант имел две 2,5-дюймовые пушки Барановского.

Сеймур знал, что между Тяньцзинем и Пекином находятся в большом количестве ихэтуани и маньчжурские войска под командованием генерала Не Шичэна, но все же рассчитывал в тот же день добраться до Пекина. Но расчеты эти не оправдались, так как железнодорожное полотно во многих местах было разрушено, а ремонтировать его при постоянных набегах ихэтуаней не представлялось возможным. 5 июня на станции Ланфан интервенты были атакованы ихэтуанями и армией Дун-Фусяна. Таким образом, попытка попасть в Пекин по железной дороге провалилась.

Тогда Сеймур решил добраться до китайской столицы на лодках по Великому каналу, для чего требовалось преодолеть 127 км. И это интервентам почти удалось, но в 22 км от Пекина на них напал большой отряд ихэтуаней, и Сеймур принял решение вернуться в Тяньцзинь за подкреплением.

29 мая сотрудники иностранных миссий вышли встречать войска Сеймура на пекинский вокзал, но на разрушенном вокзале никого не было.

9 июня отряд Сеймура подошел к Северному арсеналу Сигу вблизи Тяньцзиня. Отряд Ян Муши, охранявший арсенал, накануне получил приказ Не Шичэна перехватить интервентов под Бейцаном и потому покинул Сигу. Сеймуру удалось беспрепятственно занять Северный арсенал, где хранились запасы новейшего оружия и боеприпасов, медикаменты и продовольствие, предназначенные для Армии Северного океана. Интервентам досталось 95 новейших 75—87-мм пушек Круппа и 156 орудий других систем, 50 тысяч ружей Маузера и Манлизера, тысяча пудов риса и т. д. Вскоре вернулся отряд Ян Муши, но иностранцы организовали в Северном арсенале оборону, и атаки китайцев были отбиты с большими для них потерями — 120 человек были убиты и 130 ранены.

Для освобождения Сеймура из Тяньцзиня был отправлен отряд полковника Ширинского в составе четырех рот 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и четырех рот союзников (800 англичан, 120 американцев, 100 немцев, 50 французов и 50 японцев). Выступив в 2 часа ночи 12 июня, отряд с боями прорвался к арсеналу. 13 июня отряд Сеймура вернулся в иностранный район Тяньцзиня, находившийся под контролем русских войск. За время экспедиции Сеймур потерял 62 человека убитыми и около 300 человек были ранены, из них русских погибло 10 человек, ранено 21 и контужено 10 человек. По другим данным общие потери составили — 2 офицера и 54 нижних чина убитыми, ранеными 24 офицера и 228 нижних чинов, у русских убиты 10 матросов, ранены 4 офицера и 22 матроса. Наибольшие потери понесли англичане (27 убитых и 97 раненых) и немцы (12 убитых и 62 раненых).

Как только к Тяньцзиню подошел первый эшелон интервентов, китайцы немедленно решили прекратить дальнейшую высадку иностранных войск и начали ставить в устье реки Пейхо мины.

Инициатором захвата фортов Дагу стал неугомонный адмирал Е.И. Алексеев. 2 июня он телеграфировал военному министру Куропаткину: «...счел необходимым предложить начальнику эскадры, совместно с иностранными адмиралами, занять форты...»

И действительно, Алексеев рано утром 3 июня собрал командующих иностранных эскадр у себя на борту крейсера «Россия». Особо уговаривать господ адмиралов не пришлось. Коменданту крепости Дагу был предъявлен ультиматум с предложением сдать форты не позже двух часов ночи 4 июня. В случае отказа форты будут взяты штурмом. Под этим ультиматумом свои подписи поставили Гильтебрандт (Россия), Бендеманн (Германия), Курежоль (Франция), Брюйс (Англия), Нагаминэ (Япония), Казелла (Италия), Конович

(Австрия), а американский контр-адмирал Кемпф воздержался. Ультиматум коменданту Даго повез лейтенант Бехметьев, отправившийся на берег вместе с английским переводчиком на пароходе «Владимир».

В устье реки Бэйхэ находилось пять китайских глинобитных фортов. Они имели на вооружении орудия десятков различных типов, из которых вполне можно было составить экспозицию артиллерийского музея средних размеров. Там были 19 пушек гильзового заряжания, 59 нарезных орудий, заряжаемых с казенной части, и 99 орудий, заряжаемых с дула. Форты защищали от 2 до 3,5 тысячи китайских солдат под командованием генерала Ло Жунгуана. На реке Бэйхэ у Даго стояло четыре китайских миноносца и минный крейсер.

Броненосцам союзников не составило бы особого труда разнести укрепления Дагу, но из-за мелководья они не могли подойти к берегу ближе чем на 13 миль. Пушки главного калибра броненосцев теоретически могли стрелять и дальше, но это, как говорится, «по уставу не положено». Поэтому форты должны были атаковать шесть канонерских лодок: русские — «Бобр», «Гиляк» и «Кореец», германская — «Илтис», английская — «Альджерине» и французская — «Лион». Кроме того, в устье Бэйхэ стояли два русских миноносца № 203 и № 207 и два английских миноносца.

В ночь с 3 на 4 июня китайцы позволили канонеркам занять позиции напротив фортов. Мин, вопреки сведениям русских офицеров, у фортов не оказалось. По данным интервентов, огонь первым открыл форт № 4, по мнению же автора, открыть огонь китайцам гораздо выгоднее было при подходе канонерок.

Бой начался при малой воде, китайцы же пристреляли орудия при полной воде, и теперь снаряды ложились с перелетом. В начале боя английский миноносец, при поддержке пулеметным огнем с «Гиляка», захватил стоявшие в доках четыре китайских миноносца, брошенных в начале боя своими командами. В устье Бэйхэ была захвачена убегавшая китайская миноноска. Русские миноносцы № 205 и № 207 заняли без боя китайское Адмиралтейство и захватили минный крейсер и военный паровой катер. На адмиралтейском флагштоке был поднят Андреевский флаг. Миноносец № 203 принимал участие в перевозке сухопутных отрядов через реку во время боя.

Стрельба с канонерок по фортам велась с дистанции 200–300 м. Поэтому большую роль сыграли 37—47-мм мелкокалиберные пушки и пулеметы «Максим», которые разгоняли прислугу большинства открыто стоявших китайских пушек. К 6 ч 45 м. утра 4 июня форты прекратили сопротивление.

Потери экипажей канонерских лодок составили: «Кореец» — убит лейтенант Бураков, смертельно ранен лейтенант Деднев; нижних чинов — убиты 8, ранены 21. «Гиляк» — ранены лейтенанты Титов и Богданов; нижних чинов — убиты 8, ранены 45. «Лион» — ранено три нижние чина. «Илтис» — один офицер убит, командир смертельно ранен; нижних чинов — убиты 4, ранены 14. «Альджерине» — 2 офицера ранены; нижних чинов — ранены 7 человек.

Канонерки союзников действовали достаточно эффективно, но судьбу фортов решил десант. Десантные отряды союзников беспрепятственно высадились на берег и заняли позиции у форта № 4 еще до начала стрельбы. Китайцы дали возможность десанту подойти на 800 шагов к форту № 4. Любопытно, что немецкая десантная рота отказалась идти на штурм, но поручик Станкевич в инициативном порядке повел русских стрелков на штурм. Их поддержали японцы и англичане. В 5 ч 30 м. китайцы бросили форт и бежали. Орудия захваченного форта были развернуты в направлении других китайских укреплений. Вскоре был взят штурмом и форт № 1, а остальные укрепления сдались без боя.

Замечу, что китайцы особого сопротивления десанту не оказывали, что видно и по потерям. Так, в русском десанте один человек был убит (смертельно ранен) и двое ранены, в десантных отрядах других союзников убиты два человека. Всего же в десанте участвовали 170 русских, 300 японцев, 700 англичан и 100 немцев.

По поводу взятия Дагу император Николай II отправил поздравительную телеграмму наместнику Алексееву: «Поздравляю с успешным делом. Скорблю о потерях. Надеюсь, за

ранеными уход хороший. Передайте мою горячую благодарность капитану Добровольскому, командирам и офицерам „Корейца“, „Гиляка“ и „Бобра“ и сердечное спасибо молодцам нижним чинам этих лодок».

На участников боя, а в особенности на присутствовавших в 15 верстах от боя адмиралов и офицеров посыпался дождь из Георгиев, Анн, Владимиров и прочая, и прочая.

Захваченный русскими «минный крейсер», а на самом деле миноносец водоизмещением в 300 т «Хай-Хуа», был введен в состав русского флота и переименован в «Лейтенанта Буракова». Три других однотипных китайских миноносца были разделены между Англией, Францией и Германией.

Таблица № 2

После взятия фортов Дагу был превращен в базу интервентов, где началось формирование отрядов для похода на Пекин. По приказу Алексеева из Порт-Артура в Дагу был отправлен новый отряд русских войск под командованием генерал-майора Анатолия Михайловича Стесселя. В его составе было два батальона 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, полубатарея (4 пушки), четыре пулемета и полусотня Верхнеудинского казачьего полка — всего 2034 человека.

Первой задачей интервентов было деблокирование иностранного квартала в городе Тяньцзинь, осажденного китайцами в начале июня.

Первый отряд под командованием подполковника Савицкого выступил к Тяньцзиню 7 июня. В отряде было около 600 стрелков при двух пушках, к ним присоединились 130 американцев. На следующий день на подступах к Тяньцзиню русский отряд встретил китайские войска. Потеряли 10 человек убитыми и 18 были ранены, Савицкий был вынужден отступить к Цзюньлянчуню.

9 июня на Тяньцзинь вышел весь отряд Стесселя, к нему присоединилась тысяча человек союзников. Отряд сломил китайскую оборону около станции Цзюньлянчунь на подступах к Тяньцзиню. Навстречу Стесселю из Тяньцзиня вышел полковник Анисимов с пятью ротами русских стрелков, сотней казаков и двумя 2,5-дюймовыми пушками Барановского.

10 июня в 3 ч 30 м. дня оба отряда соединились, но бой продолжался до поздней ночи. Потери в отряде генерала Стесселя во время этого похода составили 14 человек убитыми и 49 были ранены и пропали. У Анисимова в этот день погибли 4 офицера и 35 нижних чинов, ранены 6 офицеров и 172 нижних чина.

Стессель потом докладывал Алексееву: «Ура! В Тяньцзинь вступил; Анисимова отряд выручен...» Участник событий лейтенант П.А. Вырубов, позднее погибший в Цусимском сражении, писал из Тяньцзиня отцу: «Поход Стесселя напоминает собою поход Атиллы: на пути все истребляется начисто, что остается, вырезают японцы. Как это ни печально, но опыт первых дней войны показал, что иначе невозможно: пробовали щадить и получали в тыл залпы. Вообще китайцы ведут себя не как люди, а как звери, и не обладают никакими нравственными качествами».³⁹

23, 27 и 28 июня шли бои в самом Тяньцзинь, где китайцы еще занимали цитадель и укрепления впереди городской окраины, юго-западный арсенал и сильную позицию за Лутайским каналом. 30 июня из Дагу подошли новые подкрепления, и силы союзников возросли до 15,5 тыс. человек при 37 орудиях и 24 пулеметах. В ходе боев 1 и 2 июля китайцы покинули Тяньцзинь и отошли к Нейтзангу.

После взятия Дагу китайское правительство заявило о решительной поддержке ихэтуаней. 8 сентября в Пекине был объявлен императорский манифест, формально составленный от имени императора Гуасюя. Там говорилось: «...каждый, даже слабый

ребенок — поднял палку и с ней пошел против ненавистных иностранцев».

В тот же день императорским указом была утверждена особая организация ихэтуаней, а во главе ее поставлены князь Ту-анг и канцлер Гень-и. «Да сохраняют ихэтуани неослабный пламень в своих сердцах... Я, император, глубоко уважаю их», — говорилось в этом указе. Взамен презрительной клички «цюань-фей» (шайка негодяев) «боксеры» всенародно были объявлены защитниками империи, действующими по воле предков и самого Бога. Тогда же было приказано отпускать им для довольствия рис, тогда же началась осада иностранных миссий и посланы указы о войне в Цицикар. Таким образом, именно участие русских войск в нападении на Дагу спровоцировало войну в Маньчжурии и Приамурье.

Союзные войска, заняв Тяньцзинь, готовились к походу на Пекин. Британское правительство решило привлечь для этой цели японскую армию. 14 июня премьер-министр лорд Солсбери обратился ко всем союзным державам с запросом, не имеют ли они возражений против того, чтобы Европа поручила Японии усмирить восстание в Китае и чтобы Япония высадила в Китае с этой целью 20 или 30 тыс. человек. Одновременно с Солсбери и английский адмирал на рейде в Дагу предложил ту же идею. Он заявил, что для прекращения смут необходимо скрыть Пекин и Тяньцзинь, что для этой цели потребуется армия не менее, как в сто тысяч человек, и что такую армию, скорее всего, может дать Япония. Финансы Японии были истощены, поэтому Англия, не стесняясь, предложила ей свои средства на покрытие всех расходов по Печилийской экспедиции. Несколько позже другой английский адмирал, Сеймур (уже по возвращении из неудачного похода к Пекину), на одном из заседаний в Дагу предложил просить Японию о немедленной посылке из Хиросимы отряда численностью в 12 тыс. человек.

Сообщая в Берлин свое предложение возложить на Японию восстановление в Китае порядка, Солсбери настаивал на том, чтобы Берлинский кабинет энергично поддержал бы английский проект в Петербурге. Император Германии решительно отказал, сказав, между прочим, что за спиной Японии пойдут англичане. «Знают, когда эти последние войдут, но не знают, когда они выйдут оттуда», — добавил он. Естественно, что подобные полномочия, создав для Японии исключительное положение в Китае, не соответствовали интересам России. Несомненно, Япония потребовала бы большой платы за резкое увеличение своего участия в интервенции.

Не дожидаясь ответа союзных держав на английский проект и вовсе не собираясь стать наемницей Европы, Япония решила безотлагательно принять самое деятельное участие в предстоящих событиях. Флот ее был сейчас же приведен в полную боевую готовность. Около 3,5 тыс. человек на 18 судах под командованием вице-адмирала Того были отправлены в Дагу. В Хиросиме остались наготове к немедленному выходу еще около 4 тыс. солдат. Шли и другие приготовления: фраговались транспорты, прекратилось увольнение в запас матросов, был запрещен вывоз лошадей и т. д. Помимо двух уже мобилизованных дивизий были готовы к немедленному выступлению еще три. В портах круглосуточно шли работы по постройке и сборке минных судов. Производилась экстренная чеканка серебряной монеты для расходов в Китае, помимо этого правительство разрешило пользоваться запасным военным фондом в 50 млн. иен. К концу июня была негласно мобилизована уже половина японской армии.

В итоге Германия и Россия согласились на увеличение японского присутствия в Китае, но не в тех пределах, каких хотели в Токио. Ввод японского «ограниченного контингента» стал вторым по важности, после нападения китайцев на КВЖД и Благовещенск, поводом для ввода русского «ограниченного контингента» в Маньчжурию.

Для установления между союзными державами согласия, столь необходимого для успеха всего дела, необходимо было найти те общие принципы, которыми они должны были руководствоваться в своих отношениях к восставшему, а затем и побежденному Китаю. Союзники «взаимно не доверяли друг другу» и посему не поднимали вопрос о разделе Китая.

После долгих споров командующим решено было назначить 68-летнего германского фельдмаршала графа Альфреда Вальдерзее. Но в Китай он прибыл уже к шапочному разбору

в октябре 1900 г. Командовать русским контингентом был назначен командир Сибирского корпуса генерал-лейтенант Николай Петрович Линевиц.

18 июля Линевиц принял командование. Под его началом состояли 6250 пехотинцев и 377 кавалеристов при 16 легких полевых орудиях, шести 6-дюймовых полевых мортирах и 8 пулеметах.

22 июля началось наступление союзников на Пекин. 25-тысячная китайская армия закрепилась на реке Пейхо у Бейцана. На них наступало десятитысячное войско союзников, а шесть тысяч было оставлено в Тяньцзине. Союзники наступали двумя колоннами. Японские части обошли правый фланг китайцев, что заставило последних быстро очистить позицию. При наступлении японцы потеряли убитыми и ранеными около 200 человек, англичане и американцы — по 20, у русских же, из-за проливного дождя подошедших чуть позже, было ранено 6 человек нижних чинов.

24 июля после короткого боя союзники заняли Янцунь. Оттуда до Тунчжоу (речной пристани Пекина) союзники двигались по удобной дороге, не встречая на своем пути почти никакого сопротивления. Но войска донимала сильная жара и скудность продовольствия. От Тунчжоу до Пекина оставалось 20–22 версты.

Китайское правительство пыталось дипломатическими мерами остановить союзников. Императрица Цыси назначила сановника Ли Хун-чжана для ведения переговоров о перемирии, а затем и о мире. Одновременно китайский посол в Петербурге предложил, чтобы европейские миссии немедленно покинули Пекин под эскортом, которым бы командовал китайский генерал и который сопровождали бы мандарины высших рангов для гарантии полной безопасности для посланников и их семей и других европейцев.

Но именно такой вариант страшил англичан, французов, немцев и японцев. Жизнь дипломатов и прочих иностранцев в посольском квартале Пекина для их правителей была лишь козырной картой в большой игре. Наоборот, смерть каждого лишнего европейца в Пекине давала возможность урвать еще больший куш у Китая. В результате, узнав, что Ли Хун-чжан уже направляется из Кантона в Дагу, адмиралы европейских эскадр, за исключением русского флагмана, решили помешать не только его высадке, но и его сношениям с берегом.

Надо ли говорить, что штурм Пекина и последующая резня мирного населения неизбежно нанесли бы серьезный ущерб интересам России в Китае, и в частности в Маньчжурии. Понимали это и в Петербурге. Но, увы, ни министр иностранных дел В.Н. Ламздорф с чиновниками из МИДа, ни военные не смогли четко определить политику России на Дальнем Востоке. Царь послал бестолковейшее Высочайшее повеление Алексееву: «ранее открытия решительных действий против... столицы», во всяком случае «исчерпать все мирные средства к тому, чтобы добиться выдачи посланников со всеми осажденными и водворения их в безопасное место».

Граф Владимир Николаевич Ламздорф писал главному начальнику Квантунской области: «Следует помнить, что малейшая поспешность в бомбардировании Пекина или иные неосторожные действия иностранных войск могут окончательно погубить членов миссий, а быть может, и самого Богдыхана и императрицу, подобный же оборот событий в высшей степени осложнил бы желательную мирную развязку настоящих событий».

Вполне допускаю, что у Николая II и Ламздорфа были благие намерения, но ими, увы, вымощена дорога в ад. У Алексеева была единственная альтернатива — предложить союзникам остановиться и вступить в переговоры с китайским правительством, а в случае отказа эвакуировать русские войска, и тогда был бы реальный шанс изменить ход событий на Дальнем Востоке и избежать позора 1904–1905 гг. При всех иных решениях русские войска оставались измазанными по уши в китайской крови, «таская каштаны» для своих заклятых друзей — англичан, немцев и японцев.

30 июля на совещании командующих союзных войск было решено штурмовать Пекин. Японцы должны были брать Средние ворота, русские — Восточные, а англичане и американцы должны были брать ворота Китайского города.

В ночь на 1 августа после сильной грозы на штурм Пекина двинулся русский авангард под командованием генерал-майора Василевского. У него было четыре пехотные роты, полторы сотни казаков-верхнеудинцев, четыре полковые пушки и два пулемета.

Роте штабс-капитана Горского удалось скрытно подойти к Восточным воротам и переколоть штыками тридцать китайцев, защищавших их. Затем Василевский приказал подкатить к воротам две пушки и разбить ворота, что и было сделано за 15 минут. Но за первыми воротами оказались вторые, лишь задвинутые засовом. Сквозь них в узкое отверстие первыми пролезли полковник Модль и генерал Василевский, а за ними стрелки, которые заняли улицу напротив ворот. Китайцы со стен и из угловой башни обстреливали наступающих. Вскоре был найден вход на стену, где и был водружен русский флаг. Китайцы без боя очистили стену и ретировались за угловую башню, откуда продолжали отстреливаться. В это время русские пушки разбили и вторые ворота. Попытка овладеть четырехъярусной башней не удалась из-за отсутствия лестницы. Неудачей закончилась и попытка проникнуть в русскую миссию.

В 7 ч 30 м. утра 1 августа главные силы интервентов с расстояния 400–500 шагов начали обстрел города, заняв прилегающие высоты и строения напротив ворот. Около 9 часов утра генерал Василевский, находившийся на стене, был ранен пулей в грудь навывлет. Командование передовым отрядом принял полковник Модль. С подходом главных сил овладение воротами и стенами города было обеспечено.

К 11 часам огонь китайцев совсем ослабел. Вступивший в город с авангардом генерал-лейтенант Линевиц с двумя сотнями казаков и четырьмя ротами направился в русскую миссию, откуда была сделана вылазка ее охранным отрядом. В 3 часа дня Линевиц вошел в освобожденную миссию. Генерал Стессель с главными силами вступил в город и расположился биваком у Тунмыньских ворот.

Потери этого дня в русских войсках составили: один штабс-офицер убит, ранены один генерал и четыре обер-офицера; нижних чинов — убиты 20 человек, ранены 102.

Японцы только поздно ночью 1 августа пробились через Цихуамыньские ворота, потеряв при этом 30 человек убитыми, и 120 были ранены. Американцы вошли в город под прикрытием русских орудий. Избежали штурма и англичане, пройдя в свою миссию по опустевшему городу. А французы пришли в Пекин уже после штурма.

Пекин союзники поделили между собой на зоны оккупации. Русская, французская и японская зоны находились во Внутреннем Маньчжурском городе. Комендантом русского района был назначен полковник Модль. Американская и английская зоны были во Внешнем Китайском городе.

15 августа в Пекине прошел парад союзных войск. Первой шла сводная колонна русского отряда численностью 800 человек. 24 августа в китайскую столицу на русской тройке въехал вице-адмирал Алексеев и на следующий день совершил торжественный обход русских войск.

В середине августа в Пекине находились 2-й, 5-й, 9-й, 10-й и 12-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, артиллерийские, кавалерийские и саперные части, всего более половины русских войск, находившихся в китайской провинции Чжили, общая численность которых составляла 16 тыс. человек.

Союзные войска учинили в Пекине страшный разгром. Грабили все — от нижних чинов до генералов. Один из очевидцев, Д.Д. Покотиллов, писал: «Иностранные войска грабят китайцев, это, по-видимому, одобряется военными властями, которые, во всяком случае, ничего не предпринимают против этого. Стремление к легкой наживе обуяло не только военных, но и статских. Многие, вооружившись винтовками, отправляются в город и возвращаются с телегами, нагруженными шелками, мехами, а нередко и слитками серебра. Разные предметы роскоши... продаются солдатами за смехотворные цены, например рубль за кусок шелка, стоящий не менее 20–25 рублей. Серебро же в первые дни разгрома уступалось за 10–15 % своей стоимости». При прохождении иностранных миссий и войск через самую внутреннюю часть императорского города, носившую название «запрещенного», «супруга

одного из посланников вынесла в своем изящном зонтике золотые каминные часы, усеянные драгоценными камнями... Брали все, что удобно было скрыть в платье».⁴⁰

Корреспондент Д. Янчевецкий писал: «В 1900 г. в течение одного месяца Пекин был так разграблен цивилизованными союзниками, как несколько столетий назад его грабили и разоряли маньчжуры, монголы и другие полудикие кочевники Азии».⁴¹

Даже императорский дворец, хоть был сразу же взят союзниками под усиленную охрану, сильно пострадал. Э.Э. Ухтомский писал по этому поводу С.Ю. Витте: «Посетив палаты запретного города, выношу глубокое убеждение, что двор ни в каком случае не в состоянии вернуться после грабежа, осквернения, разгрома святилищ, тронных залов, кабинетов, опочивален императора и императрицы».⁴²

Перечень преступлений союзников можно продолжать до бесконечности. Зато Николай II в телеграмме Линевичу выразил «...полную уверенность, что молодецкие войска, вам вверенные, не омрачат своей славы жестоким отношением к мирным жителям и, напротив того, будут всемерно содействовать восстановлению к туземному населению нормальных мирных отношений». Наш царь, как всегда, попал в самую точку. Николай II поздравил Линевица с победой: «Искренне приветствую вас с быстрым занятием Пекина. За одержанные вами победы жалуя вам орден Св. Георгия 3-й степени. Молодецким сибирским войскам мое горячее спасибо. Представьте адмиралу Алексееву отличившихся».⁴³

За Пекин десятки офицеров были награждены орденами, генерал-майор Василевский и полковник Модль получили ордена Св. Георгия 4-й степени. За три дня нижним чинам было вручено 282 Георгиевских креста.

Чтобы не видеть иностранцев в своей столице и всего унижения страны, многие знатные китайцы покончили жизнь самоубийством. В момент штурма Пекина иностранными войсками его жители сжигали себя, принимали яд или бросались в колодцы. По китайским источникам, добровольно лишили себя жизни 1798 человек. Иногда уходили из жизни целыми семьями. Сын сановника Чун Ци выкопал во дворе яму и похоронил в ней себя вместе с матерью и малолетним сыном. Узнав о его смерти, Чун Ци повесился. 12 августа бывший губернатор провинции Чжили видный маньчжурский сановник Юй Ли застрелился из револьвера. Большой военачальник мандарин Ли Бинхэн отравился ядом. Наставник императора Сюй Тун повесился в своем доме, вместе с ним повесились 18 членов его семьи: жены, дочери, наложницы и служанки.

Императрица Цыси вначале заявила, что она скорее покончит с собой, чем покинет столицу. Но это был всего лишь театральный жест: она не собиралась умирать — жизнь доставляла ей слишком много удовольствий. В конце концов Цыси и Гуанской переоделись в одежду простых крестьян и бежали из Пекина в Тайюань — главный город провинции Шаньси.

Между тем в Петербурге до министров и царя наконец дошла вся бессмысленность участия в походе на Пекин. 12 августа 1900 г. министр иностранных дел Ламздорф передает по телеграфу русскому послу в Пекине Гирсу Высочайшее повеление «ныне же следовать со всем составом миссии, десантом и бывшими... в осаде русскими подданными в Тяньцзинь под прикрытием находящихся в Пекине русских войск и оставаться пока в Тяньцзине».

Русские войска первыми ушли из Пекина, они же первыми предприняли и окончательное очищение всей Печилийской провинции. 17 октября 1900 г. Николай II приказал вслед за полками 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады начать перевозку

40 Россия и Япония на заре XX столетия. С. 246–247.

41 Дацышен В.Г. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин. С. 107.

42 Там же.

43 Там же. С. 106.

всех остальных войсковых частей из Печилийской провинции в Приамурский военный округ и в Квантунскую область. При этом в Печилийской провинции должны были остаться: гарнизоном в Шанхайгуане два батальона пехоты, три сотни казаков и одна батарея, а охранным отрядом при русской миссии в Пекине — одна рота пехоты, одна сотня казаков и четыре пулемета (всего около 350–400 человек).

Американское правительство решило эвакуировать свои войска из Печилийской провинции в сентябре 1900 г., германское — в марте 1901 г., а французское и японское правительства приняли решение о выводе своих войск только в мае 1901 г. Оставленные в провинции части союзных войск заняли Тяньцзинь, Тонгку, Шанхайгуань и промежуточные пункты на железной дороге.

Основным театром военных действий в ходе боксерского восстания был район от Дагу до Пекина, но Англия и другие европейские страны совершали нападения и на другие районы Китая. Так, к примеру, англичане высадили десант в Шанхае. Просвещенных мореплавателей не смутило, что в Шанхае не было не только ихэтуаней, но и вообще никаких инцидентов между китайцами и проживающими там европейцами. Вслед за британской эскадрой в устье реки Янцзы вошли немецкие и французские корабли. Официальная цель их прихода — наблюдение за стоявшими там кораблями китайского флота. На самом же деле они стремились помешать Англии единолично захватить шанхайский район.

ГЛАВА 11

НАПАДЕНИЕ КИТАЙЦЕВ НА КВЖД

Началом боевых действий в Маньчжурии можно считать 22 июня 1900 г., когда регулярные китайские войска совершили ряд нападений на полосу отчуждения КВЖД.

21 июня в районе Ляояна начались беспорядки. Толпы китайцев стали разрушать железнодорожные пути и здания, были уничтожены Яньтайские каменноугольные копи. Командующий охранной стражей южного участка КВЖД полковник Мищенко⁴⁴ собрал в Ляояне отряд из 224 казаков и солдат при пяти офицерах.

На следующий день отряд Мищенко подвергся внезапному нападению регулярных китайских войск. 23 июня Мищенко был вынужден оставить Ляоян и двинуться на юг к станции Дашицяо. Вместе с солдатами и казаками отступали служащие КВЖД с семьями. Отступали по бездорожью и с боями, по дороге присоединялись новые отряды, отступавшие с соседних постов. Это отступление было успешным благодаря стойкости и опыту Охранной стражи, да и китайские войска действовали неслаженно и нерешительно. Потери Охранной стражи при отступлении из Ляояна составили 55 человек, в том числе 18 убитых и 6 пропавших без вести.

Навстречу Мищенко из Инкоу вышел отряд штабс-капитана В.М. Страхова. Капитан оправдал свою фамилию и нагнал страху на китайцев: «ближайшие деревни, жителей которых подозревали в порче пути и поджигании мостов, предавались огню».⁴⁵

Судьба небольших отрядов и групп служащих и охраны дороги часто оказывалась печальной. 23 июня китайцы напали на станцию Суетунь между Мукденом и Ляояном. Там находились 5 русских служащих и 12 охранников. Русские отбивались до последнего патрона, а затем попытались прорваться врукопашную, но вырваться из окружения удалось лишь пятерым. Остальные русские погибли, а китайцы надругались над телами, вырезав на их груди кресты. Спасшимся только 13 июля удалось добраться по реке Ляохэ до Инкоу, но один из них вскоре умер от изнеможения.

⁴⁴ Мищенко Павел Иванович. Родился в 1853 г. в Дагестане. В 1873 г. участвовал в Хивинском походе, в 1877–1878 гг. — в Ахал-Текинской экспедиции. В 1899 г. Мищенко перешел на службу в Министерство финансов и был назначен помощником начальника Охранной стражи КВЖД.

⁴⁵ Голицын В. Очерк участия Охранной стражи КВЖД в событиях 1900 г. в Маньчжурии. С.

На станции Мукден и близлежащих постах находились 60 русских, из которых 39 военных и 21 гражданский (в том числе две женщины). 23 июня началось наступление китайских войск. Русский отряд под командованием поручика Валиевского пробился к Ляояну, по дороге к нему присоединились еще несколько десятков человек. Но отряд Мищенко уже двинулся на юг, где было много китайских войск, и Валиевский 27 июня решил пробиваться на восток, к корейской границе. Но вскоре в бою Валиевский был смертельно ранен, а в отряде произошел раскол. 14 охранников и инженер Б. А. Верховский с большинством служащих бросили отряд, решив, что надежнее пробираться маленькими группами. Но мало кому удалось добраться до своих. Большинство схватили китайцы, из них пятерых замучили в плену, а голову Верховского китайцы повесили в клетке на стене Ляояна. Только небольшому отряду (58 человек) под командованием унтер-офицера Пилепенко с большими потерями удалось добраться до корейской границы, откуда корейцы доставили их в Сеул, а затем в Порт-Артур.

О событиях в западной части КВЖД хорошо описано в книге В.Г.Дацишена «Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г.»:

«Отступление с западной линии КВЖД началось в сложной ситуации. 26 июня цзицарский цзянцзюнь Шоу Шань сообщил А. И. Юговичу, что мукденский цзянцзюнь предлагает русским оставить постройку железной дороги. Сам Шоу заявил, что тоже придерживается такого же мнения и в свою очередь гарантирует безопасность русских в пути и „рекомендует после водворения порядка вернуться и продолжить стройку“. Югович не согласился с предложением Шоу. Но рабочие стали бросать работу, население — вооружаться. Утром 28 июня китайские власти предложили покинуть дорогу непосредственно уже начальникам участков и командирам охраны. Русские заявили, что без приказа отступать не могут и будут обороняться. Действительно, согласно приказу С. Ю. Витте их бы ждал трибунал. В Хайларе китайский генерал трижды посылал своего официального переводчика к инженеру Рыжову, убеждая его избежать кровопролития, так как он получил приказ в 9 утра 29 июня открыть военные действия. Подобное было и на станции Фуляэрти около Цицикара. Лишь к концу дня 28 июня на западную линию пришел приказ А. И. Юговича об отступлении.

Станцию Хайлар служащие и охрана 2-го участка под руководством инженера Рыжова покинули вечером 28 июня, оставив там все имущество, в том числе и 10 тыс. пудов муки. На следующий день китайцы провели салют и заняли станцию. Русский отряд в составе 200 рабочих и более 200 охранников успешно вышел на границу к Старо-Цурухайтуйю 30 июня. Без потерь прошло отступление и с соседних участков под руководством инженеров Пиотровского и Онуфровича.

Несколько сложнее был отход 4-го участка инженера Н.Н. Бочарова со станции Хинган. Русский обоз в составе 865 подвод. 56 из которых везли серебро, выступил на запад. В составе отряда были 3 тысячи русских служащих с семьями и охранная стража. По дороге Бочаров подбирал посты со станций, некоторые из них уже приняли участие в вооруженных стычках. Хайлар русские обошли стороной, построили для этого мост через реку и 5 июля пришли в Старо-Цурухайтуй. Трагично сложилась лишь судьба казенного обоза с мукой 4-го участка. Обоз был весь разграблен, 11 конюхов и женщина были убиты, удалось спастись лишь старшему обозному.

Тяжелее всего было отступление русских с участков между станциями Хинган и Фуляэрти. Пост со станции Няньцзышань урядника Золотарева с 12 казаками и 10 служащими около станции Чингиз-хан был встречен китайским огнем и повернул на станцию Фуляэрти. Но узнав, что и та станция уже оставлена, русские двинулись к Хайлару, соединившись с рабочими с лесозаготовок. Казаки спрятали оружие и тоже назвались рабочими, и китайские солдаты пропустили русский отряд, дав им даже провожатых до границы. Посты со станций Ялу, Барим и Халасу несколько раз попадали под обстрел китайских войск, убиты были несколько казаков и десятник, около 50 человек бежали и пропали в горах. На станции Бухэду русские посты были задержаны, от них требовали сдачи

оружия, но, получив взятку, китайский полковник пропустил железнодорожников. Главным отрядом, который собирал посты вдоль дороги, был отряд Смолянинова с 60 казаками и обоз со 100 русскими служащими с семьями, вышедшими с 5-го участка дороги инженера С. Ц. Оффенберга. Он выступил 28 июня со станции Чжаланьтунь в сопровождении китайских солдат. Пройдя за 10 дней 420 верст, собрав разрозненные посты и встретив в конце пути еще 50 русских рабочих с семьями, 5-й участок 8 июля прибыл в Старо-Цурухайтуй. Этим закончилось отступление русских с железной дороги западнее Цицикара.

Отступление с участков западной линии, расположенных восточнее Цицикара, производилось в Харбин. Утром 28 июня командир 5-й сотни охранной стражи штабс-капитан Ивашкевич приехал в Цицикар, там он узнал, что ночью цзянцзюнь провел торжественное богослужение в кумирне с окроплением кровью пушек и другого оружия. Китайский отряд занял здание Русско-китайского банка и наложил арест на серебро. Там же посыльные передали Ивашкевичу сообщения из Хайлара и Харбина о начале военных действий. В тот же день начальник 6-го участка инженер А. А. Гершов получил приглашение от цзянцзюня на обед, но не поехал. Вечером русские загрузились в поезд и отправились на восток, оставив до утра на мосту 10 казаков дожидаться отставших. Подобрал посты по дороге, поезд 30 июня прибыл к Сунгари, и служащие переправились на пароходе в Харбин.

Отступление с восточной линии складывалось по-другому. Получив 27 июня приказ А. А. Гернгросса, полковник Денисов со своей сотней и служащими 11-го участка отступил к 29 июня от Вэйшахэ к Муданьцзяну. Все 450 служащих 11-го участка инженера М. А. Амосова затем выехали в Россию, и там, за исключением 63 человек, сразу уволились. Служащие 12-го и 13-го участков инженера Н. С. Свиягина стали также выезжать на станцию Пограничная. Однако в связи с тем, что русские войска вступили в Маньчжурию и заняли дорогу до реки Муданьцзян, решено было продолжить работы на этих участках. Но 12 июля Н. С. Свиягин телеграфировал С. Ю. Витте: „Ввиду полной невозможности производить работы приказал 12 участку привести в порядок имущество дороги, поставить при нем караулы охранной стражи под прикрытием войск и выехать со станции Муданьцзянь в Модо-ши. Штат участка сохраняется“. Для усиления охраны оставляемого имущества в этот район была направлена 17-я сотня охранной стражи полковника Фон-Виннинга. Китайцы пытались остановить ее движение, 27 июня около Мурени в лесу произошел бой. Казаки, потеряв в бою троих убитыми, разбили китайцев и заставили их отступить. Участок Муданьцзян—Пограничная остался под контролем России.

Отступление с трех западных участков восточной линии производилось в Харбин. 28 июня на двух поездах выехали служащие инженера Тихомирова со станции Имяньпо. Вечером этого же дня они забрали со станции Маоэршань участок инженера Варгасова. Паническое отступление сопровождалось пьянством, но благодаря решительным действиям штабс-капитана Скарятина все спиртное в вагонах было уничтожено и порядок восстановлен. Вечером 30 июня поезда забрали служащих со станции Сяолин с С. Н. Хилковым во главе. При отступлении все имущество сразу же растаскивалось китайцами, которые заранее занимали места у дверей и окон русских домов. Ключи от некоторых складов сдавали китайским властям. Собрав по дороге посты, благополучно миновав Ашихэ, уже оставленный охраной, поезда прибыли в Харбин.

1 июля А. И. Югович приказал восстановить линию Харбин — Эрценцзянцзы, старшим назначался С. Н. Хилков. Переговоры с властями Ашихэ 10 июля оказались бесполезными, и поздно вечером от станции Ашихэ начала отступление охранная стража штабс-капитана Баркана. Поскольку дорога уже была разрушена и около Харбина стояли китайские войска, охранники бросили поезда и пробивались в обход. Вся дорога восточнее Харбина была оставлена и разрушена.

Кроме собственно дороги, много русских работало на лесозаготовках в верховьях Сунгари. Администрация лесозаготовок находилась в Гирине, расположенном в 120 верстах от КВЖД и в 250–350 верстах от лесных участков. Русский поселок находился в 2 верстах от города, начальником совета колонии был Е.В. Даннель. Охрану осуществляла 2-я сотня

штабс-капитана В. М. Савицкого и 50 солдат 1-й роты поручика Едренова. В начале июня В. М. Савицкий снял все отдаленные посты, а в середине месяца все семьи выехали в Харбин. 28 июня был доставлен приказ А. А. Гернгросса не оставлять Гирина, а обороняться и ждать подкреплений. В этот же день серебро Русско-китайского банка было сдано на хранение цзюнциюню, а контора КВЖД с документами и частью служащих под охраной 18 стражников выехала в Харбин, остальные служащие уехали на следующий день. В. М. Савицкий с 56 казаками имел охранную грамоту цзюнциюня и, забрав пост охраны унтер-офицера Гарбышева с 12 стрелками, он решил дожидаться подкреплений. Но в одном из постоянных дворов китайские солдаты в упор расстреляли русский отряд. За несколько минут погибли 12 человек, 5 были ранены и 6 пропали без вести, остальные вырвались из окружения, потеряв всех лошадей. Отряд, имея на руках 4 тяжелораненых и потеряв часть своего состава по дороге, добрался до Харбина лишь 8 июля. В эти дни два отряда, посланные им на помощь, не смогли пробиться к Гирину, встреченные китайским огнем в 60 верстах от города.

Несколько десятков русских обслуживали и охраняли склады и пристань КВЖД напротив города Саньсина. Руководство этой колонией взял на себя полковник в отставке Винников. На переговорах с фудутун он выяснил, что Цзилинь не воюет с русскими, но на левом берегу реки — войска провинции Хэйлуцзян и от них фудутун защитить русскую колонию не может. Русский отряд в 49 человек загрузился на баржу и встал на якорь у правого берега, подбирая отдельных русских, спасавшихся от китайцев. Китайские войска с левого берега атаковали баржу. Проходивший мимо пароход „Воевода Толбузин“ русским не помог, и Винников попытался самостоятельно спуститься вниз по реке. Напротив крепости Бятунь баржа села на мель и попала под огонь крепостных орудий, Винников и еще один человек погибли. Благодаря прибывшей воде баржа пошла дальше и 10 июля встретила русские войска, вскоре пароход „Молли“ доставил ее в Хабаровск». ⁴⁶

Несколько слов надо сказать и о положении Квантунской области (района Порт-Артура). К началу июня 1900 года в области находилось 23 тысячи русских сухопутных войск. 3 июня Е.И. Алексеев объявил китайскому населению: «...я строго приказываю чинам подведомственной мне администрации преследовать и немилосердно карать тех, кто сделает малейшую попытку произвести беспорядки». ⁴⁷

7 июня Квантунская область была переведена на военное положение. По высочайшему повелению Алексееву было разрешено призвать на службу чинов запаса, проживающих в области. 17 июня всем жителям Квантуна, кроме европейцев, под угрозой военного суда было приказано сдать оружие. С 15 июня начались работы по укреплению Цзиньчжоуской позиции, защищавшей Квантун со стороны суши. За месяц был проделан большой объем работ, на позициях установили 51 орудие, 8 пулеметов, 3 ракетные батареи. В конце августа, когда угроза миновала, эти батареи были разоружены.

14 июня по приказу Алексеева русские войска без боя заняли находившийся по соседству с Квантунской областью город Цзиньбеоу. Китайский губернатор с чиновниками были захвачены в качестве военнопленных.

К середине июля войска Квантунской области вели упорные бои с регулярной китайской армией. К концу июля русские разгромили китайские части между Порт-Артуром и Инкоу и восстановили движение на этом участке КВЖД.

Параллельно русские войска начали наступление на восток, чтобы выбить китайские войска с побережья до границы с Кореей. 2 июля из поселка Бицзыво (в 60 верстах от Порт-Артура) выступила конная сотня Читинского казачьего полка. Казаки должны были занять города Дагушань и Сюянь, но в 40 верстах от Сюяня сотня попала в окружение, из которого вырвалась, потеряв в бою сотника Петропавловского и 8 казаков убитыми и 10 человек были ранены. Так до середины августа 1900 г. русские войска и не продвинулись вдоль побережья

46 Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. С. 67–70.

47 Там же. С. 71.

далее Бицзыво.

С началом боксерского восстания острая ситуация сложилась в портовом городе Инкоу. Там, рядом с китайским городом, строились русский поселок, станция КВЖД и русский порт. В Инкоу располагалась администрация южной линии КВЖД во главе с инженером Ф.О. Гиршманом.

27 июня к Инкоу подошел большой отряд китайской кавалерии. Даотай (мэр города) уведомил русских, что кавалерия пройдет через их поселок. Русский консул А.Н. Тимченко-Островерхов заявил, что в случае прихода китайских войск в поселок охрана КВЖД откроет огонь. К этому времени в Инкоу прибыл отряд П.И. Мищенко, и численность стражников КВЖД составила около 500 человек. Весомым аргументом русского консула были и пушки канонерской лодки «Отважный». 3 июня с «Отважного» был высажен десант в составе 26 матросов и одного офицера с 2,5-дюймовой пушкой Барановского. 30 июня в Инкоу прибыла еще и канлодка «Гремящий», которая высадила небольшой десантный отряд с пушкой. В итоге в Инкоу оказалось до 800 русских матросов и стражников КВЖД при двух пушках Барановского.

22 июля ихэтуани и части китайских регулярных войск атаковали русский поселок. Русские отразили атаку дружным ружейным огнем. Канлодка «Отважный» открыла огонь по городу, а «Гремящий» — по глинобитному форту в устье реки Ляохэ. В тот же день из Порт-Артура подошло подкрепление.

Бомбардировка 9-дюймовыми снарядами вызвала в Инкоу панику. Полторы тысячи солдат регулярных войск бросились бежать. К вечеру того же дня, 22 июля, город был взят и над ним поднят Андреевский флаг. В ходе боев у русских были ранены 4 человека, а убитых не было вовсе.

23 июля в Инкоу на крейсере «Забияка» прибыл адмирал Е.И. Алексеев. 27 июля он подписал «Положение о временном Императорском Российском управлении портом Ньючжуана». По этому положению гражданская власть отделялась от военной, комендантом назначался К.К. Клапье де Колонг, градоначальником — А.Н. Тимченко-Островерхов. Положение состояло из 12 пунктов, согласно ему градоначальник Инкоу назначался главным начальником Квантунской области и утверждался высочайшей властью. При градоначальнике утверждался совещательный орган — совет, в который входили коменданты, консулы, по представителю от иностранных торговых фирм и китайских торговых палат, таможенный комиссар и заведующий санитарной частью. При градоначальнике также образовывалась Дума из местного купечества «для выяснения нужд городского и торгового населения». В положении говорилось, что суд в городе должен руководствоваться кодексом смешанных судов в Китае, консульская юрисдикция сохранялась. Дела китайцев, обвиняемых в тяжких преступлениях, велись в русском военном суде. Для организации городского управления российское правительство выдавало аванс, который должен был погашаться за счет местных налогов. Инкоу стал крупной базой русских войск, по крайней мере, до марта 1902 г.

Наиболее важным событием в войне в Маньчжурии стала оборона Харбина. Недалеко от Харбина находились два китайских города. Хулачен был расположен за рекой Сунгари в 17 верстах к северу от Харбина, а город Ашихэ (Аже-хе) — в 20 верстах юго-восточнее Харбина.

Местные военачальники были особенно агрессивно настроены по отношению к русским. По инициативе маньчжурского полковника, командовавшего войсками в Хулачене, там было сформировано ополчение из ихэтуаней. С 26 июля «боксеры» регулярно маршировали по улицам города, выполняли групповые занятия гимнастикой и фехтованием. Русских в Хулачене не было. Зато в противовес русским там обосновалось несколько католических миссий. На них-то и обрушился гнев «боксеров». Католические храмы были сожжены, несколько западноевропейских миссионеров и китайских католиков убито, а два миссионера — Монье и Рубэн — бежали в Харбин, а оттуда перебрались в Россию.

Служащие КВЖД и русское население покинули полосу отчуждения железной дороги и

сосредоточились в Харбине. Из Харбина население стало эвакуироваться на пароходах. По пути китайцы обстреливали русские пароходы. На пароходе «Одесса» при обстреле 5 июля был убит инженер-путеец, ранены три женщины и маленькая девочка. На пароходе «Воевода Толбузин» ранены матрос и женщина-пассажирка.

До начала боевых действий все, кто хотел уехать из Харбина, были эвакуированы. К этому времени закончилось отступление с железной дороги. В Харбине оставались около двух тысяч человек Охранной стражи, около тысячи запасных нижних чинов с КВЖД (из них создали 4 роты, вооруженные берданками, — полицейская, пожарная, музыкальная и «вольная Осетинская дружина», состоявшая в основном из кавказских мусульман) и около тысячи безоружных мужчин, женщин и детей. Командовал Харбинским отрядом А.А. Гернгросс.

9 июля цинцикарский губернатор Шоу Шань отправил телеграмму А.И. Юговичу, которая означала объявление войны. Замечу, что Шоу Шань сделал это в инициативном порядке. Императрица Цыси, наоборот, призывала власти в Маньчжурии к осторожности в отношениях с русскими. 9 июля маньчжурские власти получили из Пекина депешу, где говорилось: «Когда в означенной провинции дойдет дело до открытого столкновения, то надлежит вперед выставить Большой кулак {ихэтуаней}, нам же нет надобности явственно развешивать своих знамен и значков. Тогда только в будущем, когда обстоятельства потребуют к обсуждению, мы с этой стороны не натолкнемся на затруднения».

9 июля Шоу Шань отдал приказ о наступлении на русских. 12 июля китайские войска выступили из Хулачена. 13 июля в 4 часа утра китайские войска численностью более двух тысяч человек при двадцати пушках двинулись на штурм Харбина. К 10 часам утра китайцы выбили русских из Затона на другую сторону Сунгари.

Другой китайский отряд численностью до двух тысяч человек в ночь на 13 июля переправился через Сунгари выше Харбина и повел наступление на кирпичный завод, на станцию, на Новый город и на Пристань. Гернгросс решил основные силы защитников Харбина сосредоточить на Пристани. В 8 часов утра 13 июля китайцы заняли кирпичный завод, находившийся в двух верстах западнее Нового города. Здесь они установили четырехорудийную батарею и начали обстрел Пристани и Нового города. Китайская пехота пошла в атаку на эти районы и на железнодорожную станцию. От Пристани китайцы отступили, а около Нового города, куда Гернгросс послал подкрепление, завязались бои. Китайцы заняли железнодорожный мост, депо, дровяные склады. В это время, после 11 часов, две сотни охранной стражи из Старого города неожиданно зашли с фланга к китайцам, и те начали отступление. Китайские войска отошли к винокуренному заводу южнее города. Русские штурмом овладели винокуренным заводом, около четырехсот китайцев были убиты. Судя по всему, большинство китайцев были безоружными ихэтуанями.

К трем часам дня 13 июля битва за Харбин закончилась. По русским данным китайцы потеряли до 800 человек убитыми. Русским удалось захватить три китайские пушки, до этого в Харбине артиллерии не было. В 16 часов отбитые орудия при общем ликовании перевели на Пристань, и в тот же вечер из них выпустили несколько гранат по китайским войскам, занимавшим Затон.

В последующие дни китайцы продолжали обстреливать Харбин. Поручик Пявко-Доценко и сотник Казаркин обратились к Гернгроссу с просьбой разрешить им с несколькими добровольцами ночью переправиться в Затон и попробовать отбить китайскую батарею, поставленную на насыпи железной дороги. Реализация этого плана была отложена до следующей ночи. Но в 5 часов вечера 14 июля, выпустив несколько снарядов по Пристани, китайцы подожгли Затон и поспешно отступили.

Последующие дни прошли в разведке и ожидании нового нападения. Китайские войска держались в отдалении от Харбина, но все время получали свежие подкрепления. Окопы на Пристани были усилены, перед ними возвели искусственные препятствия. Но в течение всей следующей недели нового наступления не было.

21 июля в 5 часов вечера от разъездов 1-й сотни было получено первое донесение, что

на Сунгари показались дымки идущих к Харбину пароходов. Через некоторое время на реке показалась целая флотилия. Это был Хабаровский отряд, шедший на выручку Харбину. В 8 часов вечера под звуки музыки и громкого «ура» выстроившись вдоль берега частей гарнизона к Пристану причалил первый пароход, и на берег сошел командующий отрядом генерал Сахаров.

А на утро следующего дня, 22 июля, в Харбин вошли две конные сотни охранной стражи под командованием полковника Денисова, проделавшие переход в 550 верст.

Потерпев поражение, губернатор Шоу Шань покончил с собой. Использовать для этой цели яд, пулю или петлю ему не позволило высокое происхождение, и он... проглотил большой золотой самородок. Этот благородный, с точки зрения китайской военной этики, поступок не прошел мимо внимания цинского двора. Спустя восемь лет, в 1908 г., семейству покойного было выдано пособие в 1100 лян, а детям предоставлены чиновничьи должности.

Завершая рассказ о событиях на КВЖД в 1900 г., скажу, что все деяния китайских сановников и «боксеров» обошлись дороге — в 70,1 миллиона рублей.

ГЛАВА 12

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В БАССЕЙНЕ АМУРА

Интенсивное заселение китайцами Амурского и Уссурийского краев началось после... присоединения их к России. Увы, здесь не опечатка. Никто не мешал китайцам за два тысячелетия заселить эти края, как они заселили центральные районы Поднебесной империи. Теперь пришли русские, построили города и поселки, провели дороги и телеграфные линии, по Амуру поплыли пароходы, и тут-то нахлынули толпы китайцев. Причем, подавляющее большинство их не собирались селиться на русской территории, а просто ехали на заработки — шабашить.

Китайцы занимались золотодобычей, охотой, сбором женьшеня, который русские тогда считали сорняком, и т. д. Часто китайцы нанимались батраками или брали землю в аренду у русских переселенцев.

Как писал историк В.Г. Дацышен: «Кроме земледельцев и промысловиков, на Дальнем Востоке к приходу русских важную роль играли китайцы-торговцы. Не было стойбища, где бы ни побывал китайский купец, большая часть местного населения находилась у них в долговой кабале. С приходом русских китайцы хоть и стали испытывать некоторые притеснения, но в целом значительно расширили сферу своей деятельности, распространив ее на русское население. Китайца даже называли „уссурийским евреем“.⁴⁸

Приамурский генерал-губернатор в 1898 г. сообщал, что ежегодно в Амурский край для заработков прибывают около двадцати тысяч китайцев, „и только весьма малое число из них последних решается расстаться со своей родиной навсегда и прочно водвориться в пределы России“. За все время существования Приамурского генерал-губернаторства поступило всего 59 ходатайств китайских подданных о принятии их в подданство России, удовлетворено было лишь 15 ходатайств. Подавляющее большинство ходатаев руководствовалось лишь расчетом. Случаи перехода китайцев к русскому образу жизни можно перечислить по пальцам. Например, в поселке Кедровом Уссурийского казачьего войска китаец женился на казачке, взял ее фамилию, крестился и стал вести казачий образ жизни. Хабаровский купец Тифонтай, принявший русское подданство в 1893 г., хотя сам и сохранил китайский образ жизни, но детей своих крестил и отправил на воспитание в Европейскую Россию.

В этом отношении китайцы коренным образом отличались от корейцев, значительная часть которых стремилась получить русское подданство. Корейцы быстро обрусевали.

Определенные трудности для русских властей, как на территории империи, так и в полосе отчуждения КВЖД создавали хунгузы.

Тем не менее до начала боксерского восстания кровавые столкновения между русскими

48 Там же. С. 29.

и китайцами были единичными.

Весной 1900 г. в провинции Фэтянь начала распространяться деятельность общества Ихэтуань из Шаньдуна, откуда прибывали рабочие на КВЖД, и из соседней провинции Чжили. В южной Маньчжурии активная деятельность ихэтуаней началась с середины мая 1900 г. Выражалась она в массовых манифестациях под ихэтуаньскими символами в Инкоу, Лаояне, Куанченцзы, Гирине и других городах. Затем начались террористические акты против европейцев, к середине июня прошли взрывы, поджоги, нападения на христианские миссии по всей Маньчжурии. В Мукдене, например, уничтожили здания больницы и высшей школы, убили много китайцев-христиан, напали на английских инженеров.

Однако организовать массовое движение против русских в Маньчжурии, а главное, возглавить его, ихэтуани не смогли. Как писал Дацзышен, ихэтуани „в основной своей массе были чужаками, и местное население не спешило довериться им. Кроме того, условия борьбы в Маньчжурии были отличны от Шаньдуна. Главным объектом борьбы ихэтуаней были не столько сами иностранцы, сколько их идеология, их система ценностей, выраженная в форме христианства. Она разрушала китайское общество изнутри. Но русские как раз и не пытались „залезть в душу китайцам“, не пропагандировали, не распространяли христианство“.⁴⁹

Инициаторами нападений на русских в Маньчжурии и на берегах Амура в большинстве случаев были не ихэтуани или хунгузы, а китайские чиновники и военные. В трех северо-восточных провинциях Маньчжурии имелось до ста тысяч китайских солдат. Боевая их мощь была сравнительно невелика, но их командиры надеялись на большой численный перевес над русскими.

Первые выстрелы „боксерской“ войны прозвучали 1 июля 1900 г. Пароход „Михаил“ вел вверх по Амуру из Хабаровска в Благовещенск пять барж с грузом Военного ведомства. Охраняли груз штабс-капитан Кривцов и десять солдат. В 10 часов утра с китайского берега был открыт артиллерийский огонь. По требованию китайцев „Михаил“ остановился. С китайского берега на шлюпке прибыли два офицера и заявили, что амбань (местный начальник) получил приказ, запрещающий плавание по Амуру, и требует к себе командира парохода и офицеров. На переговоры отправился штабс-капитан Кривцов, взяв с собой одного из матросов. После встречи с амбанем Кривцова с матросом отправили берегом в сторону Благовещенска.

Около часу дня к „Михайлу“ подошел пароход „Селенга“, на борту которого находился пограничный комиссар Амурской области подполковник Кольшмидт со взводом Амурского казачьего полка. Кольшмидт приказал пароходам идти дальше. Увидев это, китайцы открыли сильный огонь. Казаки с „Селенги“ ответили огнем из винтовок. Все суда прибыли в Благовещенск без потерь.

Еще до этого, в 1897 г., для охраны границы от хунгузов на Амуре и Уссури была создана Амурско-Уссурийская казачья флотилия. Она состояла из пароходов „Казак Уссурийский“ (бывший „Шилка“) и „Атаман“, парового катера „Дозорный“ и двух барж — „Булава“ и „Лена“. База флотилии находилась в Имане на реке Уссури. Команды пароходов флотилии состояли из строевых забайкальских, амурских и уссурийских казаков и урядников, знакомых с речным делом. Казаки были вооружены винтовками и пашками. Орудий суда флотилии до боксерского восстания не имели.

С началом выступлений „боксеров“ по инициативе Военного ведомства была создана военная флотилия в составе пароходов „Селенга“, „Сунгари“, „Газимур“, „Амазар“, „Третий“ и „Хилок“. Командир Владивостокского полка выделил для вооружения флотилии десять 4-фунтовых пушек обр. 1867 г., три 47-мм и одну 37-мм пятиствольные пушки Гочкиса. Для защиты пароходов от ружейного огня на борту были навешены железные листы, а на палубах устроены защиты из мешков с землей.

Но вернемся к событиям 1 июля. Вечером того же дня по приказу губернатора две роты

пехоты и сотня казаков были посажены на пароходы и двинулись в сторону Айгуня. Впереди шла „Селенга“, вооруженная двумя 4-фунтовыми пушками, на ней был сам губернатор К.Н. Грибский. Вскоре китайцы открыли ружейно-артиллерийский огонь. „Селенга“ и „Михаил“ получили ряд попаданий. На „Селенге“ были убиты два человека и пятеро ранены. Находчивость и мужество проявил комендор „Селенги“ Петр Венглярский. Когда ядро с горящим фитилем упало на палубу, он схватил его голыми руками и опустил в стоявшее рядом ведро с водой.

2 июля китайская батарея, расположенная на противоположном берегу Амура, открыла огонь по Благовещенску. В городе возникла паника. Часть жителей бросилась бежать из города, а другая часть, вооружившись, чем придется, двинулась на берег Амура. Около трех тысяч горожан окружили войсковой склад и потребовали раздать оружие. В сложившейся ситуации руководство города отдало приказ раздать населению без всякого учета 546 однозарядных старых винтовок, хранившихся на складе еще с 1887 г.

Под обстрел китайцев попали и пароходы, шедшие по Амуру. Пароходы „Бурлак“ и „Иннокентий“, спасаясь от артиллерийского огня, выбросились на мель. Остальные пароходы ушли в устье реки Зеи.

2 июля в Благовещенске в ходе обстрела были убиты 3 человека и ранены 6. В последующие 13 дней обстрела из мирного населения погибли 5 человек — 3 женщины, ребенок и арестант.

Ответным огнем русских по поселку Сахалин были разрушены телеграфная станция и несколько домов.

В ночь на 5 июля на левый (русский) берег Амура переправились несколько сотен китайских солдат при 18 орудиях. Китайцев встретили огнем дружинники-крестьяне, а с подходом казаков Амурского конного полка китайцы были вытеснены с русской территории.

В ночь на 6 июля 150 русских солдат под командованием подпоручика Юрковского переправились через Амур и атаковали китайцев. После небольшой стычки, в которой погибли Юрковский и еще один нижний чин, русские отправились обратно в Благовещенск.

Русские пароходы „Селенга“ и другие ходили по Амуру и обстреливали китайский берег. Губернатор К.Н. Грибский приказал казакам уничтожить все китайские пограничные посты на Амуре. Станичники без особых проблем разгромили большинство китайских постов.

Больше всех пострадали от начала боевых действий китайцы, находившиеся к тому времени на русской территории. Дабы избежать обвинения в предвзятости, я сошлюсь на уже упомянутого В.Г. Дацышена, который пишет, что К.Н. Грибский ввиду резких проявлений настроений к китайцам со стороны горожан и массовых просьб избавить город от проживающих в нем китайцев, якобы злоумышлявших поджечь город», приказал собрать и отправить за Амур всех китайцев. Полицейскими, к которым присоединились мобилизованные, был прочесан город, всех китайцев собрали в полицейские участки, к тем, кто сопротивлялся, применили силу. Некоторые китайцы, опасаясь погромов, сами искали спасения в полиции. Горожане справедливо опасались присутствия такого большого количества китайских подданных в Благовещенске в такой критический момент. Губернатор приказал переправить китайцев за Амур в поселок Верхне-Благовещенский, расположенный несколько выше города. 4 июля колонна численностью в несколько тысяч человек под охраной нескольких десятков мобилизованных, казаков, добровольцев из числа горожан вышла из города. Поселковый атаман отказался предоставить лодки для переправы, опасаясь, что их использует китайская армия для вторжения. Китайцам, среди которых были старики, женщины и дети, было предложено отправиться вплавь. Поплывшие были первые ряды стали тонуть, остальные плыть отказались. Тогда их стали загонять в воду нагайками, открыли огонь, оставшихся добивали штыками и топорами. Немного лучше была судьба и последующих, более малочисленных переправ, лишь в последней партии несколько человек переплыли реку и, спустив лодки на воду, помогли перебраться другим.

Трагедия в Благовещенске получила свое продолжение по всей Амурской области. В

первую очередь это коснулось Зазейского района. В акте осмотра Зазейских земель специальной комиссией, работавшей с 16 по 21 сентября 1900 года, говорилось: «...за исключением 10 фанз села Булла-Менга и одной заимки все остальные усадьбы 76 населенных пунктов сожжены дотла». Массовые избиения маньчжур начались после боя 5 июля и проводились крестьянскими дружинами. К 10 июля весь Зазейский район был очищен от китайцев, и 18 июля дружины были распущены.

Паника, вызванная неудачей в начале боя с китайцами 5 июля, привела к массовым убийствам маньчжур по всей крестьянской округе. Сколько погибло, неизвестно, известно официальное число найденных и зарытых трупов. После указа по этому поводу К.Н. Грибского полицейские приставы сообщили в окружное полицейское управление, что всего в 8 волостях найдены 444 трупа. Больше всего было в Вельской — 136, Ивановской — 117, Амурско-Зазейской — 83. Однако в уголовном деле отмечается; что это явно заниженные цифры. Например, по добытым сведениям, в Краснояровской волости вместо сообщенных 13 было выявлено 27 убитых. Убивали как во время паники и неразберихи, так и планомерно, по приказу сверху. Используя ситуацию, часто убивали купцов с целью грабежа. Имущество маньчжур либо просто растаскивали, либо продавали с аукциона, а деньги зачисляли в волостные суммы. Далеко не все крестьяне поддерживали убийства мирных маньчжур. Жители деревни Мазанова отказались воплотить приказ помощника краснояровского волостного писаря Простокишина убить охотника, пришедшего из тайги продавать мясо. Тогда он застрелил маньчжура сам, потом отправился в лес, изнасиловал и убил его жену и полугодовалого ребенка. Произведенное вскоре следствие по всем этим фактам пришло к выводу о «почти поголовном истреблении всех китайцев». Виновным следствие нашло пристава 4-го участка Амурского округа, титулярного советника Волкова, выполняющего в это время обязанности пристава 1-го, 2-го и 4-го участков. 6 июля он на представлении краснояровского волостного правления о порядке действия крестьянской дружины написал резолюцию: «Всех китайцев уничтожайте», копии были посланы сельским старшинам и по хуторам реки Селемджи.

Позднее он оправдывался, что пропустил слова «вооруженные», «хунгузы», но точно такие же распоряжения были отправлены и в другие волости. Будучи в Гильчине, пристав сам приказал убить двух китайцев-пастухов, а на запрос старосты деревни Жариковой, что делать с 15 арестованными маньчжурами, ответил: «по закону всех уничтожить», и тех расстреляли. Когда началось разбирательство, областные власти заявили, что им эти факты и приказы неизвестны. Следствие предъявило Волкову обвинение в превышении власти, приведшее к убийству 17 человек, и его дело вместе с делом Простокишина было передано 31 октября 1900 года мировому судье. Волков, оскорбленный таким поворотом дела, доносил в Хабаровск, что он выполнял приказы, и просил назначить расследование с целью наказания настоящих виновных. 7 августа 1902 года император по докладу министра юстиции «соизволил прекратить преследование» Волкова. Провинившийся был уволен со службы и подвергся аресту на военной гауптвахте на 2 месяца. Не обошлось без трагедий и на землях Амурского казачьего войска. Самая крупная из них произошла в станице Поярково, расположенной по Амуру ниже Благовещенска. 5 июля поярковский атаман вахмистр Коренев донес в войсковое правление Амурского казачьего войска, что в станице собраны 85 китайцев, 33 из которых сняты с парохода «Саратов», они ехали из Харбина в Айгунь. Среди них был китайский полковник, который вез много запечатанных пакетов, найдено также 3 пуда серебра слитками и фунт золота. Всех арестованных держали на барже под охраной. Председатель войскового правления полковник Волковинский сначала посоветовал отправить их за реку или уничтожить, если будут сопротивляться. После того как Коренев обратился за разъяснениями, Волковинский отправил такую телеграмму: «Нужно быть сумасшедшим и неразумным, чтобы спрашивать, что делать с китайцами, когда сказано уничтожить их, то и следует уничтожить без рассуждения». В этот же день, 7 июля, он приказал всем станичным атаманам: «Появлявшихся на нашей стороне китайцев уничтожать, не спрашивая указаний.» Все 85 человек в Поярково были расстреляны. Об этих событиях узнал иркутский прокурор,

и было проведено расследование. Однако прокурор Благовещенского окружного суда пришел к выводу, что это убийство «является военным мероприятием».⁵⁰

В ночь на 20 июля 1900 г. в районе Благовещенска на китайский берег был высажен русский десант в составе 16 пеших рот, сотни казаков и 16 пушек. Десант поддерживался артиллерийским огнем с пароходов «Селенга» и «Сунгари». Днем 20 июля русские заняли Сахалин, а 23 июля — Айгунь.

Ушедшие в тайгу китайские солдаты регулярных войск, объединившись с хунгузами, продолжали оказывать сопротивление русским. Тогда 28 июля губернатор Грибский издал указ, где предписывалось всем казаком, свободным от работ, «переплываться через Амур в поисках китайских шаек». Приказано было также уничтожать все жилье на китайской стороне и забирать все продовольствие. 4 августа «Амурская газета» опубликовала постановление Грибского для населения Маньчжурии, в котором говорилось: «...месяц тому назад вы имели дерзость и безумие начать нападение на г. Благовещенск и жителей России, забыв, как страшно силен Великий Русский Государь землями, людьми и оружием. За это вы страшно наказаны. Город Айгунь и деревни по берегам Амура, которые смели напасть на русских, сожжены, войска ваши разбиты. Амур грязен от массы маньчжурских трупов. Никто из жителей Маньчжурии да не посмеет вернуться в деревни, на берегу Амура находившиеся...»

После разгрома китайцев приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков решил произвести аннексию правого берега Амура. 31 июля он телеграфировал в Петербург: «... будет актом высшей справедливости закрепление за нами всей полосы правого берега Амура для прочного водворения и там казачества с тем, чтобы самые названия Айгунь и Сахалина были стерты с памяти». Генерал-губернатор даже попытался приурочить свои действия к юбилейной дате. Он телеграфировал военному министру А.Н. Куропаткину: «50 лет тому назад, 1 августа Невельской поднял русский флаг на устье Амура, на левом его берегу, и положил начало нашего владения этой великой рекой. Ныне после упорных боев мы завладели и правым берегом Амура и тем закрепили великое дело присоединения реки Амура к русским владениям, сделав эту реку внутренней, а не пограничной рекой».

Но Петербург не поддержал Гродекова. Там по-прежнему не могли четко сформулировать цели и задачи политики на Дальнем Востоке. У Николая II была «легкость в мыслях необыкновенная», и он поддался очередному веянию. В итоге военный министр Куропаткин телеграфировал высочайше утвержденное 12 августа решение: «Государь Император в видах скорейшего восстановления дружественных соседских отношений к Китаю соизволил решить не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям...»

Боевой и решительный генерал-губернатор вызывал раздражение в среде «безобразовской шайки» (о которой будет сказано ниже). Губернатора для начала завалили наградами: дали золотую шашку с брильянтом, произвели в генералы от инфантерии, а менее чем через два года Высочайшим повелением назначили членом Государственного Совета, что означало почетную отставку.

ГЛАВА 13

РАЗГРОМ «БОКСЕРОВ» И КИТАЙСКИХ ВОЙСК В МАНЬЧЖУРИИ

19 августа 1900 г. генерал В.В. Сахаров двинул войска из Хабаровска на запад к Цицикару. Но вскоре он остановился, узнав о занятии Цицикара войсками генералов П.К. Ренненкампа и Н.А. Орлова.

Отряд Орлова был сформирован в конце июня 1900 г. В его составе было 3814 штыков, 1205 шашек и шесть пушек. Отряд Орлова 12 июля с ходу занял пограничную станцию Далайнар и двинулся на запад вдоль линии КВЖД. 16 июля отряд с боем взял станцию Ошунь. На следующий день к китайцам подошло подкрепление, они перешли в наступление

⁵⁰ Там же. С. 89—92

и потеснили Орлова. Но к русским подошли свежие части, и китайские войска были разбиты. После этого под руководством инженера Н.Н. Бочарова начались восстановительные работы на станции Маньчжурия.

20 июля русские подошли к Хайлару и на следующий день, подавив сопротивление китайцев, заняли город. В конце июля отряд Орлова с боем занял станцию Якэши. В ночь на 1 августа китайские войска вновь перешли в наступление, но были разбиты. В этом бою погиб командующий войсками, охранявшими КВЖД, генерал Пао.

11 августа русские войска штурмом овладели Хинганским перевалом. Отправленные заранее в обход пять сотен казаков ударили с тыла, чем нарушили организованное отступление китайских войск, превратив его в бегство. После этого организованное отступление цицикарских войск было сорвано, и 15 августа русские войска заняли Чжаланьтунь.

24 июля из района Благовещенска на Цицикар выступил отряд П.К. Ренненкампа — четыре сотни казаков при двух орудиях. Ренненкампа двинулся по грунтовой дороге на юг. 4 августа его отрядом был взят город Мэргэнь. 15 августа Ренненкампа подошел к Цицикару, но китайские войска не приняли боя, а покинули город, отходя в южном направлении.

16 августа отряд Ренненкампа вошел в Цицикар. Там было освобождено 14 пленных русских стражников и путейцев, а также захвачено «много трофеев», то есть город был основательно разграблен. 20 августа к городу подошел и отряд Орлова.

К концу августа 1900 г. почти вся Северная Маньчжурия была оккупирована русскими войсками. Под контролем китайских войск оставались лишь восточные провинции. Главным опорным пунктом китайцев была столица провинции Цицилинь город Гирин.

23 августа командующий Приамурским военным округом Н.И. Гродеков утвердил план наступления. Со стороны Цицикара через Бодунэ и Чаньчунь выступил отряд Реннекампа в составе одного пешего полка, пяти с половиной сотен казаков и одной артиллерийской батареи. За ним шла 1-я бригада Сибирской казачьей дивизии. От Нингуты и Хуньчуня двигался отряд в составе 6 батальонов и 10 сотен казаков при 36 орудиях, командовал отрядом генерал Айгустов. Из Харбина вышел В.В. Сахаров с семью батальонами, пятью сотнями казаков и 26 орудиями. Все эти войска должны были поступить под командование генерала А.В. Каульбарса, выехавшего из Хабаровска 29 августа. Штурм города планировался на 5 октября.

Однако Гирин был занят 10 сентября отрядом генерала Реннекампа, выступившим 24 августа из Цицикара и по пути занявшим Бодунэ и Куанченцзы. Гарнизон Гирин не сопротивлялся. В городе было захвачено полторы тысячи пленных, 81 орудие и 900 пудов серебра. Несколько позже гиринский губернатор Чан Шунь писал А.И. Юговичу, что начальство и солдаты, «запасшись мулами, лошадьми, золотом и серебром, отправились из Гирин. Я никогда не мог допустить, чтобы армия почтенной России, которая известна своей дисциплиной, сделала бы столько зла и насилия... Я слышал еще, что с востока к Гирину идет генерал Айгустов. Если генерал, пренебрегая миром, поступит с городом так же, как и первый отряд, то в Гирине не останется не только жителей, но убогут и куры, и собаки».⁵¹

В середине августа вице-адмирал Алексеев, все время боев находившийся в Порт-Артуре, решает занять Мукден, расположенный в 350 верстах севернее Порт-Арутра. 14 августа Алексеев получил телеграмму от военного министра, в которой сообщалось Высочайшее повеление о наступлении южно-маньчжурского отряда к Мукдену. Операция эта возлагалась на генерал-лейтенанта Д.И. Суботича с подчинением ему всех войск в Южной Маньчжурии. В инструкции Суботичу имелось указание, что все усилия его должны быть направлены к скорейшему окончанию военных действий и к обеспечению работ по восстановлению работ на КВЖД, и что присоединять к России какую-либо часть китайской территории не предполагается.

Под началом Суботича собралось 18,5 батальона, 68 полков при 18 осадных орудиях,

⁵¹ Там же. С. 110.

два эскадрона кавалерии и две казачьи сотни, три саперные роты, одно телеграфное отделение, полтора артиллерийских и один инженерный парк.

10 сентября выступил авангард под командованием генерал-майора Флейшера. На следующий день после небольшой перестрелки был занят город Старый Нючжуань. Отступившие китайцы заняли позицию на высотах у Айсандзяна, но удачные действия обходных колонн — справа генерала Флейшера и слева полковника Мищенко — заставили их отступить, так что центральная колонна полковника Л.К. Артамонова заняла позицию без боя.

14 сентября отряд продолжал наступление и встретил противника на возвышенной позиции у Шахэ, но и отсюда китайцы были выбиты колонной Артамонова и передовым отрядом Мищенко.

15 сентября отряд двинулся к Ляояну, но на полпути дорогу ему преградили китайские войска, занявшие выгодную позицию по длинному труднодоступному кряжу. Наступление на эту позицию было произведено тремя колоннами. Китайцы были разбиты и без боя очистили Ляоян, который и был занят передовыми частями колонны генерала Флейшера.

18 сентября русские войска уже беспрепятственно двигались к Мукдену. К вечеру авангард из трех полков с артиллерией остановился и разбил бивак в десяти верстах от Мукдена. В тот же вечер генералу Суботичу принесли прошение (на английском языке) от мукденских купцов и христиан о скорейшем занятии города. В прошении говорилось: «Дорогой Сэр! Мы очень рады известить вас, что здешний монгольский генерал Шоу и все власти бежали отсюда ночью третьего дня благодаря вашей храбрейшей армии. Узнав об этом, здешняя китайская чернь стала производить беспорядки, сжигая дома купцов и обывателей, вследствие чего мы находимся в самом горячем ожидании, что вы прикажете немедленно вашим знаменитым войскам как можно скорее прибыть в Шэньцзинь... Любящие вас ваши купцы и христиане...»⁵²

18 сентября в пять часов вечера в Мукден ворвалась конная сотня охранной стражи есаула Денисова. Китайцы встретили ее беспорядочным огнем из винтовок и взорвали фугас в крепостных воротах. Вскоре подошла пехота, и к ночи весь город был в руках русских.

В 9 часов утра следующего дня в Императорский город Мукдена торжественно вступил генерал Суботич. На площади Императорского дворца полковой священник Пивоваров отслужил торжественный молебен.

Таким образом, за 8 дней русские войска, потеряв 42 человека убитыми и 80 ранеными, заняли всю Мукденскую провинцию.

Но война продолжалась. В сентябре русские войска разгромили китайцев и заняли район между Великой китайской стеной и рекой Ляохэ, называемый Ляоси. 18–19 сентября русские заняли Шанхайгуань. Тем не менее всю осень 1900 г. обстановка в Ляоси была напряженной. 6 ноября Е.И. Алексеев докладывал А.Н. Куропаткину: «...нападения китайцев на наши небольшие посты и проходящие команды показывают, что умиротворение страны еще не наступило». Но Алексеев не видел еще в действиях китайцев начавшейся партизанской войны. В ноябре—декабре продолжались диверсии и нападения, жители китайских деревень пытались обороняться и не впускать проходившие русские войска. Русские при этом несли существенные потери.

26 октября начальником Южно-Маньчжурского отряда был назначен генерал-лейтенант Церпицкий. После занятия Ляоси внимание отряда было направлено на восточную часть Ляодуна. Занятие города Фынхуанчен, расположенного на пути в Корею, стало первоочередной задачей.

Для наступления в Ляояне был сформирован отряд под командованием генерала Штакельберга. В отряд вошли 6 рот пехоты, 3 казачьи сотни, 1 эскадрон кавалерии и 8 орудий. 14 ноября, преодолев заснеженные горные перевалы, в Фынхуанчен вступил передовой конный отряд полковника Артамонова. Китайские войска спешно покинули город,

спрятали в горах оружие и пушки и разбежались. На следующий день даотай лично встретил у городских ворот генерала Штакельберга с основными силами. Вскоре русский отряд покинул город и направился к морю, а власть в городе осталась у даотая, получившего грамоту, разрешавшую ему оставаться в прежней должности и иметь милицию в сто человек.

23 ноября отряд Штакельберга подошел к городу Дагушань, затем повернул на запад и занял город Сюянь. 28–30 ноября русские войска вернулись на КВЖД.

На восток от Мукдена двинулся отряд полковника П.И. Мищенко. Преодолев пять горных перевалов, отряд 26 ноября вошел в город Синцзин. Местные власти встретили Мищенко с почетом, преподнесли ему в дар 5 быков, 35 баранов, много риса и муки. По приказу из Мукдена местные власти распустили свои войска численностью 800 человек, но «китайские солдаты, прежде чем разойтись, разграбили и сожгли часть города, ранили фудуна и несколько человек его конвоя». 5 декабря отряд успешно завершил экспедицию и вернулся в Мукден.

В конце 1900 г. русскими было организовано несколько карательных экспедиций, официальной целью которых был разгром шаек хунгузов. Подобные «экспедиции» проводились и в 1901 г. По Высочайшему повелению Николая II временем окончания боевых действий в Маньчжурии определялось 26 марта 1902 г.

После захвата Пекина интервенты несколько недель не могли выработать совместных требований к побежденным. Когда императорский эдикт 25 сентября 1900 г. оповестил о предании суду ряда сановников, виновных в поощрении восстания, об отстранении от должностей принца Дуаня и других, Германия потребовала, чтобы союзным державам было предоставлено решать, достаточно ли полон список наказуемых и соответствует ли мера наказания их «преступлениям».

4 октября 1900 г. французские представители предложили как базу для переговоров ряд основных пунктов, включавших: 1) наказание виновников восстания и убийств иностранцев; 2) запрещение Китаю ввозить оружие; 3) надлежащую компенсацию союзным державам, компаниям и частным лицам; 4) образование в Пекине постоянной охраны посольств; 5) срытие фортов Дагу; 6) военную оккупацию трех пунктов на дороге Пекин — Дагу, с тем чтобы эта дорога всегда была свободна для проезда посольств к морю и военных отрядов к столице.

Эта нота, так же как сентябрьская нота германского правительства, выдвигавшая еще более жесткие требования, была положена в основу при выработке совместных требований, обсуждение которых заняло свыше двух месяцев, отражая борьбу и противоречия между союзниками. Главным тормозом стало обсуждение количества китайских сановников, подлежащих казни в качестве «виновников», германский проект процедуры принесения Китаем извинений, постройка памятника Кеттлеру и т. д. В результате совместная нота держав была подписана в середине декабря 1900 г. и 22 декабря передана китайским представителям. До принятия китайским правительством выдвинутых державами требований иностранные оккупационные войска должны были оставаться в Пекине.

28 декабря из Сиани, где находилась императрица Цыси, было получено согласие на требования держав. Не желая удовлетвориться этим, иностранные представители потребовали документ с печатью богдыхана.

Выполнив эти требования, китайские представители, со своей стороны, обратились с просьбой подвергнуть конкретной детализации отдельные пункты объединенной ноты. Союзные державы согласились. Детальное обсуждение заняло более полугода.

Заключительный протокол был подписан 25 августа (7 сентября) 1901 г. На Китай была возложена контрибуция в 450 млн. талей (около 650 млн. руб.). Эта сумма подлежала уплате в течение 39 лет с начислением четырех процентов годовых. Из этой суммы на Россию приходилось 130 млн. лан. Тяжесть этого обязательства усугублялась тем, что китайские финансы шесть лет тому назад, после войны 1894–1895 гг., уже были обременены уплатой контрибуции Японии.

Но протокол этим не исчерпывался. Китай подвергался тяжелым унижениям. Китайское

правительство должно было казнить руководителей восстания, воздвигнуть «искупительный памятник» пострадавшим иностранным дипломатам и т. д. Императрица обязана была издать указ, которым запрещалось создание любых партий, осуждающих присутствие интервентов в Китае, а члены таких партий подлежали смертной казни.

В протоколе констатировалось, что императорские эдикты, изданные в феврале 1901 г., уже установили наказания для ряда китайских государственных деятелей. Князь Дуань и еще один член императорского дома были приговорены к казни. Князь Чжуан, Ин Нянь — заместитель главы налогового приказа, и Чжао Шу-цио — глава уголовного приказа, приговорены к совершению самоубийства. Юй Синь — губернатор Шаньси, Цай Сю — глава приказа церемоний, и Сюй Чжан-юй — сын члена императорского совета Сюй Тупа, осуждены на смертную казнь.

Протокол содержал длинный перечень подобных репрессий. В нем обстоятельно отмечалось, когда была совершена казнь над каждым из осужденных, когда совершили самоубийство те лица, которым была предоставлена «милость» расправиться с самим собой.

Чтобы оценить всю унижительность этих постановлений для китайского правительства, нужно учесть, что список включал много высших сановников, а князь Дуань был одной из наиболее влиятельных особ цинского двора. Казнь была ему заменена, впрочем, ссылкой в отдаленный район Западного Китая.

В Китай в течение двух лет по протоколу воспрещался ввоз оружия. Форты Дагу подлежали скрытию. Согласно статье 7, квартал, занимаемый в Пекине иностранными дипломатическими миссиями, предназначался только для них и был поставлен под их исключительный контроль и под охрану иностранной специальной полиции. Селиться в этом квартале китайцы не имели права.

Как уже отмечалось, буквально по каждому пункту требований к Китаю между союзниками шли жаркие споры. Детали их вряд ли интересны большинству читателей. Однако один момент, по неясным причинам выпавший из поля зрения отечественных историков, представляется мне крайне важным. Осенью 1900 г. Япония предложила России присоединить Маньчжурию, в то время как Корея станет колонией Японии. Предложение, на мой взгляд, вполне разумное и снимающее напряжение между двумя странами как минимум до 1917 г. Но, увы, царское правительство ответило Японии отказом. Причем причиной отказа было не противоречие этого предложения российской политике на Дальнем Востоке, а отсутствие таковой политики вообще. Николая II и его сановников мучил вековой русский вопрос: «Что делать?»

ГЛАВА 14

СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕЛТОРОССИИ

В декабре 1900 г. в первом номере социал-демократической газеты «Искра» была опубликована статья В.И. Ленина «Китайский вопрос». Там говорилось: «Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь „арендовать“ китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая... Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери...»

Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний...

Ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны... Вспомните восстания индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами...»

Указывая на размеры вызванных войной расходов, Ленин писал о политике русского царизма: «И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих...»

Эта статья интересна не только отражением точки зрения русских социал-демократов — будущих большевиков и меньшевиков, взгляды которых по данному вопросу не расходились. Увы, и сейчас на просторах «СНГовии» есть немало либералов-антикоммунистов, разделяющих взгляды Ленина, но выражающих их куда менее внятно. Вот, мол, какая императорская Россия, захватила Порт-Артур и покушалась на всю Маньчжурию. Уж куда лучше деньги потратить на обустройство Дальнего Востока, переадресовать на нужды народного образования, здравоохранения и т. п. Допустим, что такая позиция была бы справедлива, если бы Англия, Германия, Япония и другие государства не вели экспансии в Тихоокеанском бассейне вообще и в Китае в частности. Если бы Россия не заняла Порт-Артур, она через несколько лет получила бы сильного и агрессивного противника вдоль всей многотысячекилометровой границы от Байкала до Владивостока, то есть то, что мы имели в 1934–1945 гг.

И, надо заметить, что такое развитие событий предсказывали десятки русских генералов, дипломатов и журналистов с 1894 по 1903 г. Разница была лишь в том, что до 1900 г. наиболее вероятным считался захват всего или только Северного Китая Англией, то есть индийский вариант с созданием огромной «туземной» армии, вышколенной британскими инструкторами, которая неизбежно будет выдвинута к русским границам. А с 1900 г. стал преобладать японский вариант, то есть перспектива захвата Маньчжурии Японией.

О захвате Англией Вэйхайвэя и Гонконга уже говорилось. В 80-х годах XIX века Англия захватила Сингапур, Малаю и северную часть острова Борнео, а также ряд архипелагов в Тихом океане, имевших важное стратегическое значение. Среди них были острова Гилберта (заняты Англией в 1892), острова Эллис (1892), острова Санта-Крус (1898), Соломоновы острова (1885) и т. д.

Франция в 1880-х годах оккупировала Камбоджу, Лаос и Вьетнам, а также ряд архипелагов в Тихом океане (Новая Каледония, острова Лояли, острова Общества, Маркизские острова и др.).

Германия кроме Циндао захватила западную часть Новой Гвинеи, Марианские острова, Маршалловы острова, Каролинские острова, архипелаг Бисмарка, острова Западные Самоа и т. д.

Соединенные штаты в 1893 г. окончательно присоединили к себе Гавайские острова, а в ходе испано-американской войны захватили Филиппинские острова (янки будут оттуда выбиты японцами лишь в 1942 г.), острова Гуам, Уэйк, Мидуэй, архипелаг Восточные Самоа и т. д.

В такой ситуации у России не было иного выхода, чем укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. В ином случае ее бы попросту выкинули с берегов Тихого океана.

Занятие Порт-Артура и постройка КВЖД поставили перед русским правительством сложный вопрос — как их охранять? Восстание «боксеров» показало, что Охранная стража КВЖД может защищать дорогу лишь от шаек хунгузов. В правящих кругах России никто не сомневался в целесообразности укрепления крепости Порт-Артур, усилении Дальневосточной эскадры и создании надежной защиты для КВЖД. Вопрос был лишь в том, как и в каком объеме это делать.

Занятие Россией Порт-Артура многими европейскими политиками и журналистами было воспринято с явным удовольствием и, я бы сказал, с радостью. Причем речь идет не о друзьях, а о заклятых врагах России. По этому поводу наиболее ясно выразилась германская газета «Fremdenblatt»: «Весь цивилизованный мир должен единодушно радоваться, что Россия так глубоко увязла в делах Дальнего Востока и что европейские и особенно

балканские дела теперь надолго избавлены от ее грубого и кичливого влияния». Таким образом, Англия страховала для себя целостность Индии, Австрия — свободу на Балканском полуострове, Германия — в Турции и Малой Азии.

Но, увы, и политики, и газетчики на Западе в своих расчетах глубоко ошиблись. Они исходили из того, что русский царь и его министры имеют хотя бы посредственные умственные способности. На самом же деле на русском троне сидел Хлестаков, мечтающий о временах тишайшего царя Алексея, в правление которого русская экспансия на Восток никак не зависела от европейской политики России. Министры же, как умные, так и глупые, боялись говорить то, что не нравилось государю.

В результате этого после занятия Порт-Артура русская политика в Европе не изменилась. Руководство армии и флота докладывало царю, что Россия в состоянии иметь флот на Дальнем Востоке, существенно превосходящий японский, и в то же время оставшиеся на Балтийском флоте силы будут равны по мощи всему Германскому флоту. Армия готовилась к наступательной войне с Германией. А параллельно продолжалась подготовка к захвату Проливов на юге. И все это делалось в исключительно благоприятной для России внешнеполитической обстановке. Германия в 1894–1905 гг. не была еще готова к войне на два фронта (одновременно с Россией и Францией). Да и желания воевать с Россией у Германии не было. Турция переживала очередной период внутренней нестабильности и абсолютно не была готова к войне даже в союзе с Англией. Британия на три года (1899–1902) погрязла в англо-бурской войне, а главное, на Даунинг-стрит все с большим и большим опасением смотрели на возрастание экономической и военно-морской мощи Германии. И так, Англии тоже было не до России.

Императоры Николай I, Александр II и Александр III за 60 лет создали три линии мощных крепостей на западной границе империи, которые, по мнению Энгельса,⁵³ были самыми мощными в мире. Казалось бы, все просто, продолжай укреплять крепости и готовься к активной обороне на западе. Но, увы, Николая II распирало желание лезть в европейские дела.

Характерный пример — строительство Либавской крепости и порта. Либавская крепость и порт являлись одним из важных элементов плана нападения на Германию. Казалось, сама природа исключила создание там большой военно-морской базы — низменный песчаный берег, малые глубины, подвижные пески, отсутствие закрытой от ветров якорной стоянки. Не было условий там и для создания сухопутной крепости. Вне линии фортов предполагаемой крепости находились господствующие Гробинские и Капсиденские высоты. Тем не менее, проект постройки порта и крепости был утвержден Александром III 30 августа 1892 г. Только постройка крепости должна была обойтись в 15,5 млн. руб.

Единственным преимуществом Либавы был незамерзающий порт. Но зато германская граница находилась всего лишь в 30 верстах. Германский флот имел рядом несколько удобных якорных стоянок, а у русского флота к 1892 г. ближайшая крупная военно-морская база была за много сотен миль — в Кронштадте.

С одной стороны, постройка порта и крепости была наглым вызовом Германии, поскольку использование Либавы стало бы целесообразным лишь в ходе наступательных действий на суше и на море. А, с другой стороны, это была ловушка для русского флота, который легко мог быть блокирован даже слабейшим противником. Либавская военно-морская база не годилась для оборонительной войны ни с Германией, ни, тем более, с Англией.

Наиболее дальновидные военные и сановники предлагали вместо Либавы построить незамерзающий порт на севере вблизи современного Мурманска. Активно поддерживали этот проект адмирал С.О. Макаров и министр финансов С.Ю. Витте. В 1894 г. Витте лично ездил осматривать место для порта. Порт на севере (основной вариант места постройки —

53 К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание 2-е. Т. 10. С. 535.

Екатерининская гавань) имел огромное стратегическое значение. В случае коалиционной войны с Францией против Германии связь с Францией могла обеспечиваться только через северные моря. В случае конфликта с Англией в Екатерининской гавани могли базироваться русские крейсера, оперирующие на британских коммуникациях в Атлантике.

Но зато строительство порта в Либаве было более удобно большой группе казнокрадов, сплотившихся вокруг тучной фигуры великого князя Алексея Александровича.

Витте позже писал в своих мемуарах: «Когда я пришел к императору с первым моим всеподданнейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково: он знал, что отец его относился ко мне особенно благоклонно, и, кроме того, когда он, еще будучи совсем молодым человеком, всегда ко мне благоволил, что и выказывал в комитете Сибирской железной дороги, в коем он был председателем.

Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал император Николай, был следующий: „А где находится ваш доклад о поездке на Мурман? Верните мне его“.

Я доложил государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный император еще в Беловежском дворце (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлен и сказал, что непременно его разыщет.

В следующую пятницу (мои доклады всегда были по пятницам) государь сказал мне, что он нашел доклад, и стал говорить со мною о том, что он считает необходимым привести в исполнение этот доклад, и прежде всего главную мысль доклада — о том, чтобы устроить наш морской опорный пункт на Мурмане, в Екатерининской гавани. Затем государь говорил о том, что не следует осуществлять проекта грандиозных устройств в Либаве, так как Либавка представляет собою порт, не могущий принести России никакой пользы, вследствие того что порт этот находится в таком положении, что в случае войны эскадра наша будет там блокирована. Вообще император высказался против этого проекта...

Император Николай II хотел немедленно объявить указом о том, что основной военный порт должен быть устроен на Мурмане, в Екатерининской гавани, причем Екатерининская гавань должна быть соединена железной дорогой с одной из ближайших станций прилежащих к Петербургу железных дорог...

Прошло месяца 2–3, и вдруг я прочел в „Правительственном вестнике“ указ императора Николая II о том, что он считает нужным сделать главным нашим морским опорным пунктом Либаву, и осуществить все эти планы, которые на этот предмет существуют, и назвать этот порт портом императора Александра III во внимание к тому, что будто бы это есть завет императора Александра III.

Меня этот указ чрезвычайно удивил, так как мне было известно, да и сам император мне говорил, что покойный император Александр III не только держался совсем другого мнения, но за несколько месяцев до своей смерти на моем всеподданнейшем докладе (который, вероятно, находится в личном архиве императора Николая II) высказал совершенно противоположное мнение.

Через несколько дней после появления этого указа ко мне явился Кази, человек очень близкий к великому князю Константину Константиновичу, и говорил мне, что вот как великие князья, пользуясь молодостью императора, пользуясь тем, что император только что вступил на престол и, так сказать, еще не окреп, злоупотребляют своим влиянием. Кази рассказал мне, что после указа о Либавском порте император Николай II приехал к великому князю Константину Константиновичу и со слезами на глазах сетовал великому князю о том, что вот генерал-адмирал великий князь Алексей заставил его подписать указ, указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца. Отказать же ему в этом император Николай II не мог, так как великий князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен

будет отказаться от поста генерал-адмирала».⁵⁴

Николай уступил, и строительство Либавского порта продолжалось. Мало того, Николай II издал указ, которым Либавский порт был переименован в порт Императора Александра III.

Буквально в песок уходили миллионы рублей. Только на оборудование порта ушло свыше 45 миллионов рублей. Общие же расходы подсчитать невозможно, поскольку они шли по разным ведомствам и по десяткам статей. А между тем требовались огромные средства для освоения Дальнего Востока. Либаву строили, экономя на строительстве крепости в Порт-Артуре. Для сравнения приведу состав береговой артиллерии Порт-Артура (перед началом осады) и Либавы.

Надо ли говорить, какую роль могли сыграть десятки миллионов рублей, потраченные на Либаву, если бы их своевременно переадресовали на Дальний Восток.

Порт-Артур был взят японцами, а 27 июня 1907 г. решением Совета государственной обороны Либавская крепость была упразднена.

25 апреля 1915 г. германские войска с ходу овладели Либавой. В том же году России пришлось начать строительство порта у Мурманска и железной дороги к нему.

Материальные потери, понесенные Россией в результате преступной либавской авантюры, превысили материальный ущерб, связанный с утратой Порт-Артура.

В 1928 г. Либаву посетил американский журналист, который с удивлением бродил по безлюдным кварталам пустых казенных зданий, по развалинам огромной крепости и осматривал огромный порт, вход в который затянуло песком. В своем репортаже о Либаве он провел аналогию с романом Г. Уэллса «Война миров».

Эпизод со строительством Либавской крепости — не исключение. Огромные средства вкладывались в строительство Черноморского флота. К 1894 г. любой из русских броненосцев был в состоянии в одиночку справиться со всем турецким флотом. К 1 января 1897 г. на Черноморском флоте находилось в строю и строилось 6 броненосцев: «Екатерина II», «Чесма», «Синоп», «Георгий Победоносец», «Двенадцать Апостолов» и «Три Святителя». Но зачем-то там 15 декабря 1897 г. закладывается «Потемкин», а начало русско-японской войны ознаменовалось закладкой еще двух броненосцев — «Евстафия» и «Иоанна Златоуста» (11 марта и 31 октября 1904 г.). В 1901 г. закладываются крейсера «Кагул» и «Очаков». Как нужны были эти корабли на Дальнем Востоке, и как бесполезны в озере, называемом Черным морем. Да, да, в озере! Турки при поддержке англичан не пропустили в 1901–1905 гг. русские боевые корабли на Дальний Восток.

Продолжалось усиление Севастополя и других черноморских крепостей. Огромные средства шли на содержание и усиление так называемого «Особого запаса», то есть складирования материальной части, предназначенной для захвата Проливов.⁵⁵

Безусловно, Проливы имели важное значение для безопасности империи, но вероятность захвата их Англией или другими европейскими государствами с 1898 г. и до поражения России в 1905 г. была ничтожно мала. Я уж не говорю о том, что русские эскадры на Балтике, так же как и на Черном море, были в бутылке, в горлышко которой (Датские проливы) легко могла быть вставлена британская пробка. Северного флота Россия не имела. Лишь русская эскадра на Дальнем Востоке, имевшая свободный выход в океан, могла представлять серьезную опасность для Британской империи.

В итоге из-за слабоумия Николая II Россия оказалась в положении глупой обезьяны из английской сказки, которая запустила лапу в кувшин с орехами, но не сумела вытащить ее обратно, поскольку не хотела отпустить ни одного из схваченных орехов.

54 Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 301–303.

55 Подробнее об Особом запасе см. Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны, Минск—Москва: Харвест—АСТ, 2000 г. С. 536.

Еще не закончились боевые действия против китайцев, а перед русским правительством встал вопрос — как управлять Маньчжурией? К 1901 г. военное правление существовало лишь там, где стояли русские гарнизоны, то есть вдоль КВЖД, в крупных городах, вдоль морского побережья и в нескольких десятках верст от русской границы. На остальных 99 % территории Маньчжурии управляли китайские чиновники, было сельское самоуправление или власть принадлежала шайкам хунгузов.

Единого мнения у русских властей, как управлять Маньчжурией, не было. Генерал Гродеков еще в конце июля 1900 г. распорядился, чтобы весь занятый русскими войсками район Маньчжурии был изъят из ведения китайских властей «с полным подчинением нашей власти и законам». Но 2 сентября 1900 г. военный министр Куропаткин телеграфировал адмиралу Алексееву и генералу Гродекову: «Главной задачей России в Маньчжурии ставится в настоящее время продолжение и окончания строящихся нами железных дорог. Усилия ваши и вверенных вам чинов и должны быть направлены к тому, чтобы облегчить возобновление работ и затем охранять производимые работы. Русское управление в занятой нами местности не должно быть введено. В Маньчжурии не должно остаться ни одного боевого орудия, ни одной войсковой части, но при восстановлении китайских властей им необходимо предоставить право иметь вооруженную конную и пешую стражу для полицейской службы».

Вслед за тем Алексееву было предписано пригласить бежавшего в Монголию мукденского цзянь-цзюня обратно в Мукден и оказать ему содействие военной силой, как при вступлении в должность, так и при замирении вверенной ему провинции. Кроме того, Алексеев должен был предъявить цзянь-цзюню требование, чтобы все китайские войска в Мукденской провинции были упразднены, а орудия, оружие, запасы и склады, еще не перешедшие в руки русских, были бы им выданы. Решение русского правительства восстановить в Маньчжурии прежний внутренний строй и китайскую администрацию вполне совпадало со взглядами самого Алексеева.

С сентября 1900 г. русское правительство начало переговоры с центральным китайским правительством в надежде достичь с ним соглашения по Маньчжурии. Русские предложения сводились к следующему: гарантия безопасности зоны КВЖД, Квантунского полуострова и русской границы по Амуру. Кроме того, Россия требовала принцип наибольшего благоприятствования в Маньчжурии для своих купцов и промышленников. Военное присутствие европейских государств, а также США и Японии в Маньчжурии должно быть исключено, а экономическое — сведено к минимуму. В случае выполнения этих условий Россия предлагала вывести свои войска из Маньчжурии, оставив лишь охранные части, подчиненные правлению КВЖД.

Современному читателю такие требования могут показаться империалистическими, нарушающими суверенитет Китая и т. п., но речь идет не о КНР, а о феодальном Китае с почти недееспособным правительством клики Цыси. В такой ситуации предложения России были благом для Китая.

Параллельно русские власти вели переговоры с туземными властями в Маньчжурии. Так, адмирал Алексеев вел переговоры с мукденским цзянь-цзюнем (командующим военным округом, фактическим наместником северо-восточных провинций) Цзженом. 9 ноября было заключено «местное соглашение» временного характера. Оно восстанавливало в провинции власть цзянь-цзюня и китайскую администрацию, но ставило их под контроль русских властей, которые получали по этому договору право держать в провинции свои войска. Китайские же войска обезоруживались и распускались.

Вслед за тем в Петербурге Витте, Ламздорф и Куропаткин разработали проект общего соглашения с центральным китайским правительством относительно Маньчжурии. Проект номинально предусматривал восстановление там суверенитета Китая. Но это обставлялось целым рядом таких условий, которые упрочивали русское влияние в северо-восточных провинциях. Предусматривалось временное оставление там русских войск под предлогом охраны КВЖД «впредь до водворения спокойствия» и вывод из Маньчжурии всех китайских войск впредь до завершения постройки КВЖД. Но и после этого численность китайских

войск устанавливалась бы Пекином не суверенно: ее должно было определить особое соглашение с Россией. Китайское правительство должно было дать обязательство смещать цзянь-цзюней трех маньчжурских провинций по требованию русского правительства. Проект содержал также обязательство китайского правительства не предоставлять без согласия России иностранным державам или подданным концессий «на всем пространстве областей Китая, сопредельных с Россией». Наконец, предусматривалась выдача русским концессии на железную дорогу от одного из пунктов южной ветки КВЖД до Китайской стены с направлением на Пекин. В основу проекта были положены соображения Витте. Он стремился обеспечить КВЖД и Русско-Китайскому банку в Маньчжурии прочное монопольное положение.

Переговоры с Китаем продолжались несколько лет, чуть ли не до самой русско-японской войны. Пекин то соглашался с русскими предложениями, то отказывался.

В чем же дело? Ведь в сложившейся ситуации подписание договора с Россией соответствовало государственным интересам Китая, и русское правительство не скупилось на взятки цинским сановникам. А дело в том, что от договора получали выгоды Россия и Китай, но зато проигрывали все европейские страны, Япония и США. Все эти страны претендовали на рынки и концессии в Маньчжурии, а Япония уже тогда планировала ее захват. Все эти страны не желали усиления России. Надо ли говорить, что пекинское правительство не могло противостоять столь мощному давлению ведущих мировых держав.

Следует отметить важный нюанс в ситуации на Дальнем Востоке, непонимание которого Николаем II и его министрами стало основной причиной проигрыша русско-японской войны. Все ведущие страны мира были настроены принципиально против превращения Маньчжурии в зависимую от России территорию. Но в то же время воевать против России из-за Маньчжурии была готова только Япония, и больше никто. Как уже говорилось выше, ни одно европейское государство, включая Англию, не желало начинать войну с Россией, что бы ни случилось на Дальнем Востоке. Пусть даже Россия официально аннексировала бы Маньчжурию, дело бы ограничилось десятком нот, в худшем случае — воинственными демонстрациями британского флота.

Запад есть Запад, а Восток есть Восток. Маньчжурия — не Балканы, не Константинополь и не Эльзас с Лотарингией. Так что у России было два выхода: или уйти из Маньчжурии без всяких условий, что означало бы в перспективе потерю Порт-Артура и Владивостока, или придать Дальнему Востоку приоритет перед европейскими делами и сосредоточить там сухопутные и морские силы, существенно превосходящие силы Японии, то есть сделать то, что Сталин сделал в 1938–1941 гг., и заставить Японию поменять вектор своей агрессии с севера на юг.

Увы, Николай II метался из стороны в сторону, так было раньше и так будет до февраля 1917 г. В начале 1902 г. царь поддался уговорам Витте и согласился вывести войска из Маньчжурии. Витте напугал царя заключенным 30 января 1902 г. договором между Англией и Японией.

В первой статье этого договора обе стороны признавали друг за другом право на охрану в Китае и Корее своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее, и потребуются интервенция какой-либо из договаривающихся сторон для защиты жизни и собственности ее подданных». Таким образом, договорные обязательства касались не только отпора покушениям третьей державы на захват Кореи или, Китая. Они предусматривали также «право» на противодействие любым попыткам третьей державы — предположительно, России — «угрожать интересам» Японии или Англии в этих двух странах Восточной Азии. В высшей степени растяжимые формулировки статьи 1 предоставляли широкие возможности для изыскания поводов как для вмешательства во внутренние дела Китая и Кореи, так и для развязывания войны против России. Если бы, например, Россия воспротивилась каким-либо агрессивным действиям Японии в Корее, то японскому правительству было бы нетрудно подвести этот случай под формулировки статьи 1 англо-японского договора. Оно могло бы

заявить, что, противодействуя Японии, Россия «угрожает» японским интересам.

Статья 2 обязывала каждую из договаривающихся сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется вовлеченной в войну с третьей державой.

В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор (статья 3) обязывал другого его участника оказать союзнику военную помощь.

Заключение англо-японского союзного договора сопровождалось обменом секретными нотами. В них устанавливалось, что «в мирное время» военно-морские силы обеих сторон, «насколько это возможно», будут действовать согласованно и что будут предоставлены взаимные льготы в использовании доков и в снабжении углем военных кораблей каждого союзника в портах другого. В нотах констатировалось, что в данный момент Англия и Япония содержат на Дальнем Востоке силы, превосходящие морскую мощь любой другой державы. Обе союзницы заверяли друг друга, что они не имеют намерения ослаблять усилий к сохранению такого превосходства.

Николай II разрешил пойти на уступки в переговорах с китайцами, и Россия сняла требование о предварительном обязательстве китайского правительства не предоставлять концессий иностранцам. Эта уступка решила дело: 8 апреля 1902 г. между российским и китайским правительствами было, наконец, подписано соглашение о порядке вывода русских войск из Маньчжурии в три срока в течение 18 месяцев, то есть к осени 1903 г. Русская дипломатия настояла лишь на включении в договор оговорки о том, что эвакуация может быть приостановлена смутами в Маньчжурии или же такими действиями иностранных держав, которые не позволят России вывести свои войска. Включение этой оговорки стоило русскому правительству 40 656 рублей. Эту сумму составили взятки, которые были даны уполномоченному цинского правительства Вань Вэнь-шао и некоторым другим сановникам. Преемники Ли Хун-чжана брали с царского казначейства меньше, чем привык получать старик.

Россия начала эвакуацию войск из Маньчжурии, но так и не закончила ее. Осенью Николая II под воздействием кучки авантюристов во главе с А.М. Безобразовым качнуло в другую сторону.

Александр Михайлович Безобразов начал карьеру в кавалергардском полку, где заимел связи с сильными мира сего. По каким-то темным обстоятельствам ему пришлось оставить гвардию и отправиться на гражданскую службу в Иркутск.

29 августа 1896 г. владивостокскому купцу Бринеру удалось приобрести у корейского правительства лесную концессию в районе реки Ялу сроком на 20 лет. Эта концессия распространялась на бассейны двух рек — Тумени и Ялу — вдоль всей Северной Кореи от моря до моря на протяжении около 800 верст. Причем на юге она включала важные в военном отношении горные проходы. Держатель концессии получил право строить там дороги, проводить телеграф, возводить здания, содержать пароходы и др., так что становился на весь двадцатилетний концессионный срок фактическим хозяином Северной Кореи. Надежды Бринера собрать капитал для эксплуатации концессий не оправдались, и он задумал концессию продать.

Узнав о поступлении концессии в продажу, Безобразов решил провернуть грандиозную аферу и стать мультимиллионером. Своих денег у него, разумеется, не было, и он решил попользоваться казенными средствами. Но как это сделать? Безобразов к концу 1896 г. уже ушел с гражданской службы, то есть был частным лицом. Естественно, ему пришлось найти именитых поделельников — великого князя Александра Михайловича и графа И.И. Воронцова-Дашкова.

Великий князь Александр Михайлович был не только самым умным представителем семейства Романовых, но и большим любителем всевозможных афер. В 1894 г. 28-летний Александр Михайлович был уже капитаном 2 ранга и, главное, императорским зятем. С момента восшествия на престол Николая II Александр Михайлович начал интриговать против великого князя Алексея Александровича, поскольку ему самому не терпелось стать

генерал-адмиралом. Но Алексей оказался не так прост, и флот пришлось покинуть Александру. Но неугомонный Сандро, надеясь на приятеля детских игр Ники, не унывал и решил заняться чем-нибудь попроще. Если не удалось положить в свой карман военный флот, то почему бы это не сделать с торговым?

Торговый флот империи находился в ведении Министерства финансов, то есть под началом С.Ю. Витте. В 1898 г. Александр Михайлович уговорил Николая II учредить в министерстве финансов отдел торгового мореплавания и назначить его туда простым членом. Через весьма короткое время Александр Михайлович стал начальником этого отдела. А в 1903 г. отдел был выведен из Министерства финансов и преобразован в Главное управление торговым мореплаванием и портами, а главноуправляющим был назначен, естественно, сам великий князь. По сему поводу в Петербурге сановники остряли: «Александр Михайлович снял с Витте порты».

Граф Воронцов-Дашков тоже был не промах, а главное, он служил министром двора и уделов, то есть фактически управлял личными доходами царя. Воронцов-Дашков доложил Николаю II о проекте Безобразова и предложил ему войти в долю.

2 марта 1898 г. новоявленные «концессионеры» подали царю Всеподданнейшую записку, в которой предлагали «перехватить» концессию Бринера, а для осмотра корейских лесов отправить особую экспедицию, которая, не возбуждая толков и дипломатических запросов, всесторонне исследовала бы Северную Корею и подтвердила бы сведения о ее богатствах. Они писали, что время еще не ушло, что еще можно чисто мирным путем овладеть богатствами Кореи, на которые, кроме Японии, уже обратили свои взоры и многие другие державы, что по корейскому закону император Кореи является собственником земельных недр, что поэтому необходимо укрепить его власть, затем организовать при нем управление по образцу российского управления Кабинетским имуществом и тогда заключить с этим учреждением особый арендный договор.

Николай II позволил отправить в Северную Корею специальную экспедицию на средства Кабинета Его Величества. Во главе «дела» были поставлены великий князь Александр Михайлович и граф Воронцов-Дашков; непосредственными исполнителями стали А.М. Безобразов, его товарищ по полку отставной полковник В.М. Вонлярлярский и контр-адмирал А.М. Абаза.

Как видим, дело шло на уровне Остапа Бендера. Создана контора «Рога и копыта», теперь нужно найти подставное лицо — председателя Фунта. Им стал состоявший в Ведомстве императорского двора тайный советник Н.И. Непорожнев. 11 мая 1898 г. в Петербурге с уполномоченным купца Бринера был заключен договор на условную продажу Н.И. Непорожневу лесной концессии на реке Ялу. В конце 1898 г. специальная русская экспедиция исследовала за 94 дня всю Северную Корею. Руководитель экспедиции инженер Михайловский телеграфировал в Петербург: «В Маньчжурии видел много богатств, чудные леса лиственницы и кедра — три миллиона десятин — много золота, серебра, красной меди, железа, угля». Район рек Тумени и Ялу может легко сделаться источником крупных богатств и, следовательно, подспорьем в тех громадных расходах, которые неминуемо потребует наше положение на Дальнем Востоке. Кстати, значительная часть стоимости экспедиции пошла по разным статьям бюджета, а непосредственно Кабинет Его Величества израсходовал на нее и на приобретение самой концессии всего 235 070 рублей.

А концессионеры уже делили будущие доходы. В список от 20 мая 1900 г. было включено 45 концессионеров. Всего должно было быть 400 паев, из которых 170 — Кабинета Его Величества, то есть царя.

В начале 1902 г. на реке Ялу закипели работы. Для начала для охраны концессии наняли и вооружили несколько сотен китайцев. Затем на реку Ялу отправили «уволненных в запас» сибирских стрелков, число которых постепенно дошло до полутора тысяч человек. Абаза привлек к участию в концессии и главного начальника Квантунской области генерал-адъютанта Е.И. Алексеева. За подавление восстания боксеров Алексеев был буквально осыпан наградами — 1 января 1901 г. награжден орденом Белого орла и золотой саблей, 6

мая 1901 г. назначен генерал-адъютантом, а 6 апреля 1903 г. произведен в полные адмиралы.

Безобразовская авантюра вызвала возмущение как внутри России, так и за ее пределами. Так, министр финансов С.Ю. Витте и министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф решительно осудили проникновение в Корею. В ответ Николай II 6 мая 1903 г. произвел Безобразова в статс-секретари Его Величества.

30 июля 1903 г. Николай II решил создать наместничество на Дальнем Востоке и назначил наместником Е.И. Алексеева. Витте, Ламздорф и все остальные министры узнали об учреждении наместничества и назначении Алексеева исключительно из газет. Николай II даже не счел нужным посоветоваться со своими министрами. Единственное исключение представлял министр внутренних дел В.К. Плеве, который был сторонником наместничества.

Согласно Высочайшему указу от 30 июля 1903 г., в состав наместничеств вошли русский Дальний Восток и Квантунская область, то есть по куску Российской и Китайской империй.

Наместнику вверялось командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными во вверенном ему крае войсками, руководство дипломатическими сношениями по делам Дальневосточных областей с соседними государствами, высшая власть по всем частям гражданского управления в крае, верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоявших в пользовании КВЖД, и ближайшая забота о пользе и нуждах русского населения в сопредельных с наместничеством зарубежных владениях. «Устроение новой власти вызывалось сложными задачами управления на восточных окраинах империи», — говорилось в указе.

Вместе с наместничеством учреждалась и высшая над ним инстанция — Особый комитет под Личным председательством Государя Императора, имевший своей задачей «согласовать распоряжения главного начальника на Дальнем Востоке с общегосударственными видами и деятельностью министерств».

Теперь наместничеством могли абсолютно бесконтрольно распоряжаться Николай II, Безбородко, Алексеев и К^о. Ничего подобного в России не было со времени опричнины Ивана Грозного. Тем не менее 16 августа 1903 г. царь без всяких объяснений сместил Витте с поста министра финансов и назначил на декоративный пост Председателя Комитета министров. На всякий случай Николай II даже не назначил нового министра финансов, а лишь приказал исполнять должность управляющего министерством финансов Э.Д. Плеске — весьма серому и весьма послушному чиновнику. Ламздорфу царь объявил выговор, и тот согнулся в поклоне — «Чего изволите, Ваше Величество».

ГЛАВА 15

СТРОИТЕЛЬСТВО МОРСКОЙ БАЗЫ И КРЕПОСТИ В ПОРТ-АРТУРЕ

Ко времени захвата русскими Порт-Артур представлял собой небольшой китайский город с населением около четырех тысяч человек. Позже эти китайские кварталы получили название Старого города. Русская администрация и войска поначалу разместились в китайских административных зданиях, казармах и жилых домах, брошенных их обитателями. Благодаря русским гражданское население Порт-Артура стало расти и к 1904 г. составляло уже 15 тыс. русских и не менее 35 тыс. китайцев.

Рядом со Старым городом в 1901 г. возник русский Новый город. Название его улиц мало отличалось от названий улиц в городах европейской России — Морская, Пушкинская, Бульварная и др. Порт и город освещались от центральной портовой электростанции. В Порт-Артуре почти до самого конца обороны издавалась своя газета «Новый Край».

Как уже говорилось, мелководную гавань Порт-Артура начали углублять еще китайцы, устроив искусственный Восточный бассейн, который вмещал до десятка судов средней величины. В 1901 г. началось углубление Западного бассейна, предназначенного для броненосцев, но к началу войны эта работа, как и строительство нового сухого дока, не была закончена.

Смета на строительство военно-морского порта была представлена Николаю II в 1899 г. На углубление гавани, приобретение землечерпального каравана, сооружение молов, устройство портовой территории и т. д. требовалось около 14 млн. руб., а отпущено было 11 миллионов. Работы начались только в 1901 г. и были разделены на две очереди, окончание только первой очереди предполагалось в 1909 г. Поэтому к началу войны Порт-Артур не имел ни доков для больших кораблей, ни углубленного рейда, а к постройке молов для внешнего рейда даже не приступали.

Командир порта контр-адмирал Грече в связи с этим писал: «Время проходило главным образом в различных обсуждениях и теоретических соображениях, без окончательных решений и реального приступа к быстрому выполнению намеченного плана. В результате после четырехлетнего владения Порт-Артуром там почти ничего не было сделано по устройству адмиралтейства и порта или же очень мало, и лишь за время около года до войны работы по устройству порта приняли более интенсивный характер».

Так, для нужд военного порта был создан только парк землечерпалок (5 драг и 9 буксиров), с помощью которых и начались работы по углублению внутреннего рейда и рытью котлована под новый док для броненосцев в южной части Восточного бассейна. Также были созданы запасы кардиффского (английского) и китайского угля (35 тыс. т) — основного топлива для кораблей.

Русские восстановили разрушенный японцами в 1895 г. судоремонтный завод, где теперь мог производиться ремонт крупных кораблей эскадры — замена топок и котлов, цилиндров паровых машин, гребных винтов, выверка и установка гребных валов; там же изготавливались запасные части и механизмы.

Морское министерство решило в конце 1898 г. начать в Порт-Артуре сборку миноносцев, строившихся в Петербурге на Невском и Ижорском заводах. Часть миноносцев типа «Сокол» делались разборными, чтобы их готовые секции можно было на пароходах доставить на Дальний Восток.

По плану предполагалось отправить в Порт-Артур 5 миноносцев в 1899 г. и 4 — в 1900 г., причем последний — не позднее августа. Срок их сдачи в Порт-Артуре устанавливался по истечении 5 месяцев со дня выгрузки. Но позже было решено делать не 9, а 7 разборных миноносцев.

Однако по вине бюрократов Морведа сроки сдачи миноносцев сорвались. Лишь к концу 1899 г. был отправлен на пароходе «Нормания» корпус первого из построенных на Невском заводе миноносцев, а также корпуса трех «ижорских» миноносцев. В течение 1900 г. в Порт-Артур на пароходах «Владимир Савин», «Эдуард Бари», «Малайя», «Аннам» и «Дагмар» отправили корпуса остальных миноносцев Невского завода, а также механизмы, котлы и другое оборудование.

Вначале 1900 г. на полуострове Тигровый хвост началось строительство крытого эллинга, рассчитанного на одновременную сборку сразу трех миноносцев, однако полномасштабные работы развернулись только к октябрю. 30 декабря ГУКиС заключил договор с Невским заводом о том, чтобы его рабочие произвели сборку и трех «ижорских» миноносцев. 5 марта 1901 г. начались подготовительные работы, а 11 апреля состоялась официальная закладка первого из кораблей — «Баклана», переименованного через несколько дней в «Кондор».⁵⁶ В первую очередь собирались миноносцы Невского завода, доставленные в лучшем состоянии и в большей комплектности.

Спуск «Кондора» на воду состоялся через 3,5 месяца после закладки, а на остальных кораблях работы продвигались крайне медленно, так как детали корпусов и механизмов за время перевозки морем и хранения под открытым небом в Порт-Артуре покрылись ржавчиной, на удаление которой было израсходовано более 122 тыс. руб. Сборка же миноносцев Ижорского завода считалась «постройкой заново», так как некоторые детали были либо безнадежно испорчены, либо отсутствовали вовсе, и их приходилось

56 С марта 1902 г. — «Решительный».

изготавливать на месте.

Испытания «Кондора» начались в октябре 1901 г. и продолжались до лета 1902 г. Наибольшая средняя скорость при значительной вибрации машин достигла всего 25,75 узла. Но, несмотря на это, 5 июля было дано разрешение на принятие миноносца «во избежание надрыва котлов».

В 1902 г. прошли испытания еще двух миноносцев Невского завода, а в 1903 г. — еще трех «невских» и трех «ижорских» кораблей. Последние три сдавались уже после нападения японцев на Порт-Артур: «Страшный» — 20 февраля, «Стройный» — 1 марта, «Статный» — 14 июля 1904 г.

Надо ли говорить, что самым важным делом в Порт-Артуре должна была стать постройка мощной морской и сухопутной крепости,⁵⁷ поскольку Ляодунский полуостров представлял собой клочок русской территории, окруженный враждебными государствами.

Несколько слов стоит сказать и о географическом положении Порт-Артура. Город и порт расположены в котловине, окруженной со всех сторон горными хребтами, возвышающимися на 175–210 м над уровнем моря.

Местность в районе Порт-Артура гористая, сильно пересеченная, с большим количеством глубоких оврагов, крутых скатов и обрывов, образующих при стрельбе множество мертвых пространств. Наиболее высокими в этом районе являются горы Ляотешаня, достигающие 465 м над уровнем моря. С их вершин открывается широкая панорама в сторону моря и суши на многие километры. Кроме Ляотешаня, господствующими высотами на приморском и сухопутном фронтах являлись также Большая гора, Дагушань, Безымянная, Угловая и Высокая, с которых хорошо просматривался Порт-Артур и ближние к нему подступы.

На удалении 10–12 км от Порт-Артура подступы к городу с северо-востока прикрыты горным хребтом Волчьих горы. Высота его вершин достигает 200–240 м над уровнем моря. Волчьих горы представляли собой выгодную естественную оборонительную позицию, так как северные и восточные скаты круты, а местами — обрывисты, и овладение ими представляло для наступающего большие трудности. Вместе с тем с захватом их противник мог контролировать северные подступы к Порт-Артуру. Поэтому оборона Волчьих гор вызывалась настоятельной необходимостью.

Увы, Военное ведомство слишком долго медлило, прежде чем начать строительство крепости. К октябрю 1898 г. гарнизон Порт-Артура все еще был малочисленным и состоял из 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (4 полка двухбатальонного состава), шести рот крепостной артиллерии, Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона (24 орудия), четырех сотен казаков и одной саперной роты. На гарнизон возлагалась не только задача охраны Порт-Артура, но и наблюдение за важными объектами Квантунского полуострова. Поэтому части гарнизона не имели возможности ведения широким фронтом инженерных работ. Этим объясняется и медленное вооружение крепости артиллерией.

В начале 1898 г. в Порт-Артуре была создана местная комиссия для выработки проекта береговых и сухопутных укреплений Порт-Артура. По ее мнению, прежде всего надлежало воспользоваться некоторыми старыми китайскими береговыми батареями, усовершенствовав их и надлежаще вооружив, а затем постепенно заменять эти батареи новыми. Что касается сухопутного фронта, то признавалось необходимым вынести линию фортов проектируемой крепости на Волчьих горы, километрах в восьми от окраин Старого города.

Однако Военное ведомство проект забраковало, и в октябре 1898 г. из Петербурга в Порт-Артур была направлена новая комиссия под председательством генерала Кононовича-Горбатского.

57 В России с 1838 по 1917 г. крепости делились на морские и сухопутные. Морские крепости предназначались для защиты от неприятельского флота, а сухопутные — от армии. Тем не менее все морские крепости имели укрепления и орудия, предназначенные для защиты от сухопутных войск противника (их называли сухопутным фронтом).

Но еще до отбытия комиссии, 17 сентября 1898 г., появилось Высочайшее повеление, согласно которому еще до составления окончательного плана морской крепости в Порт-Артуре туда временно назначалось 189 орудий Военного ведомства.

Из этих орудий 133 предназначались для береговых укреплений. Среди них было: 10-дюймовых (254/45-мм) пушек — 5; 9-дюймовых (229-мм) пушек обр. 1867 г. — 12; 6/45-дюймовых пушек Кане — 10; 6-дюймовых пушек в 190 пудов — 28; 57-мм береговых пушек Норденфельда — 28; батарейных (107-мм) пушек — 8; 11-дюймовых (280-мм) мортир обр. 1877 г. — 10; 9-дюймовых мортир обр. 1877 г. — 10.

Для сухопутных укреплений предназначалось 56 орудий: 42-линейных (107-мм) пушек обр. 1877 г. — 18; легких (87-мм) пушек — 24; 6-дюймовых (152-мм) полевых мортир — 6; 3-линейных (7,62-мм) пулеметов Максима — 8.

Как видим, из 133 береговых орудий современными орудиями, способными нанести вред японскому флоту, я уж не говорю об английском, были лишь 10/45-дюймовые и 6/45-дюймовые пушки, да и то при наличии снарядов, снаряженных мощным взрывчатым веществом — пироксилином, мелинитом и т. д.

Остальные орудия эффективно можно было использовать лишь на сухопутном фронте, и опять же при наличии соответствующих снарядов. Исключение представляли совершенно бесполезные 57-мм береговые пушки Норденфельда, от них не было проку ни на суше, ни на море.

Все эти орудия должны были доставить в Порт-Артур в течение трех лет, с 1898 по 1900 год.

В 1898 г. должны были быть отправлены для береговых укреплений:

12—9-дюймовых пушек обр. 1867 г. Из них 6 пушек были взяты из Особого запаса в Одессе, 4 — из Севастопольской крепости и 2 — из Керченской крепости. Зато к этим древним пушкам были взяты с Петербургского склада новенькие станки Дурляхера с углом возвышения в 45° (6 станков были изготовлены для крепости Либавы и 6 — для Кронштадта). 28—6-дюймовых пушек в 190 пудов. Из них 4 взяты из Очаковской крепости, 4 — из Владивостокской крепости и 20 — из Особого запаса в Одессе. 28—57-мм береговых пушек Норденфельда. Из них 14 были взяты из Особого запаса в Одессе, 10 — из Севастопольской крепости и 4 — из Владивостока. 8 батарейных пушек были взяты из Особого запаса в Одессе. 32 мортиры обр. 1877 г. были взяты из Особого запаса в Одессе.

Для сухопутных укреплений в 1898 году должны были доставить: 18—42-линейных пушек обр. 1877 г. Для этого по 6 орудий взяли из отдельных осадных парков в Двинске, Брест-Литовске и Киеве. 24 легкие пушки взяли из крепостей: Ковно (12), Новогеоргиевск (6) и Александровской цитадели в Варшаве (6). 6—6-дюймовых мортир были взяты из Новогеоргиевской крепости.

В 1899 г. подлежало отправке в Порт-Артур: 10—6/45-дюймовых пушек Кане, в том числе шесть из Особого запаса в Одессе и четыре из числа заказанных для Владивостокской крепости. 10—11-дюймовых мортир обр. 1877 г. на лафетах Дурляхера из числа изготовленных для Кронштадтской крепости.

В 1900 г. подлежало отправке в Порт-Артур: 5—10/45-дюймовых пушек, из которых 4 было заказано для Владивостокской крепости и 1 — для Кронштадта.

Автор не зря приводит эти вроде бы скучные перечни орудий. Из них становится ясно, как «с бору по сосенке» комплектовалась артиллерия Порт-Артурской крепости. А ведь было заведомо известно, что 9-дюймовые пушки обр. 1867 г. устарели еще в 1877 г. Да и калибр 9 дюймов (228 мм) был слаб для борьбы с броненосцами, а шансов попасть из них в маневрирующий крейсер практически не было (даже на станках Дурляхера). Риторический вопрос: зачем же тащить ненужные тяжелые пушки и станки за тридевять земель, да еще строить под них дорогостоящие береговые батареи?

Замечу, что это не единственный случай преступной, иначе не скажешь, деятельности наших генералов. Вот, к примеру, в 1897—1898 гг. из Одесского отделения Особого запаса для вооружения Николаевска-на-Амуре было отправлено восемь 8-дюймовых пушек обр. 1867 г.

Такие пушки, не годные даже для сухопутных батарей, из Одессы надлежало направить на лом или в музей. Пушки эти были опасны лишь для собственной прислуги, но никак не для неприятеля.

Что же касается береговых мортир, то к началу XX века сам класс таких орудий стал бесполезным. 9—11-дюймовые мортиры могли эффективно поражать только стоящие на якорях крупные корабли, да и то после длительного обстрела. Стрельба по маневрирующим судам была бесполезной тратой снарядов.

Обратим внимание, что значительная часть современных орудий была направлена в Порт-Артур из Владивостока, то есть попросту Военное ведомство латало «тришкин кафтан» на Дальнем Востоке.

До Хлестакова на троне и Хлестаковых в Военном и Морском ведомствах никак не могло прийти, что, ввязавшись в серьезную игру в Маньчжурии, и думать нечего по меньшей мере 20 лет о захвате Босфора, не говоря уж о Либавской аванюре. Если бы средства, отпущенные с 1898 по 1904 год на Либаву и Особый запас, были потрачены на строительство Порт-Артурской крепости, то она действительно могла стать неприступной.

Но вернемся к новой комиссии Военного ведомства, отправленной в октябре 1898 г. в Порт-Артур. Под руководством генерала Кононовича-Горбатского был разработан новый проект крепости. При составлении проекта комиссия исходила из того, что ввиду отдаленности Порт-Артура сообщение с Россией морским путем может быть прервано в первые же дни войны, а помощь с суши может быть оказана лишь четыре месяца спустя. Поэтому комиссия указала на необходимость иметь крепость «с солидным крепостным сооружением и с сильным гарнизоном, который мог бы выдержать продолжительную осаду превосходящих сил противника».

По вполне обоснованным выводам комиссии на приморском фронте планировались постройка и вооружение 22 батарей. Особое внимание в своем проекте комиссия уделяла устройству оборонительных сооружений сухопутного фронта, линия которого должна была проходить по высотам Сяогушань, Дагушань, Угловая, Высокая и Соляная. Для вооружения укреплений и батарей приморского и сухопутного фронтов предполагалось доставить 593 пушки и 52 мортиры, обслуживание которых должно было производиться батальонами крепостной артиллерии. Гарнизон крепости должен был состоять из 20 пехотных батальонов. При этом 70-километровый сухопутный фронт должен был защищаться 528 орудиями и 70-тысячным войском.

Военное министерство отклонило этот проект, объяснив это якобы слишком большими требованиями по количеству гарнизона, вооружению артиллерией и строительству укреплений. Военный министр Куропаткин принял решение построить на сухопутном фронте только несколько фортов, неприступных «для атаки открытою силою».

Того же мнения было и «особое совещание», в работе которого принимали участие представители дипломатического, финансового и военного ведомств. Совещание решило свести к минимуму затраты по обороне Порт-Артура, а работы вести так, чтобы «не раздражать» противника, считаясь с «впечатлительностью иностранцев вообще и японцев в частности».⁵⁸

В сущности, требования военного министра и «особого совещания» сводились к тому, чтобы заранее исключить возможность длительной обороны Порт-Артура. На совещании было установлено, что гарнизон Порт-Артура не должен превышать 11,3 тысячи человек. Исходя из этого, предусматривалось сокращение периметра крепости с исключением из плана обороны ряда командных высот.

Этими ошибочными соображениями и должна была руководствоваться вновь созданная комиссия под председательством полковника К.И. Величко.⁵⁹

58 Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе. Книга I. С. 475.

59 Величко Константин Иванович родился 20 мая 1856 г. В 1892 г. служил в крепости Ковно, а в 1893 г. — в

На приморском фронте Величко спроектировал строительство 25 береговых батарей, которые должны были располагаться тремя группами: группа Тигрового полуострова; группа Золотой горы и Плоского мыса и группа Крестовой горы. Кроме этого, предусматривалась отдельная батарея на Перепелочной горе. На все береговые батареи было назначено 124 орудия, в их числе пушки 10/45-дюймовые, 152/45-мм Кане, 6-дюймовые в 190 пудов, 57-мм Норденфельда и батарейные, а также 11- и 9-дюймовые мортиры.

На сухопутном фронте предполагалась постройка 8 фортов, 9 укреплений, 6 долговременных батарей и 8 редутов. Всего для вооружения долговременных сооружений и батарей Порт-Артуру планировалось иметь 542 орудия и 48 пулеметов. Постройка крепости должна была осуществляться в две очереди и быть закончена к 1909 г.

В основу плана была положена идея создания оборонительных сооружений в зависимости от численности гарнизона, находившегося там в мирное время. Не были учтены выгодные условия местности на дальних подступах, где имелся ряд естественных позиций, при устройстве на которых даже полевых сооружений и установке необходимого количества артиллерии можно было нанести противнику значительные потери и облегчить оборону Порт-Артура.

Создание же оборонительной линии только на ближних к городу высотах стало одной из причин недостаточно устойчивой обороны Порт-Артура. При подходе к укреплениям противник имел возможность поражать сосредоточенным огнем как тяжелых, так и легких орудий важные оборонительные объекты, артиллерийские батареи крепости и корабли эскадры на внутреннем рейде. Захват хотя бы одной из командных высот оборонительной линии позволял противнику вести наблюдение и тем усилить огневое воздействие по эскадре и батареям за счет ведения прицельного огня своей артиллерии.

Стоимость всех инженерных построек составляла 7,5 млн. руб., почти столько же стоила и материальная часть, а в общем на постройку Порт-Артурской крепости требовалось 15 млн. руб.

Хотя проект Величко был утвержден только в 1900 г., к работам приступили несколько раньше. Но так как денежные средства отпускались малыми порциями, работы были разделены на три очереди, с расчетом закончить постройку крепости в 1909 г. До начала русско-японской войны на строительство крепости было отпущено около 4250 тыс. руб., т. е. менее трети необходимого. Поэтому к 1904 г. в крепости было произведено немногим более половины всех работ. В наибольшей степени готовности находился приморский фронт: на нем успели возвести 21 батарею и 2 пороховых погреба, причем половина построек была в законченном виде. На сухопутном же фронте к началу войны был закончен лишь один форт — № IV, два укрепления (4-е и 5-е), три батареи (литеры А, Б и В) и два питательных погреба. Все остальные сооружения были либо не достроены, либо к их постройке даже не приступали.

Проектирование порт-артурских фортов велось на основании справки, выданной Азиатской частью Главного штаба, по которой у японцев предполагалось отсутствие артиллерии калибра свыше 15 см. Поэтому из экономических соображений принятая тогда Инженерным ведомством толщина бетонных сводов казематированных построек в 1,5–1,8–2,4 м была уменьшена на 0,3 м. Но из тех же экономических соображений местное порт-артурское начальство разрешило военным инженерам сократить толщину сводов еще на 0,3 м, а местами и на 0,6 м. И в результате на важнейших укреплениях, подвергавшихся сильнейшей бомбардировке, толщина сводов в жилых казармах и на других важных объектах

Новогеоргиевске. В 1893 г. назначен в комиссию по вооружению крепостей, с 1895 г. — управляющий делами этой комиссии. С 1901 г. — профессор фортификации Николаевской инженерной академии. После составления проекта укреплений Порт-Артура получил чин генерал-майора. В 1903 г. стал помощником начальника Главного инженерного управления. С началом войны по просьбе Куропаткина Величко направлен в Маньчжурскую армию. Там он проектировал укрепления Ляояна, Квантунской позиции на р. Ляохэ, Инкоу, Ташичао, Хайчена, Айсанджанской и Ляндзяньской позиции, а также (тогдаш после оставления Ляояна) Мукдена, Телина, а после мукденских боев — и Харбина.

обороны оказалась всего 0,91 м. Были также нарекания и на качество бетона, но компетентная комиссия признала несправедливость этих нареканий. Во всяком случае, 91-сантиметровые своды могли выдержать снаряды не более 15-см калибра.

Журналом⁶⁰ комиссии по вооружению крепости за № 351 от 15 февраля 1900 г. для сухопутного фронта крепости Порт-Артур было назначено следующее артиллерийское вооружение:

Таблица № 3

Журналом Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (ГАУ) за № 518 от 7 октября 1902 г. было предписано использовать трофейные китайские пушки для обороны Ляодунского полуострова: «Для вооружения „позиции-заставы“ на перешейке Цзинь-Чжоу и у города Дальнего назначены орудия из военной добычи, всего 59 пушек изготовления ф. Крупп». Среди них были: 1—24/35-см/клб с боекомплектом 150 выстрелов; 2—21/35-см/клб с боекомплектом по 150 выстрелов; 3—15/40-см/ клб патронного заряжания;⁶¹ 3—15/25-см/клб; 2—15-см обр. 1877 г.; 4—12/35-см/клб патронного заряжания; 16—87-мм осадных патронного заряжания; 28—87-мм полевых.

Несмотря на постановление Арткома, бюрократы из ГАУ не захотели заниматься китайскими орудиями, которые до 1904 г. были довольно грозным оружием. В пространных записках они предлагали по одному китайскому орудью доставить на Главный артиллерийский полигон (ГАП) под Петербург, испытать там, составить технические описания, таблицы стрельбы и т. д. и т. п., и вот тогда уже ставить на укрепления. Надо ли говорить, что доставка восьми орудий из Порт-Артура в Петербург на Охту и испытания их там затянулись бы минимум на два года и обошлись бы в десятки тысяч рублей. Гораздо проще было бы командировать специалистов с ГАП в Порт-Артур, и на месте провести испытания орудий. Но, увы, нашим охтинским героям лень было уезжать из столицы «к черту на кулички». Наконец, можно было запросить фирму Круппа, где ни одно орудие не уходило с завода без тщательных испытаний. Отношения с Германией в 1900–1903 гг. были хорошими, и ГАУ уже через неделю получило бы всю нужную информацию. В итоге китайские орудия к началу войны так и не были приведены в порядок.

Перед самым началом войны Журналом комиссии по вооружению крепостей от 12 декабря 1903 г. было определено новое «нормальное вооружение» крепости Порт-Артур.

На береговых укреплениях должны были установить: 14—10/45-дюймовых пушек, 12—9-дюймовых пушек обр. 1867 г., 20—152/45-мм пушек Кане, 4—6-дюймовые пушки в 190 пудов, 8 батарейных пушек, 9 легких пушек, 28—57-мм береговых пушек Норденфельда, 10—11-дюймовых мортир обр. 1877 г. и 27—9-дюймовых мортир обр. 1877 г.

На сухопутных укреплениях должно быть установлено: 39—6-дюймовых пушек в 190 пудов, 38—6-дюймовых пушек в 120 пудов, 24—42-линейные пушки обр. 1877 г., 4—батарейные пушки, 88—57-мм капонирных пушек Норденфельда, 51 полевая легкая пушка на тумбе (для капониров) и 166 полевых легких пушек на колесах, 26—6-дюймовых полевых мортир, 16—7,62-мм пулеметов для капониров, 32—7,62-мм противотурмовых пулемета (на высоких колесных станках).

Однако вооружить Порт-Артур даже по такому табелю не удалось. Наиболее сложная ситуация сложилась с 10/45-дюймовыми орудиями, которые изготавливались только на Обуховском Сталелитейном заводе. Пять первых 10-дюймовых пушек были заказаны заводу 28 октября 1896 г., причем по контракту первое орудие должно было быть сдано через 12 месяцев. Однако в ГАУ после неудач с испытаниями корабельных 10/45-дюймовых пушек

⁶⁰ Журналы соответствующих комиссий и комитетов после утверждения их военным министром становились приказами.

⁶¹ Там, где не указано патронное заряжание, заряжание картузное.

решили упрочить ствол и 16 марта 1898 г. выслали новый чертеж 10/45-дюймовой пушки. Таким образом, по милости ГАУ заказ находился без движения почти полтора года. В результате первая 10-дюймовая пушка была сдана заводом в мае 1899 г.

К 26 февраля 1901 г. первые три 10-дюймовые пушки были готовы, а оставшиеся две должны были быть готовы зимой 1901/02 гг. Первую пушку отправили на ГАП, а две другие летом 1902 г. погрузили на пароход «Корея», следовавший в Порт-Артур.

К концу 1902 г. завод стал сдавать по три 10-дюймовые пушки в месяц, и Порт-Артур к началу войны вполне мог получить все положенные по табелю 14 пушек, если бы их не отправили в Либаву и в Кронштадт. Как уже говорилось, Либава была абсолютно ненужной крепостью, а Кронштадту никто в 1902–1904 гг. и не думал угрожать, не говоря уж о том, что он и без того был слишком сильно укреплен. Для перевозки 10-дюймовых орудий можно было привлечь и другие пароходы, кроме «Кореи».

Ну, допустим, серийное производство 10-дюймовых орудий только начиналось, и они были сравнительно дороги (тело одного орудия стоило 55 100 руб.), но возникает вопрос: почему Военное ведомство безобразно относилось к сухопутной обороне Порт-Артура?

Легкие полевые пушки снимали в 1901–1903 гг. с вооружения, и их было пруд пруди, но их так и не доставили в Порт-Артур. Вместо 217 легких пушек там их оказалось только 146! Не были доставлены в Порт-Артур даже двадцать гладкоствольных мортир обр. 1838 г., а ведь сотни таких мортир хранились по крепостям и складам Европейской России. Споры нет, орудия эти древние и не очень эффективные, но другого-то наши мудрые генералы так ничего и не приняли. (Вспомним о многострадальной 34-линейной мортире!) А с учетом рельефа местности и мортиры сыграли бы значительную роль в обороне Порт-Артура. И лишь после начала войны мортиры начали отправлять из Европейской России в Маньчжурию. Так, в 1904 г. 25 таких мортир было отправлено из Керченской крепости на Дальний Восток.

Что же касается капонирных 7,62-мм пулеметов Максима, то к 1904 г. их не было даже в опытных образцах. Несколько опытных образцов генерала Фабрициуса и других конструкций было испытано в 1905–1911 гг., но ни один из них не приняли на вооружение. Уму непостижима тупость русских генералов — создать пулеметный тумбовый станок для капонира под силу любому инженеру, да и чтобы сконструировать бронеколпак с пулеметом тоже не нужно иметь семи пядей во лбу.

В итоге при огромных затратах Россия получила крепость, не готовую к борьбе с противником, обладавшим современной артиллерией.

ГЛАВА 16

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Мало кто из военных историков избег обвинений завистливых коллег, что он, мол, «умен задним умом», то есть учит, как надо было играть после того, как все карты открыты.

Но война с Японией была, наверное, самой предсказуемой в истории. Начну с того, что японцы провели ее генеральную репетицию в ходе японско-китайской войны 1894–1895 гг. Японцы внезапно напали на китайцев, нанесли поражение их флоту, взяли Порт-Артур и т. д. Да по-другому и быть не могло. К примеру, наиболее удобное место для высадки в Корею — порт Чемульпо, там японцы высаживались в 1894 и 1904 гг., а американцы — в 1950 г.

8 марта 1900 г. вице-адмирал С.О. Макаров подал в Главный Морской штаб секретную записку «Мнение об организации обороны Порт-Артура». Там, в частности, было сказано: «Сухопутная оборона Порт-Артура 22 версты, местность крайне пересеченная, и на нее назначают лишь 200 орудий, хотя подкомиссия, проектировавшая вооружение Порт-Артура, требовала 447 орудий. Представляется существенная опасность, чтобы полумера эта не имела пагубных последствий... Япония прежде всего займет Корею, а нашему флоту, оперирующему вдали от баз, будет невозможно помешать высадке японцев в каком угодно месте. Заняв Корею, японцы двинутся к Квантунскому полуострову и сосредоточат там более

сил, чем у нас. Это будет война за обладание Порт-Артуром. Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке».

Макаров отдавал должное Японии. «В Японии уже пять столетий нет ни одного неграмотного. О таком народе нельзя сказать, что он не просвещен. Из поколения в поколение японцы и китайцы привыкли учиться, вот почему японцы так быстро научились всему европейскому в такой короткий срок».

На записку Макарова управляющий Морским министерством адмирал П.П. Тыртов наложил длинную резолюцию, где обвинил Степана Осиповича в паникерстве. Среди прочего в резолюции было сказано: «...не могу не обратить внимания адмирала Макарова на его несколько пессимистический взгляд на оборону Порт-Артура».

Военный министр генерал А.Н. Куропаткин в докладе царю в августе 1903 г. писал совсем другое: «Укрепления Порт-Артура приходят к концу и сделают его при достаточном гарнизоне и запасах неприступным с моря и с суши. Гарнизон Квантуна усилился в значительной степени. Запасы доведены до годовой порции. Ныне можно не тревожиться, если даже большая часть, например, японской армии обрушится на Порт-Артур. Мы имеем силы и средства отстоять Порт-Артур, даже борясь одни против 5—10 врагов... Дальнейшие работы дадут возможность найти безопасное убежище всей нашей Тихоокеанской эскадре. Уже и ныне эта эскадра может смело мерить свои силы со всем флотом Японии с надеждою на полный успех. Таким образом, Порт-Артур, обеспеченный с моря и с суши, снабженный сильным гарнизоном и поддержанный могущественным флотом, представляет вполне самостоятельную силу. Запасов собрано столько, что наши войска успеют собраться в Маньчжурии, нанести решительное поражение противнику и освободить осажденный или блокированный Порт-Артур. Два года назад, даже год тому назад, мы могли тревожиться оторванностью Порт-Артура от России и Приамурья. Теперь можно и не тревожиться». И Куропаткин предложил сократить расходы на оборону Дальнего Востока.

А вот 5 ноября 1903 г. начальник временного военного штаба заместника на Дальнем Востоке генерал-майор В.Е. Флуг подал доклад заместнику Алексееву, где говорилось: «Объявив войну России, Япония может:

- 1) ограничиться прочным занятием Кореи;
- 2) заняв Корею попутно, для подготовки там базы, направить главный удар на наши войска в Южной Маньчжурии и крепости Порт-Артур;
- 3) главный удар направить на крепость Владивосток и Южно-Уссурийский край.

Одновременно с одной из этих главных операций может быть предпринята диверсия, с целью овладения островом Сахалин, устьем Амура и т. п.

Для борьбы с Россией Япония, как ниже изложено, может перебросить на материк в первой половине второго месяца 10 дивизий — 130 батальонов, 46 эскадронов, 576 орудий. Против этих сил мы можем выставить (кроме гарнизонов крепостей) 77 батальонов, 75 эскадронов и сотен и 184 орудия войск Дальнего Востока, которые могут быть сосредоточены не ранее начала третьего месяца.

Это указывает, что в первый период кампании перевес в силах и преимуществе во времени будут на стороне японцев. Только притянув подкрепления из Западной Сибири и Европейской России, что может быть закончено не ранее начала седьмого месяца, мы можем сосредоточить превосходные силы.

Ограничиваясь занятием Кореи, японцы дадут нам возможность спокойно и безопасно сосредоточить превосходные силы. Только при энергичном наступлении с начала кампании они могут рассчитывать одержать успех над более слабыми, не закончившими сосредоточения нашими войсками, почему, разбирая условия нашего сосредоточения, полагаю необходимым исходить из того случая, когда японцы перейдут в наступление».

Из этого доклада непосредственно следует, что русские войска будут разбиты в Маньчжурии, если японцы не засядут эдак на шесть-восемь месяцев в Корее, то есть если их генералы окажутся полными идиотами.

В том же докладе говорилось: «Согласно заключению начальника временного морского

штаба вашего высокопревосходительства, при настоящем соотношении сил нашего и японского флотов возможность поражения нашего флота не допускается; раз же наш флот не разбит, высадка японцев в Инкоу и в Корейском заливе немыслима. Ввиду этого заключения контр-адмирала Витгефта, принятого по указанию вашего высокопревосходительства за основание при составлении плана стратегического развертывания войск Дальнего Востока, надо допустить, что высадка японцев может последовать: на западном берегу Корейского полуострова не ближе Цзинампо (Цинампо), или же на юго-восточном и восточном берегах этого полуострова».

Оценим полное отсутствие профессионализма контр-адмирала Витгефта — «возможность поражения нашего флота не допускается».

Далее из большого и обстоятельного доклада следует выделить любопытный момент, где говорится о предполагаемых темпах движения японских войск в Корею: «Все эти направления проходят по местности гористой (исключая направление Аньдунсян — Порт-Артур), с слабо развитой сетью дорог, которые находятся большей частью в первобытном состоянии; при таких условиях средний суточный переход едва ли может быть более 12–15 верст. Если допустить даже, что японская армия будет наступать со скоростью 15 верст в сутки, то к р. Ялуцзян (у г. Ыйчжю) она может быть сосредоточена» при высадке у Пусана (Фузана) — через три месяца; при высадке у Цзинампо (Цинампо) — в конце второго месяца. Стоит запомнить эти цифры, они пригодятся, когда мы будем говорить о бое «Варяга» в Чемульпо.

А между тем 23 декабря 1903 г. Япония в ультимативной форме потребовала не только усиления своего протектората в Корею, но и выдвинула свои претензии на Южную Маньчжурию. В японской прессе развернулась беспрецедентная кампания против России. Барон Шибузава на собрании в клубе столичных банкиров заявил: «Если Россия будет упорствовать в нежелании идти на уступки, если она заденет честь нашей страны, тогда даже мы, миролюбивые банкиры, не будем в силах далее сохранять терпение: мы выступим с мечом в руке». На страницах газеты «Ници-Ници» появился лозунг: «Бейте и гоните дикую орду, пусть наше знамя водрузится на вершинах Урала».

Отношение же Николая II к дальневосточному кризису было более чем легкомысленным. Царь храбрился и называл японцев «макаками». Он громогласно заявлял, что у Японии де и войска настоящего нет, а в случае начала войны от японцев мокрое место останется. Дело дошло до того, что царь заявил японскому послу: «Япония кончит тем, что меня рассердит».

Министр внутренних дел Плеве страстно желал «маленькой и победоносной войны» для обуздания врага внутреннего в империи. В тон царю и министрам подпевала и пресса. Так, летом 1903 г. газета «Новое Время» писала: «...для Японии война против нас означает самоубийство». Военные приготовления велись вяло и нерешительно.

А поздней осенью 1903 г. Николай II подумал и решил... поехать с женой в гости к ее родственникам в Дармштадт. За компанию царь берет с собой военного министра и министра иностранных дел, а также группу генералов из своей военно-походной канцелярии. Историк М.К. Касвинов писал: «Эта группа сопровождающих поселяется во дворце герцога (брата царицы). С их помощью Николай пытается из Гессена руководить как делами империи вообще, так и в особенности действиями своего наместника на Дальнем Востоке Алексева».

Для Вильгельма, напрягавшего в те дни все усилия, чтобы связать Россию вооруженным конфликтом на Дальнем Востоке, появление русского центра власти на германской территории было даром неба. На глазах у его разведки и генерального штаба ежедневно проходил поток секретной информации на восток и обратно. В герцогском дворце, кишасшем шпионами кайзера (и первым среди них был сам гостеприимный хозяин), царские офицеры день за днем обрабатывали штабную документацию, шифровали приказы и директивы, расшифровывали доклады и донесения, поступающие из Петербурга, Харбина, Порт-Артура. Из дня в день немецкие дешифровальщики клали кайзеру на стол копии перехватов. Он был в курсе всех замысливаемых ходов и маневров царского правительства на

Дальнем Востоке, включая передвижение и боевую подготовку вооруженных сил. Вся переписка Николая оказалась перед Вильгельмом как открытая карта.

Установлено, что перехваченную в Дармштадте информацию кайзер передавал (по крайней мере, частично) японскому генеральному штабу. Витте ужаснулся, узнав об этой „вакханалии беспечности“ в компании, разбившей свой табор во дворце Эрнста Людвиг Гессенского. Министра двора Фредерикса, прибывшего из Дармштадта в Петербург, Витте спросил, как тот мог равнодушно взирать на столь преступное отношение к интересам государственной безопасности. Фридерикс возразил: он обращал внимание государя императора на опасность утечки и перехвата сведений, но тот ничего не пожелал изменить. Осталось без результата такое же предостережение Ламздорфу, сделанное Витте».

25 января 1904 г. барон Комура отправил из Токио в Петербург телеграмму японскому послу Курино, где говорилось, что «японское правительство решило окончить ведущиеся переговоры и принять такое независимое действие, какое признает необходимым для защиты своего угрожаемого положения и для охраны своих прав и интересов».

Курино получил телеграмму в тот же день, а на следующий день, 26 января (6 февраля) в три часа дня, исполняя полученные из Токио инструкции, он передал графу Ламздорфу две ноты, в одной из которых говорилось следующее: «Императорское Российское правительство последовательно отвергало путем неприемлемых поправок все предложения Японии касательно Кореи, принятие коих Императорское (японское) правительство считало необходимым, как для обеспечения независимости и территориальной неприкосновенности Корейской империи, так и для охраны преобладающих интересов Японии на полуострове. В то же время Императорское Российское правительство упорствовало в своем отказе принять на себя обязательство уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии, серьезно угрожаемую занятием этой провинции, до сих пор продолжающимся, несмотря на договорные к Китаю обязательства Российского правительства и его неоднократные заверения другим державам, имеющим интересы в этих областях. Указанные обстоятельства ставят Императорское (японское) правительство в необходимость серьезно обдумать меры самообороны, какие оно должно принять...

Императорское (японское) правительство не имеет иного выбора, как прекратить настоящие бесполезные (vaines) переговоры.

Избирая этот путь, Императорское (японское) правительство оставляет за собой право принять такое независимое действие, какое сочтет наилучшим для укрепления и защиты своего угрожаемого положения, а равно для охраны своих установленных прав и законных интересов».

В другой ноте говорилось, что японское правительство, «истощив без результата все меры примирения, принятые для удаления из его отношений к Императорскому Российскому правительству причин будущих осложнений, и находя, что его справедливые представления и умеренные и бескорыстные предложения не получают должного им внимания, решило прервать свои дипломатические сношения с Императорским Российским правительством, каковые по названной причине перестали иметь всякое значение».

Передавая эти ноты, Курино заявил Ламздорфу, что японская миссия выезжает из Петербурга 28 января 1904 г.

В ответ на ноты, переданные японским посланником, Николай II приказал барону Розену со всем составом русской миссии покинуть Токио. Сообщая об этом решении российским представителям за границей особой циркулярной депешей, Ламздорф писал, что «образ действий токийского правительства, не получившего еще отправленного на днях ответа Императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими Империями».

Я умышленно привожу длинные цитаты из дипломатических документов, чтобы читатель сам мог оценить вздор наших историков, болтающих о внезапном, без объявления войны, нападении Японии на Россию. Не понять смысл японской ноты мог только полный

идиот.

Надо ли говорить, что компетентные военные в России правильно оценили поведение японцев. 26 января в 10 часов утра о возможности неожиданного нападения японцев говорил в своей записке и сам начальник главного штаба генерал-адъютант В.В. Сахаров: «Стремясь настойчиво к войне с нами, японцы, приступив к переброске своих сил в Корею, в интересах обеспечения этой операции могут сами напасть на наш флот в районе настоящего его расположения и тем парализовать значение нашей морской силы в пункте, имеющем для данной минуты решающее значение. Казалось бы, что даже ввиду этого соображения нашему флоту небезвыгодно приступить к активным действиям и перенести их в район первоначальных операций японцев».

В тот же день, 26 января, вице-адмирал С.О. Макаров писал управляющему Морским министерством Ф.К. Авелану: «Из разговоров с людьми, вернувшимися недавно с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагают держать не во внутреннем бассейне Порт-Артура, а на наружном рейде. Пребывание судов на открытом рейде даст неприятелю возможность производить ночные атаки. Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю в ночное время обрушиться на флот с большим числом миноносцев и даже паровых катеров. Результат такой атаки будет для нас очень тяжел, ибо сетевое ограждение не прикрывает всего борта и, кроме того, у многих наших судов совсем нет сетей... Если бы японский флот тоже не имел закрытых рейдов и обречен был на пребывание в полном составе у открытого берега, то наша тактика должна была бы заключаться именно в том, чтобы в первые даже ночи после разрыва сделать самое энергичное ночное нападение на флот. Японцы не пропустят такого бесподобного случая нанести нам вред... Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флот, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив дорого за ошибку».

Фактически началом боевых действий можно считать захват японским кораблем парохода Добровольного флота «Екатеринослав» в 9 часов утра 24 января 1904 г. в Корейском проливе в трех милях от корейского берега, то есть в территориальных водах Кореи.

В тот же день, 24 января, в Фузане (Пусане) началась высадка японских войск — авангарда японской армии. Японские миноносцы захватили стоявший в Фузане русский пароход «Мукден», принадлежавший КВЖД. Еще один пароход КВЖД, «Маньчжурия», был захвачен 24 января в порту Нагасаки. 25 января в Корейском проливе японцы захватили русские суда: в 7 часов утра — «Россию», а в 7 ч 30 м. вечера — «Аргунь». 26 января были захвачены русские почтовые учреждения в Фузане.

В ночь на 27 января японские миноносцы атаковали стоявшие у входа в Порт-Артур русские корабли. Вопреки предостережениям вице-адмирала Макарова и других адмиралов и офицеров, противоторпедные сети так и не были опущены. Для атаки русских кораблей адмирал Того выделил 5 отрядов миноносцев, 3 из которых (10 миноносцев) были отправлены к Порт-Артуру, а 2 отряда (8 миноносцев) — к порту Дальний.

В ходе ночной атаки японские миноносцы выпустили всего 16 торпед, из которых в цель попали 3. Миноносцы вели стрельбу одиночными торпедами с дистанции 1–2 кабельтов, то есть почти в упор. Были повреждены броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада». От полного разгрома русскую эскадру спасла нервозность японцев, которые «мазали» в упор и, кроме того, выпустили несколько торпед с невынутой чекой, то есть в небоеспособном состоянии.

Успеху японской торпедной атаки способствовало еще и то, что о разрыве дипломатических отношений в Порт-Артуре знали только сам наместник Алексеев и небольшой круг близко стоявших к нему людей. Ни комендант крепости, ни начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, ни начальник артиллерии, ни начальник штаба крепости, ни крепостной интендант не были своевременно осведомлены об этой разрыве. В результате в самый разгар атаки, в 23 ч 45 м., генерал А.М. Стессель⁶² прислал в штаб

62 Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915 гг.) 12 августа 1903 г. назначен комендантом Порт-Артура, с 30 января 1904 г. — начальник Квантунского укрепленного района и командир 3-го Сибирского корпуса.

крепости записку с вопросом: «Что это за стрельба?» В свою очередь запрошенный штабом крепости морской штаб сейчас же сообщил, что производится практическая стрельба — отражение минной атаки. Когда же в 1 ч 20 м. ночи по приказанию наместника был подан сигнал «тревога» и войска начали выстраиваться, то никто из войсковых начальников не знал, боевая ли это тревога или учебная, и потому не мог распорядиться, какие патроны выдавать — боевые или холостые. Недоразумение рассеялось лишь после того, как из квартиры наместника сообщили, что тревога боевая.

Через несколько недель после начала войны в американской, европейской, а затем и в русской печати начала распространяться версия о грандиозном бале, затеянном в ночь на 27 января по случаю именин Марии — жены адмирала О.А. Старка. Говорили, что бал открыл сам наместник Алексеев вместе с именинницей-адмиральшей.

Наши «историки-патриоты» с пеной у рта оспаривают эту версию и утверждают, что никаких именин не было, все морские офицеры находились на кораблях и т. д. Официальных документов о проведении бала нет, да и не могло быть. Настораживает то, что ни в ходе, ни после войны ни Старк, ни Алексеев ни разу публично не опровергли факта проведения бала.

Между тем в русской армии и флоте был доведен до маразма культ «начальствующих дам», то есть жен и дочерей генералов, адмиралов, великих князей и самого царя. Офицеры были обязаны тратить много своего времени, а еще больше денег на участие во всевозможных банкетах, именинах, просто в подношении цветов и др. Пропуск именин жены высокопоставленного адмирала в мирное время попросту исключался. Между прочим, на следующий день, то есть 27 января, в Порт-Артуре намечался грандиозный молебен.

Рано утром 27 января Алексеев отправил Николаю II донесение: «Всеподданнейше доношу, что около полуночи с 26-го на 27-е января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур, причем броненосцы „Ретвизан“, „Цесаревич“ и крейсер „Паллада“ получили пробоины; степень их серьезности выясняется».

Царь получил телеграмму поздно вечером 26 января.⁶³ В дневнике он записал: «Весь день находился в приподнятом настроении! В 8 час. поехали в театр. Шла „Русалка“, очень хорошо. Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде „Цесаревич“, „Ретвизан“ и „Палладу“ и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь, да будет нам в помощь!»

Через день предводитель бессарабского дворянства Крупенский задал царю вопрос, что теперь будет после успеха японцев. Николай небрежно бросил: «Ну, знаете, я вообще смотрю на все это как на укусы блохи».

К 1938 г. число книг на русском языке, посвященных русско-японской войне, перевалило за тысячу. Сейчас в связи со 100-летием войны возник новый книжный бум, и автор, увы, тоже не остался от него в стороне.⁶⁴ Поэтому всех интересующихся детальным описанием войны я отправляю к этим изданиям. Здесь же уместно рассказать о позорнейшем поведении командира крейсера «Варяг», которого царские и советские борзописцы поставили в один ряд с Ушаковым и Нахимовым.

В декабре 1903 г. в Корее началось восстание тон-хаков. В районе Сеула возникли волнения среди крестьян. В связи с этим находившиеся в Сеуле посольства ряда государств потребовали от своих правительств посылки военных судов в Чемульпо — в порт, находившийся в 24 км от столицы Кореи. 16 декабря 1903 г. из Порт-Артура в Чемульпо вышел крейсер «Варяг». По прибытии в Чемульпо выяснилось, что наш крейсер существенно мощнее, чем любой из иностранных стационаров, находившихся в этом порту.

63 Разница во временных поясах.

64 Широкоград А.Б. Русско-японские войны 1904–1945, Минск: Харвест, 2003.

20 декабря японская телеграфная станция в Сеуле под предлогом повреждения проводов прервала связь русского посла А.И. Павлова с Порт-Артуром и Россией. Для установления связи между Сеулом и Порт-Артуром Алексеев распорядился послать в Чемульпо канонерскую лодку «Кореец». Логике наместника понять трудно. Зачем использовать в качестве посыльного судна канонерку со скоростью в 13 узлов, не проще ли было послать туда миноносец, имевший скорость в два с лишним раза большую?

Далее произошли события, хорошо известные каждому школьнику. К Чемульпо подошла японская эскадра в составе шести крейсеров, посыльного судна «Чихайя» и восьми миноносцев водоизмещением по 152 т.

В 7 ч 30 м. 27 января (9 февраля) 1904 г. японский адмирал Урчу предложил «Варягу» и «Корейцу» либо сдаться, либо выйти на бой с рейда Чемульпо. Если же это не будет сделано до полудня, японская эскадра войдет на рейд и расстреляет русские корабли. Формально такое требование противоречило международному праву, но иностранные стационары даже не захотели объявить японцам протест, а заявили, что уведут свои крейсера в глубь бухты в случае начала боевых действий в Чемульпо.

27 января в 11 ч 10 м. на крейсере «Варяг» прозвучал сигнал: «Все наверх, с якоря сниматься». И через 10 минут четырехтрубный красавец-крейсер под звуки «Боже царя храни» начал свой последний парад. После ожесточенного боя в 18 км от Чемульпо поврежденный «Варяг» и «Кореец» вернулись на рейд. На «Варяге» был убит мичман граф Нирод и 38 нижних чинов, ранены три офицера и 70 матросов. «Кореец» ни потерь, ни повреждений не имел. Команды «Варяга» и «Корейца» были размещены на иностранных кораблях и отправлены морем на родину. «Кореец» был взорван, а «Варяг» потоплен на рейде Чемульпо.

После серии неудач нашей армии и флота на Дальнем Востоке царскому правительству был нужен хоть какой-то успех. Поэтому моряков «Варяга» и «Корейца» с триумфом встретили в Одессе. Специальный поезд везет героев по стране. 14 апреля их ждет торжественная встреча в Москве. Через два дня команды «Варяга» и «Корейца» церемониальным маршем проходят по Невскому проспекту от Московского вокзала до Зимнего дворца, где их встречает император. Далее господа офицеры были приглашены на завтрак к Николаю II в Белой зале, одновременно для нижних чинов был устроен обед в Николаевском зале Зимнего дворца. В концертном зале накрыли стол с золотым сервизом для высочайших особ.

Николай II обратился к героям Чемульпо с речью: «Я счастлив, братцы, видеть вас всех здоровыми и благополучно вернувшимися. Многие из вас своей кровью занесли в летопись нашего флота дело, достойное подвигов ваших предков, дедов и отцов, которые совершили их на „Азове“ и „Меркурии“. Теперь и вы прибавили своим подвигом новую страницу в историю нашего флота, присоединили к ним имена „Варяга“ и „Корейца“. Они также станут бессмертными. Уверен, что каждый из вас до конца своей службы останется достойным той награды, которую я вам дал. Вся Россия и я с любовью и трепетным волнением читали о тех подвигах, которые вы явили под Чемульпо. От души спасибо вам, что поддержали честь Андреевского флага и достоинство Великой Святой Руси. Я пью за дальнейшие победы нашего славного флота. За ваше здоровье, братцы!»

Николай II традиционно был прозорлив, правда, с точностью до наоборот. Не пройдет и года, как матросы с «Варяга», отправленные служить на Черноморский флот, «достойно» проявят себя на «Потемкине».

Таким образом, бой «Варяга» был официально канонизирован и причислен к лучшим сражениям русского флота.

У нас с каждым переворотом происходит переписывание истории. Но в хрестоматийную историю «Варяга» при советской власти никаких изменений не вносили. Разве что выкинули куплет из песни, который начинался словами: «Где ждут желтолицые черти». Многие члены команды «Варяга» стали как бы дважды героями, поскольку в 1905 г. они оказались активными участниками восстаний на «Потемкине» и «Очакове». В гибели

«Варяга» советские историки винили царское правительство, не отозвавшее вовремя крейсер в Порт-Артур.

Одним из первых, кто усомнился в истинности мифа о «Варяге», стал профессор Военно-морской академии В.Д. Доценко. Он писал: «Есть основания считать, что на крейсере „Варяг“ артиллерия применялась не совсем грамотно. Японцы имели огромное превосходство в силах, которое они с успехом реализовали. Это видно из тех повреждений, которые получил „Варяг“. Как утверждают сами японцы, в бою при Чемульпо их корабли остались невредимыми. В официальном издании японского Морского Генерального штаба „Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.)“ (т. I, 1909 г.) читаем: „В этом бою неприятельские снаряды ни разу не попали в наши суда, и мы не понесли ни малейших потерь“.

Наконец, последний вопрос: почему Руднев не вывел корабль из строя, а затопил его простым открытием кингстонов? Крейсер по существу был „подарен“ японскому флоту. Мотивировка Руднева, что взрыв мог повредить иностранные корабли, несостоятельна. Теперь становится понятно, почему Руднев подал в отставку. В советских изданиях отставка объясняется причастностью Руднева к революционным делам, но это выдумка. В таких случаях в русском флоте с производством в контр-адмиралы и с правом ношения мундира не увольняли. Все объясняется более просто: за допущенные промахи в бою при Чемульпо флотские офицеры не приняли Руднева в свой корпус. Это осознавал и сам Руднев. Его временная „отсидка“ в должности командира строившегося линейного корабля „Андрей Первозванный“ не сняла остроту вопроса. В конце концов, Руднев сам подал рапорт об уходе в отставку. Вот теперь, кажется, все стало на свои места».⁶⁵

В.Д. Доценко пишет: «...кто „организовал“ подвиг „Варяга“ и „Корейца“? Первыми геройским бой назвали два человека — наместник императора на Дальнем Востоке генерал-адъютант адмирал Е.А. Алексеев и старший флагман Тихоокеанской эскадры вице-адмирал О.А. Старк. Вся обстановка свидетельствовала о том, что вот-вот начнется война с Японией. Но они, вместо того чтобы подготовиться к отражению внезапного нападения противника, проявили полную беспечность, а если точнее — преступную халатность. Готовность флота была низкой. Крейсер „Варяг“ они сами загнали в ловушку. При тех задачах, которые они поставили кораблям-стационарам в Чемульпо, достаточно было иметь старую канонерскую лодку „Кореец“, не представлявшую особой боевой ценности, а не использовать крейсер. Когда началась оккупация японцами Кореи, они не сделали для себя никаких выводов. У В.Ф. Руднева тоже не хватило смелости принять решение об уходе из Чемульпо. Как известно, инициатива на флоте всегда была наказуема».⁶⁶

Кроме Доценко, еще ряд авторов подвергли ревизии миф о «Варяге». Так, появилась версия, что офицеры крейсера силой заставили идти в бой капитана 1 ранга В.Ф. Руднева.

Данных, подтверждающих эту версию, у автора нет, а вот с Доценко во многом можно согласиться. Действительно, непонятно, куда «Варяг» выпустил 1105 снарядов, из которых 425 имели калибр 152 мм, а японская эскадра потерь не имела.

Порт Чемульпо (Иньчхонь) имел выход к морю только через 50-километровый извилистый фарватер. «Варяг» и «Кореец» действительно оказались в ловушке. Однако капитан 1 ранга Руднев мог легко превратить «Варяг» из дичи в охотника и обратить Чемульпо в ловушку для японцев. Но, увы, он не пожелал этого сделать.

23 января 1904 г. командир французского крейсера «Паскаль» сообщил Рудневу о разрыве отношений между Россией и Японией. Руднев запрашивает русского посланника в Сеуле А.И. Павлова, что делать. Тот отвечает, что японцы уже начали вторжение в Корею в районе Пусаня, но что делать, он, Павлов, не знает. 25 января Руднев лично едет к Павлову — может, тот чего надумал. Увы, тот ничего не надумал.

65 Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота. С. 117–118.

66 Там же. С. 115–116.

Прямо как в сражении у Фидониси адмирал Войнович запрашивает капитана Ушакова: «Турки идут, батюшки, что делать?». Но Павлов — не Ушаков, а заурядный статский советник, больше всего озабоченный: «Как бы чего не вышло».

26 января в 8 ч 40 м. на рейде появился русский пароход «Сунгари», на котором прибыл из Шанхая американский военный агент (атташе). Он сообщил, что война начнется 27 января. В 15 ч 40 м. 26 января «Кореец» уходит в Порт-Артур с рапортом заместителю Алексееву, где опять же был поставлен вопрос — что делать?

«Кореец» встречает на фарватере отряд японских кораблей, сопровождающих транспорты с десантом. Канонерка подвергается торпедной атаке японских миноносцев, но мины проходят мимо. «Кореец» выстрелами из мелкокалиберных пушек отгоняет миноносцы и возвращается к «Варягу».

Еще до прихода японских кораблей у Руднева хватало оснований считать, что война уже началась, а теперь идут японские крейсера и транспорты с войсками. Неужели наш brave капитан решил, что это плывут японские туристы для осмотра достопримечательностей Кореи?

За несколько недель до начала войны Николай II публично заявил в присутствии иностранных дипломатов, что введение японских войск в Корею, это «casus belli», то есть повод к войне. А вот до офицеров Дальневосточной эскадры эти слова доведены не были. Но Руднев уже своими глазами видел десант японцев. А он был не просто капитаном 1 ранга, а командиром стационара, то есть корабля, обязанного защищать интересы своего государства за тысячи километров от его границ. В конце XIX — начале XX веков командиры стационаров Англии, Франции, США и других стран десятки раз открывали огонь по своей инициативе, не имея оперативной связи с метрополией. Русские же самодержцы с 1825 г. старательно воспитывали из офицеров послушных болванов, не способных к принятию самостоятельных решений.

«Ведущий к Иньчхоню фарватер, условно названный „Флаинг Фиш Ченнел“, очень узок, извилист и труден для прохождения судов даже в дневное время. Отсутствие навигационных огней, возможность артиллерийского обстрела и минирования подходов делали прохождение флота вторжения чрезвычайно опасной операцией. Фарватер был настолько узок, что в случае потопления одного из кораблей при подходе к Иньчхоню впереди идущие суда могли оказаться в ловушке, особенно при малой воде».⁶⁷ И это писали американцы после войны в Корею в 1950 году!

И вот 26 января через узкий фарватер черепашьям ходом ползет японская эскадра. Причем, транспорты прикрывают всего три тихоходных легких крейсера «Чиода», «Акаси» и «Такачихо» постройки 1885 и 1897 гг., и четыре малых миноносца. Расправившись с крейсерами или, по крайней мере, нейтрализовав их артиллерийским огнем, «Варяг» и «Кореец» могли не только расстрелять, но и торпедировать войсковые транспорты, благо, «Варяг» имел шесть торпедных аппаратов, а «Кореец» — один. Наконец, можно было попросту таранить японцев, ведь оба наших корабля имели для этого специальные тараны. Вечером 26 января у Руднева были все шансы на победу. В худшем случае бы японские крейсера ушли, но тихоходные транспорты с десантом заведомо были бы потоплены, что существенно повлияло бы на дальнейший ход войны.

Но, увы, Руднев оказался на редкость бездарным командиром и большим перестраховщиком. Он не удосужился 26 января даже развести пары. Руднев спокойно наблюдает, как японские транспорты подходят к берегу и на расстоянии 2,5 км от «Варяга» начинают высадку десанта в Чемульпо. К «Варягу» и «Корейцу» на дистанцию 360 м подошли 4 японских миноносца и направили на них торпедные аппараты. А что делал Руднев? Да ничего. Хранил «гордое терпенье».

Утром, закончив высадку, японские корабли ушли. А десант тем временем без боя овладел корейской крепостью в Чемульпо, пушки которой были направлены на русские

67 Кэгл М., Мэнсон Ф. Морская война в Корею, М. С. 68.

корабли. А затем японцы предложили командирам английского, французского и американского стационаров покинуть рейд Чемульпо, так как японская эскадра собирается атаковать русские корабли. Далее все известно. Руднев идет с «Варягом» и «Корейцем», чтобы принять бой с многократно превосходящими силами японцев, да еще на узком фарватере. Там уже находились не три слабых крейсера, а вся эскадра адмирала Урчу. Причем шансы Руднева на успех гарантированно равны нулю.

Этот выход «Варяга» похож или на попытку самоубийства или на демонстрацию. В любом случае, это действие было осуществлено не с целью нанести ущерб врагу, а с целью оправдаться перед начальством.

Будь на месте Руднева грамотный и инициативный офицер, он смог бы и после разгрома японского десанта нанести существенный ущерб врагу и спасти большинство вверенных ему людей. В составе экипажей «Варяга» и «Корейца» были 734 человека. Если сюда добавить экипаж «Сунгари», матросов и казаков из охраны посольства в Сеуле, то набралось бы около тысячи человек. На крейсере и канлодке имелось 4—63,5-мм десантных пушки Барановского на колесных лафетах, 12—47-мм, четыре 37-мм пушки (легко переносимых по частям вручную) и 4—7,62-мм пулемета Максима.

У Руднева была 100-процентная гарантия форсированным маршем дойти до северной границы Кореи, не встретив японских войск. Но делать это ему бы не пришлось. 28 января 1904 г. корейскую границу для проведения глубокой разведки пересек генерал П.И. Мищенко с двумя тысячами сабель. До 18 февраля казаки Мищенко стояли в нескольких верстах севернее города Пхеньяна, откуда до Чемульпо всего 200 верст.

По пути отряд Руднева мог взрывать мосты, туннели и иными способами портить горные дороги в Корее. Благо, взрывчатки на «Варяге» и «Корейце» было более чем достаточно.

Грамотные действия Руднева, то есть уничтожение японского десанта в Чемульпо и последующее соединение своего отряда моряков с казаками Мищенко, гарантировали бы отсрочку на несколько недель как оккупации Кореи, так и начало осады Порт-Артура.

Начало войны выявило страшную «разруху в головах» российских правителей, дипломатов и военных.

Последний русский царь вступил на престол 20 октября 1894 г., будучи совершенно неподготовленным к управлению империей. Осенью 1894 г. тяжело больного Александра III отвезли умирать в Ливадию, с ним отправился и наследник. И вот за три недели до смерти отца 26-летний Николай пишет в своем дневнике: «Утром после кофе, вместо прогулки дрались с Ники⁶⁸ каштанами, сначала перед домом, а кончили на крыше» (27 сентября 1894 г.). А через два дня снова: «Опять дрались с Ники шишками на крыше». И только после этого важного события будущий император замечает: «У дорогого Папа вид как будто лучше, но самочувствие скверное по-прежнему — его все мутит и опухоль в ногах мешает движению ног!»

Формально наследник цесаревич Николай получил блестящее образование. Среди преподавателей у Николая были профессора К.П. Победоносцев, Н.Х. Бунге, М.Н. Капустин, Е.Е. Замиловский, В.И. Ключевский; генералы М.И. Драгомиров, Н.Н. Обручев, А.Р. Дрентельн, Г.А. Леер. Такой блестящий преподавательский состав должен был выпустить как минимум маститого ученого. Но, увы... Преподававший царским детям историю профессор Ключевский на вопрос об их успехах отвечал: «Николай послушный мальчик, а Михаил — умный».

Куда лучше Николаю давалась строевая служба. В декабре 1875 г. 7-летний Николай становится прапорщиком, в мае 1880 г. — подпоручиком, в августе 1887 г. — штабс-капитаном и в августе 1892 г. — полковником. Служба Николая проходила в лейб-гвардии Преображенском полку и лейб-гвардии гусарском полку.

Здесь стоит сказать, не вдаваясь особенно в подробности, об отличии императорской

68 Николай Георгиевич, греческий королевич.

гвардии конца XIX века от современных элитных соединений США и Западной Европы, как например 82-я воздушно-десантная дивизия США и др. Современные элитные части отличаются от остальных большим участием в маневрах, в случае локальных конфликтов они используются в первую очередь, в них проходят войсковые испытания новейшая военная техника, отрабатываются новые приемы тактики.

Русская же гвардия лишь теоретически была главной ударной силой сухопутных войск. На самом деле основным ее назначением была охрана монарха, что, впрочем, и следовало из ее названия — лейб-гвардия. Ведь, если честно говорить, то со смерти Алексея Михайловича и до воцарения Николая I включительно монархия у нас была выборной, и, кому править, решали вначале стрельцы, а затем лейб-гвардейцы.

Поэтому важнейшей задачей царизма было воспитание в лейб-гвардейских офицерах буквально собачьей преданности монарху. Вспомним, в «Войне и мире» пожилой полковник говорит Николаю Ростову: «Гусары должны рассуждать как можно меньше».

Начальство сделало все, чтобы круг интересов гвардейских офицеров был жестко очерчен — уставы, фрунт, лошади, спорт, балы, женщины (начиная с высокопоставленных дам и кончая проститутками), карты и вино.

Характерный пример гвардейца — граф Вронский из «Анны Карениной». Собственно, таким офицером и стал цесаревич Николай. Этот тип офицера идеален для охраны монарха. В бою из гвардейского офицера будет отличный командир роты или эскадрона. Но вот доверить полк ему можно с большими оговорками, допустим, при действии в составе дивизии под руководством боевого генерала.

Русская гвардия, как правило, не участвовала в большинстве войн, например на Кавказе, в Средней Азии, в Китайской (1900 г.), Японской (1904–1905 гг.) и других войнах. В русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) участвовала лишь часть гвардии.

В 1880–1900 гг. произошла настоящая революция в военном деле. Введены магазинная винтовка Мосина, унитарные патроны и противооткатные устройства в артиллерии; дымный порох заменяется бездымным; снаряды вместо черного пороха снаряжаются пироксилином; появляется автоматическое оружие от пистолетов до пулеметов и автоматических пушек. Все это проходило мимо гвардейских офицеров. Ну, прикажут изучить винтовку Мосина или 12-см гаубицу Крупна, изучат досконально, не прикажут — никто ими и не поинтересуется.

Можно ли представить себе 17-летнего корнета или прапорщика гвардии, который не ходил бы на балы, в оперу, не волочился бы за дамами, не играл в карты, не пил, а сидел бы ночи напролет за трудами Руссо, кодексом Юстиниана, писал трактаты по баллистике и историю Корсики. Да такой и минуты бы не продержался в гвардии.

Таким образом, из ребенка с весьма посредственными способностями в гвардии был выпестован образцовый гвардейский поручик. Таким, увы, он останется на всю жизнь. Для него в военной службе интерес будут представлять только парады, смотры, полковые праздники, мундиры, выпушки, нашивки, иконки, выправка и молодеватые приветствия.

Некоторые оправдывают поведение Николая II в первые годы его царствования молодостью, неопытностью.⁶⁹ Николай II вступил на престол в 26 с половиной лет. В этом возрасте Александр Македонский покорил почти все страны античного мира, Александр Невский побил шведов и немцев, Александр I, благодаря своему уму, сумел избавить страну от деспотии и сам успешно вышел из весьма щекотливого положения с убийством Павла I.

Петр I закончил азовские походы, строил флот и успел провести многие реформы. Петр, Екатерина, Наполеон, да все выдающиеся монархи всегда оказывались готовыми к принятию престола.

Ну, а если на престоле человек с ограниченными умственными способностями? На этот случай еще Пушкин дал отменный совет: «Так если невозможно тебе скорей домой обратиться осторожно... хоть умного себе возьми секретаря».

При весьма недалекой Елизавете русские войска разбили Фридриха Великого и взяли

69 Боханов А. Николай II, М.: Молодая Гвардия, 1997.

Берлин. А Франция стала лидером в европейской политике при слабовольном и неумном Людовике XIII, которому и Елизавета, и Николай II могли дать сто очков вперед. Ведь короля делает свита, а иногда всего один человек из свиты, особенно когда он кардинал Ришелье.

Свита знаменитых монархов сама становится знаменитой в истории, вспомним «Екатерининских орлов», «птенцов гнезда Петрова», «когорту Бонапарта».

Увы, Николай II больше всего боялся своей свиты. Да, да, больше, чем немцев, японцев, большевиков, эсеров и Льва Толстого вместе взятых.

О министрах последнего царствования хорошо выразился их коллега министр иностранных дел А.П. Извольский: «...можно сказать, что в течение первых пяти лет нового царствования русская империя продолжала управляться почти буквально тенью умершего императора. Увы, с моей стороны не будет преувеличением сказать, что, когда советники Александра III уступили свое место людям по выбору самого Николая II, империя совсем не управлялась или, вернее, управлялась неразумно, что мною уже было описано».

В целом, все верно, но надо отдать должное и молодому императору, который с первых дней царствования начал вносить и серьезные коррективы в планы своих министров. Другой вопрос, что это было связано не с определенной доктриной, стратегическим планом, а с какими-то импульсами, которые вызывались у царя контактами с разными людьми, зачастую не имевшими никакого отношения к данному министерству.

Тут точнее сказать, что первые пять лет царствования решения принимались большей частью по схеме «тет-а-тет»: царь — министр, а позже — большей частью по схеме: царь — стороннее лицо.

Кстати, в системе управления обороной империи были лица, даже по закону не подчиненные Военному ведомству и Морскому министерству (или управлению министерствами). Это были генерал-фельдцейхмейстер и генерал-адмирал. Они не подчинялись непосредственно министрам, но и министры не подчинялись им. К примеру, права генерал-адмирала определялись положениями от 1855, 1860, 1867, 1885 годов и т. д. То положения генерал-адмирала разграничивались с управлением Морским министерством, то управление Морского министерства подчинялось генерал-адмиралу. Где находилась линия разграничения их полномочий — никто толком не знал. Очевидно лишь одно: генерал-адмирал и генерал-фельдцейхмейстер — две самые хлебные должности в империи, через них проходили все заказы для армии и флота, от пушек и броненосцев до седел и кортиков.

Россия не могла не потерпеть поражения в войне с Японией. Сейчас десятки авторов пытаются доказать, что, мол, если бы тот-то адмирал повернул бы направо, а не налево... Если бы Куропаткин приказал наступать (отступать) раньше (позже)... Ах, если бы турки пропустили через Проливы черноморские броненосцы «Три Святителя» с «Георгием Победоносцем» на подмогу Рождественскому... и т. д., и т. п. Увы, ничего не помогло бы стране с неспособным правительством, с дипломатами, патологически боявшимися Туманного Альбиона, и с военными, боявшимися шагу ступить вперед или назад без одобрения начальства.

А ведь Россия могла покончить с Японией и без посылки на Дальний Восток эскадр Рождественского и Небогатова. Япония не продержалась бы и полугодя без экспорта топлива и сырья. Прервав морские коммуникации японцев и напав на ее побережье, можно было быстро поставить на колени Империю восходящего солнца. Так, кстати, и сделали американцы в 1943–1945 гг. Их надводные корабли и подводные лодки и самолеты действовали по принципу «Sink them all» («Топи их всех» — англ.) и пускали на дно все суда, идущие в Японию или из нее, не взирая на национальность.

Самое интересное, что Россия, по крайней мере с 1855 г., интенсивно готовилась к крейсерской войне. Правда, не с Японией, а с Англией, т. е. с многократно более сильным противником. На русских верфях строились специальные броненосные крейсера, предназначенные для действий на коммуникациях противника. На казенные средства и добровольные пожертвования был создан так называемый Добровольный флот. В мирное время корабли Добровольного флота перевозили грузы и пассажиров, а в военное они

должны были использоваться как вспомогательные крейсера (рейдеры) на коммуникациях врага. К концу 1903 г. в составе Добровольного флота насчитывалось 74 парохода водоизмещением от 900 до 15000 т.

Рейдерами могли стать любые военные суда, от старых броненосцев «Александр II» и «Николай I»⁷⁰ до больших императорских яхт типа «Штандарт» и «Полярная Звезда». Свыше 30 боевых судов могли вести крейсерские операции в Тихом океане.

Кроме военных судов и яхт в крейсера можно было обратить и несколько пароходов Добровольного флота, а также пассажирских судов, закупленных за границей. Причем все возможности для этого имелись. Российские финансы к 1904 г. были в полном порядке, денег хватило бы и на покупку сотни пароходов.

А где взять личный состав для крейсеров? Традиционно в случае войны происходила мобилизация экипажей торговых судов. Но это само собой. Кроме того, в России имелось два источника, откуда можно было получить тысячи хорошо подготовленных матросов и офицеров. Это старые корабли Балтийского и Черноморского флотов.

К 1904 г. в составе Балтийского флота состоял ряд кораблей (формально они считались броненосцами береговой обороны) постройки 60—70-х годов XIX века, которые уже не представляли никакой боевой ценности. Орудия главного калибра этих броненосцев стали опасны только для их прислуги, а не для противника. Речь идет о броненосцах «Первенец», «Кремль», «Чародейка», типа «Адмирал Грейг» (4 единицы); устаревших крейсерах 1 ранга — «Князь Пожарский», «Минин», «Генерал-адмирал», «Герцог Эдинбургский»; устаревших крейсерах 2 ранга — «Азия», «Африка», «Вестник» и других.

Можно было взять часть экипажей и снять торпедные аппараты с ряда малых миноносцев Балтийского флота, которые были неспособны идти на Дальний Восток.

Огромный запас личного состава и вооружения для войны на Дальнем Востоке представлял Черноморский флот, который к началу 1904 г. имел в своем составе 6 эскадренных броненосцев, 1 крейсер, 6 канонерских лодок, 2 минных транспорта, 3 минных крейсера, 4 эсминца, 22 миноносца, 12 миноносок и более 20 вспомогательных судов.

Элементарный расчет показывает, что несколько десятков русских крейсеров могли поставить Японию на колени еще в 1904 г., до похода 2-й Тихоокеанской эскадры. В 1904 г. японский флот должен был сторожить порт-артурскую эскадру и владивостокские крейсера, а также обеспечивать коммуникации между Японией, Кореей и Маньчжурией, где находились многочисленные японские армии. Поэтому выделить достаточные силы для противодействия русским крейсерам японцы физически не могли.

Русские крейсера могли не только перехватывать суда, идущие в Японию, но и регулярно производить обстрелы японских портов и промышленных объектов, высаживать диверсионные отряды и т. д. Наконец, тихоокеанские суда, маскируясь под «нейтралов», могли ставить активные минные заграждения у берегов Японии и Кореи.

Собственно, нет нужды описывать возможные действия русских крейсеров, достаточно почитать о действиях германских рейдеров в 1939–1943 гг. Причем 15-см пушки KL/45, установленные на германских рейдерах (по 6 орудий), не превосходили по своим баллистическим данным русские 152/45-мм пушки Кане. Скорость хода рейдеров была 14–16 узлов (у русских вспомогательных крейсеров в среднем больше). Все же достижения техники (дальняя радиосвязь, радары, авиация и т. д.) пошли только во вред рейдерам.

А к 1904 г. радиостанции на торговых судах были большой редкостью, да и дальность их действия составляла 50—100 миль. Японский флот был на порядок слабее английского. И, наконец, условия базирования у русских рейдеров к 1904 г. были несравненно лучше, чем у немцев в 1939–1943 гг.

70 Которые, кстати, и строились с учетом действий в отдаленных районах океана.

ГЛАВА 17

ПОРТСМУТСКИЙ МИР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Япония не смогла бы вести войну, не опираясь на финансовую поддержку английского и американского капитала. Английские банки еще до войны финансировали Японию и ее военную подготовку. На нью-йоркский денежный рынок Японии до войны пробраться не удавалось, несмотря на поддержку президента Соединенных Штатов и еще более авторитетную в данном случае поддержку банкиров лондонского Сити. Руководящие круги Уолл-стрита отказывались доверять Японии свои деньги или же выдвигали ростовщические требования — уплату огромного процента и др.

Но вскоре после начала войны против России настроение в Нью-Йорке изменилось. В апреле 1904 г. еврейский банкир Шифф и крупный банкирский дом «Кун, Леб и компания» вместе с синдикатом английских банков, включая Гонконг-Шанхайский, предоставили Японии заем на сумму 50 млн. долларов из высокого процента (6 % годовых); половина займа размещалась в Англии, половина — в США. Недоверие к японскому кредиту было все же столь велико, что банкиры потребовали точного определения конкретного источника доходов японского правительства, который даст возможность исправно погашать платежи по займу. В качестве такого источника в контракте были указаны доходы таможен.

В ноябре 1904 г. в Англии и США был размещен новый японский заем — на 60 млн. долларов, — тоже из 6 %. В марте 1905 г. последовал третий англо-американский заем, уже на 150 млн. долларов и всего из 4,5 %, но опять-таки под конкретное обеспечение — на этот раз доходами от табачной монополии. Наконец, в июле 1905 г. Япония получила четвертый заем — снова 150 млн. долларов из 4,5 %. В размещении займа на этот раз приняли участие и германские банки. Чистая выручка японского правительства от внешних займов за вычетом комиссионных и других расходов и потерь составила 697 млн. иен и покрыла свыше 40 % всех военных расходов Японии, достигших 1730 млн. иен. Без английских и американских денег исход войны был бы иной.

Россия же почти не ощущала экономических и финансовых затруднений в связи с войной. Урожай 1904 г. был обильный, в 1904 г. произошел не спад, а рост промышленного производства. Налоги поступали, как в мирное время, а золотой запас Государственного банка возрос за 1904 г. на 150 млн. руб. (1 января 1904 г. — 732,9 млн. руб.; 1 января 1905 г. — 878,2 млн. рублей) и повышалось количество банкнот в обращении.

Военные расходы, составившие за первый год войны около 600 млн. руб., были покрыты отчасти свободной наличностью казначейства (бюджетными остатками прошлых лет), отчасти займами. Подписка на два внешних займа в несколько раз превысила сумму выпуска. В мае 1904 г. последовал заем во Франции на 300 млн. руб., а в самом конце 1904 г. — в Германии на 232 млн. руб. Кредит России стоял высоко: она занимала под 5–6 %, тогда как Японии, несмотря на все ее успехи, приходилось фактически платить 7–8 %.

Как уже говорилось, международная обстановка в Европе была крайне благоприятной для России. После Гулььского инцидента⁷¹ британское правительство выступило с угрозами в адрес России. Реакция Германии последовала незамедлительно. 27 октября кайзер лично телеграфировал Николаю II, сообщая, что Англия намерена помешать Германии снабжать углем русский военный флот. Кайзер предлагал совместно положить конец этим поползновениям, образовать «мощную комбинацию» против Англии и сообща принудить Францию присоединиться к России и Германии для солидарного отпора ей.

Министр иностранных дел Ламздорф усмотрел в этом только «попытку ослабить наши дружеские отношения с Францией», на что Николай II ему ответил: «Я сейчас за соглашение с Германией и с Францией. Надо избавить Европу от наглости Англии», и 16 октября телеграфировал Вильгельму: «Германия, Россия и Франция должны объединиться. Не

⁷¹ Обстрел в ночь на 9 октября 1904 г. кораблями эскадры Рождественского в Северном море рыбачьих судов, оказавшихся на пути эскадры и не имевших положенных морским правом опознавательных огней.

набросаешь ли ты проект такого договора? Как только мы его примем, Франция должна присоединиться к своей союзнице. Эта комбинация часто приходила мне в голову».

Ответ Вильгельма гласил: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба тайно, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе».

К этому чувствительному посланию был приложен проект союзного договора. «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, — гласил проект, — союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза».

Осуществление немецкого проекта означало либо создание антианглийского континентального блока под руководством Германии и России, либо разрыв франко-русского союза.

Примерно в это же время британский министр иностранных дел лорд Ленсдаун заявил: «Германия преисполнилась готовности угрожать Франции войной шестидесяти миллионов против сорока. Англия не может допустить уничтожения Франции или ее превращения в провинцию Германии и в ее раболепного союзника против Англии. В случае такого акта агрессии Англия в интересах самозащиты должна будет воевать, и война, если только она разразится, явится ужасной. Она приведет к тому, что мы должны будем создать огромную сухопутную армию, чтобы помочь Франции против ее врага».

В случае хотя бы дипломатического выступления Германии, России и Франции против Англии, последней ничего не оставалось бы, как пойти на любые уступки. Вот тогда-то русские рейдеры могли бы спокойно ловить нейтральные суда, везшие груз в Японию, не только в Красном море, но и в Ла-Манше. Вопрос заключался бы только в том, сколько месяцев продержится Япония без европейских товаров, сырья и топлива.

Но, увы, немедленно забеспокоилась французская дипломатия, а также агенты влияния Англии и Франции среди сановников Петербурга. Им удалось уговорить Николая II отказаться от союза с Германией. Этому способствовало и резкое изменение тона британского правительства в отношении эскадры Рожественского, благодаря чему дело свелось к выплате компенсации пострадавшим рыбакам.

В октябре 1904 г. — июле 1905 г. разразился так называемый Марокканский кризис, суть которого заключалась в борьбе Англии, Франции и Германии за сферы влияния в Северной Африке. Дело чуть было не дошло до войны между этими державами. Надо ли говорить, что в такой ситуации Европе и без договора между Россией и Германией было не до крейсерской войны в Тихом океане или иных морях.

Первые успехи японцев в войне были одобрительно встречены американским правительством и прессой. Но дальнейшее усиление Страны восходящего солнца не соответствовало интересам США.

25 мая 1905 г. в Большом царскосельском дворце отмечался день рождения царицы Александры Федоровны, которой исполнялось 33 года. В 2 часа дня ко дворцу прибыл американский посол Мейер и срочно испросил аудиенции у царя. Николай покинул торжество и отправился к послу, которого тайно ввели через боковой вход дворца. Мейер произнес целую речь о необходимости скорейшего заключения мира. Царь почти все время привычно молчал. Царь и его сановники прекрасно понимали, что альтернативой мирному договору может быть только победа революции в России. Вопрос был лишь в том, кому вести переговоры и какие условия японцев принимать. 29 июня главным уполномоченным по ведению мирных переговоров с Японией был назначен С.Ю. Витте.

29 июля в курортном городе Портсмуте на Атлантическом побережье США открылась мирная конференция. Но накануне начала переговоров произошло таинственное свидание Николая II и Вильгельма II в Бьёрке. 7 июля Николай II послал Вильгельму приглашение

прибыть в финские шхеры, тот с удовольствием согласился, и 10–11 июля состоялось свидание на рейде Бьёрке на яхте «Полярная Звезда». Там кузен Вилли уговорил кузена Ники подписать союзный договор. Как писал историк-эмигрант С.С. Ольденберг: «Бьёркский договор устанавливал взаимное обязательство для России и для Германии оказывать друг другу поддержку в случае нападения на них в Европе. Особой статьей указывалось, что Россия предпримет шаги для привлечения Франции к этому союзу. Договор должен был вступить в силу с момента ратификации мирного договора между Россией и Японией. Острые договоры было явно направлено против Англии».⁷²

На взгляд автора, реализация Бьёркского договора могла стать благом для обеих стран и предотвратить бессмысленную и бесцельную для России и Германии войну 1914–1918 гг. Ведь так называемые союзники — Англия и Франция — с самого начала Первой мировой войны не только не собирались отдавать России черноморские проливы, но и планировали расчленение своего союзника с отторжением Польши, Финляндии, Прибалтики и других губерний.

А Бьёркский договор не был реализован, сама технология подписания договора и его денонсация показывали всю ничтожность последнего русского самодержца. Царь, подписав договор, вызвал сопровождавшего его в этой поездке морского министра Бирилева, закрыл ладонями текст и велел Бирилеву, не читая, поставить под ним свою подпись. Тот подписал. Таким способом царская подпись была контрассигнирована министром — в соответствии с требованием основных законов империи.

Вернувшись в Петербург, царь несколько дней, словно нашкодивший школьник, скрывал факт подписания договора от своих министров, но в конце концов пришлось признаться. Николаю прочитали нотацию, а Вильгельму сообщили, что Россия отказывается от договора.

23 августа был подписан Портсмутский мирный договор с Японией. Россия признала Корею сферой исключительного влияния Японии. Статья 2 договора гласила: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почтенью необходимым принять в Корее».

Статья 3 содержала взаимное обязательство о полной и одновременной эвакуации Маньчжурии обеими сторонами и ее возвращении в «исключительно управление Китая» — кроме Ляодунского полуострова.

Согласно статье 5 Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а по статье 6 — Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Чанчуна до Порт-Артура. Тем самым Южная Маньчжурия фактически оказывалась сферой влияния Японии.

Статья 7 договора гласила: «Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических».

Россия уступала Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель (статья 9). На Сахалине обе стороны обязывались не возводить укреплений и не препятствовать свободному плаванью по обоим омывающим остров проливам.

Согласно статье 11 Япония навязывала России заключение рыболовной конвенции: «Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом. Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях».

Все русские корабли, сдавшиеся в плен, а также поднятые в Порт-Артуре и других местах, оставались у японцев. Япония требовала передачи ей всех русских кораблей,

72 Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Том I. С. 291.

интернированных в портах Китая, Индонезии и Филиппин. Но Витте удалось отклонить эти требования.

Японцы требовали контрибуции, но Николай II гордо заявил, что не даст ни копейки, Россия никогда и никому еще не платила контрибуции. Этот вопрос замяли на чисто азиатский манер — царское правительство выплатило 46 миллионов рублей золотом... за содержание русских пленных в Японии.

За «безголовость» наших генералов и адмиралов пришлось платить и китайцам. Цинское правительство признало все постановления Портсмутского договора, включая переход к Японии аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Южно-Маньчжурской железной дороги. Правительство сделало это по договору с Японией от 22 декабря 1905 г. По дополнительному соглашению, подписанному в тот же день, цинское правительство соглашалось на постройку Японией железной дороги от устья реки Ялу до Мукдена. Оно обязывалось открыть в Маньчжурии 16 городов для международной (японской!) торговли, включая Гирин, Харбин, Хайлар и Айнун.

По возвращении в Петербург С.Ю. Витте был возведен Николаем II в графское достоинство. Новоиспеченный граф упал на колени и, плача, стал целовать руки царя. Но уже через несколько дней в питерских салонах Сергей Юльевич услышал ехидный смешок: «Прибыл граф Полусахалинский».

Большинство русских людей воспринимали исход войны и Портсмутский мир как оскорбление России. Их настроения хорошо выразил поэт С.М. Соловьев:

О, Русь! Забудь былую славу —
Орел двуглавый побежден,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

ГЛАВА 18 ЖЕЛТОРОССИЯ ОТ ПОРТСМУТА ДО САРАЕВА

Портсмутский мир оставил неразрешенными целый ряд проблем, по которым с 1906 г. почти непрерывно велись переговоры между представителями России и Японии. Замечу, что японцы держались очень нагло и постоянно угрожали «ухудшением отношений», то есть новой войной. Русское же правительство постоянно уступало. Так, в первой половине 1907 г. начался отвод русских войск из Маньчжурии, хотя было бы куда разумнее дождаться подписания текста окончательного соглашения с Японией.

Уступчивость царя объясняется целым рядом факторов. Во-первых, это боязнь победы революции 1905–1907 гг. Во-вторых, давление Франции и Англии, которым срочно требовался «русский паровой котел» для нажима на Германию. К 1906 г. ситуация в Турции и Персии становится нестабильной, и царское правительство начинает строить планы вооруженного вмешательства во внутренние дела этих государств.

Время поворота русской внешней политики к конфронтации с Германией и к союзу со своим злейшим врагом Англией вызывает у историков много споров. По моему же мнению, такой датой можно считать 18 сентября 1906 г., когда начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын и его подчиненные — генерал-майор М.В. Алексеев и полковник С.К. Добровольский представили доклад с основными соображениями по развертыванию сухопутных армий. В политическом обосновании плана его авторы констатировали, что из двух враждебных России политических комбинаций (Тройственный и англо-японский союзы) самой опасной является первая, и предлагали сообразовать военную подготовку с вероятностью борьбы на Западе.

В такой ситуации русские дипломаты вынуждены были идти на кардинальные уступки

Японии.⁷³

30 июля 1907 г. была подписана русско-японская конвенция. Согласно ей, линия разделения сфер влияния России и Японии была проведена через станцию Сунгари на КВЖД, в то время как в Портсмуте было согласовано, что южный отрезок КВЖД, принадлежавший России, доходит до станции Куанченцзы, то есть на 120 км южнее станции Сунгари. Таким образом, участок КВЖД от Куанченцзы до Сунгари в 1907 г. был отнесен к сфере влияния Японии.

Корея по-прежнему считалась сферой влияния, а фактически колонией Японии. Зато японцы в статье 3 обязались, «признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, воздерживаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам».⁷⁴

Одновременно Японии удалось навязать России рыболовную конвенцию, согласно которой японским подданным было предоставлено право ловли рыбы, водорослей и морских млекопитающих, за исключением морских бобров и котиков. Лов и обработка продуктов моря могли производиться на особо выделенных для этой цели рыболовных участках, сдаваемых в аренду с торгов. Японцы, арендовавшие рыболовные участки, получали право пользоваться береговым пространством в пределах этих участков для обработки и хранения продуктов лова, починки судов, снастей и т. д. Русские рыбопромышленники на Дальнем Востоке, в свою очередь, получали право беспошлинного ввоза рыбы в Японию. Замечу, что они не могли составить серьезную конкуренцию японцам. Срок действия конвенции устанавливался в 12 лет.

Огромный материальный ущерб нашей стране наносили японцы, практически бесконтрольно ловившие морского зверя и рыбу в территориальных водах России — в Японском, Охотском и Беринговом морях. Вывоз рыбы японцами с русского Дальнего Востока только за 1907–1911 гг. возрос в три раза: с 2 млн. пудов в 1907 г. до 6,3 млн. пудов в 1911 г. Соответственно возросла и стоимость вывезенной рыбы: она увеличилась с 2,8 млн. иен в 1907 г. до 7,2 млн. иен в 1911 г. Значительная часть рыбы вывозилась для продажи в Китай и Корею.

Рыбоконсервные заводы на Камчатке почти полностью стали собственностью японских предпринимателей. К 1917 г. они давали до 500 тыс. т рыбной продукции. Только в районах Камчатки японские рыбопромышленники имели до двухсот шхун и несколько пароходов, вели меновую торговлю (торговали спиртным), оставляя на зиму своих агентов в камчатских селениях. В 1911 г. японские власти даже поставили вопрос об открытии на Камчатке японских школ.

Несмотря на ориентацию Военного ведомства на войну с Германией, в Приамурье и Приморье в 1907–1914 гг. все же был проведен ряд оборонительных мероприятий. Так, продолжалось строительство береговых и сухопутных укреплений в районе Владивостока; на Амуре была создана самая мощная в мире военная речная флотилия в составе 8 башенных мониторов типа «Шквал» и 9 канонерских лодок типа «Бурят» и «Зырянин», а также 10 посыльных судов (фактически бронекатеров) типа «Пуля». Все они к 1910 г. были введены в строй.

В сентябре 1912 г. в Приамурье были проведены первые двусторонние маневры с участием войск Приамурского военного округа и кораблей Амурской флотилии. Войска и корабли отрабатывали задачи по посадке подразделений на суда, по перевозке и высадке их

73 Говоря о «вынужденных уступках», я имею в виду сотрудников Азиатского департамента МИДа, а не его главу — англомана и германофоба А.П. Извольского, который буквально понуждал всех, от царя до рядовых дипломатов, к уступкам японцам. Кстати, ведение дипломатических сношений с Японией было возвращено МИДу в июне 1905 г., после упразднения Особого комитета Дальнего Востока, который ранее ведал сношениями с Китаем и Японией.

74 Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. С. 169–170.

на берег, по поддержке сухопутных войск огнем судовой артиллерии.

После заключения Портсмутского мира большинство крупных кораблей Владивостокской эскадры, а также интернированные корабли ушли на Балтику. В составе Сибирской флотилии, базировавшейся во Владивостоке, остались лишь крейсера «Аскольд» и «Жемчуг». Кроме них к 1 августа 1914 г. в составе этой флотилии состояло 3 миноносца водоизмещением по 350 т («Беспощадный», «Бодрый» и «Бойкий») и 9 миноносцев водоизмещением по 297 т («Инженер-механик Анастасов», «Лейтенант Малеев», «Сердитый», «Скорый», «Смелый», «Статный», «Твердый», «Точный» и «Тревожный»), а также канонерская лодка «Манчжур».

Силы Сибирской флотилии были ничтожны по сравнению с японским флотом, но у русского правительства не было желания усиливать ее. В 1913 г. для Сибирской флотилии в Данциге (Германия) было заложено два легких крейсера: «Адмирал Невельской» и «Граф Муравьев-Амурский», но с началом войны они были конфискованы и включены в состав германского флота. В начале 1914 г. русское Морское министерство планировало начать переброску крупных боевых кораблей на Дальний Восток в 1917–1918 гг., после ввода в строй линкоров-дредноутов типа «Севастополь» и тяжелых крейсеров типа «Измаил».

Особое внимание уделялось постройке новых и модернизации старых железных дорог. В конце 1906 г. было начато строительство Амурской железной дороги от станции Куэнга (на р. Шилке между Нерчинском и Сретенском) до Хабаровска. Уссурийская же железная дорога длиной 766 км, соединившая Хабаровск и Владивосток, вошла в строй еще в 1897 г. Таким образом, Приморье должно было связываться с Европой по железным дорогам, проходившим исключительно по территории Российской империи. Длина Амурской трассы составляла 2000 км (точнее, 1999 км). Дорогу строили, как и подавляющее большинство русских железных дорог, за казенный счет.

Строительство дороги было разделено на три участка: западный, средний и восточный. Западный участок от Куэнги до станции Керак (1044 км) был введен в строй в 1913 г. В следующем году поезда пошли по среднему участку длиной 675 км от Керака до станции Малиновка на реке Бурее. Последний участок дороги протяженностью 497 км — от Малиновки до Хабаровска — оказался самым трудным. На участке было устроено 8 двухпутных тоннелей. Самый длинный, в 1,5 км, был пробит через скалы Хангана. Через Амур у Хабаровска построили мост длиной 2590 км. Окончательно Амурская железная дорога была введена в строй в 1915 г. Теперь поезда от Петрограда до Владивостока шли без захода на китайскую территорию.

Параллельно со строительством Амурской железной дороги шла модернизация Транссибирской магистрали. К 1909 г. ее центральная часть, от Омска до Иркутска, стала двухпутной. Средняя скорость пассажирских поездов на Транссибе возросла до 40 км/час, а товарных — до 24 км/час.

В 1906 г. началось строительство железной дороги Омск — Тюмень длиной 550 км. Планировалось, что при пропускной способности до 40–48 пар поездов в сутки Транссибирская двухпутная дорога в Омске приобретет два однопутных выхода в сторону Москвы с пропускной способностью до 20–24 пар паровозов в сутки. В 1912 г. линия Омск — Тюмень была сдана в эксплуатацию.

После окончания русско-японской войны японский капитал начал активное освоение территорий Кореи и Южной Маньчжурии. Концерн «Мицуи» уже в 1906 г. захватил многие источники угля, железной руды и большие площади леса в Корее. С помощью государства этот концерн создал в конце 1908 г. Восточно-колониальное общество, которое эксплуатировало обширные земли Кореи. В Южной Маньчжурии на базе Южно-Маньчжурской железной дороги был создан концерн, значительная часть акций которого принадлежала «Ясуде». В Корею и Маньчжурию устремились концерны «Мицубиси», «Сумитома», «Кухара» и другие.

Однако и русский капитал, вытесненный из Южной Маньчжурии, продолжал усиливать свои позиции в Северной Маньчжурии и Внутренней Монголии. К 1913 г. товары русского

производства в Северной Маньчжурии составляли: лесные материалы — 98 %, табак — 53 %, металлоизделия — 47 %, сахар — 63 %, мануфактура — 26 %, бакалея — 24 %, керосин — 12 %.

После эвакуации русских войск из Северной Маньчжурии осенью 1907 г. КВЖД работала довольно удовлетворительно. Дорога и города Желтороссии охранялись Особым Заамурским округом Корпуса пограничной стражи. Для охраны дороги было направлено 5 батарей 76-мм конно-горных пушек. Кроме того, движение поездов обеспечивала и Заамурская железнодорожная бригада.

В 1908 г. правительство выделило КВЖД во Владивостокском порту транзитную гавань Эгершельд. Дорога ввела льготный тариф. Широко стала практиковаться выдача ссуд предпринимателям под поступающие грузы (до 1 млн. руб. в 1906–1907 гг.).

Число перевозимых пассажиров увеличилось с 442 тыс. человек в 1907 г. до 947 тыс. в 1910 г. и свыше 1100 тыс. в 1912–1913 гг. Объем грузоперевозок после некоторого снижения в связи с кризисом 1908–1909 гг. (с 1181 тыс. т в 1907 г. до 905 тыс. т в 1909 г.) вновь вырос в 1912–1913 гг. (в 1912 г. — 1269 тыс. т). Но, несмотря на рост грузоперевозок, КВЖД вместе с ее различными подсобными предприятиями продолжала оставаться убыточной. Так, за 1904–1914 гг. дефицит составил 176 млн. руб. Русские капиталовложения в строительство и расходы по эксплуатации КВЖД к 1914 г. в общей сложности составили около 542 млн. руб.

Думаю, что несколько слов стоит сказать о культурной жизни Желтороссии в 1906–1917 гг. Так, в 1906–1910 гг. в Харбине издавалось пять больших газет. Помимо газет «Новый край», «Харбин», «Вестник Востока» («Новая жизнь») стала издаваться газета «Юаньдун бао». Это была ежедневная газета, издаваемая КВЖД на китайском языке для углубления дружественного экономического сотрудничества русской и китайской диаспор Маньчжурии, что после окончания русско-японской войны было особенно актуально.

Еще одним интересным изданием в Харбине стал журнал «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Еженедельный внепартийный журнал», первый номер которого вышел 6 декабря 1908 г. А со второго номера слово «внепартийный» из его заголовка исчезло. Журнал печатал статьи экономического и этического характера, беллетристику, любопытные известия из разных стран мира, имевшие отношение к железнодорожному делу, вел хронику событий в Харбине. Печатались там и фельетоны, и юмор, но общий тон был сдержанным и беспристрастным.

Большую роль в культурной жизни Харбина играли театр и кинематограф. С 5 января 1907 г. в театре «Портсмут» в Новом городе начались гастроли артиста императорских театров Мариуса Мариусовича Петипа. Артист вначале планировал дать только пять концертов, но внимание и восторг харбинской публики привели к тому, что гастроли его закончились лишь 15 февраля. М.М. Петипа на сцене харбинского театра играл главные роли в спектаклях: «Карьера Наблочкина» Бярятинского (Наблочский), «История одной революции» В. Сарду (Рабагас), «Палата № 6» по повести А.П. Чехова, «Горе от ума» (Чацкий), «Свадьба Кречинского» (Кречинский), «Шерлок Холмс». А в заключение была поставлена «Елена Прекрасная», где Париса сыграл М.М. Петипа, который, по словам газетчиков, «не имеет себе равных в этой роли».

11 марта 1907 г. в Общедоступном театре Данилова начались уже вторые гастроли известного виртуоза-скрипача К.М. Думчева. В начале 1900-х годов, еще мальчиком, он впервые выступал в Харбине и был хорошо знаком публике.

4 марта 1907 г. в газете «Новый Край» вышла большая статья о состоянии театрального дела в Харбине. Вывод статьи был такой: для Харбина слишком дорого содержать три труппы с бюджетом до 2 тыс. руб. за вечер, и поэтому драму нужно сконцентрировать на одной сценической площадке. Такой площадкой стал новый Художественно-артистический театр А.А. Губанова.

В 1906 г. Губанов приобрел здание бывшего цирка Боровского на Участковой улице вместе с прилегавшей к нему огромной усадьбой, на которой раньше находился «Зоологический ресторан». Помещение цирка Губанов полностью переделал под большой

удобный театр, пристроив рядом помещение, равное по площади половине здания прежнего цирка. В пристройке помещалась сцена, которая стала самой большой в Харбине. Главным достоинством нового театра стали значительная глубина и техническое оснащение, обеспечивавшие моментальную смену декораций. В зале (большой партер, пять рядов амфитеатра и два яруса лож) было 1200 мест.

Художником-оформителем театра был И.М. Смирнов. Передний занавес, расписанный им вместе с художником П.П. Сергеевым, был оформлен по мотивам картины Васнецова «Ковер-Самолет».

Здание театра, очень красивое, полностью деревянное, поражавшее харбинцев своими размерами и архитектурой, было готово к сезону 1907 г. В Художественно-артистическом театре шли «лучшие произведения современной театральной беллетристики» — Горького, Андреева, Найденова, Островского, Толстого, Сухово-Кобылина и многих известных иностранных драматургов.

В 1909 г. в Харбин приехала знаменитая Вера Федоровна Комиссаржевская со своей труппой, где было много талантливой молодежи.

В 1906 г. в Харбине на углу Китайской и Коммерческой улиц открылся кинотеатр «Иллюзион» Л.С. Финкельштейна. В день открытия здание было иллюминировано тремя тысячами свечей. Здесь демонстрировались самые последние новинки, наиболее привлекавшие внимание зрителей. Хозяин «Иллюзиона» привез из Берлина и Парижа большое количество фильмов и тем затмил всех конкурентов, меня репертуар каждый понедельник и четверг.

На углу Китайской и Биржевой улиц работал кинотеатр «Декадансе», принадлежавший Янгжоглу, а в Новом городе при гостинице «Гранд-Отель» — кинотеатр «Прогресс». В 1908 г. открылся новый кинотеатр «Ориант».

Начало мая 1907 г. ознаменовалось полетами известного русского летчика А.Я. Кноспе. 13 мая его аэроплан разбился, а пилот погиб. Весной 1911 г. в Харбине летал на «Фармане» летчик Я.И. Седов.

Харбинский любитель-механик М.Т. Смуров спроектировал и построил весной 1912 г. нечто вроде вертолета и назвал его «орнитоптером». К сожалению, мне не удалось найти фотографий или чертежей этого уникального аппарата. Известно лишь, что предварительные испытания, прошедшие на берегу Сунгари, дали положительные результаты: аппарат поднимался саженей на 4 от земли, совершал в воздухе повороты и т. д. Испытывал его сам Смуров.

В Харбине еще более активно, чем в среднем по России, создавались детские организации — предшественники советских пионерских организаций. Так, в 1906–1907 гг. в Харбине появились «Соколы». Опытные инструкторы обучали ребят навыкам владения холодным и огнестрельным оружием, проводили экскурсии, горные восхождения и походы с хоровым пением участников на привалах, проводили массовые спортивные игры. Были открыты сокольские магазины спортивных принадлежностей, спортивные площадки, тир, стрельбища.

«Соколы» культивировали хоровое исполнение патриотических песен, гимнов и национальной музыки, тренировки ребят часто проходили под музыку добровольческих оркестров, игравших народные мелодии. Создавали «соколы» свои песни и гимны.

В мае 1913 г. на улицах Харбина появились мальчики в зеленых рубашках с оранжевыми галстуками, в шортах и пилотках, аккуратные и подтянутые. Это были первые харбинские бойскауты.

Начальником созданной в 1913 г. в Харбине организации русских разведчиков был ротмистр С.И. Утешев, «старшими друзьями» — А.К. Гинце и Р.А. фон Арнольд. На Офицерской улице скауты построили свой Дворец со стадионом. Скаутские группы имелись в каждой харбинской средней школе, при польском национальном объединении «Господа Польска», в японской колонии Харбина и др. Скауты издавали журнал «Русский скаут» и распевали свой гимн:

Будь готов, разведчик, к делу честному,
Трудный путь лежит перед тобой.
Глянь же смело в очи неизвестному,
Бодрый телом, мыслью и душой
В мире много горя и мученья,
Наступила страдная пора.
Не забудь святого назначенья,
Стой на страже правды и добра...
Помогай больному и несчастному,
К погибающим спеши на зов.
Ко всему большому и прекрасному
Будь готов, разведчик, будь готов!

Любопытно, что в пику русским скаутам 18 октября 1915 г. в городе Чанчуне по образцу бойскаутов был создан Союз японской молодежи.

ГЛАВА 19

МИРОВАЯ ВОЙНА И СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В октябре 1911 г. в Китае произошла буржуазно-демократическая революция. Цинская династия была свергнута и провозглашена республика. Первым ее президентом стал Сунь Ятсен.

Воспользовавшись революцией, местные правители Монголии фактически отделились от Китая. 3 ноября 1912 г. правитель Монголии (хутухта) заключил соглашение с русским правительством, по которому Россия обязывалась оказывать Монголии помощь в сохранении «автономного строя» и получала ряд односторонних экономических преимуществ.

По секретному соглашению, подписанному 25 июня 1912 г. министрами иностранных дел России и Японии — Сазоновым и Мотоно, часть Внутренней Монголии, расположенная к востоку от пекинского меридиана, признавалась сферой влияния Японии, а к западу от него — сферой влияния России. По соглашению от 5 ноября 1913 г. Россия добилась от Китая признания национальной автономии Внешней Монголии.

После начала Первой мировой войны, 24 июля (16 августа), Китайская республика провозгласила свой нейтралитет в войне в отношении всех воюющих держав, в том числе Германии, и обратилась к ним с просьбой не переносить военные действия на территорию Китая. Но на территории Желтороссии германским фирмам работать больше не дали. Им пришлось ликвидировать или продать свои предприятия. Так, к примеру, была закрыта фирма «Нюман», занимавшаяся продажей спирта и хлебных товаров, с активом около 15 млн. руб. Немецкие подданные были высланы из полосы отчуждения в Чанчунь, где они до вступления в войну Японии жили довольно свободно и даже занимались пропагандой в пользу Германии. В Пекине оставался германский военный атташе. Он разработал план взрыва тоннелей и мостов КВЖД и сформировал для этого во Внутренней Монголии группу диверсантов, которая должна была взорвать Хинганский тоннель. Однако диверсанты были арестованы прежде чем добрались до места.

В октябре 1914 г. на Западный фронт из Харбина было направлено 6 полков в полном составе Заамурской железнодорожной бригады. Зато с 20 февраля по 15 марта 1915 г. в Желтороссию прибыло 12 пеших дружин ополчения из Томска.

Мобилизация русского населения в Желтороссии первоначально не проводилась. Лишь 31 августа 1915 г. была объявлена мобилизация, но она не распространялась на русских подданных, постоянно проживавших в полосе отчуждения, и на служащих КВЖД. На действительную службу привлекались военнообязанные, проживавшие на землях дороги, но не связанные с ней службой. Такое положение оставляло много лазеек для людей

недобросовестных. В Маньчжурию устремилась масса обеспеченных людей, стремившихся избежать призыва в армию. Всеми правдами и неправдами они пытались получить хоть какую-то службу на дороге.

Благодаря войне КВЖД стала давать прибыль. Так, в 1914 г. она составила 7,3 млн. руб., в 1915 г. — 12,7 млн., в 1916 г. — 18 млн. и в 1917 г. — 30,8 млн. руб.

Из США на дороги Дальнего Востока в 1915–1917 гг. поступили сотни паровозов и тысячи вагонов.

Но расцвету Желтороссии в 1914–1917 гг. способствовали не только военные перевозки, но и сухой закон, введенный Николаем II в России в ноябре 1914 г. Запрет на торговлю водкой создал на Дальнем Востоке огромные ножницы цен: если в пределах Маньчжурии ведро водки стоило 7 руб., то в Забайкальской области оно стоило уже 60 руб., а в Иркутске — 80 руб. И чем дальше, тем дороже, до 100 и более рублей.

Масштабы контрабанды спиртного из Желтороссии в империю в 1914–1917 гг. сопоставимы лишь с аналогичной контрабандой в США в эпоху сухого закона. Чтобы пресечь поток спирта через китайскую и монгольскую границы, были созданы специальные русские полицейские отряды. Но контрабандисты постоянно меняли тактику. Однажды после безрезультатного обыска таможенник все же уловил запах спирта в отделении парового отопления в одном из вагонов. Оказалось, что спирт был налит в конденсатор парового отопления. Позже из Харбина во Владивосток была отправлена партия мыла, а в его пятифунтовых кусках таможенники обнаружили сосуды со спиртом. Газеты назвали это последним словом контрабандной техники, но они ошибались. Были случаи провоза спирта в... колбасе, в брусках крупной партии кеты, а на станции Маньчжурия была задержана партия фабричных кирпичей, в которых обнаружили заделанные бутылки с коньяком.

В г. Фуцзянь во всех винно-бакалейных лавках продавался спирт в посуде, изготовленной специально для тайного провоза: в разной вместимости плоских банках толщиной в полдюйма, в изогнутых банках для подвязывания к разным частям тела. Это заставило администрацию КВЖД запретить продажу спирта в жестяных банках.

Но главным путем контрабанды была не железная дорога, а граница. Контрабандисты в приграничных селениях сильно наживались. Они привозили спирт, шелк и другие товары целыми караванами к реке Онону, зарывали их на берегу в тайники, а затем, выбрав удобный момент, перебрасывали из на станцию Оловянная Забайкальской железной дороги или на станцию Бырку. Таможенная стража была не в силах бороться с этими контрабандистами, отлично знавшими местность.

Итак, Желтороссия в 1914–1917 гг. переживала экономический бум. Косвенным, но очень характерным признаком процветания стали гастроли в Харбине Миланской оперы. И это в годы войны.

Первая мировая война стала без преувеличения «манной небесной» для Японии. 15 августа 1914 г. японское правительство обратилось к правительству Германии с «советом» вывести свои войска и корабли флота из китайских вод, а также предложило «содействие» в разоружении тех частей и кораблей, которые не в состоянии немедленно эвакуироваться. К портам и военно-морским базам на территории Йокосука, Курэ и Сасэбо подводились для погрузки части экспедиционной армии, которая должна была отправиться к берегам Шаньдуна и к Маршалловым, Каролинским и Марианским островам на Тихом океане.

Хотя срок ультиматума и был указан — 23 августа, на рассвете 17 августа выделенная для экспедиции на Шаньдун пехотная дивизия была погружена на корабли. Одновременно на островах Садо и Окисима в Японском море проводились маневры флота и пехотных частей, отработывавших взаимодействие при высадке десантов. Общее число подготовленных для операций войск достигло 78 тысяч, в ней предусматривалось участие 17 боевых кораблей, 120 орудий полевой и 136 орудий корабельной артиллерии.

Германское правительство оставило японский ультиматум без ответа и 22 августа отозвало своих дипломатических представителей из Токио. На следующий день, 23 августа, император Йошихито объявил войну Германии. Германия попыталась передать управление

Шаньдунской концессией правительству Китая, то есть законному владельцу, но Япония игнорировала это решение.

23 августа 1914 г. японская корабельная артиллерия открыла огонь по германской крепости Циндао. Немецкий гарнизон крепости составлял всего полторы тысячи человек. Кроме того, оружие взяли в руки около трех тысяч жителей Циндао. Японский десант многократно превышал силы немцев, но те мужественно сопротивлялись.

Поощряемое Соединенными Штатами китайское правительство Юань Ши-кая неоднократно заявляло протест японскому правительству в связи с военными действиями на китайской территории. Из Токио Юань Ши-кая заверяли, что соответствующие «распоряжения японскому командованию отданы». Однако нарушения суверенитета Китая продолжались. Китайское правительство объявило о том, что «территория, прилегающая к границам арендованной Германией территории Китая, объявляется военной зоной, а следовательно, запретной для военных действий». В подтверждение этого заявления правительство Юань Ши-кая отдало распоряжение губернатору провинции выставить на побережье свои войска. Это затруднило японскому командованию выполнить в срок намеченную задачу, так как нельзя было без столкновения с китайскими войсками по сухопутным коммуникациям снабжать войска, осадившие Циндао.

8 ноября 1914 г. гарнизон Циндао капитулировал. Потери немцев за время осады составили 800 человек, японцев — 2000 человек.

С 18 августа 1914 г., то есть еще до начала боевых действий против Циндао, японцы приступили к захвату Маршалловых, Каролинских и Марианских островов, находившихся во владении Германии. Таким образом, под контроль Японии попал огромный район Тихого океана, соизмеримый по площади со всей Западной Европой.

На этом участие Японии в Первой мировой войне и закончилось, если не считать участия японских крейсеров в охоте за германскими военными и торговыми судами. Тетушка Антанты неоднократно приглашала доблестных японских пехотинцев принять участие в боях на Западном фронте. Однако японское правительство вежливо отклоняло подобные предложения, поскольку климатические условия Европы не подходят для японских солдат.

В связи с уменьшением поставок промышленных товаров в Китай, Индокитай, голландские колонии и т. д. в несколько раз возрос японский экспорт промышленных товаров. Японская экономика переживала бум.

В 1915–1916 гг. царское правительство предприняло ряд шагов для улучшения отношений с Японией. Делалось это с целью обеспечения своего тыла и получения возможности закупать оружие и стратегические материалы в Японии. Так, в 1916 г. на коронацию японского императора был отправлен великий князь Георгий Михайлович в сопровождении начальника Дальневосточного отдела Министерства иностранных дел Казакова. В переговорах с ними японцы выразили готовность заключить новый договор, но добивались от царского правительства всяческих выгод: передачи им той части КВЖД (Чанчунь—Харбин), которая, по их словам, находилась в японской сфере влияния, так как связана с Южной Маньчжурией; предоставления Японии новых концессий на рыболовство в русских водах и облегчения таможенных тарифов. При этих условиях японцы соглашались продавать России некоторое количество оружия и заключить с ней союзный договор.

Россия в 1915–1917 гг. закупила в Японии следующие орудия:

Таблица № 4

Артиллерийские заказы Военного ведомства в Японии в 1915–1917 гг.

Стоит заметить, что за исключением 234-мм гаубиц Виккерса и 107-мм пушек обр. 1910 г. все остальные орудия представляли собой попросту хлам. Так, все 28-, 24- и 20-см орудия оказались негодными и были отправлены в тыловые крепости, а русские орудия оттуда направляли на фронт.

Кроме того, Япония в 1915–1916 гг. продала России 486—75-мм полевых пушек

Арисака и 100—75-мм горных пушек Арисака — ветеранов русско-японской войны. Через Японию и Англию русская армия получила 163,5 тысячи японских винтовок Арисака.

Русский флот закупил несколько десятков японских корабельных орудий калибра 120—47 мм. В 1915—1916 гг. Япония за приличную сумму продала России часть своих трофеев 1904—1905 гг., в том числе броненосцы «Полтава», «Пересвет» и крейсер «Варяг». «Пересвет» при переходе в Россию погиб в декабре 1916 г., подорвавшись на mine в Средиземном море недалеко от Порт-Саида. «Полтава» (переименованная в «Чесму») и «Варяг» непосредственного участия в боевых действиях не принимали.

В ходе Первой мировой войны Япония считалась союзницей России, поэтому царское правительство приступило к тотальному разоружению сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке. Большая часть боеспособных дивизий и бригад была отправлена на Западный фронт. Немедленно прекратилось строительство новых укреплений во Владивостоке. Так, 305-мм двухорудийные башенные установки, под которые уже были отрыты котлованы во Владивостоке, были отправлены на Балтику. Кроме того, в 1915—1916 гг. почти все боеспособные орудия Владивостокской крепости отправили на запад, а в крепости осталась лишь старая рухлядь.

Крейсер «Аскольд» был направлен из Сибирской флотилии в Средиземное море, а крейсер «Жемчуг» — в порт Пананг в Малайю. Там командир корабля и ряд офицеров уехали «по делам» на берег, а тут на беду в гавань зашел германский легкий крейсер «Эмден» и в течение нескольких минут разнес «Жемчуг» в щепки.

С Амурской флотилии было увезено на запад большинство посыльных судов (бронекатеров). Увезти мониторы и канонерские лодки было трудно, а главное, некуда. Зато начальство умудрилось снять с большинства их орудия, а с мониторов еще и дизели. Пушки были отправлены на береговые батареи Балтийского моря, где их захватили финны в 1918 г., а дизели установили на строившиеся подводные лодки. Таким образом, к октябрю

1917 г. вооруженные силы на Дальнем Востоке находились в небоеспособном состоянии.

14 марта 1917 г. китайский правитель Дуань Цижуй объявил войну Германии. Формальным поводом послужило сообщение британской прессы о том, что в Германии, испытывавшей в 1916—1917 гг. нехватку продовольствия, скармливают свиньям трупы убитых на фронте солдат. В 1922 г. два британских журналиста рассказали, как они изготовили эту «утку».

Участие Китая в войне заключалось в захвате нескольких германских канонерских лодок и торговых судов, находившихся в морских портах и на реках Китая, а также в интернировании подданных Германии и Австро-Венгрии. В помощь западным союзникам Дуань Цижуй направил даровую рабочую силу: 150 тыс. кули были переданы Англии и 40 тысяч — Франции.

Объявляя войну Германии, клика Дуань Цижуй, пользовавшаяся поддержкой северных милитаристов,⁷⁵ надеялись упрочить свою власть. Но они добились лишь противоположного результата. В противовес пекинскому, в Гуанчжоу осенью 1917 г. было сформировано Военное правительство Юга Китая во главе с Сунь Ятсеном, и военные столкновения между северным и южным правительствами не затихали в течение всего 1918 г.

Не оправдались надежды Дуань Цижуй и К^{˚}: на то, что Антанта за участие в войне вернет хозяину «германское наследство» в Китае. По Версальскому договору Китай получил буквально крохи. Он был освобожден от финансовых обязанностей по договорам с Германией и получил часть зданий, сооружений и имущества, находившихся на территории немецких концессий в Тяньцзине и Ханькоу. Сами же эти концессии, формально возвращенные под китайский суверенитет, объявлялись открытыми для проживания и

75 Термин «милитаристы» с 1930-х годов отечественные историки применяют к губернаторам (дущюнам) китайских провинций, которые были независимыми и полунезависимыми правителями с 1911 по 1945 г. Власть их держалась за счет наемных армий, откуда и пошел термин «милитаристы».

торговли иностранцев с сохранением ими прав экстерриториальности. Прочие же германские концессии просто передавались другим государствам: в Гуанчжоу — Англии, в Шанхае — Франции.

На конференции в Версале остро стоял вопрос об арендной территории Германии, находившейся в Шаньдуне. Китайская делегация потребовала возвращения всех прав на нее Китаю, напомнив при этом, что Япония перед оккупацией Шаньдуна в 1914 г. взяла на себя соответствующие обязательства. Япония же категорически настаивала на сохранении своих позиций в Шаньдуне. Английская делегация, возглавляемая премьер-министром Ллойд Джорджем, выступила в защиту японцев. Британский премьер заявил: «Великобритания придерживается той же позиции, что и Япония и Италия. Она имеет определенную договоренность с Японией, изложенную в ноте британского посла в Токио от 16 февраля 1917 г.». Позиция английской делегации оказала решающее воздействие на окончательное решение. Согласно Версальскому договору, движимая и недвижимая собственность Германии, ее права и привилегии в Шаньдуне передавали Японии.

ГЛАВА 20

ЯПОНСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ВЕКТОРЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Сразу же после установления советской власти в Петрограде в ноябре 1917 г. японское правительство решило принять участие в интервенции на Дальний Восток. Тут следует сразу оговориться. Рамки работы позволяют говорить только об участии Японии. В результате интервенция Англии, Франции и других держав остается как бы в тени, и у читателя может сложиться неправильное мнение, что японцы вели себя по отношению к России гораздо агрессивнее, чем европейские державы. На самом же деле инициаторами вторжения в Россию стали Англия, Франция и США. Поводом для интервенции было желание революционной России выйти из состояния войны с Германией, а задачей войны интервентов было расчленение России на десятки опереточных государственных образований, которые могли бы стать если не колониями, то сферами влияния государств-интервентов.

Япония же была не лучше, но и не хуже Англии, Франции и Соединенных Штатов. Интервенция одних только европейских государств и США на русский Дальний Восток создавала определенную угрозу интересам Японии, и ее правительство приняло вполне разумное решение принять участие в интервенции. Русская пословица гласит: «Было бы болото, а черти найдутся». Я ее перефразирую: «Была бы нестабильность в государстве, а интервенты найдутся». Так было в 1792–1793 гг. во Франции, так было и в Югославии в 90-х годах XX века.

В январе 1918 г. во Владивосток прибыл японский броненосец «Ивами» (бывший «Орел»), а затем появились крейсер «Асахи» и броненосец «Хидзен» (бывший «Ретвизан»). В ночь на 5 апреля 1918 г. «неизвестные лица» совершили вооруженное нападение с целью ограбления на владивостокское отделение японской торговой конторы «Исидо». В ходе этой акции были убиты два японских гражданина. Этот инцидент стал поводом для высадки японского десанта. В итоге к 1 октября 1918 г. на Дальнем Востоке было уже 73 тыс. японских солдат и офицеров.

В ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске офицерскими и казачьими частями были арестованы члены так называемой Директории — самозванного антисоветского правительства, и вся власть сосредоточилась в руках «верховного правителя Российского государства» адмирала А.В. Колчака. Реальная власть Колчака распространялась на Сибирь, Урал и часть Оренбургской губернии. 30 апреля 1919 г. власть «верховного правительства» признала «Временное правительство Северной области», обосновавшееся в Архангельске, а 12 июня 1919 г. аналогичное решение принял А.И. Деникин.

США предоставили Колчаку кредит в 262 млн. долларов и в счет его направили в конце 1918 г. свыше двухсот тысяч винтовок и другую военную технику и имущество.

Япония согласилась признать власть Колчака и оказать ему помощь при условии выполнения им следующих требований: 1) объявить Владивосток свободным портом; 2) разрешить свободную торговлю и плавания по Сунгари и Амуру; 3) предоставить японцам контроль над Сибирской железной дорогой и передать Японии участок Чаньчунь — Харбин; 4) предоставить японцам права рыбной ловли на всем Дальнем Востоке; 5) продать Японии Северный Сахалин.

Колчак мялся: в тылу у него стоял мощный японский экспедиционный корпус, а с другой стороны, принимать японские условия было как-то неудобно — он же как-никак «борец за единую и неделимую».

Японцы же позаботились и об альтернативе Колчаку. Двадцатисемилетний есаул Г.М. Семенов набрал в Харбине «Особый маньчжурский отряд» из офицеров, казаков и деклассированных элементов. 8 апреля 1918 г. Семенов вторгся в Забайкалье, а в мае на станции Борзя он объявил о создании «Временного Забайкальского правительства» во главе с самим собой. «Правительство» это только с весны до осени 1918 г. получило от Японии военной и финансовой помощи почти на 4,5 млн. руб. За этот же период Франция оказала помощь есаулу Семенову на сумму свыше 4 млн. руб.

Отношения адмирала и есаула явно не клеились. В середине ноября 1918 г. Семенов телеграфировал в Омск об отказе признать верховную власть адмирала Колчака и предлагал на эту высшую должность в русском Белом движении свои кандидатуры — генералов Деникина, Хорвата или атамана Оренбургского казачьего войска Дутова. В телеграмме говорилось: «Если в течение 24 часов я не получу ответа о передаче власти одному из указанных мною кандидатов, я временно, впредь до создания на Западе {Сибири} приемлемой для всех власти, объявляю автономию Восточной Сибири... Как только власть будет передана одному из указанных кандидатов, несомненно и безусловно ему подчинюсь».

От слов бравый есаул перешел к делу и прервал телеграфную связь между Омском и Дальним Востоком, а на Забайкальской железной дороге задержал поезда с военными грузами, отправленными Антантой Верховному правителю России для создаваемой колчаковской армии.

Верховный правитель Колчак в конце ноября 1918 г. издал приказ № 60, в котором есаул Семенов объявлялся изменником. 1 декабря Колчак, встав на путь конфликта с Японией, издал приказ № 61 о ликвидации «семеновского инцидента». Приказ этот гласил: «Командующий 5-м отдельным Приамурским корпусом полковник Семенов за неповиновение, разрушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены, отрешается от командования 5-м корпусом и смещается со всех должностей, им занимаемых».

Но за Семенова горой встало командование японского экспедиционного корпуса. Японский генерал Юхи заявил, что «Япония не допустит никаких мер против Семенова, не останавливаясь даже для этого перед применением оружия...» Именно такую инструкцию получила дислоцированная в Забайкалье 3-я дивизия императорской армии.

Колчак, без сомнения, был талантливым адмиралом, но в боевых действиях на суше и в политике разбирался слабо. В ноябре 1919 г. ему пришлось с остатками белых войск бежать из Омска к Иркутску. 15 января 1920 г. на станции Иннокентьевская (около Иркутска) он был выдан белочехами Политическому Центру — организации меньшевиков и эсеров. 20 января этот Политический Центр в Иркутске попросту разбежался, а власть в городе взял большевистский Военно-революционный комитет (ВРК). 7 февраля 1920 г. по постановлению ВРК Колчак был расстрелян.

Еще перед арестом, 4 января 1920 г., Колчак передал Семенову всю полноту военной и государственной власти «на территории Российской восточной окраины», а 8 января Семенов создал «Правительство Российской восточной окраины».

К весне 1920 г. передовые части Красной Армии были приостановлены на рубеже озера Байкал. Это было сделано не в связи с сопротивлением белых, а по чисто политическим причинам. Советское правительство желало избежать конфликта с Японией. А как говорил

В.И. Ленин, «вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее...»

Поэтому советское правительство решилось на оригинальный ход — создание буферной Дальневосточной республики (ДВР). 6 апреля в Верхне-Удинске (ныне Улан-Удэ) на Учредительном съезде полномочных представителей всего населения Забайкалья состоялось ее провозглашение. В республику организационно вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин. Ей же были переданы права России в отчужденной зоне КВЖД.

В январе прошло представительное Учредительное собрание, где руководящая роль принадлежала большевикам. На этом собрании были созданы: орган верховной власти (Правительство) во главе с А.М. Краснощековым и исполнительный орган — Совет министров под председательством коммуниста П.М. Никифорова. Советское правительство признало Дальневосточную республику как дружественное независимое государство.

Народно-революционная армия (НРА) Дальневосточной республики располагала 36 пехотными, 12 кавалерийскими и 17 артиллерийскими полками, 11 бронепоездами, 10 танками, 17 самолетами и 145 автомашинами.

Первоначально власть Временного правительства ДВР фактически распространялась на территорию Западного Забайкалья. В августе 1920 г. исполком Амурской области согласился подчиниться Временному правительству ДВР. Западную и восточную части республики разделяла «Читинская проблема» — район, занятый семеновско-каппелевскими частями и японскими войсками.

Общая численность белогвардейских войск к концу марта 1920 г. в районе Читы составляла около 20 тыс. штыков и сабель, 496 пулеметов и 78 орудий. Активные действия восточно-забайкальских партизан вынуждали белогвардейское командование держать в районах Сретенска и Нерчинска свыше половины своих сил. К западу от Читы и в самом городе белогвардейцы имели до 8,5 тыс. штыков и сабель, 31 орудие и 255 пулеметов. Японские войска (части 5-й пехотной дивизии) имели до 5,2 тыс. штыков и сабель при 18 орудиях.

К этому времени в состав НРА Дальневосточной республики (главнокомандующий Г.Х. Эйхе) входили 1-я Иркутская стрелковая дивизия, партизанские отряды П.П. Морозова, Н.Д. Зыкина, Н.А. Бурлова и другие. Кроме того, в стадии формирования находились Забайкальская стрелковая дивизия и Забайкальская кавалерийская бригада. Для наступления на Читу насчитывалось около 9,8 тыс. штыков и сабель при 24 орудиях и 72 пулеметах.

Первая Читинская операция проводилась 10–13 апреля 1920 г. Учитывая, что японские войска держали под своим контролем железную дорогу, войска НРА вели наступление с севера через перевалы Яблонового хребта. Было создано две колонны войск. Главные силы правой колонны (под командой Е.В. Лебедева; около 2,7 тыс. человек, 8 орудий, 22 пулемета) находились на железнодорожной магистрали, остальная часть наступала на город с юго-запада, стремясь отрезать белогвардейцам путь отступления на юг. Левая колонна (командир В.И. Буров; свыше 6 тыс. человек, 16 орудий, 50 пулеметов) наносила главный удар через перевалы Яблонового хребта.

9 апреля японцы начали отход к Чите по железной дороге. Части правой колонны продвинулись за ними до станции Гонгота. Дальнейшее наступление частей НРА было остановлено белогвардейскими и японскими войсками.

Войска левой колонны к 12 апреля вышли к северной окраине Читы, но японские войска в ходе упорных боев вынудили их отойти к перевалам.

Основные причины неудачи наступления войск НРА — отсутствие достаточного превосходства в силах и особенно в технике и вооружении.

К началу второй Читинской операции (25 апреля — 5 мая 1920 г.) НРА была пополнена Забайкальской кавалерийской бригадой и Верхнеудинской стрелковой бригадой. Для координации действий партизанских отрядов был создан Амурский фронт (командующий Д.С. Шилов).

Японские войска пополнились пехотным полком и трехтысячным отрядом, переброшенным со станции Маньчжурия.

Командование НРА разделило свои войска на три колонны, которые наступали: первая (командир Кузнецов, около 5,5 тыс. человек, 6 орудий, 42 пулемета) — в обход Читы с юга; средняя (командир К.А. Нейман, около 2,5 тыс. человек, 3 орудия, 13 пулеметов) — с запада; левая (командир Буров, около 4,2 тыс. человек, 9 орудий, 37 пулеметов) — с севера и северо-востока. Главные удары наносились с юга и с севера. Партизанские отряды Амурского фронта (12–15 тыс. штыков, 7–8 тыс. сабель, 7 орудий, 100 пулеметов, 2 бронепоезда) должны были овладеть районами Сретенска и Нерчинска.

Осуществить в полной мере замысел операции не удалось, наступление вылилось в ряд разрозненных, несогласованных действий войск. 3 мая противник перешел в контрнаступление и вынудил части НРА к отступлению и переходу (5 мая) к обороне.

Летом 1920 г., несмотря на неудачи наступления НРА на Читу, положение ДВР значительно упрочилось. 17 июля японское командование вынуждено было подписать Гонготское соглашение о прекращении военных действий, а с 25 июля начать эвакуацию своих войск из Читы и Сретенска.

Третья Читинская операция проводилась 1—31 октября 1920 г. Действия регулярных войск НРА западнее Читы были связаны Гонготским соглашением. Поэтому центр тяжести борьбы НРА с белогвардейцами был перенесен в Восточное Забайкалье. Войска Амурского фронта (командующий Д.С. Шилов, затем С.М. Серышев; около 30 тыс. штыков и сабель, 35 орудий, 2 танка, 2 бронепоезда) получили задачу ликвидировать «Читинскую пробку».

Общая численность белогвардейских войск составляла около 35 тыс. штыков и сабель при 40 орудиях и 18 бронепоездах. Главный удар наносился с северо-востока в полосе Нерчинск — станция Карымская. 1 октября начали активные боевые действия партизанские отряды севернее и южнее Читы. 15 октября в наступление перешли войска Амурского фронта и в ходе упорных боев 22 октября овладели станцией Карымская и Читой.

Попытка противника 23 октября перейти в контрнаступление успеха не имела. 30 октября части НРА захватили станции Бырка и Оловянная. Остатки белогвардейцев бежали в Маньчжурию.

В мае 1920 г. в Благовещенске создается Амурская флотилия, формально входящая в состав вооруженных сил Дальневосточной республики.

Поскольку мониторы и канонерские лодки бывшей военной флотилии находились под японским контролем или были выведены из строя, основу флотилии составили вооруженные пароходы «Труд», «Марк Варягин» и «Карл Маркс», вспомогательные суда «Боткинский», «Муравьев-Амурский» и «Уссури», угнанные в апреле под огнем японцев из Блаженного затона в Хабаровске.

18 мая 1920 г. японцы использовали монитор «Смерч» для огневого прикрытия переправы японских войск через Амур. Однако переправа была сорвана огнем артиллерии войск ДВР и бронепоезда «Коммунист».

С 20 сентября по 12 октября 1920 г. японские войска ушли из Хабаровска и Осиповского затона. Предварительно ими были угнаны на Сахалин наиболее боеспособные корабли Амурской флотилии — монитор «Шквал», канонерские лодки «Бурят», «Монгол», «Вотяк» и многие другие пароходы и суда.

Японцы демонстративно затопили канонерскую лодку «Карел» и посадили на мель монитор «Смерч». С канонерок и мониторов они собрали орудийные замки, части двигателей и паровых машин и утопили в Амуре. Механизмы, надстройки и палубы облили соляной кислотой, а орудия заклинили снарядами, обернутыми смоченной в кислоте паклей. Японцы привели в негодность казармы, жилые помещения на берегу, землечерпальную машину и плавучий кран в затоне, разграбили мастерские, увезли инструмент и часть станков, разрушили водопровод и отопление. Общая сумма убытков, причиненных японцами флотилии за время интервенции, составила 11 561 528 руб. золотом. Кроме того, интервенты разрушили на всем протяжении железнодорожную ветку из Хабаровска на базу. Рельсы с нее

японцы сняли и бросили в Амур.

В январе 1921 г. состоялись выборы в Учредительное собрание Дальневосточной республики, в результате которых в столице республики — Чите — было создано правительство, руководимое большевиками.

Одновременно с интервенцией на Дальнем Востоке японцы стремились захватить Внешнюю Монголию. Для этого они использовали русских белогвардейцев Семенова и барона Унгерна фон Штернберга фон Пилькау, а также маньчжурского милитариста Чжан Цзолина. Последний, будучи полномочным сатрапом Монголии, боролся за власть с пекинским правительством, сотрудничая с японцами.

Октябрьскую революцию 30-летний барон Унгерн встретил есаулом 3-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска. Уже в конце 1917 г. он с помощью японцев собрал из всякого сброда отряд в несколько тысяч человек. В июне 1919 г. свое воинство барон переименовал в Туземный корпус, а затем — в Азиатскую конную дивизию. Себе же он присвоил чин генерал-лейтенанта. Выброшенная из России, Азиатская дивизия ворвалась в Монголию и 4 февраля 1921 г. выбила китайцев из столицы Монголии Урги (с 1924 г. Улан-Батор).

Очевидец Волков вспоминал: «Страшную картину представляла собой Урга после взятия ее Унгерном. Такими, наверное, должны были быть города, взятые Пугачевым. Разграбленные китайские лавки зияли разбитыми дверьми и окнами, трупы гамин-китайцев вперемешку с обезглавленными замученными евреями, их женами и детьми, пожирались дикими монгольскими собаками. Тела казненных не выдавались родственникам, а впоследствии выбрасывались на свалку на берегу речки Сельбы. Можно было видеть разжиревших собак, обгладывающих занесенную ими на улицы города руку или ногу казненного. В отдельных домах засели китайские солдаты и, не ожидая пощады, дорого продавали свою жизнь. Пьяные, дикого вида казаки в шелковых халатах поверх изодранного полушубка или шинели брали приступом эти дома или сжигали их вместе с засевшими там китайцами».⁷⁶

В мае 1921 г. войска барона Унгерна (около 10,5 тыс. сабель, 200 штыков, 21 орудие, 37 пулеметов) вторглись в пределы Дальневосточной республики в районе Троицкосавска. Главный удар они наносили вдоль правого берега реки Селенга, вспомогательный — вдоль ее левого берега с целью перерезать Кругобайкальскую железную дорогу и изолировать Дальневосточную республику от РСФСР. В упорных оборонительных боях с 28 мая по 12 июня 1921 г. части Красной Армии отразили попытки белых прорваться к железной дороге по левому берегу Селенги. Войска барона Унгерна понесли большие потери и отступили вглубь Монголии за реку Иро.

В середине июня 1921 г. красные сформировали экспедиционный корпус 5-й армии под командованием К.А. Неймана в составе 7,6 тыс. штыков и 2,5 тыс. сабель. Корпус располагал 20 орудиями, 2 броневедомолами и 4 самолетами. 27–28 июня части экспедиционного корпуса во взаимодействии с НРА ДВР и Монгольской Народно-революционной армией (МНРА) под командованием Сухэ-Батора начали наступление. 6 июля красные взяли Ургу.

22 августа Унгерн фон Штернберг был взят в плен, а 15 сентября расстрелян по приговору революционного трибунала. Любопытно, что на допросе барон заявил, что его родина Австрия. В какой-то мере это было справедливо, поскольку он родился в австрийском городе Граце во время путешествия его родителей по Европе.

11 июля 1921 г. было образовано Народное правительство Монголии, а 5 ноября подписан договор о сотрудничестве с РСФСР. Власть в Монголии (Внешней Монголии) сосредоточилась в руках революционных элементов, но до мая 1924 г., когда умер последний монгольский хан (богдо-гэгэн), Монголия формально являлась монархией.

12 января 1921 г. войска Дальневосточной республики нанесли поражение белогвардейцам при Волочаевке. 14 февраля был освобожден Хабаровск. Белогвардейские

части, прикрываемые японскими войсками, отступили на юг. Народно-революционная армия ДВР успешно продвигалась по направлению к Никольск-Уссурийскому и Владивостоку. Большую помощь революционным войскам оказали партизаны.

Успехи, одержанные НРА и партизанами, с одной стороны, и резкое ухудшение внутреннего и международного положения Японии — с другой, вынудили японское правительство пойти на новые переговоры, на этот раз уже не только с ДВР, но и с РСФСР. В начале сентября 1922 г. в Чаньчуне открылась конференция представителей Японии и объединенной делегации ДВР и РСФСР.

Еще до созыва конференции японцы объявили о выводе войск из Приморья к 1 ноября 1922 г. Делегация ДВР и РСФСР требовала вывода японских войск также и с Северного Сахалина, но японцы отвергли это требование. Чаньчунская конференция была прервана 26 сентября 1922 г.

В 2 часа дня 25 октября 1922 г. стоявшая в бухте Золотой Рог многочисленная японская эскадра с последними экспедиционными войсками на борту подняла якоря и стала выходить в открытое море. Японцы задержались ненадолго на острове Русском, но через несколько дней ушли и оттуда.

В тот же день, 25 октября, в 4 часа дня, войска НРА торжественно, без единого выстрела, вступили в город Владивосток, население которого приветствовало своих освободителей от интервентов. Гражданская война на Дальнем Востоке завершилась.

Несколько слов стоит сказать о судьбе кораблей Сибирской флотилии. 23 октября 1922 г. командующий Сибирской военной флотилией адмирал Г.К. Старк увел русские корабли в корейский порт Гензан. Всего было уведено 30 кораблей, в том числе канонерская лодка «Манчжур», ледокол «Илья Муромец», вспомогательный крейсер «Лейтенант Дыдымов» (бывший крейсер пограничной стражи), транспорты, пароходы, минные заградители и т. д. На кораблях находилось около 9 тыс. человек. Адмирал Старк отобрал в Гензане лучшие суда и повел их в Шанхай. Во время шторма 4 декабря 1922 г. погиб крейсер «Лейтенант Дыдымов». В начале декабря 1922 г. флотилия Старка прибыла в Шанхай. Китайские власти встретили белогвардейцев крайне неприязненно и вскоре предложили покинуть порт. Старк вынужден был подчиниться и 10 января 1923 г. вновь вышел в море, предварительно высадив на берег всех белогвардейцев и гражданских беженцев. В Манилу вместе со Старком вышли только команды кораблей, и то в неполном составе. (Значительную часть команд составляли офицеры). Сделано это было умышленно. В Маниле Старк продал остатки флотилии и ряд пароходов Добровольного флота. Деньги господ офицеры поделили между собой. Сам адмирал Старк уехал в Париж, где безбедно прожил до 1950 г.

Из боевых судов Сибирской флотилии во Владивостоке остались лишь эскадренные миноносцы, однако механизмы их были изношены, а частично разграблены интервентами. Большевикам удалось ввести в строй в сентябре 1926 г. только миноносцы «Твердый» (с 19 сентября 1923 г. «Лазо») и «Точный» (с 19 сентября 1923 г. «Потапенко»). Но прослужили они недолго, и оба в апреле 1927 г. были разобраны на металл. Остальные миноносцы в строй не вводились и были разобраны в 1923–1925 гг.

Лишь после краткого экскурса в историю Гражданской войны мы можем вернуться к русско-китайским отношениям. Уже в ноябре 1917 г. Наркомат иностранных дел вступил в контакт с китайским посланником в Петрограде Лю Цзин-жэнем. В ходе переговоров, длившихся до марта 1918 г., советская сторона заявила об отказе своего правительства от всякого рода кабальных договоров, нарушавших суверенные права Китая.

Не ожидая начала переговоров о пересмотре договоров, советское правительство отозвало из Китая воинские части, которые, согласно «Заключительному протоколу», содержались там царской Россией и правительством Керенского (как и другими державами) для охраны дипломатической миссии. Далее правительство РСФСР изъявило готовность аннулировать серию русско-японских соглашений 1907–1916 гг. о сферах влияния в Китае. Кроме того, советское правительство восстанавливало суверенные права Китая в полосе отчуждения КВЖД.

В начале декабря 1917 г. Лю Цзин-жэнь был официально уведомлен, что бывший царский посланник в Китае князь НА. Кудашев «более не является представителем русского правительства» и что одновременно «уволен от должности управляющий Восточно-китайской железной дороги генерал Хорват». ⁷⁷ Однако пекинский кабинет, полностью находившийся под контролем Антанты, продолжал поддерживать отношения с бывшей миссией царского правительства. Мало того, он предоставил убежище бандам Семенова, Калмыкова и других белогвардейских атаманов, использовавших территорию Северо-Восточного Китая в качестве плацдарма для ведения Гражданской войны против советской власти.

Правительство РСФСР потребовало от китайского кабинета прекращения этого курса, фактически являвшего вмешательством во внутренние дела Советской России. Китайские представители, встретившиеся в апреле 1918 г. на станции Мациевской с советскими представителями для переговоров по пограничным вопросам, отказались выполнить требование советского правительства и весьма откровенно объяснили свою позицию тем, что «союзники еще не признали Русского Советского правительства и не дали Китаю указаний, что нужно ликвидировать семеновское движение». ⁷⁸

16 мая 1918 г. пекинское правительство подписало секретное японско-китайское соглашение о совместных действиях против Советской России. 24 августа пекинское правительство сообщило об отправке своих войск в Россию. Китайские войска находились во Владивостоке, Хабаровске и в Забайкалье, а во Владивостокский порт был послан китайский крейсер «Хай-Юн», ⁷⁹ который ушел оттуда лишь в 1919 г. Все китайские войска, находившиеся на территории России, оперативно были подчинены японскому командованию.

25 июля 1919 г. правительство РСФСР обратилось с посланием к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая (т. е. к Дуань Цижуню и Сунь Ятсену). В этом послании излагалась программа советской власти по установлению дружественных отношений с Китаем. В нем были повторены и разъяснены основные положения декрета о мире и вновь сформулирована позиция РСФСР в вопросе о пересмотре старых русско-китайских договоров. Советское правительство заявило о своем отказе от «боксерской» контрибуции, которую китайское правительство все еще продолжало выплачивать царскому посланнику. В послании также говорилось об отказе советской власти от прав экстерриториальности в Китае и указывалось, что «ни один русский чиновник, поп и миссионер не смеют вмешиваться в китайские дела, а если он совершит преступление, то должен судиться по справедливости местным судом. В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа». В заключение советское правительство предлагало «китайскому народу в лице его правительства ныне же вступить... в официальные отношения». ⁸⁰

И этот важнейший документ, опубликованный в газете «Известия» 26 августа 1919 г., пекинское правительство семь месяцев скрывало от своего народа, лишь в конце марта 1920 г. он был опубликован в китайской печати. Но и после этого, 4 апреля 1920 г., представитель пекинского министерства иностранных дел заявил, что его правительство не получало текста советской ноты. Но вскоре выяснилось, что эта версия была придумана для обмана общественного мнения, требовавшего установления дружественных отношений с РСФСР. В ответ на петицию студентов, призывавших к открытию переговоров с Советской

⁷⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 46.

⁷⁸ Там же. С. 229.

⁷⁹ Крейсер «Хай-Юн» построен в 1896–1898 гг. фирмой «Вулкан» в Германии. Водоизмещение 2950 т, машины мощностью 7500 л. с, скорость 19,5 уз., вооружение: 3 — 150/40-мм, 8 — 105/40-мм, 6 — 47-мм орудий, 3 — 356-мм торпедных аппарата.

⁸⁰ внешней политики СССР. Т. 2. С. 221–223.

Россией, министерство иностранных дел опубликовало 11 апреля 1920 г. официальное заявление, в котором утверждалось, что «дипломатия слабого государства не располагает большими силами, она действует, всегда опираясь на великие державы. Если мы сейчас будем действовать независимо, то встретим на практике много препятствий и вряд ли достигнем успеха. Поэтому сейчас нужно повременить».⁸¹

В 1918–1920 гг. на КВЖД хозяйничали все, кому не лень — белогвардейцы, японцы, вмешивались и китайские, а точнее, мукденские власти. Однако формально главой КВЖД, а также Желтороссии был генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, назначенный главнокомандующим КВЖД еще в начале века. Лишь после всеобщей забастовки служащих КВЖД в марте 1920 г. Хорват был вынужден подать в отставку и отправился в Пекин, где умер 16 мая 1937 г. После отъезда Хорвата китайские власти объявили, что берут в свои руки административную власть в полосе отчуждения КВЖД.

В 1920 г. Дальневосточная Республика и Китай (северное правительство) установили дипломатические отношения. 26 августа 1920 г. дипломатическая миссия ДВР прибыла в Пекин, а в феврале 1921 г. в Харбине было учреждено представительство ДВР. Это было особенно важно, поскольку в Желтороссии власть пекинской клики играла весьма малую роль, а фактическая власть принадлежала мукденскому губернатору (милитаристу) Чжан Цзо-миню.

Установление дипломатических отношений между Китаем и ДВР делало невозможным дальнейшее пребывание в Пекине царского посла князя Кудашева. Следует заметить, что сей князь был не промах. В 1918–1920 гг. в счет погашения так называемой «боксерской» контрибуции Китай исправно вносил каждые два месяца в Русско-Азиатский банк 250 тыс. таэлей, которые шли в распоряжение Кудашева. Неоднократные протесты советского правительства, отказавшегося от получения контрибуции и требовавшего «не выдавать эти вознаграждения бывшим русским консулам... или русским организациям, на это незаконно претендующим»,⁸² систематически игнорировались. Естественно, князь ни перед кем не отчитывался в расходах этих денег.

Но и этих денег князю не хватало. По его требованию 8 июля 1920 г. шанхайская полиция сняла команды с трех русских кораблей («Симферополь», «Пенза» и «Георгий»), принадлежавших до революции Добровольному флоту. Моряков отвезли на территорию французской концессии, где они фактически находились под арестом. В сентябре 1920 г. по секретному приказу Кудашева русские корабли были выведены из Шанхайского порта в неизвестном направлении. Сколько выручил князь за эти суда — установить уже не удастся.

И вот 23 сентября 1920 г. китайские газеты опубликовали декрет президента о том, что «Китай... перестает ныне признавать Российских Посланников и Консулов», так как «они давно уже утратили свой представительный характер и поистине не имеют оснований продолжать исполнять лежащие на них ответственные обязанности».⁸³

7 марта 1921 г. представители ДВР и милитаристы Чжон Цзо-линя подписали соглашение о восстановлении сквозного железнодорожного движения Чита — Харбин — Владивосток. Первый поезд отправился на следующий день — 8 марта.

Надобность в буферном государстве отпала. В октябре 1922 г. ЦК РКП(б), «учитывая требования трудящихся Дальнего Востока», признал целесообразным упразднение «буфера». 14 ноября 1922 г. Народное собрание Дальневосточной республики постановило объявить на русском Дальнем Востоке Советскую власть и просить ВЦИК распространить на всю территорию края действие советской Конституции. 15 ноября 1922 г. ВЦИК принял декрет, по которому территория упраздненной ДВР (за исключением Северного Сахалина, откуда

81 Пын Мин. История китайско-советской дружбы. С. 126.

82 Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 126.

83 Сборник документов, относящихся к КВЖД. С. 287.

японские войска эвакуировались только в мае 1925 г.) вошла как составная часть в РСФСР.

Большие политические изменения произошли и в Китае. В апреле 1921 г. президентом Китая был избран Сунь Ятсен. Однако его столицей был город Кантон, а юрисдикция простиралась лишь на южные китайские провинции.

В Пекине же власть в начале 1920-х годов переходила от одной феодально-милитаристской группировки к другой. Шла вооруженная борьба главным образом между двумя кликами — чжилийской и мукденской, из которых первая, во главе с У Пей-фу и Цао Кунем, являлась в значительной мере проводником английской и американской политики, а вторая, во главе с Чжан Цзо-линем, находилась на иждивении Японии.

Летом 1921 г. правительство РСФСР установило дружественные отношения с правительством Сунь Ятсена, а соглашение с пекинским правительством было подписано лишь 31 мая 1924 г. (о нем я расскажу в следующей главе).

Несколько слов следует сказать и о японско-советских отношениях. 20 января 1925 г. в Пекине между СССР и Японией был подписан договор. Согласно его статье 3: «Японское правительство должно к 1/15 мая 1925 г. полностью эвакуировать войска из Сахалина. Эвакуация должна начаться тотчас же, как только позволят климатические условия. Немедленно вслед за эвакуацией японских войск из всех районов Северного Сахалина и из каждого в отдельности над последними устанавливается полный суверенитет законных властей СССР».

Взамен СССР предоставил концессии Японии на добычу нефти и угля на Северном Сахалине. Забегая вперед, скажу, что эти концессии были аннулированы лишь в 1944 г.

В августе 1925 г. на Амур вернулись угнанные японцами на Сахалин суда. Среди них были монитор «Шквал», канонерские лодки «Бурят», «Монгол» и «Вотяк», бронекатер «Копье», катер № 1, пароходы «Хилок», «Сильный» и пять барж.

ГЛАВА 21

КОНФЛИКТ НА КВЖД

Еще до окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке возник вопрос о дальнейшем статусе КВЖД. С точки зрения международного права КВЖД должна была принадлежать РСФСР как правопреемнику царской России, поскольку была построена исключительно за счет русского государства. Тем не менее на КВЖД претендовали все, кому не лень — Китай, Япония, США, Франция и т. д.

В 1921 г. в Пекине по поводу КВЖД были начаты переговоры между Дальневосточной республикой и Китаем. После ликвидации ДВР, в 1922 г., переговоры продолжала делегация РСФСР. Советское правительство предлагало правильное и справедливое решение вопроса о КВЖД — установить совместное (на равных началах) управление этой железной дорогой.

31 мая 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой». По этому соглашению устанавливалось совместное советско-китайское управление КВЖД.

Однако мукденский правитель Чжан Цзяо-лин заявил, что он не признает советско-китайского соглашения, поскольку оно затрагивает вопрос о КВЖД, находящейся на территории Маньчжурии, и требовал заключения специального договора СССР с маньчжурскими властями. Советское правительство, желавшее решить дело миром, согласилось начать переговоры с Чжан Цзяо-линем как с главою провинциального маньчжурского правительства. 20 сентября 1924 г. в Мукдене было подписано соглашение, аналогичное по содержанию Пекинскому (31 мая 1924 г.), но касавшееся главным образом КВЖД. Мукденское соглашение было санкционировано пекинским правительством.

Несмотря на эти принятые соглашения ситуация на КВЖД оставалась крайне напряженной. В немалой степени этому способствовало наличие в полосе дороги десятков тысяч белогвардейцев и просто бандитов, бежавших с территории СССР.

В 1925 г. мукденские власти в нарушение своих обязательств отказались уволить с

КВЖД белогвардейцев, и только после настойчивых требований СССР было заключено соглашение о замене белогвардейцев советскими и китайскими гражданами, хотя осуществление этого соглашения и в дальнейшем саботировалось мукденскими властями во главе с Чжан Цзяо-лином.

В январе 1926 г. мукденскими властями был арестован управляющий КВЖД — советский гражданин. А в конце августа мукденские власти захватили речную флотилию КВЖД. В 1927 г. мукденские власти продолжали бесчинствовать: ими был произведен обыск в Союзе железнодорожников, а затем в советском торгпредстве в Харбине, закрыта контора советского общества «Транспорт» и т. д. В 1928 г. произошел захват телефонной станции КВЖД. В конце мая 1929 г. был произведен налет на генеральное консульство СССР в Харбине.

В начале июля 1929 г. на станцию Пограничная прибыло 10 эшелонов с китайскими войсками (до 6 тыс. человек), 44 орудия и 4 бронепоезда. Китайские солдаты стали грабить советских железнодорожных служащих и издеваться над ними. Среди бела дня солдатами была публично изнасилована 14-летняя девочка — дочь железнодорожного служащего.

Наконец, 10–11 июля китайцы захватили силой КВЖД. Руководящие советские работники на железной дороге были отстранены от должностей, произошли многочисленные аресты советских граждан в Маньчжурии.

Советское правительство отозвало из гоминдановского Китая всех своих дипломатических, консульских и торговых представителей, всех советских работников КВЖД. Гоминдановскому послу в Москве было предложено выехать из СССР. Железнодорожная связь с Маньчжурией была прервана.

Одновременно вдоль всей китайской границы начались набеги белогвардейских банд⁸⁴ на советскую территорию. Причем действия банд в ряде случаев прикрывались регулярными китайскими войсками.

Приведу несколько примеров бандитских нападений на советскую территорию. В 3 часа утра 12 августа 1929 г. банда Дутова-Позднякова переправилась на лодках через Амур в районе Благовещенска, напротив китайского поселка Восемь Балаганов (китайское название Лобэй). Бандитов попытался перехватить пограничный катер, но с китайского берега по нему был открыт интенсивный огонь, и катер вынужден был отойти. Ему на помощь подошел монитор «Ленин». С 6 часов утра до 8 ч 20 м. «Ленин» вел артиллерийский огонь по китайскому берегу. После того как огневая точка противника была подавлена, монитор подошел к берегу и высадил небольшой десант. Десантники отогнали китайцев на 8 километров от реки, а затем вернулись обратно. Потери противника неизвестны, а у нас был один раненый — комвзвода Лихобабин.

Но, судя по всему, китайцы не унялись, и 13 августа Восемь Балаганов обстреливали уже мониторы «Ленин» и «Свердлов», а также бронекатера. На китайский берег был высажен 76-й полк.

После мобилизации местного населения в распоряжении Чжан Цзяо-лина оказалась Мукденская армия численностью около 300 тыс. человек и белогвардейские отряды общей численностью около 70 тыс. человек. В начале октября 1929 г. войска Чжан Цзяо-лина сосредоточились на четырех направлениях: в районах станций Маньчжурия, Хайлар, Цицикар; на благовещенском направлении; в районе устья рек Сунгари (Лахасусу, Фугдин) и в Приморье.

Для разгрома войск противника на советско-китайскую границу из Сибирского военного округа были переброшены: в Забайкалье, в район Даурия, — 18-й стрелковый

⁸⁴ Термин «белогвардейские банды», по мнению автора, совершенно не приемлем к войскам Деникина, Юденича, Врангеля и др. Но здесь идет речь о группах людей, русских по национальности, не поддерживаемых ни военными, ни политическими эмигрантскими организациями, а состоявших на службе у туземных китайских властей. Члены этих банд не имели собственной формы, а действовали в форме красноармейцев, солдат китайской армии или в гражданской одежде. Уже это одно делало их по всем тогдашним законам войны бандитами, подлежащими военно-полевому суду.

корпус; в Приморье, в район Никольск-Уссурийский, — 19-й стрелковый корпус. Впоследствии в район Чита — Даурия были подтянуты 21-я и 12-я стрелковые дивизии, а в район сосредоточения Забайкальской группы — рота танков МС-1. ВВС Отдельной Дальневосточной армии к началу конфликта состояли из Забайкальской и Дальневосточной авиагрупп. В Забайкальскую авиагруппу входило около сорока самолетов, в основном Р-1. В составе Дальневосточной авиагруппы было 69 самолетов, большинство которых также составляли самолеты Р-1. Кроме того, в Дальневосточной группе имелось несколько бомбардировщиков ТБ-1 и истребителей «Мартинсайд».

Из этих войск приказом Реввоенсовета СССР от 7 августа 1929 г. была образована Особая Дальневосточная армия, в состав которой вошла также Амурская речная военная флотилия. Командующим Особой Дальневосточной армией был назначен кавалер четырех орденов Красного Знамени Василий Константинович Блюхер.

Китайцы создали на Сунгари довольно мощную военную флотилию. В состав Сунгарийской флотилии входили четыре канонерские лодки специальной постройки, пять вооруженных пароходов, военный транспорт «Ли-Чуань» (одна пушка калибра 50–47 мм) и плавбатарей «Дун-И», представлявшая собой несамоходную железную баржу с четырьмя 47-мм пушками, одним 40-мм автоматом, тремя бомбометами⁸⁵ и двумя пулеметами.

Наибольшую ударную силу представляли, естественно, канонерки специальной постройки. Канонерская лодка «Кианг-Хенг» (она же «Киан-Хын», она же «Цзян-Хун») была построена в 1907 г. в Японии на верфи Кавасаки. Водоизмещение ее 565 т, паровая машина мощностью 950 л. с. позволяла развивать скорость хода 13 узлов; вооружение: одна 120/40-мм, одна 75-мм, 4—47-мм пушки, 4 пулемета, 2 бомбомета.

Канонерская лодка «Ли-Дзи», бывшая германская канлодка «Оттер», построена в Германии в 1909–1910 гг. 20 марта 1917 г. захвачена у немцев китайцами. В начале 1920-х годов лодка была переведена на Сунгари. Водоизмещение ее 314 т, паровая машина мощностью 1728 л. с, скорость хода 15 узлов. Вооружение: две 88/30-мм и одна 52/55-мм пушки, три бомбомета.

Канонерская лодка «Ли-Суй», бывший германский пароход «Фатерланд», построен в Элбинге в 1902–1904 гг. Водоизмещение 280 т, паровая машина 450 л. с, скорость хода 13 узлов. Вооружение: одна 88/30-мм, две 75-мм, две 52/40-мм пушки и два бомбомета.

Канонерская лодка «Дзян-Пин» (она же «Tsim-Pei») построена в Шеттене в 1912 г. для Китая. Водоизмещение 140 т, паровая машина мощностью 500 л. с. давала скорость хода 12 узлов. Вооружение: две 75-мм, две 57/50-мм пушки и два бомбомета.

Вспомогательные пароходы «Дзян-Най», «Дзян-Тай», «Дзян-Пай» и «Дзян-Тунь» — это небольшие колесные пароходы, захваченные китайцами у русских в 1918–1928 гг. Вооружение их составляли одна-две пушки калибра 47–52 мм и два бомбомета.

Главная тыловая база Сунгарийской флотилии находилась в Харбине, операционная — в Лахасусу, зимняя — в Фугдине.

В состав советской Амурской флотилии входили четыре монитора, четыре канонерские лодки, три бронекатера и минный заградитель «Сильный». Большинство орудий мониторов и канонерских лодок в 1915–1916 гг. было отправлено на Балтику и там захвачено финнами. Поэтому с артиллерией в начале 1920-х годов на Амуре были большие проблемы и в некоторых башнях ставили деревянные стволы, аккуратно окрашенные и зачехленные. Тем не менее, китайцы что-то пронюхали, и их пропаганда утверждала, что все орудия на мониторах деревянные, за что китайцы позже и заплатились.

Монитор «Свердлов» был вооружен четырьмя 152/50-мм пушками в четырех башнях, двумя 76,2-мм зенитными пушками Лендера и одним 40-мм автоматом Векерса. Остальные мониторы имели по шесть 120/50-мм пушек.

Зенитное вооружение на мониторе «Красный Восток» состояло из двух 76,2-мм и одного 40-мм автоматов Векерса, а на «Сунь Ятсене» и «Ленине» — из двух 40-мм

85 Бомбометами у нас тогда называли 8-см минометы Стокса-Брандта и другие системы минометов.

автоматов Веккерса.

Канонерские лодки «Беднота», «Красное Знамя» и «Пролетарий» были вооружены двумя 120-мм пушками и одной 76-мм пушкой Лендера. (На «Пролетарии» взамен пушки Лендера стоял 40-мм автомат Веккерса). Канонерская лодка «Бурят» была вооружена двумя 75/50-мм пушками Кане.

В составе Амурской военной флотилии находился 68-й отдельный авиационный речной отряд — 14 гидросамолетов МР-1. Но фактически в конфликте участвовало только восемь машин. Причем четыре гидросамолета МР-1 базировались на авиаматке «Амур», переделанной из монитора «Вихрь».

С лета 1929 г. большинство кораблей Сунгарийской флотилии находились на рейде у города Лахасусу. В устье Сунгари было выставлено заграждение из 60 гальванических и гальваноударных мин. Мины были поставлены и на двух протоках, соединяющих Сунгари с Амуром. Выше минных полей были установлены боновые заграждения, которые почти полностью перекрывали плес реки и ее проток. В качестве дополнительного заграждения у входа в протоки стояли груженные камнем баржи, подготовленные в случае необходимости к затоплению.

Наши официальные источники утверждают, что еще в сентябре китайцы из Сунгари в Амур стали пускать плавающие мины.

Советское правительство приняло решение нанести решительный, но ограниченный удар по китайским войскам, находившимся в районе КВЖД. Боевые действия Особой Дальневосточной армии начались Сунгарийской наступательной операцией. Целью операции являлось уничтожение Сунгарийской военной флотилии и разгром китайских войск в районах городов Лахасусу и Фугдин. Задача разгрома лахасусской группировки китайцев и Сунгарийской флотилии была возложена на Амурскую военную флотилию с приданным ей 2-м батальоном Волочаевского стрелкового полка и на 2-ю стрелковую дивизию.

В ночь на 12 октября советские корабли подошли непосредственно к устью Сунгари и стали по диспозиции.

В 6 ч 12 м. мониторы «Ленин», «Свердлов» и «Сунь Ятсен» открыли огонь по кораблям Сунгарийской флотилии. Монитор «Красный Восток» начал обстрел береговых укреплений и батарей противника в районе деревень Могонхо и Чичиха. В течение 20 минут «Красный Восток» подавлял двухорудийную батарею противника в деревне Чичиха. Затем он перенес огонь на канонерскую лодку «Дзян-Пин» и спустя 10 минут потопил ее. На 20-й минуте боя монитор «Свердлов» потопил канонерскую лодку «Ли-Дзи», а через несколько минут меткими залпами повредил канонерскую лодку «Ли-Суй» и поджег пароходы «Дзян-Тай» и «Дзян-Най».

Повреждений «Свердлов» не получил, но в ходе стрельбы из строя по техническим причинам вышла система электропитания. На корабле погас свет. Прислуга орудий была вынуждена перейти на ручную подачу и наведение орудий. Но это не повлияло на ход боя.

Два снаряда с монитора «Сунь Ятсен» попали в пароход «Дзян-Тай» и вызвали взрыв его порохового погреба. Пароход, объятый пламенем, пошел ко дну. После этого артиллеристы «Сунь Ятсена» заставили замолчать плавбатарею «Дун-И».

С кораблей Амурской флотилии на берег высадился десант 2-й стрелковой дивизии. Выбив китайцев из прибрежных укреплений, десантные части, поддержанные огнем корабельной артиллерии, продвинулись к городу Лахасусу. Высадившийся первым 5-й стрелковый полк подошел к городу с северо-востока. 6-й стрелковый полк сломил сопротивление противника и глубоким маневром подошел к Лахасусу с юга. В город советские войска ворвались одновременно со всех сторон и завязали бой на улицах.

Между тем десант в составе 2-го батальона Волочаевского полка и взвода моряков, высадившись с минного заградителя «Сильный» в районе деревень Могонхо и Чичиха, сразу же перешел в наступление и, несмотря на противодействие противника, стремительным ударом выбил его из укрепленных позиций и прижал к реке Сунгари. К 15 часам десант, сломив сопротивление китайцев, овладел городом и крепостью Лахасусу.

Тральщики, протралив проход под правым берегом, дали возможность канонерским лодкам и бронекатерам выйти на Лахасусский рейд. В результате боя береговые укрепления вокруг Лахасусу были разрушены. По советским данным, китайцы потеряли 4 корабля, 200 человек были убиты, 98 взяты в плен. В качестве трофеев были взяты плавбатарей «Дун-И», четыре баржи, два мотокатера, 12 орудий, 13 бомбометов, 15 пулеметов и около трехсот винтовок. Около 2200 китайских солдат и офицеров разбежались по окрестностям.

После сражения у Лахасусу советское правительство предложило китайским властям вступить в переговоры, но получило отказ.

Китайцы начали сосредотачивать крупные силы в районе города Фугдин. Это был второй после Лахасусу мощный укрепленный район китайцев.

После боя у Лахасусу у китайцев остались лишь канонерская лодка «Киан-Хын», три вооруженных парохода («Дзян-Най», «Дзян-Тунь» и «Дзян-Ань») и вооруженный транспорт «Ли-Чуань», ушедшие во время боя вверх по Сунгари. Но сухопутных сил у Фугдина противник сосредоточил намного больше, чем у Лахасусу. К тому времени здесь находились 7-я и 9-я гириинские пехотные бригады, эскадроны 43-го кавалерийского полка, а также вооруженные дружины и отряд полиции. Сюда же срочно перебрасывались из города Сань-Син два кавалерийских полка и ряд других воинских частей. На всем пути от Лахасусу до Фугдина гоминдановцами были уничтожены все мосты, а в 14 км от Фугдина оборудованы довольно сильные артиллерийские позиции и линии окопов протяжением в 13 км. Укреплялся и сам город с расчетом на возможные уличные бои.

Реввоенсовет Особой Дальневосточной армии решил провести операцию по разгрому Фугдинского укрепленного района. Она возлагалась снова на Амурскую флотилию во взаимодействии со 2-й стрелковой дивизией, 5-м Амурским и 4-м Волочаевским полками.

Корабли флотилии, выделенные в эту операцию, были разделены на две группы. Первая, ударная, группа получила задачу прорваться на Фугдинский рейд и уничтожить корабли противника вместе с их базой. В состав этой группы вошли мониторы «Красный Восток» и «Сунь Ятсен», канонерские лодки «Красное Знамя», «Пролетарий», «Бурят», два тральщика, минный заградитель «Сильный» и бронекатер «Барс». Действиями ударной группы руководил командующий флотилией. Вторая группа должна была высадить десант в районе села Тузаки и быстрым комбинированным ударом занять город и крепость Фугдин. Во вторую группу входили монитор «Свердлов», канонерская лодка «Беднота», катера и пароходы транспортного отряда, имевшие на борту 5-й Амурский полк, два батальона 4-го Волочаевского полка и эскадрон кавалерии. Группой командовал командир 2-й стрелковой дивизии.

Монитору «Ленин» была поставлена самостоятельная задача: следовать за ударной группой, войти вместе с ней на Лахасусский рейд и высадить в городе корабельный десант, обеспечив таким образом тыл советских кораблей и частей, продвигавшихся вверх по Сунгари.

К 5 часам утра 30 октября корабли ударной группы заняли исходное положение на траверзе деревни Могохно. В 5 ч 30 м. они двинулись походным порядком: впереди группа тральщиков, за ними канонерские лодки «Бурят», «Красное Знамя», «Пролетарий», мониторы «Красный Восток», «Сунь Ятсен» и минный заградитель «Смелый». Последним шел монитор «Ленин». Тральщики одновременно с тралением делали промеры глубин и обвехование фарватера.

Войдя на Лахасусский рейд, «Ленин» высадил десант, который вступил в город Лахасусу.

Вторая группа кораблей начала движение в 8 ч 45 м. Впереди шел монитор «Свердлов», за ним канлодка «Беднота» и три парохода. Все они вели на буксире по три баржи. Строй замыкал пароход «Даурия» с баржой на буксире.

Корабли благополучно миновали пережат «Восьмерка». Здесь командование решило высадить десант не в деревне Тузаки, как планировалось, а подойти ближе к Фугдину. В 14 ч 30 м. на траверзе деревни Фанзятунь тральщики обнаружили заграждение, около которого

маневрировали китайские корабли. Заметив советскую флотилию, они стали поспешно отходить вверх по Сунгари. В 15 часов наши тральщики и канонерки подошли к заграждению. В это время по ним открыла огонь канонерская лодка «Киан-Хын». Но снаряды ложились с большим недолетом. Командир бронекатера «Барс», подойдя к заграждению, установил, что оно состоит из семи затопленных барж с железными фермами на палубе и двух пассажирских пароходов, которые хотя и имели большой крен на правый борт, но еще находились на плаву. Между затопленными баржами обнаружались небольшие проходы. В связи с наступившей темнотой наши корабли приостановили движение и встали на якорь.

Рано утром 31 октября начался бой, который продолжался весь день. С рассветом советские бронекатеры и тральщики произвели разведку и траление. По протраленым проходам двинулись остальные корабли. Китайцы с укреплений в селении Гирич обстреляли наши корабли артиллерийским и минометным огнем. Тральщики вынуждены были лечь на обратный курс, а китайцы перенесли огонь двух своих батарей на канонерки «Красное Знамя» и «Пролетарий», которые, в свою очередь, также открыли артиллерийский огонь по противнику. Но подавить огонь китайских батарей канонеркам не удалось, и они вынуждены были отойти. Тогда в бой вступили мониторы.

Десантный батальон, высаженный минным заградителем «Сильный», начал в 13 часов наступление в сторону Фугдина. Китайцы отчаянно сопротивлялись. В 15 часов на берег высадились 5-й стрелковый полк и кавалерийский эскадрон, которому предстояло глубоким обходом Фугдина отрезать пути отступления противника. Десантные части успешно продвигались вдоль берега и, несмотря на серьезное сопротивление китайцев, к шести часам вечера заняли восточную окраину Фугдина. Приблизительно в это же время остальные советские части заняли западную часть города. Китайцы отступали, отчаянно сражаясь за каждую улицу. К восьми часам вечера весь город был занят советскими частями.

В бою 31 октября гидросамолеты 68-го отряда совершили девять боевых вылетов в районе Фугдина. Два самолета МР-1 потопили канонерскую лодку «Киан-Хын». У китайцев во всей Маньчжурии имелось только пять самолетов типа «Бреге», они ни разу за все время конфликта не появлялись над полем боя.

Ликвидировав группировку противника в районе Фугдина, советские войска и корабли вернулись в Хабаровск. 6 ноября все участвовавшие в операции суда прибыли в Осиповский затон. Только монитор «Красный Восток» сел на мель на Амуре, в 150 метрах от китайского берега, попытка снять его с мели не удалась, и монитор вместе с экипажем пришлось оставить там на зимовку.

Наиболее серьезное в ходе этого конфликта наступление советских войск было проведено в районе железнодорожных станций Далайнор и Маньчжурия. Целью Далайнор-Маньчжурской операции являлся разгром забайкальской группировки противника, располагавшейся в двух укрепленных районах — у станции Далайнор и у станции Маньчжурия. Общая численность китайских войск в этих районах составляла 15–17 тысяч человек.

Для разгрома этой группировки была создана Забайкальская группа Отдельной Дальневосточной армии в составе 21-й Пермской стрелковой дивизии, 5-й кавалерийской бригады, Бурят-Монгольской кавалерийской дивизии, отдельной танковой роты, 6-го и 25-го авиаотрядов, 26-й бомбардировочной авиаэскадрильи, 18-го артдивизиона корпусной артиллерии, 18-го саперного батальона и одной железнодорожной роты. Всего группа насчитывала 6091 штык и 1599 сабель при 88 орудиях, 32 самолетах, трех бронепоездах и девяти танках Т-18 (МС-1). (Осенью 1929 г. в район Читы прибыло десять танков Т-18, один из которых был сильно поврежден при разгрузке и разобран на запчасти для ремонта остальных танков). Командовал Забайкальской группой С. Вострецов при общем руководстве В.К. Блюхера.

В районе станции Далайнор гоминдановцы выстроили полевые укрепления. Дорогу на Абагайтуевский перерезали три линии окопов полного профиля, между которыми были

надежные блокгаузы с перекрытиями из рельсов и шпал, засыпанные сверху метровым слоем земли. С южной и восточной сторон имелось только две линии окопов, а с восточной местами вообще одна. На направлении главного удара китайцы вырыли трех-четырёх-метровые противотанковые рвы глубиной до 2,5 метра, чтобы заградить путь советским танкам и бронемашинам. Ключевой позицией в этом районе была высота 269,8, прикрывавшая подступы к станции с востока.

Наступление было начато 17 ноября 1929 г. К вечеру 20 ноября наши войска разгромили китайскую группировку в районе станций Маньчжурия и Далайнор. Советские войска захватили в плен свыше 8 тысяч солдат и 300 офицеров Мукденской армии. Только личным составом 35-й стрелковой дивизии в период боев с 17 по 19 ноября были взяты в плен 42 офицера и 998 солдат противника. Там же после окончания боевых действий были захоронены 1035 убитых китайских солдат и офицеров.

Преследуя остатки разбитых частей Мукденской армии, советские войска 27 ноября 1929 г. заняли Хайлар.

Большое впечатление на китайцев произвели наши танки МС-1, хотя действовали они довольно бестолково. Ни один китайский снаряд не попал в наши МС-1. Лишь одна машина была повреждена ручными гранатами. Выяснилось очень слабое действие 37-мм осколочного снаряда танковой пушки. Поэтому в дальнейшем руководство РККА решило перевести все танковые и противотанковые пушки с калибра 37 мм на 45 мм.

На советское командование большое впечатление произвели 81-мм минометы Стокса-Брандта (созданные по схеме мнимого треугольника), интенсивно применявшиеся китайцами. Немедленно несколько трофейных минометов отправили на наши полигоны. Замечу, что до этого у нас для минометов использовались принципиально иные схемы (в основном глухая схема, унитарный ствол и т. д.). На базе китайского 81-мм миномета группой «Д», под руководством Н.А. Доровлева, был создан в 1931 г. первый советский миномет по схеме мнимого треугольника.

С некоторой натяжкой можно сказать, что конфликт из-за КВЖД был первой локальной войной, проведенной Советским Союзом.

В конфликте в среднем за октябрь—ноябрь 1929 г. участвовали 18521 советский боец и командир. Потери были умеренные: убиты 143 человека, пропали без вести 4 человека, ранены и контужены 665 человек. Основные потери понесли стрелковые части. Кавалерия потеряла 11 человек убитыми и 7 были ранены. Амурская флотилия не имела ни одного убитого и лишь четверых раненых, да и то трое из них получили ранения при разрыве собственного орудия при стрельбе. В авиационных отрядах, участвовавших в боевых действиях, одного ранили.

1 декабря 1929 г. маньчжурское правительство Чжан Цзяо-лина вынуждено было начать переговоры о мире, а 22 декабря в Хабаровске состоялось подписание советско-китайского соглашения о восстановлении прежнего положения на КВЖД. После этого советские войска были отведены из Маньчжурии.

Несколько слов стоит сказать и о международной реакции на конфликт. США и Франция встали на сторону Китая и подстрекали его к продолжению боевых действий. Уже в ходе переговоров в Хабаровске США предложили свои услуги в качестве посредника. На что советское правительство в официальной ноте высказало удивление: почему США, не установившие дипломатических отношений с СССР, считают уместным обращаться к советскому правительству с «советами». Но самой важной для СССР была, разумеется, позиция Японии.

В последующие годы по вполне понятным причинам советские историки утверждали, что де японцы поддерживали китайцев. Но вот в секретной сводке ОГПУ по Дальнему Востоку от 22 июня 1929 г. сказано: «Японский консул в Маньчжурии Кавамото в разговоре с управляющим дороги ст. Маньчжурия, интересуясь, действительно ли советские учреждения, в том числе и Забайкальской железной дороги, эвакуируются из Маньчжурии, говорил, что китайцев нужно проучить и что советским войскам нужно скорее занять дорогу».

В другой сводке ОГПУ отмечалось: «Настроение китайских солдат неважное, наблюдаются случаи дезертирства. Подкрепления прибывают слабо, так как японцы препятствуют пропуску воинских эшелонов через Чаньчунь».

Эти, а также ряд других эпизодов, говорят о том, что Япония держала в конфликте нейтралитет, благожелательный для СССР.

ГЛАВА 22

ОККУПАЦИЯ ЯПОНЦАМИ МАНЬЧЖУРИИ

Осенью 1931 г. Япония полностью оккупировала Маньчжурию. Поводом к тому, по японской версии, послужила попытка китайских войск маршала Чжан Цзяо-лина 18 сентября 1931 г. взорвать железнодорожные пути у Патаина близ Мукдена. Японская железнодорожная охрана попыталась помешать им. На следующий день японские войска заняли Мукден, а 10-тысячное китайское воинство попросту разбежалось.

К концу сентября 1931 г. японские войска занимают все города к северу от Мукдена и город Цицикар. Центральное китайское правительство Чан Кайши 21 сентября внесло в Лигу наций вопрос о событиях в Маньчжурии. В письме на имя генерального секретаря Лиги китайский представитель, основываясь на XI статье устава Лиги наций, просил немедленно созвать Совет, чтобы принять такие шаги, «которые он сочтет правильными и эффективными для сохранения мира между народами». Представитель гоминдановского правительства⁸⁶ «настаивал» на прекращении военных действий со стороны Японии, на возвращении к статус-кво и на возмещении Китаю убытков.

Совет Лиги наций приступил к обсуждению японско-китайского конфликта 22 сентября 1931 г. После того как китайская сторона изложила свою позицию, японский представитель в Совете Лиги наций Иосидзава изобразил события в Маньчжурии как местный инцидент, который может быть разрешен непосредственно между Китаем и Японией без вмешательства других держав. Была повторена японская версия о том, что военные действия в Маньчжурии Япония начала якобы в целях «самозащиты». В тот же день генеральный секретарь Лиги наций послал Китаю и Японии одинакового содержания телеграммы с предложением «воздержаться» от дальнейших враждебных действий и найти возможность «отозвать» свои войска.

Японцы похитили из Китая Пу-И — последнего потомка династии Цин. Пу-И в двухлетнем возрасте, 2 декабря 1908 г., был провозглашен императором Китая, но 10 октября 1911 г. был свергнут.

9 марта 1932 г. японцы заявили о создании в Маньчжурии марионеточного государства Маньчжоу-Го. Пу-И был назначен регентом, а 1 марта 1934 г. — императором Маньчжоу-Го.

На момент создания Маньчжоу-Го под японским контролем в Маньчжурии находилась территория площадью 1 303 143 кв. км с населением 35,8 млн. человек.

Квантунская японская армия, дислоцированная в зоне Юго-Маньчжурской железной дороги — в Дальнем (Даляне), Инкоу, Лионине, Фынхуажене, Мукдене (Шэньяне), Порт-Артуре и некоторых других гарнизонах на побережье Ляодунского залива, до сентября 1931 г. насчитывала всего около 11,5 тыс. солдат и офицеров. К 15 декабря 1931 г. она имела в своем составе уже около 50 тыс. солдат и офицеров. Продолжалось дальнейшее усиление Квантунской армии: в марте 1932 г. из Японии прибыли части 10-й пехотной дивизии, а в начале мая — части 14-й пехотной дивизии и подразделения усиления. К началу 1933 г. численность армии в Маньчжурии была доведена до 100 тыс. человек.

Маньчжоу-Го представлял собой блок антиимпериалистических, патриотических, антифеодальных сил. В эти годы в гоминьдан на правах коллективного члена при сохранении

⁸⁶ Гоминьдан — организация, созданная Сунь Ятсеном. Она объединяла представителей национальной буржуазии, интеллигенции, а также крестьян и рабочих. В начале 20-х гг. гоминьдан был единственной в Китае национально-революционной организацией. В 1924–1927 гг.

своей политической и организационной самостоятельности входила Коммунистическая партия Китая.

Лига наций отказалась признать Маньчжоу-Го. В ответ Япония 27 марта 1933 г. вышла из Лиги. Позже из Лиги вышли еще несколько государств, и, как предсказал Владимир Владимирович Маяковский, из Лиги «вышла фи́га».

Японцы начали быстро осваивать Маньчжурию. Так, за 1936 г. в Маньчжурии было выплавлено 850 тыс. т чугуна, 400 тыс. т стали, добыто 11 700 тыс. т угля, 145 тыс. т синтетической нефти (перегонка Фушуньских сланцев), 4 тыс. т алюминия, произведено продовольственных культур: риса — 337,2 тыс. т, пшеницы — 966 тыс. т, бобовых — 4201,3 тыс. т, хлопка — 15 тыс. т.

К 1936 г. в Маньчжурии было создано 15 педагогических школ, которые готовили 2200 учителей для начальных школ. Преподавание в этих школах велось на японском языке и по японским учебникам. Реформа образования проводилась с участием и под руководством более пятисот специалистов-японцев, прибывших по специальной мобилизации. В школьные программы вводилось изучение истории «великой Японии», где к землям империи были причислены территории советского Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала. Воспитание школьников велось в духе антикоммунизма и вражды к советскому народу.

В июле 1937 г. Япония начала полномасштабную войну с Китаем. Поводом к войне стала перестрелка между японскими и китайскими солдатами у железнодорожного моста Марко Поло через реку Юньдин у Лугоуцяо, в 12 км к юго-западу от Пекина. Потеряв одного солдата («пропал без вести»), японцы отступили.

С вводом японских войск в Маньчжурию на дальневосточной границе ситуация изменилась коренным образом. Теперь малочисленным советским частям противостояли не опереточные армии туземных маньчжурских правителей, а одна из лучших армий мира.

Во время японского наступления в Маньчжурии Советский Союз соблюдал строжайший нейтралитет. Тем не менее японцы распространяли слухи о поддержке русскими китайских войск в Северной Маньчжурии. 28 октября 1931 г. японское правительство запросило у СССР объяснений по поводу слухов о военной поддержке генерала Ма. На следующий день заместитель наркома иностранных дел Карахан сообщил послу Хироте, что слухи эти «беспочвенные и провокационные». И это соответствовало действительности. В начале 1932 г. генерал Ма настойчиво добивался от советских дипломатических представителей в Маньчжурии оказания ему помощи оружием. Советские дипломаты исправно пересылали в Москву просьбы Ма. В ответ 16 апреля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дало поручение Наркомату иностранных дел «указать нашему консулу в Сахалине т. Михайлову, что если он осмелится и впредь прислать хоть один запрос насчет Ма или его окружения и не откажется от каких бы то ни было разговоров с людьми Ма, то он будет привлечен к строгой ответственности».⁸⁷

23 февраля 1932 г. в передовой статье газеты «Правда» говорилось: «Настоящая война между Китаем и Японией и захват японцами главных центров Маньчжурии были бы вполне достаточным основанием для царской России вмешаться в войну. Советское правительство, напротив, предложило Японии заключить пакт о ненападении. Никакие провокации не вынудят Советскую Россию отказаться от твердой и неизменной политики мира».

Первой серьезной проблемой советских пограничников стал переход границы китайскими войсками, спасавшимися от японцев. Согласно справке ОГПУ от 5 декабря 1932 г.: «В г. Маньчжурия в ночь на 5 декабря 1932 г. генерал Су Бен-вен с частью своих войск, несмотря на протест администрации Забайкальской железной дороги, сломали замки стрелок и под угрозой оружия начали отправлять эшелоны в направлении нашей территории — ст. Отпор.

В 21 час. 30 мин 4 декабря 1932 г. генерал Су Бенвен самовольно, без нашего согласия, со своим штабом и группой войск в 26 вагонах переехал границу на нашу территорию, на

87 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17, Оп. 162, Д. 12.

наше предложение вернуться на территорию Китая ответил отказом и, не ожидая предложения о разоружении, начал разоружаться. Штаб генерала Су Бен-вена и перешедшая с ним группа войск нами разоружены и интернированы...

В 24 часа того же дня на ст. Отпор прибыл поезд с разным грузом, повозками и автомашинами, перешла на нашу территорию пешим порядком группа войск около 300 чел., которые были разоружены и интернированы.

Всего за период с 4 по 5 декабря 1932 г. разоружено и интернировано 4009 чел., в том числе: генералов — 11, полковников — 17, подполковников — 75, майоров — 158, поручиков — 54, подпоручиков — 82, прапорщиков — 18, солдат — 2400 (из них 71 раненый), железнодорожных служащих — 18, женщин — 347, детей — 306, частных — 195, студентов — 19, гражданских чиновников — 6».

29 августа 1932 г. японский посол Хирота в беседе с Караханом поднял вопрос о продаже КВЖД Японии. В ответ замнаркома предложил не ограничиваться разрешением отдельных вопросов, а урегулировать сразу все отношения между СССР и Японией путем заключения общего соглашения (пакта). Советским дипломатам удалось почти три года «тянуть резину» с продажей КВЖД. Однако 23 марта 1935 г. было заключено соглашение о продаже КВЖД по бросовой цене, почти в 5 раз дешевле нижней границы ее реальной стоимости.

В течение 1933 г. японцы вели себя сравнительно тихо на сухопутной границе. Самые же большие неприятности японцы доставляли нашим пограничникам на... Камчатке. Там японские рыбаки вели себя буквально как дома — ловили рыбу и морского зверя где хотели, свободно высаживались на берег и т. д.

Согласно сводке ОГПУ, в 1930 году «убытки Камчатского акционерного общества в связи с хищничеством японцев выражаются в 19 000 тонн. Убытки японской фирмы „Ничиро“, арендующей в Камчатском заливе 15 рыболовных участков, неизвестны. Представители фирмы возмущаются пиратскими действиями соотечественников, просят местные власти разрешения на выезд управляющего заводом фирмы „Мауфут“ в Японию для защиты интересов фирмы перед правительством Японии... 7 июня в 15 милях от нашего берега против рыболовного участка № 201 (8 км южнее устья р. Большая на западном берегу Камчатки) стали на якорь 4 японских военных судна: 2 миноносца, 1 канонерская лодка и 1 транспорт. В 13 час. 30 мин канонерская лодка полным ходом подошла на 0,5 мили к берегу и, круто повернувшись, ушла обратно. 8 июня в 6 час. канонерская лодка вторично зашла в нашу зону, останавливала тресколовные кавасаки акционерного общества и встала на якорь в 1,5 мили от берега».

27 июня 1930 г. сторожевой корабль ОГПУ «Воровский» пытался помешать браконьерству в районе реки Сопочная — реки Ича. Но тут в трехмильную зону советских вод вошел эсминец типа «Хатакадзе» и помешал «Воровскому». А 29 июня на рейд села Усть-Большерецк прибыли и встали на якорь два эсминца типа «Хатакадзе».

3 августа 1930 г. японская газета «Осака Майници» сообщила, что «13 краболовных пароходов, находящихся на западном побережье Камчатки, и 6 краболовных пароходов, находящихся на восточном побережье Камчатки, получают 16 пулеметов и 400 винтовок с необходимыми боеприпасами».

Бесчинство японцев на море возрастало год от года. Из доклада НКВД Дальневосточного округа об обстановке на государственной границе в 1938 г.: «На морской границе противник наряду с прежними формами нарушений и провокаций (хищничество, разведка наших вод и берегов, попытки создания вооруженных конфликтов между кораблями) применил новые. К ним следует отнести: морскую демонстрацию во время хасанских событий (14 миноносцев, крейсер и 15 военных катеров в районе устья р. Тумень-Ула); выключение маяка на Камне Опасности в проливе Лаперуза, что обусловило гибель парохода „Сучан“; захват наших судов „Кузнецкстрой“, „Рефрижератор № 1“, разведчика „Отважный“; захват команд кавасаки японскими пароходами „Амакуса-Мару“ и „Кофу-Мару“.

Хищничество как в Камчатских водах, так и в Приморье, несмотря на исключительно напряженную обстановку, не уменьшилось, на Камчатке установлено 720 мелких и крупных судов-хищников, а в Приморье отмечалось одновременное появление до 600 (район р. Тумень-Ула)...

На Камчатке несут службу несколько шхун „Сункоци-Мару“, кроме того, в приморских водах периодически появляются эсминцы типа „Кайа“ (770 тонн водоизмещения, постройки 1919 г., радиус 3000 миль, скорость максимальная до 30 узлов), а на Камчатке в течение всего рыболовного сезона ежегодно действует дивизион эсминцев типа „Камикадзе“ (1270 тонн водоизмещение, 1922 г. постройки, радиус 4000 миль, скорость максимальная свыше 30 узлов). Таким образом, в течение кампании в советских водах Дальнего Востока промышленяет до 1500 промысловых японских и корейских судов, охраняемых десятком разведывательно-дозорных шхун и двумя дивизионами эсминцев 1-го и 2-го классов. В 1938 г. дважды обнаруживались подводные лодки типа РО-29—32».

В 1936 г. начались серьезные инциденты и на сухопутной границе. Майор А. Агеев из Гродековского погранотряда в оперативном донесении сообщил, что «30 января 1936 г. в 14 час. 13 мин две роты японско-маньчжур нарушили советскую границу на полтора километра в районе пади Мещеряковской. Несмотря на численное их превосходство, наши малочисленные наряды нанесли налетчикам сокрушительный контрудар. Потеряв 31 убитыми, 23 ранеными и 24 обмороженными, налетчики бежали за пределы советской земли. С нашей стороны в бою смертью храбрых пали четыре бойца».

В 1936–1937 гг. японцы попытались занять ряд островов на реке Амур, принадлежащих России. С одной стороны, это была проба сил, а с другой — контроль над островами давал возможность прекратить советское судоходство на Амуре.

30 июня 1937 г. в 16 ч 40 м. бронекатера Амурской военной флотилии № 72 и № 74 и канонерская лодка погранохраны № 308 (бывшая канлодка ГВИУ № 7) неожиданно были обстреляны артиллерийским и пулеметным огнем с маньчжурской территории со стороны деревни Ганьчаза. Обстрел бронекатеров продолжался 10 минут. Бронекатер № 72 был подбит артиллерийским огнем, канлодка № 308 изрешечена пулями.

На бронекатере № 72 были убиты командир капитан-лейтенант Александр Беляев и три члена экипажа. Бронекатер потерял ход и был течением прибит к острову № 514, где и затонул. Остальные 12 человек экипажа направились вплавь к нашему берегу, при этом один человек утонул. Из 11 уцелевших членов экипажа было 6 раненых.

Бронекатер № 74 и канлодка № 308 вместо того, чтобы помочь бронекатеру № 72, быстро вышли из под обстрела, как было сказано в донесении: «по приказу комдива Глухова». Любопытно, что дело происходило в радиусе действия 152-мм батареи, находившейся на берегу, но батарея молчала.

В тот же день, вечером, командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии Маршал Советского Союза В.К. Блюхер приказал:

1. Зейскому отряду бронекатеров Амурской Краснознаменной военной флотилии идти за катером № 72 и привести его к нашему берегу Амура.

2. В случае повторения японско-маньчжурами обстрела наших бронекатеров 152-мм батарее заставить замолчать батарею противника.

Несмотря на сей грозный приказ, 6 июля 1937 г. к затонувшему бронекатеру № 72 подплыло 7 лодок с японцами, и по ним наша артиллерия не стреляла. Позже японцы подняли бронекатер, но в состав Маньчжурской военной флотилии его не вводили. Возможно, он был использован как речной полицейский катер.

Взамен бронекатера № 72 ОГПУ передало Амурской флотилии одну из двух собственных канонерских лодок (№ 308 или № 310), которую в Амурской флотилии переименовали в бронекатер № 75. Бронекатера же с № 72 во флотилии больше не было.

В мае—июне 1938 г. милитаристские круги Японии развернули широкую пропагандистскую кампанию вокруг так называемых «спорных территорий» на границе между Маньчжурией и Советским Приморьем. В середине июля 1938 г. посол Японии в

Москве Сигэмицу предъявил советскому правительству категорическое требование о передаче Японии «спорных территорий» в Приморье под предлогом необходимости выполнения обязательств Японии в отношении Маньчжоу-Го. В то же время военный министр Итагаки добивался санкции императора на организацию наступательной операции в районе озера Хасан с целью поддержать шаги японской дипломатии в Москве. При этом доказывалось, что этот район наиболее «слабо подготовлен Советами к обороне». 22 июля 1938 г. план нападения на советскую территорию в районе озера Хасан обсуждался на совещании пяти министров японского правительства и был одобрен.

Пока шли переговоры в Москве, у границ советского Приморья были сосредоточены 2 пехотные дивизии (19-я и 20-я), пехотная бригада, 3 пулеметных батальона, кавалерийская бригада, отдельные танковые части и 70 самолетов.

В июле—августе 1938 г. японцы попытались захватить часть маньчжурской территории в районе озера Хасан. Советские пограничники совместно с частями 39-го стрелкового корпуса разгромили захватчиков. Было убито около 500 японцев и ранено около 900. Наши потери составили 792 человека убитыми и пропавшими без вести и 2752 человека были ранены.

С начала 1930-х годов японское правительство вынашивало планы оккупации Внешней Монголии, то есть Монгольской Народной Республики. Еще в 1933 г. военный министр Японии генерал Араки потребовал оккупации Монголии, указывая, что «Монголия обязательно должна быть Монголией Востока». В 1936 г. начальник штаба Квантунской армии Итагаки заявил, что Монголия является «флангом обороны Сибирской железной дороги... Поэтому целью армии должно быть распределение японско-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в распоряжении».

Начиная с 1935 г. на японских официальных картах линия государственной границы в районе реки Халхин-Гол стала переноситься в глубь МНР на расстояние до 20 км.

В соответствии с Протоколом о взаимопомощи от 12 марта 1936 г. в сентябре 1937 г. в Монголию был введен «ограниченный контингент» советских войск в составе 30 тыс. человек, 265 танков, 280 бронемашин, 5000 автомобилей и 107 самолетов. Штаб корпуса советских войск, получивший наименование 57-го особого, обосновался в Улан-Баторе. Командовал корпусом комдив Н.В. Фекленко.

В мае 1939 г. японско-маньчжурские войска вторглись на монгольскую территорию в районе реки Халхин-Гол. Советским частям к концу августа удалось уничтожить большую часть японских войск, оказавшихся на монгольской территории. Японцы потеряли убитыми около 25 тыс. человек, а наши потери составили 7974 человека. Кроме того, Монгольская Народно-Революционная армия потеряла в этих боях 40 убитых и 70 человек были ранены.

Советские историки утверждали, что разгром японских войск на реке Халхин-Гол заставил японцев прекратить провокации против советского Дальнего Востока и Монголии. И действительно, до 8 августа 1945 г. конфликтов на границах СССР и Монголии с Маньчжоу-Го не было. Тем не менее, поражение японцев на Халхин-Голе было для Империи восходящего солнца лишь тактической неудачей. 25 тыс. убитых — это булавочный укол для империи.

Исход конфликта решило подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Еще вечером 21 августа рейхсминистр Риббентроп сообщил, не вдаваясь в подробности, японскому послу Осиме о повороте в русско-германских отношениях. Подробнее обо всем Осима узнал, прибыв в полночь к статс-секретарю германского МИДа Вейцекеру, который доложил Риббентропу: «Японский посол, как всегда, держался хорошо. В то же время я заметил в нем некоторое беспокойство, которое возросло в ходе беседы. Сначала я описал Осиме естественный ход событий, который привел нас к сегодняшнему заключению пакта о ненападении. После того как Осима выразил свое беспокойство, мы в конце концов пришли к соглашению о том, как Осима может убедить свое правительство в необходимости и выгоде текущих событий».

Жесткий тон статс-секретаря вынудил Осиму признать, что «нет никакой пользы в

протестах против свершившихся фактов». Далее Вейцекер категорически заявил, что Германия надеется, что «Япония в данный момент не ищет японско-русского конфликта». «У меня даже создалось впечатление, что русская сторона будет приветствовать соглашение между Москвой и Токио», — доложил статс-секретарь Риббентропу.

ГЛАВА 23

ПОДГОТОВКА ЯПОНИИ К ВОЙНЕ

В советское время словосочетания «подготовка к войне» и «агрессивная военщина» применяли ко всем без разбора буржуазным странам. Но к Японии эти термины подходят более, чем к любому другому государству мира. При ничтожных затратах и потерях в ходе Первой мировой войны Япония получила несоизмеримо большие территориальные приобретения. К середине 1920-х годов у Японии не было противника, который хотя бы теоретически мог бы на нее напасть. Россия лежала в руинах, Франция и Англия устали от войн и мечтали лишь о вечном мире и сохранении статус-кво. В США были сильны пацифисты и изоляционисты, да и вообще, зачем США была тогда нужна Япония? Германия формально соблюдала все ограничения Версальского договора, сводившие ее военную мощь практически к нулю. Другой вопрос, что любой здравомыслящий человек не мог не понимать, что великая страна, униженная Версальским договором и потерявшая миллионы немцев, насильственно включенных в новообразованные страны — «уродливые детища» того же Версаля, рано или поздно дипломатическими или силовыми мерами восстановит справедливость. Но и в этом случае Японии ничего не угрожало, наоборот, любой крупный конфликт в Европе развязывал ей руки в Азии.

Однако, несмотря на столь идеальную с точки зрения военной угрозы обстановку, в середине 1920-х годов японское руководство принимает решение экстренно готовиться к войне. Советские историки традиционно утверждали, что де Япония готовилась к войне против «первой в мире страны социализма». Такое суждение в известной мере справедливо для 1935–1941 гг., но для периода 1925–1934 гг. представляет несусветную чушь. Япония готовилась лишь к войне в Китае, другой вопрос, что при этом учитывалась возможность вмешательства в войну третьих стран, и японские вооруженные силы готовились к отражению такого вмешательства.

Система управления японскими вооруженными силами была оптимальной на случай любого военного конфликта по сравнению с неповоротливым бюрократическим аппаратом стран Западной Европы и США.

Главнокомандующим всех вооруженных сил являлся император Хирохито. Ему подчинялись не только «большая тройка» — военный министр, начальник генерального штаба и генерал-инспектор военного обучения, — но и командующие четырьмя территориальными военными округами Японии — Северного, Восточного, Центрального и Западного, командующие группами войск в Квантунской области (Маньчжурии), Корею и на Формозе. Заранее предусматривалось на случай войны создание Главной ставки, экспедиционных армий и Совета национальных ресурсов. Такая организация военного управления юридически освобождала милитаристов страны от ответственности перед парламентом, она давала в руки генералам и адмиралам всю полноту военной и военно-административной власти.

По инструкции в военное время командиры дивизий, действующих на отдельном направлении и не входящих в армию, также подчинялись непосредственно императору и отчитывались только перед ним. Так что армия в военное время получала полную независимость.

К концу 1925 г. были внесены некоторые уточнения в закон о воинской повинности: названы границы для 14 дивизионных районов, включавших 51 полковой участок. Полковой участок становился центром всей доармейской подготовки молодежи в возрасте от 17 до 20 лет. Здесь в течение трех лет молодой человек проходил обучение, воспитание, физическую и

моральную подготовку к военной службе, которую он начинал в 20 лет. Действительная служба продолжалась 2 года, а на флоте — 3 года. Служба в запасе для солдат сухопутных сил длилась 15 лет и 4 месяца, а для моряков — 12 лет. Так как призывного контингента в мирное время оказывалось больше, чем необходимо для пополнения частей и соединений, то часть призывников зачислялась в резерв 1-го и 2-го разрядов. В 1-й разряд входили годные к военной службе, но не принятые на действительную службу из-за наличия излишнего контингента, во 2-й разряд — лица, имевшие льготы по состоянию здоровья, по семейным или иным обстоятельствам. Лица, прошедшие службу в армии, резерве и запасе, зачислялись в ополчение 1-го разряда сроком на три года. В ополчение 2-го разряда зачислялись лица от 17 до 40 лет, признанные негодными к действительной службе в резерве и ополчении 1-го разряда.

В итоге японская армия в 1930 г. получила значительные резервы, состоявшие из молодежи в возрасте 17–20 лет. При этом следует учесть, что 98 % всего резерва составляли грамотные люди, имевшие по крайней мере шестилетнее общее образование, в большинстве своем физически здоровые, способные переносить длительные марши и переходы, владевшие стрелковым и холодным оружием.

Значительно вырос контингент младшего офицерского состава: младших унтер-офицеров (готё), старших унтер-офицеров (гунсо), фельдфебелей (сотё), зауряд-офицеров, подпрапорщиков (токумусотё). Большинство прошедших обучение в специальных школах в течение года и 10 месяцев и получивших звания младших офицеров были выходцами из семей мелкой буржуазии деревни и города. Подготовка офицерского состава охватывала все специальности. К 1927 г. в Японии действовало более 50 училищ и школ подготовки среднего офицерского состава, около половины из них готовили техников и инженеров — саперов, артиллеристов, химиков, топографов и др.

Особое внимание в Японии отводилось морально-психологической подготовке личного состава. В 1926 г. был опубликован первый проект наставления по политико-воспитательной работе в армии, который, по существу, был простым разъяснением «Рескрипта императора Мэйдзи к солдатам и матросам». Девизом, начертанным на титуле «Проекта», были слова: «Ты сам — ничто. Твоя жизнь принадлежит твоему императору». Один из офицеров генерального штаба в официальной беседе заявил: «В японской императорской армии придается значение моральному совершенствованию больше, чем военному обучению. Моральная стойкость имеет значение большее, чем физическая сила». В предисловии к «Проекту», названному «Сэйсин кёйку» («Моральное воспитание»), бросается в глаза следующая фраза: «Дисциплина, воинская доблесть, героизм и, наконец, победа даются только тем, кто одухотворен идеей преданности тэн-но-хэйка» («его императорскому величеству»). Авторы проекта стремились внушить мысль о близости солдат и офицеров, подчеркнуть их равную ответственность перед императором: «Офицеры и их подчиненные должны всегда помнить, что они солдаты тэн-но-хэйка, что приказ офицера, который им отдан в силу его положения старшего, по существу, является приказом императора».

В ходе реорганизации сухопутных сил в 1922–1925 гг. окончательно сформировалась структура пехотной дивизии — высшего войскового соединения японской армии. Дело в том, что до 1941 г. японцы не имели корпусов и, соответственно, корпусной артиллерии и других корпусных частей.

Пехотная дивизия состояла из 2 пехотных бригад (в каждой бригаде по 2 пехотных полка), кавалерийского и артиллерийского полков, инженерного и обозного батальонов и отряда связи. С 1929 г. в состав пехотной дивизии входил и бронетанковый отряд. Общая штатная численность дивизии в 1929 г. была 26 тыс. человек. Вооружение — около 13 тыс. винтовок, 453 легких пулемета, 102 тяжелых пулемета, 580 гранатометов, 104 артиллерийских орудия различных калибров.

Однако в начале 1930-х гг. структура пехотных дивизий была изменена. Самым важным моментом стал переход с четырех- на трехполковую состав. Сразу замечу, что переход на трехполковую состав затянулся, и к 1941 г. еще были дивизии четырехполкового состава.

По новому штату в трехполковой дивизии было положено иметь: 10 369 винтовок 16 724 штыка (часть пехотинцев вооружалась только штыками), 374 легких пулемета, 110 тяжелых пулеметов, 451 50-мм гранатомет, 72 противотанковых ружья, 36—70-мм пехотных гаубиц, 37—37-мм противотанковых пушек, 24—75-мм полковые горные пушки, 36—75-мм легких полевых пушек, 12—105-мм легких полевых гаубиц.

К 1931 г. Япония располагала 17 пехотными дивизиями. В течение последних нескольких лет число пехотных дивизий было доведено до 24, а численность сухопутных войск возросла с 230 тыс. человек до 930 тысяч. В последующие годы численность сухопутных войск продолжала расти. Так, в 1938 г. сухопутные войска насчитывали 1102 тыс. человек, в 1939 г. — 1196 тыс. в 1940 г. — 1290 тыс., а в 1941 г. — 2025 тыс. человек. Соответственно, росло и число пехотных дивизий.

Таблица № 5

Рост числа дивизий в 1937–1941 гг.

Конница в японской армии по-прежнему была сравнительно малочисленна. К концу 1939 г. она состояла всего лишь из 6 кавалерийских бригад. По штату кавалерийской бригаде было положено иметь: 2134 карабина, 1857 сабель, 32 легких пулемета, 16 тяжелых пулеметов, 8—13-мм пулеметов, 8—75-мм пушек калибра и 4 противотанковые пушки.

Слабым местом японских сухопутных войск были противотанковые средства. Основным средством борьбы с танками была 37-мм противотанковая пушка типа 94 (обр. 1934 г.). Собственно, противотанковой ее называли в СССР и США, а у японцев она называлась «37-мм пехотная скорострельная пушка» и предназначалась как для борьбы с танками, так и для непосредственной поддержки пехоты. Однако бронепробиваемость ее снарядов не превышала 30 мм, и она могла бороться лишь с легкими танками, да, впрочем, японцы и не ожидали встретить в Китае бронетехнику с более толстой броней. 37-мм пушки типа 94 почти вытеснили к 1939 г. пехотную пушку типа 11 (обр. 1922 г.). Но во второразрядных дивизиях и отдельных частях они продолжали состоять на вооружении.

Чтобы не возвращаться более к японской артиллерии, скажу, что в 1942 г. армейский арсенал в городе Осака приступил к производству 47-мм противотанковых пушек типа 1 (обр. 1941 г.). Ряд западных авторов утверждал, что орудие было создано на базе трофейной советской 45-мм противотанковой пушки обр. 1937 г. Пушка типа 1 действительно внешне очень похожа на советскую. Характерное внешнее отличие — станины коробчатые, а не трубчатые, как у нашей противотанковой пушки, а затвор горизонтальный клиновой, а не вертикальный. Пушка типа 1 могла эффективно поражать все советские легкие танки на всех реальных дистанциях боя, но против Т-34 она была неэффективна, не говоря уж о тяжелых танках типа КВ и ИС.

В 1937 г. в Японии было принято на вооружение 20-мм противотанковое ружье типа 97. За основу японцы взяли конструкцию швейцарской 20-мм авиационной пушки «Испано-Сюиза». Недостатком ружья были его большие весогабаритные характеристики — вес 52 кг, общая длина 2100 мм, длина ствола 1250 мм. Бронепробиваемость ружья тоже была неудовлетворительной. На дистанции 200 м по нормали пробивалась броня толщиной 30 мм.

По штатам к 1939 г. в пулеметной роте каждого пехотного батальона был отдельный противотанковый взвод, но имел он всего два противотанковых ружья, так что в дивизии насчитывалось лишь 72 таких ружья. Однако противотанковых ружей не хватало, и во многих дивизиях был их некомплект.

Для борьбы с небронированными объектами японцы применяли 13,2-мм крупнокалиберный пулемет типа 93 и его танковую модификацию — тип «92». Пулемет типа 93 был принят на вооружение в 1933 г. и представлял собой несколько видоизмененный французский пулемет Гочкиса обр. 1930 г. Пулемет типа 93 выпускался в нескольких вариантах: на станке-треноге (состоял на вооружении пулеметных батальонов кавалерийских бригад); на сошке — как противотанковое ружье; спаренный, монтируемый на станке-

платформе — как зенитный крупнокалиберный пулемет. Вес пулемета на треноге составлял 97 кг. Темп стрельбы пулемета 450–480 выстр./мин. Бронебойная пуля весом 52 г имела начальную скорость 672 м/с и на дистанции 200 м пробивала по нормали 22-мм броню.

С 1936 г. на вооружении пехотных батальонов пехотных полков были введены четырехорудийные батареи 37-мм противотанковых пушек типа 94. Кроме того, в батальоне имелось 4—70-мм гаубицы типа 92. Итого японский полк имел батальон артиллерии в составе 12 противотанковых пушек и 12—70-мм гаубиц, и в дополнение — артиллерийский дивизион из двух четырехорудийных батарей 75-мм горных пушек типа 41.

О 70-мм горной гаубице типа 92 (обр. 1932 г.) стоит рассказать поподробнее. Гаубица напоминала игрушку. Длина ее в боевом положении не превышала 2007 мм, а ширина — 914 мм. Вес гаубицы составлял 200–212 кг. На поле боя она легко перевозилась четырьмя номерами расчета, в походном положении возилась одной или двумя лошадьми, а при необходимости разбиралась на 4 конских вьюка. Благодаря коленчатому ходу гаубица имела два положения: высокое для навесной стрельбы под углом возвышения до 83° и низкое для настильной стрельбы.

При создании орудий непосредственной поддержки пехоты традиционно возникает проблема выбора системы заряжания. Например, в советских 76-мм полковых пушках обр. 1927 г. и обр. 1943 г. было принято унитарное заряжание, что с учетом малого угла возвышения исключало навесную стрельбу. В германских 7,5-см и 15-см пехотных орудиях обр. 18 и обр. 33 принято раздельно-гильзовое заряжание, что давало возможность поражать любые закрытые цели, но снижало скорострельность.

Японцы же в 70-мм гаубице сделали унитарное заряжание, но при этом гильзы сделаны или свободной посадкой снаряда, или разъемными. В обоих случаях расчет перед стрельбой мог легко менять величину заряда, вынимая снаряд из гильзы или свинчивая донную часть гильзы.

70-мм осколочно-фугасный снаряд весом 3,83 кг содержал 0,6 кг взрывчатого вещества, то есть столько же, сколько было в советской 76-мм осколочно-фугасной гранате ОФ-350, которой стреляли полковые и дивизионные пушки. 70-мм осколочно-фугасный снаряд имел начальную скорость 197 м/с на 1-м заряде и 103 м/с на 4-м заряде. Дальность стрельбы составляла от 40 до 2800 м.

70-мм гаубица была весьма эффективным орудием. Красная Армия таких орудий не имела. Правда, в 1930-х годах были созданы опытные образцы 76-мм батальонных гаубиц 35К конструкции В.Н. Сидоренко и Ф-23 конструкции В.Г. Грабина, но их буквально «съело» минометное лобби. А японские 70-мм гаубицы хорошо показали себя не только во Второй мировой войне, но и в Корейской войне. С вооружения Китайской народной армии они были сняты лишь в конце 1950-х годов.

В 1934 г. в полковую артиллерию были введены четырехорудийные батареи с 75-мм горными пушками типа 41 (обр. 1908 г.). Эти пушки были изъяты из горных полков, куда взамен начали поступать 75-мм горные пушки типа 94 (обр. 1934 г.).

75-мм горная пушка типа 41 имела малый вес: в боевом положении 544 кг, и в походном — 1240 кг, и легко перевозилась парой лошадей. При необходимости пушка быстро разбиралась на 6 вьюков весом не более 96 кг. Длина ствола пушки 19,2 калибра. Угол вертикального наведения —18°; +41°. Однобрусный лафет допускал угол поворота до 7°. Снаряд весом 4,58 кг содержал 1 кг взрывчатого вещества. Максимальная дальность стрельбы достигала 8 км.

Дивизионная артиллерия состояла из одного легкого артиллерийского полка. Полк состоял из 4 дивизионов: 3 пушечных и 1 гаубичного. Каждый дивизион состоял из 2 или 3 батарей. Всего в легком полку имелось 36—75-мм пушек и 12—105-мм гаубиц. В некоторых дивизиях, где имелись двухбатарейные дивизионы, число орудий было, соответственно, меньшим.

На вооружении пушечных дивизионов легких полков состояли 75-мм пушки типа 38 и типа 90. 75-мм пушка типа 38 представляла собой модернизированную в 1925 г. 75-мм пушку

обр. 1905 г. В ходе модернизации ствол длиной в 30 калибров был заменен стволом длиной в 40 калибров, а в боекомплект вошли снаряды дальнобойной формы. 75-мм пушку типа 90 приняли на вооружение в 1930 г. Пушка была создана по образцу 75-мм дивизионной пушки системы Шнейдера.

Гаубичные дивизионы впервые были введены в легкие полки в 1934 г. На вооружении их первоначально состояли 120-мм гаубицы типа 38 (обр. 1905 г.) системы Круппа, но постепенно они были вытеснены более современными 105-мм гаубицами типа 91 (обр. 1931 г.).

Гаубица типа «91» была создана по образцу 105-мм гаубицы Шнейдера. Длина ствола гаубицы 26 калибров. Угол вертикального наведения —6°; +65°, угол горизонтального наведения 54°. Вес гаубицы в боевом положении 1930 кг. Вес снаряда 16 кг, начальная скорость снаряда 545 м/с. Дальность стрельбы 11–12 км.

Особое место в японской артиллерии занимала горная артиллерия. До 1934 г. в японской артиллерии состояло 7 горных артиллерийских полков, причем 3 из них входили в состав горных дивизий, а 4 отдельных артполка было в составе Резерва Главного Командования.

К 1939 г. число горных артиллерийских полков было доведено до 26, из них 11 входило в состав горных или пехотных дивизий, а в Резерве Главного командования находилось 15 полков.

Горный артиллерийский полк состоял из трех дивизионов двухбатарейного состава. Всего в полку было 24 пушки калибра 75 мм. До 1935 г. на вооружении горных полков имелись старые горные 75-мм пушки типа 41 (обр. 1908 г.). В 1935 г. эти пушки были сняты с вооружения горных полков и переданы на вооружение полковых батарей стрелковых полков.

Горные артполки получили новую материальную часть в виде 75-мм пушки-гаубицы типа 94 (обр. 1934 г.). 75-мм горная пушка-гаубица «94» имела ствол длиной 16,7 калибра, затвор горизонтальный клиновой. Вес пушки 780 кг. Снаряд весом 6,3 кг имел начальную скорость 440 м/с и дальность стрельбы 9 км.

Конная японская артиллерия к 1939 г. была сравнительно немногочисленной. Имелось всего 6 конно-артиллерийских дивизионов, входивших в состав кавалерийских бригад. Конные дивизионы имели двухбатарейный состав. Всего на вооружении дивизиона имелось 8—75-мм конных пушек типа 41 (обр. 1908 г.).

Как уже упоминалось выше, в японской армии не было корпусной артиллерии. Однотипная корпусной артиллерии других армий — японская артиллерия носила название армейской. По тактико-техническим данным состоявших на вооружении орудий эта артиллерия называлась, кроме того, тяжелой полевой. Тяжелая полевая артиллерия состояла из артиллерийских бригад двухполкового состава. Полки были пушечные и гаубичные. Полк состоял из двух дивизионов двухбатарейного состава. Все батареи были четырехорудийные. К 1939 г. японская армия имела 10 тяжелых артиллерийских бригад, 10 отдельных тяжелых артиллерийских полков и 5 отдельных дивизионов.

На вооружении тяжелых пушечных полков состояли 105-мм пушки Арисака (обр. 1905 г.), 105-мм тяжелые пушки типа 14 (обр. 1925 г.) и 105-мм тяжелые гаубицы типа 92 (обр. 1932 г.). 105-мм пушки «14» и «92» представляли собой вполне современные орудия.

Гаубичные полки вооружались 150-мм (на самом деле их калибр 149 мм) гаубицами типа 4 (обр. 1915 г.), типа 89 (обр. 1929 г.) и типа 96 (обр. 1936 г.).

К 1939 г. все пушечные полки тяжелой полевой артиллерии были переведены на механическую тягу, но большинство гаубичных полков оставались на конной тяге.

Зенитная артиллерия состояла в зенитных артиллерийских полках Резерва Главного Командования. В некоторых случаях зенитные батареи придавались отдельным дивизиям. Имелись также отдельные стационарные зенитные дивизионы. К 1939 г. в японской армии насчитывалось 20 зенитных артиллерийских полков и около 60 зенитных отрядов. В зенитном артиллерийском полку имелось 18 пулеметов калибра 13 мм и 36 зенитных орудий калибра 75 мм и 105 мм.

К 1939 г. автоматические зенитные пушки особого распространения не получили, хотя 20-мм зенитные автоматы типа 94 (обр. 1934 г.) придавались некоторым дивизиям. Пушка эта была создана на базе 20-мм автомата швейцарской фирмы «Эрликон». Темп стрельбы автомата 180 выстр./мин.

Таблица № 6

Данные тяжелых полевых орудий

Широкое применение в японской армии получили минометы. Причем минометами японцы называли системы калибра 81 мм и выше, а 50-мм минометы они называли гранатометами. Я же по современной терминологии буду называть японские гранатометы тоже минометами. В каждом пехотном взводе японской армии имелось «гранатометное отделение» с четырьмя минометами (гранатометами).

Взводные 50-мм минометы типа 10 (обр. 1921 г.) и типа 89 (обр. 1929 г.) были созданы по схеме «унитарный ствол». Такой миномет состоял из трубы, штыря и опорной плиты. Верхняя часть штыря крепилась к казеннику ствола, а нижняя — к прямоугольной опорной плите. При стрельбе солдат наклонял ствол миномета под углом 45° к горизонту и упирал его плитой в грунт. Причем, делал он это «на глазок», из-за чего снижалась меткость стрельбы.

В остальном же 50-мм минометы типов «10» и «89» имели существенные различия. Так, миномет «10» имел гладкий ствол, а изменение дальности стрельбы производилось с помощью дистанционного крана. Открывая или закрывая кран, стрелок менял давление в канале ствола миномета. Полная длина миномета «10» составляла 508 мм, а длина ствола— 241 мм. Вес миномета составлял всего 2,38 кг. Стрельба велась осколочными, дымовыми и сигнальными минами. Дальность стрельбы достигала 160 м.

50-мм взводный миномет типа 89 имел ствол с восемью глубокими нарезами. Изменение дальности стрельбы производилось за счет изменения длины пути мины по каналу и объема камеры. Стрелок подкручивал наружный винт, и внутри канала выдвигался специальный стержень, менявший глубину установки мины в канале. Полная длина миномета «89» составляла 610 мм, а длина ствола — 251 мм. Вес миномета 4,2 кг. Стрельба велась осколочной миной с ударным взрывателем, осколочной миной с дистанционным взрывателем, а также Дымовой и сигнальной минами. Зарядание унитарное. Мины имели нарезки на корпусе, которыми они ввинчивались в канал ствола.

Осколочная мина с ударным взрывателем имела навинтной поддон с нарезами. Вес мины 0,82 кг, вес заряда 170 г, вес взрывчатого вещества в мине 3,2 кг. Начальная скорость этой мины составляла 96 м/с, стреляли ею на дальность от 120 до 650 м.

А на дистанцию от 40 до 120 м стреляли миной с дистанционным взрывателем с временем горения 7,6–7,8 с. Вес такой мины составлял 0,52 кг, вес взрывчатого вещества 53,5 г. Вообще говоря, дистанционную мину можно назвать даже ракетой. Головная часть ее представляла собой чугунный цилиндр, который при необходимости можно было использовать как ручную гранату. В головную часть ввинчивался стержень с камерой, в которой находился метательный заряд. Камера снизу имела шесть отверстий для выхода газов при выстреле. До выстрела, во избежание высыпания пороха, отверстия были закрыты медной фольгой. В камеру вставлялась втулка с капсюлем и воспламенителем. При спуске ударника миномета раздавливался капсюль, и происходило воспламенение метательного заряда. Скорострельность миномета типа 89 достигала 20 выстр./мин.

Вес и габариты 50-мм минометов типа «10» и «89» позволяли носить их на бедре, как самурайский меч. Японские солдаты называли их «ножными минометами». В ходе войны на Тихом океане американцы издали справочник по японскому оружию, где минометы типов «10» и «89» были переведены на английский язык как «коленные минометы». Хвастливые янки начали стрелять из минометов, ставя опорную плиту на колено. Приятно техасской красавице получить фото своего парня в столько эффектной позе: снимки получались, а вот все фотомодели отправлялись в госпиталь с раздробленными при выстреле коленными

чашечками. С 1938 по 1945 год тысячи таких минометов стали трофеями Красной Армии.

В ротах пехотных полков состояли на вооружении и 50-мм минометы типа 98 (обр. 1938 г.). Ротный 50-мм миномет был устроен принципиально по-иному, чем взводные минометы. Он имел схему реального треугольника. Стрельба велась под фиксированным углом возвышения в 40° , угол горизонтального наведения 7° . Вес миномета 22 кг. Длина гладкого ствола 635 мм. Казенник и тренога упирались в одну и ту же опорную плиту.

Стрельба велась подкалиберной миной весом 4,5 кг, содержащей 3,2 кг взрывчатого вещества. Боевая часть плиты представляла собой прямоугольный параллелепипед, сечением которого был квадрат 114 г 114 мм, а длина равнялась 165 мм. Снизу к плите крепился штырь диаметром 48,5 мм из твердых пород дерева, на нижнем конце штырь закрывался металлическим колпачком. Штырь этим колпачком вниз опускался в канал миномета. Дальность стрельбы зависела от того, насколько глубоко был опущен стержень в канал ствола. Максимальная дальность стрельбы составляла 500 м.

К 1939 г. в пехотных ротах второразрядных дивизий еще использовались устаревшие 70-мм минометы типа 11 (обр. 1922 г.). Такой миномет состоял из ствола, заряжаемого с дула, и станка, смонтированного на деревянной платформе, то есть миномет имел классическую глухую схему времен Первой мировой войны. Длина ствола составляла 10,4 калибра. В стволе имелось восемь глубоких (в 1,5 мм) нарезов. Соответственно, стрельба производилась цилиндрическими неоперенными минами с нарезами на корпусе. Изменение дальности стрельбы производилось за счет увеличения величины заряда и угла возвышения. Всего зарядов было четыре, а угол вертикального наведения изменялся от $+43^\circ$ до $+78^\circ$, угол горизонтального наведения составлял 23° . Вес ствола 15,5 кг, вес всего миномета 63 кг.

Стрельба велась осколочной, дымовой и осветительной минами. Вес осколочной мины около 2,5 кг, начальная скорость 148 м/с, дальность максимальная 1550 м. Осветительная мина на 8-й секунде полета выбрасывала 16 трубок с парашютами. Трубки загорались и освещали площадь радиусом не менее 100 м. Скорострельность миномета типа «11» составляла 8 выстр./мин.

В 1930-х годах в Японии началось массовое производство минометов со схемой мнимого треугольника системы Стокса-Бранта. Среди них стоит отметить 81-мм миномет типа 94 (обр. 1934 г.). Он, в отличие от других минометов, имел противооткатные устройства, ствол его откатывался при выстреле на расстояние около 200 мм. Вес миномета 160 кг. Вес оперенной мины 5,26 кг. Дальность стрельбы менялась за счет изменения метательного заряда и угла возвышения. Всего зарядов шесть. Начальная скорость мины была от 76 до 227 м/с, а дальность, соответственно, от 130 до 3300 м.

На базе 81-мм миномета типа 94 был создан 90-мм миномет типа 97 (обр. 1937 г.). Основным отличием нового миномета стало отсутствие противооткатных устройств. Ствол пятой своего казенника жестко упирался в опорную плиту. Это позволило уменьшить вес миномета до 105,5 кг. Ствол миномета гладкий, длина его 1330 мм, длина канала 1220 мм. Стрельба велась оперенной миной весом 5,39 кг на дистанцию до 3700 м.

В 1937 г. японцы приняли на вооружение тяжелый 150-мм миномет типа 97. Вес его был 770 кг, из которых на ствол приходилось 116,4 кг. Это был, видимо, самый крупнокалиберный серийный миномет в мире, созданный по схеме мнимого треугольника.

Тяжелые минометы калибра 90 мм и выше состояли в частях усиления, подчиненных командующим армий. К 1939 г. японцы имели 2 отдельных минометных полка и 7 отдельных дивизионов. В ходе боевых действий минометные полки и дивизионы придавались отдельным дивизиям.

Командование японской армии немедленно среагировало на появление танков на Западном фронте. В 1917–1923 гг. Япония закупила несколько десятков английских танков Mk IV и МКА «Уиппет», а также французских «Рено».

Подробное изложение японского танкостроения выходит за рамки книги, поэтому я упомяну лишь об образцах, участвовавших в боях с советскими войсками в 1939 и 1945 гг.

В 1932 г. компания «Исакавадзима Дзидоша» изготовила легкий танк типа 92ТК. На его

базе был создан легкий танк типа «94ТК», участвовавший в боях на реке Халхин-Гол. Вес танка составлял 3,4 т. Танк был вооружен одним 6,5-мм пулеметом типа 91. Толщина брони 8—12 мм. Двигатель четырехцилиндровый карбюраторный, мощностью всего 32 л. с. Скорость хода по шоссе не превышала 40 км/час. Надо ли говорить, что такие танки годились только для разведки, а их броня пробивалась даже бронебойными пулями пулемета ДШК. Экипаж такого танка 2 человека.

Более мощное вооружение имели легкие танки «Те-Ке» типа 97, серийно выпускавшиеся с 1938 по 1940 г. Вес танка 4,8 т. Вооружение: 37-мм пушка типа 94, боекомплект 75 выстрелов. Толщина брони 11–12 мм. Двигатель имел мощность 65 л. с. Скорость хода по шоссе — 40 км/час. Экипаж такого танка 2 человека.

Легкий танк «Ха-Го» типа 95 выпускался серийно с 1936 по 1942 г. Всего было изготовлено 1161 танк. Вес танка 7,4 т. Танк был вооружен 37-мм пушкой типа 94 и двумя 6,5-мм пулеметами типа 91, боекомплект пушки 75 выстрелов. Толщина брони 6—12 мм. Двигатель дизельный мощностью 120 л. с. Скорость хода по шоссе до 45 км/час. Экипаж такого танка 3 человека.

В 1938 г. танк типа 95 был перевооружен новой более мощной 37-мм пушкой типа 97 с начальной скоростью снаряда 675 м/с, а пулеметы калибра 6,5 мм заменили на 7,7-мм пулеметы типа 97.

Средний танк «Ко» типа 89 был создан в 1931 г. Замечу, что средним он считался только в Японии, поскольку вес его составлял 14 т. Первоначально танк «Ко» был вооружен 47-мм пушкой, но позже ее заменили на 57-мм пушку типа 90.

По опыту эксплуатации небольшой серии танков «Ко» типа 89 в начале 1930-х годов танк модернизировали. Новая модель получила название «Оцу» типа 89. Вес танка «Оцу» был 14 т. Танк имел 57/18,5 мм/клб пушку типа 90 (вес снаряда 2,57 кг, начальная скорость 350 м/с). Дизель мощностью 115 л. с. позволял двигаться по шоссе со скоростью до 27 км/час. В 1937 году пушка типа 90 была заменена на 57/18,5-мм/клб пушку типа «2597» («97») Осацкого арсенала. Всего с 1925 по 1927 г. было изготовлено 230 танков «Ко» и «Оцу». Экипаж такого танка 4 человека.

В 1937 г. на вооружение был принят средний танк «Чи-Ха» типа 97. Вес танка составил 15,8 т. Танк первоначально был вооружен 57-мм пушкой типа 97. Угол вертикального наведения пушки —9°; +21°. Вес снаряда 2,7 кг, начальная скорость снаряда 420 м/с, боекомплект 120 выстрелов. Один 7,7-мм пулемет крепился в шаровой опоре в корме башни, а второй 7,7-мм пулемет находился в лобовом листе корпуса. Толщина брони 25–12 мм. Дизель мощностью 170 л. с. допускал движение по шоссе со скоростью до 40 км/час. Экипаж такого танка 4 человека.

По результатам боев на реке Халхин-Гол было решено усилить бронебойное действие снарядов танковой пушки. В результате короткоствольная 57-мм пушка типа 97 была заменена на длинноствольную 47/48-мм/клб пушку типа 1. Модернизированные танки получили название «Шинхото Чи-Ха».

Танки типа 97 широко применялись в войне в Китае, участвовали в боях на реке Халхин-Гол, в Маньчжурии в 1945 г. и на острове Шумшу в 1945 г. В сентябре—ноябре 1945 г. 350 танков «Шинхото Чи-Ха» и «Чи-Ха» были переданы советской стороной Национально-освободительной армии Китая.

В 1941 г. был принят на вооружение легкий плавающий танк «Ка-Ми» («Камися») типа 2. Танк имел весьма любопытный внешний вид — сзади башни торчала выхлопная труба, двигатель находился в специальном ограждении, а для придания танку плавучести спереди и сзади на зажимах крепились металлические понтоны, придававшие корпусу обтекаемую «кораблеобразную» форму. Это обеспечивало хорошую мореходность и остойчивость даже при заметной качке. Передний понтон объемом 6,2 куб. м состоял из двух симметричных половин, разделенных на три отсека каждая. Объем заднего понтона 2,9 куб. м. На плавучести и понтон башни уплотнялись резиновыми прокладками. На берегу понтоны сбрасывались, причем экипажу для этого не требовалось выходить наружу. Носовой понтон,

отделившись, разбивался на части и поэтому не препятствовал движению танка.

Вес танка с понтонами составлял 12,5 т. Танк типа 2 был вооружен 37-мм пушкой типа 1. Бронебойный снаряд имел начальную скорость 785 м/с и пробивал по нормали 25-мм броню на дистанции 1000 м. Кроме того, танк имел два 7,7-мм пулемета типа 97. Дизель мощностью 120 л. с. позволял развивать скорость по шоссе до 37 км/час. Движителями на плаву были 2 гребных винта, размещенные под днищем в кормовой части танка, движители имели привод от двигателя танка и позволяли развивать скорость на воде до 10 км/час. Экипаж такого танка 5 человек. Всего японцы изготовили 180 танков типа 2.

В 1941 г. был принят на вооружение средний танк «Чи-Хе» («Ти Хэ») типа 1. Вес танка составил 17,2 т. Танк был вооружен одной 47-мм пушкой типа 1. Угол вертикального наведения пушки —11°; +17°, боекомплект 120 выстрелов. Кроме того, имелось два 7,7-мм пулемета типа 97. Толщина брони танка 50–20 мм. Дизель мощностью 240 л. с. позволял развивать скорость хода по шоссе до 44 км/час. Экипаж такого танка 5 человек. Всего было выпущено 601 танк типа 1.

В 1942 г. на основе танка «Чи-Хе» был создан артиллерийский средний танк типа 2 «Хо-Ни». Вес его составил 16,7 т. Танк был вооружен 75-мм короткоствольной пушкой типа 99, которая устанавливалась в высокой клепано-сварной башне с толщиной брони 35–20 мм и большим задним люком. Однако танк «Хо-Ни» был выпущен малой серией всего в 33 машины.

Танк «Чи-Хе» был самым мощным танком, с которым пришлось встретиться советским войскам в 1945 г. Самый же сильный японский танк «Чи-Ну» был принят на вооружение в 1944 г. Вес его составил 18,8 т. Он был вооружен 75/23-мм/клб пушкой типа 93. Толщина брони танка 20–50 мм. Экипаж 5 человек. Но таких машин было выпущено всего 60 штук, и все они поступили в 4-ю танковую дивизию, находившуюся на центральных японских островах. А средние танки «Чи-То» типа 4 и «Чи-Ри» типа 5 весом 30 т и 37 т соответственно имели 75-мм длинноствольные пушки, но эти машины к августу 1945 г. не вышли из стадии заводских испытаний опытных образцов.

Таким образом, японские танки почти не уступали по своим характеристикам советским танками типа БТ, Т-26, Т-38, Т-60 и др., но не могли противостоять танкам Т-34. Борьба с танками Т-34 могли лишь только танки типов «4» и «5», но их, как уже говорилось выше, японцы не успели запустить в серию.

Все японские танки, захваченные в августе 1945 г. советскими войсками, были переданы китайским коммунистам. В 1945 г. японские танки были вчерашним днем для наших танкистов. Да и залезть в японский танк рослому русскому парню было мудрено, поскольку внутренний объем машины был рассчитан на маленьких японцев. Любопытный штрих — все японские танки заводились вручную против часовой стрелки, а у наших танков, так же как и у немецких и американских, — по часовой стрелке. Это приводило к частым конфузам при использовании трофейных танков. Забавно, что в трофейных танках наши бойцы обнаруживали запасы риса в самых неожиданных местах. Японцы при необходимости тщательно отмывали рис от соляра и масла, а затем варили и ели его.

По сравнению с СССР, Германией, США и Англией японский танковый парк был очень малочисленным. К середине 1939 г. в Японии было изготовлено всего 2020 танков, а в войсках имелось и того меньше — 720 машин.

В 1939 г. в Японии было изготовлено 462 танка, в 1940 г. — 1023, в 1941 г. — 1024, в 1942 г. — 1191, а за 1943–1945 гг. — около 1400 машин. К августу 1945 г. в Квантунской армии имелось 1150 танков.

Японские уставы и наставления рассматривали танки в основном как средство сопровождения пехоты в бою, и ближней разведки. В наставлении по подготовке танковых частей, изданном в конце 1935 г., говорилось, что «основное назначение танков — бой в тесном взаимодействии с пехотой». Поэтому самостоятельных крупных танковых соединений японцы не создавали. К 1937 г. было сформировано 2 отдельных танковых полка, 2 механизированные бригады и 21 бронеотряд в составе пехотных и охранных дивизий. К

началу 1938 г. японская армия пополнилась еще двумя танковыми полками и двумя механизированными бригадами. В 1941 г. смешанную механизированную бригаду Квантунской армии реорганизовали в 1-ю и 2-ю танковые дивизии, насчитывавшие до 400 танков в каждой. По штату в дивизию входили: две танковые бригады двухполкового состава (в полку было пять рот); мотопехотный полк, а также разведывательные, противотанковые, артиллерийские и транспортные подразделения. В 1941 г. в 10 пехотных дивизиях были созданы танковые роты по 9 машин.

ГЛАВА 24 ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ СССР КИТАЮ

В июле 1919 г. Совнарком РСФСР заявил об отказе Советского государства от всех неравноправных договоров, навязанных царским правительством Китаю, и от всех привилегий, которыми пользовалась царская Россия вместе с Англией, Японией, США и другими империалистическими государствами в Китае.

Либерально-демократическая общественность Китая по достоинству оценила этот акт советского правительства. Вождь китайских революционеров-демократов Сунь Ятсен в связи с этим заявил, что Россия по собственной инициативе отказалась от всех привилегий в Китае, перестала считать китайцев рабами и признала их своими друзьями. Сунь Ятсен подчеркивал, что Россия является образцом республики, с которой китайский народ должен брать пример. Отмена неравноправных договоров Китая с иностранными государствами была лозунгом всех китайских партий, от националистов до коммунистов.

В начале 1920-х годов китайские революционные силы создали на юге Китая в городе Гуанчжоу (Кантон) в провинции Гуандун правительство во главе с Сунь Ятсеном. Этому правительству пришлось вести войну как с реакционной пекинской кликой, так и с губернаторами отдельных провинций, которые строили из себя независимых феодальных правителей.

В феврале 1923 г. Сунь Ятсен попросил советское правительство направить в Гуанчжоу советских военных специалистов и политработников для оказания помощи китайскому революционному правительству. В марте 1923 г. из Советского Союза в Китай была откомандирована группа советников для изучения вопроса об оказании военной помощи правительству Сунь Ятсена. Одновременно с этим советское правительство ассигновало необходимые средства (2 млн. долларов).

Осенью 1923 г. революционное правительство Китая отправило в СССР военную делегацию, задачей которой было изучение опыта Красной Армии. Китайским военным в Советском Союзе был оказан дружественный прием, они встречались и имели беседы с Председателем Реввоенсовета, Главкомом Красной Армии и с другими высокопоставленными работниками, посетили военно-учебные заведения, части Красной Армии, военные корабли, где познакомились с методами обучения военных кадров и боевой подготовкой войск.

Правительство Сунь Ятсена прислушалось к рекомендациям советских военных специалистов и предприняло конкретные меры по практическому их осуществлению.

В 1924 году состоялся I съезд гоминьдана. Одним из важнейших решений этого съезда было создание революционной армии.⁸⁸ Предполагалась реорганизация уже имевшихся войск и создание новых частей, преданных революционному правительству. Правительство Сунь Ятсена вновь обратилось к СССР за помощью в создании революционных вооруженных сил. Советское правительство откликнулось на эту просьбу и отправило в Китай военных специалистов.

В разное время в 1924–1927 гг. в Китае работало до 135 советских военных советников, руководство РККА подходило к подбору специалистов исключительно ответственно.

⁸⁸ С 1925 г. она стала именоваться Национально-революционной армией (НРА).

Военные советники представляли различные рода войск, среди них были политработники, преподаватели, известные военачальники — П.А. Павлов, В.К. Блюхер, А.И. Черепанов, В.М. Примаков, В.К. Путна, А.Я. Лапин, Н.И. Пяткевич и другие. Все они пользовались уважением и доверием революционного правительства Китая, Сунь Ятсен высоко ценил их рекомендации.

Советские военные оказали большое влияние на политику революционного правительства в вопросах военного строительства. Под руководством первого главного военного советника П.А. Павлова был разработан план реорганизации революционной армии Китая, утвержденный правительством Сунь Ятсена. После гибели в июне 1924 г. П.А. Павлова главным военным советником был назначен В.К. Блюхер, который участвовал в дальнейшей корректировке этого плана и проведении его в жизнь. План этот предусматривал создание высшего военного руководства — Совета обороны, подготовку офицерских кадров, организацию политической работы в НРА, создание в частях ячеек гоминьдана, а также меры по укреплению тыла.

Уже летом 1924 г. началось практическое осуществление решений правительства по строительству революционных вооруженных сил. На юге Китая на острове Вампу открылась школа по подготовке офицеров для новой армии. Но правительство Сунь Ятсена, стесненное в средствах, смогло приобрести для этой школы всего 30 маузеров. Тогда советское правительство отправило в Китай для школы Вампу военный корабль «Боровский», груженный оружием и боеприпасами (8 тыс. винтовок, 9 млн. патронов, артиллерийские орудия и снаряды к ним). Функционирование этой школы стало возможным только при поддержке СССР, который полностью финансировал школу вплоть до разрыва отношений с гоминьданом в 1927 г. За эти годы на нужды школы Советский Союз израсходовал около 900 тыс. руб.

В 1925 г. в офицерской школе Вампу открылся политкласс, где готовились политработники для НРА. Через год в политклассе обучались уже 500 курсантов. Программа обучения и методика занятий были разработаны советскими военными специалистами. По ряду важных тем перед курсантами выступали видные советские политические и военные деятели. К примеру, в 1926 г. курс лекций о развитии военно-научной мысли в СССР и за рубежом прочел начальник Политуправления РККА А.С. Бубнов.

Школа Вампу стала основным центром по подготовке офицерских кадров для НРА, за годы своей работы она выпустила около 4,5 тыс. офицеров. В первом выпуске школы было 39 коммунистов, в четвертом — уже 500, в пятом — 100–120. В 1927 году 90 % курсантов придерживались левых взглядов. Выпускники школы Вампу стали костяком Национально-революционной армии. Уже в августе 1924 г. из них были сформированы два полка, преданных революционному правительству Китая. Курсантские формирования послужили основой I корпуса — первого соединения НРА. В отдельных полках этого корпуса среди личного состава было много коммунистов.

Офицерские кадры для НРА также готовились и в советских военно-учебных заведениях. Сформированный и обученный командный состав, ставший основой революционной армии, позволил вплотную заняться строительством вооруженных сил и реорганизацией частей «союзной армии».

По рекомендации советских военных советников было реорганизовано управление НРА в высшем звене. Для решения всех основных вопросов в НРА был создан Главный военный совет. Он сильно ограничивал независимость от правительства командующих армиями и главнокомандующего, тем самым создавая условия для твердого управления НРА. Был также сформирован Главный штаб.

В 1925 г. в НРА создается Политический департамент, в дивизиях — политотделы, а в подразделениях — ячейки гоминьдана. Некоторое время в армии вел работу возглавляемый коммунистами Союз молодых воинов. По настоянию В.К. Блюхера в частях была утверждена должность военных комиссаров. Политическая комиссия при Главном военном совете разработала положение о военкомах, которое было утверждено ЦИК гоминьдана.

Содержание революционной армии требовало огромных средств, и советское правительство предоставило администрации Сунь Ятсена заем в 10 млн. юаней, а также направило в Гуанчжоу советника по бюджетным вопросам для оказания помощи в стабилизации финансов.

В марте 1925 г. умер Сунь Ятсен, что негативно сказалось на отношениях между СССР и гоминьданом.

Советский Союз в 1920-х годах оказывал помощь не только правительству Сунь Ятсена, но и некоторым «милитаристам», деятельность которых была выгодна СССР, как, например, Чжан Цзо-Лину и Пей-Фу на севере Китая.

В 1924–1925 гг. расходы Советской России на поставку военных материалов и подготовку офицерских кадров для вооруженных сил Китая достигали десятков миллионов рублей. Только национальным армиям (т. е. армиям «милитаристов») в 1925–1926 гг. было отправлено около 43 тыс. винтовок и 87 млн. патронов к ним, 60 различных орудий, 230 пулеметов с патронами, 10 тыс. ручных гранат, 4 тыс. шашек, а также бомбометы и самолеты. На юг Китая для НРА в мае—октябре 1926 г. из СССР поступило 28,5 тыс. винтовок, 31 млн. патронов, 145 орудий, 19 тыс. снарядов, 100 тыс. ручных гранат, более двадцати самолетов, 100 бомбометов и другие военные материалы. В дальнейшем поставки боеприпасов и вооружения для НРА продолжались.

СССР оказывал поддержку и партизанским группам, воевавшим в тылу «нехороших милитаристов». Так, во Внутреннюю Монголию в 1926 г. было доставлено — тысяча винтовок, 5 тяжелых пулеметов, 500 ручных гранат, миллион патронов для винтовок и 50 тысяч патронов для пулеметов. В партизанские отряды отправлялись и советские военные инструкторы.

Во время подготовки восстания в Шанхае весной 1927 г. рабочим отрядам также были отправлены оружие и боеприпасы. Советник Хмелев помогал руководителям восстания в разработке военной части плана выступления.

Советское правительство считало необходимым наладить устойчивую связь с национальным правительством, чтобы оперативно принимать решения по оказанию помощи. Для этого в начале 1927 г. принимается решение о постройке специальной радиостанции в районе Владивостока, на что выделяется 200 тыс. руб.

Советские военные советники в Китае содержались на средства СССР, и средства эти были немалые, так, к примеру, к 1 октября 1927 г. на содержание советников было израсходовано 1 131 тыс. руб.

В августе—сентябре 1924 г. в Гуанчжоу против правительства Сунь Ятсена подняли восстание вооруженные отряды, созданные компрадорской буржуазией. Пятнадцать тысяч мятежников поддерживали иностранные империалисты. Английское правительство передало им 30 тыс. винтовок и потребовало от Сунь Ятсена прекратить боевые операции против восставших. Но революционное правительство отвергло этот ультиматум и с помощью своих войск подавило мятеж. При этом советские специалисты помогли правительству Сунь Ятсена разработать и реализовать план разгрома контрреволюционеров. В подавлении этого мятежа особо отличились выпускники школы Вампу.

Правительству Сунь Ятсена приходилось также бороться и с войсками генералов-«милитаристов», стремившихся подавить этот очаг революции в Китае. В 1924–1925 гг. революционное правительство провело ряд наступательных операций с целью очищения провинции Гуандун от войск «милитаристов» и создания более надежной обстановки на ее границах. Планы этих операций были разработаны В.К. Блюхером и другими советскими военными советниками и реализованы при их непосредственном участии. Революционные китайские войска нанесли ряд серьезных поражений «милитаристам», показав хорошую выучку и высокие боевые качества. В 1925 г. один полк революционной армии разбил группировку противника, превосходящую его по численности в семь-восемь раз. В том же году было подавлено восстание «милитаристов», пытавшихся захватить Гуанчжоу и свергнуть революционное правительство. В этой операции не малую

роль сыграл талантливый военачальник В.К. Блюхер. Чан Кай-ши предлагал оставить Гуанчжоу, но Блюхер отстоял свой план ведения боевых действий, и в результате «милитаристы» были полностью разгромлены, а революционные войска захватили более 14 тыс. пленных и много трофеев.

Успех этой операции способствовал укреплению базы революции в Китае — провинции Куандун с 30-миллионным населением — и поднятию авторитета правительства гоминьдана. Вскоре многие генералы на севере Китая заявили о своей поддержке революционного правительства, и оно в 1925 г. было реорганизовано в Национальное правительство Китая.

Советские военные советники часто принимали и личное участие в боях. Так, например, в феврале 1925 г. в одном из боев из-за ошибки командующего войска революционной армии попали в тяжелое положение и начали в панике отступать. Советники Степанов, Бесчастнов, Дратвин, Палло, несмотря на сильный огонь противника, заняли выгодную позицию и открыли огонь. Солдаты и офицеры НРА, увидев мужественные действия советских военных, прекратили паническое отступление, перешли в контратаку и обратили противника в бегство. Советник Теруни при штурме города Учан шел во главе колонны и в самые критические моменты брал руководство боем на себя.

Советские летчики, воевавшие в те годы в Китае, принимали активное участие в боевых действиях. Во время Северного похода летчик Сергеев под Учаном за шесть дней налетал 37 часов — он вел разведку, производил бомбометание, помогая наступавшим частям НРА. Сергеев на предельно низкой высоте неоднократно обстреливал бронепоезд противника, заставляя его покидать позиции. Всего под Учаном советские летчики сбросили 219 бомб и расстреляли 4 тыс. патронов. Позднее, на Цзяньскийском фронте, за 6 дней советские летчики налетали по 40 часов каждый, сбросили 115 бомб, израсходовали 7 тыс. патронов, доставляли донесения и летали на разведку в тылы противника.

Под руководством советников К.Б. Калиновского и С.С. Чекина были построены два бронепоезда, на каждом из которых установили по два 75-мм орудия и по 8 пулеметов.

В апреле 1927 г. правая часть китайской национальной партии гоминьдана во главе с Чан Кайши произвела переворот и порвала с левой частью национально-освободительного движения, к которой примкнули коммунисты во главе в Мао Цзэ-дуном. Под властью Чан Кайши оказалась большая часть Китая. Однако на окраинах страны, в том числе в Маньчжурии и Синьцзяне, власть Центрального правительства была номинальной. Этими провинциями фактически управляли военные губернаторы-«милитаристы».

В августе 1927 г. части НРА под командованием Хэ Луна и Е Тина подняли восстание против контрреволюционного правительства. Для оказания им помощи из СССР было отправлено 15 тыс. винтовок, 10 млн. патронов, 30 пулеметов, 2 тыс. снарядов. Отразив натиск противника, восставшие части стали пробиваться на юг в провинцию Гуандун.

В 1929 г. гоминьдановское правительство разрывает дипломатические отношения с СССР. Восстановлены они будут лишь в декабре 1932 г.

В конце 1920-х годов военную помощь гоминьдановцам стали оказывать Германия и США. Американцы предоставили им заем в 50 млн. долларов для закупки вооружения. 70 офицеров германского Генштаба во главе с генералом Сектом обучали гоминьдановских офицеров, составляли планы боевых действий против Китайской Красной Армии (ККА) и были советниками в частях чанкайшистской армии. 150 американских и канадских летчиков пилотировали гоминьдановские самолеты. Это позволило гоминьдану достичь определенного успеха в борьбе с коммунистами и «милитаристами».

В 1934–1935 гг. ККА, пройдя с боями 12 тыс. км, перебазировалась к границам Монгольской Народной Республики (МНР). Здесь и раньше уже были освобожденные районы, а приход частей ККА еще больше укрепил их позиции и превратил в базы дальнейшего развития революции и борьбы с японской агрессией.

Близость освобожденных территорий к границе с МНР улучшила положение революционных сил Китая. Теперь МНР и СССР стали как бы глубоким тылом для

Китайской Красной Армии. В 1936 г. между Москвой и центром освобожденных районов Яньанью была налажена двусторонняя связь. Улучшилось военно-стратегическое положение освобожденного региона и ККА, стабилизировалась система оказания материальной и другой помощи из СССР. С 1936 г. в освобожденных районах находились советники из Советского Союза, помогавшие китайским коммунистам. По мере подхода частей ККА им доставлялось оружие, боеприпасы, продовольствие. Масштабы этой помощи были довольно велики, так, только для одной группировки ККА грузы были доставлены на 140 автомашинах.

В 1933 г. на северо-западе Китая в приграничной провинции Синьцзян захватил власть и стал дубанем (правителем) Шэн Ши-цай. Он формально признавал Центральное правительство, а на деле пользовался неограниченной властью, ввел свои порядки, создал местную денежную систему и т. д. (Правда, так же поступали и многие китайские губернаторы-феодалы). Одновременно дубань проявлял дружеские отношения к СССР. По просьбе туземного правительства в Синьцзян была направлена группа советских инструкторов-летчиков. В нее входили летчики Сергей Антоненко, Федор Полыннин, Трофим Тюрин, штурман Александр Хватов, техники Сергей Тарахтунов, Павел Кузьмин и другие.

До Семипалатинска летчики ехали поездом, а оттуда в декабре 1933 г. на самолетах Р-5 перелетели в город Шихо. Там они попали под начальство... эмигранта Иванова — бывшего полковника царской армии. Он предложил советским летчикам нанести удар по мятежникам-мусульманам, осадившим столицу Синьцзяна город Урумчи.

Пара Р-5 вылетела на задание. Как писал Ф.П. Полыннин: «Подлетая к городу, мы увидели у крепостной стены огромную массу людей. Мятежники штурмовали крепость. Тускло мелькали частые вспышки выстрелов. Позади штурмующей пехоты гарцевали конники. И мне, и Шишкову доводилось бомбить цели только на полигонах. Нетрудно понять, какое волнение охватило нас.

Снижаемся и начинаем поочередно бросать в гущу мятежных войск 25-килограммовые осколочные бомбы. Внизу взметнулось несколько взрывов. Видим, толпа мятежников отхлынула от стены и бросилась бежать. Обогнав ее, помчалась в горы конница. На подступах к крепости отчетливо выделились на снегу трупы. Почти у самой земли мы сбросили последние бомбы. Мятежники точно обезумели от внезапного воздушного налета. Позже выяснилось, что суеверные вояки генерала Ма Чжу-ина восприняли падающие с неба бомбы как божью кару. Никто из них ни разу в жизни не видел самолета. Разогнав мятежников, мы возвратились в Шихо...

Вскоре мятеж был подавлен. В честь победы был устроен большой прием. Губернатор провинции наградил всех советских летчиков, участников боевых действий. После подавления мятежа советские летчики-инструкторы занялись своими непосредственными обязанностями — подготовкой китайских летчиков. Для организации авиационной школы в Синьцзяне Советский Союз передал Китаю несколько самолетов Р-5 и По-2 со всем оборудованием. Была направлена и большая группа опытных инструкторов».⁸⁹

В советской прессе вплоть до 1991 г. помощь Китаю оружием и советниками рассматривалась исключительно как выполнение «интернационального долга». Однако никаких предпосылок к пролетарской революции в Китае не было, и наше руководство это прекрасно понимало. В ходе вялотекущей гражданской войны в Китае правительство СССР поддерживало наиболее лояльные к нему силы — от коммунистов до феодальных князьков типа Шэн Шицай. Москве не улыбалась победа какого-нибудь прояпонского или пробританского режима в Центральном Китае, равно как и приход к власти в Синьцзяне фанатиков-мусульман.

В 1937 г. положение в Китае кардинально изменилось. 8 июля произошел инцидент у моста Лугоуцяо, а, попросту говоря, перестрелка между китайскими и японскими патрулями. Однако Япония воспользовалась этим пустяковым инцидентом и начала крупномасштабные боевые действия в Северном и Центральном Китае. Захватив Пекин, японская армия начала

наступление по трем направлениям: на Шаньдун, вдоль Пекин-Тяньцзиньской железной дороги и в северо-западном направлении вдоль Пекин-Суйюаньской железной дороги.

В августе 1937 г. Япония перенесла военные действия в район Шанхая. 13 августа японские войска начали военные действия в шанхайском районе, а японские самолеты активно бомбили предместье Шанхая Чапэй. Через два дня кабинет Каноз опубликовал заявление о посылке двух дивизий для подкрепления японских войск. По мере расширения сферы военных действий в район Шанхая прибывали все новые японские части. К концу сентября численность японских войск в этом районе достигла ста тысяч человек, а прикрывавший их флот состоял из 38 военных кораблей. К этому времени во всем Китае находилась уже 350-тысячная японская армия.

В ноябре 1937 г. после ожесточенных трехмесячных боев японские войска заняли Шанхай. К концу 1937 г. они захватили Нанкин и столицы провинций Чахар, Хэбэй, Суйюнь, Шаньси, Чжецзян и Шаньдун. Японский флот, помимо оказания поддержки сухопутным частям, начал патрулировать побережье, чтобы помешать снабжению продовольствием и оружием неоккупированной части Китая.

11 января 1938 г. японское правительство отправило Чан Кай-ши документ «Основные принципы урегулирования китайского инцидента». Фактически это был ультиматум. Чан отверг его, и тогда японское правительство, несмотря на сильное возражение верховного командования армии, 16 января опубликовало заявление о том, что оно «отказывается считать гоминьдановское правительство своим партнером».

31 марта 1938 г. в Японии был опубликован и вступил в силу закон о всеобщей мобилизации нации. В Китай отправлялись все новые и новые части. Но орешек оказался явно не по зубам маленькому и крайне агрессивному хищнику. Япония все глубже и глубже увязала в Китае. Взятие в конце октября 1938 г. Уханя и Кантона ничего не решало.

30 ноября 1938 г. японское правительство решило вновь признать гоминьдановское правительство и попыталось вступить с ним в переговоры. В этот день на совещании в присутствии императора японское правительство приняло решение о «курсе на урегулирование новых японско-китайских отношений». В этом решении говорилось о консолидации трех государств — Японии, Маньчжоу-Го и Китая — в качестве оси, стабилизирующей Восточную Азию, и об объединении усилий для совместной обороны против Севера. Суть предложения была в том, чтобы сделать Центральный Китай неким подобием Маньчжоу-Го.

Чан Кайши вновь отказался, но вице-председатель партии гоминьдан Ван Цзин-вей 18 декабря 1938 г. бежал из временной столицы Китая в Цунцине и объявился в Ханое (Французский Индокитай). Там Ван Цзин-вей согласился вступить с Японией в переговоры на основе декларации Каноз.

8 мая 1939 г. Ван Цзин-вей прибыл в Шанхай. После дружественных переговоров между ним и японской стороной с целью разрешения конфликта на базе ранее изложенного «курса» 30 марта 1940 г. в Нанкине было создано новое Центральное правительство Китайской Республики, которое также стало называться Национальным правительством.

Маньчжурский инцидент и последовавшее за ним провозглашение независимости Маньчжоу-Го коренным образом изменили обстановку в Восточной Азии. США, Англия и другие страны, считавшие сохранение status quo образцом мировой политики, конечно, не могли оставаться равнодушными к происходящим событиям.

5 октября 1937 г. в Чикаго президент США Рузвельт, касаясь китайского и маньчжурского инцидентов и итало-абиссинской войны, назвал Японию и Италию агрессорами и потребовал их «изоляции». 6 октября государственный департамент США опубликовал заявление, в котором констатировал, что действия Японии нарушают договор девяти держав и антивоенный пакт Келлога. В тот же день премьер-министр Италии Муссолини поддержал вторжение Японии в Китай. 21 июля 1937 г. Англия провозгласила политику невмешательства в китайский инцидент.

Первым проявлением политики обуздания Японии стала конференция стран,

подписавших договор девяти держав. Она открылась 3 ноября 1937 г. в Брюсселе с участием 19 государств, в том числе США, Англии, Франции и СССР, которые собирались вмешаться в войну Японии с Китаем. Япония, стремившаяся разрешить инцидент путем непосредственных японско-китайских переговоров, естественно, отказалась участвовать в конференции.

В знак солидарности с Японией от участия в ней отказались Германия и Италия, и конференция вылилась в бесплодную дискуссию. 6 ноября 1937 г. Италия заявила о своем присоединении к японско-германскому соглашению о совместной обороне. 20 февраля 1938 г. Германия признала Маньчжоу-Го, а 23 мая решила отозвать своих советников, находившихся при гоминьдановском правительстве.

Правительства США и Англии оказались в очень сложном положении: с одной стороны, их не устраивало поглощение Китая Японией, а с другой, они не желали военного конфликта со Страной восходящего солнца. В итоге они вели двойную политику — на словах поддерживали гоминьдановский Китай и даже поставляли ему небольшие партии вооружения, а параллельно вели торговлю с Японией, включая стратегические товары. Так, за три года (1937–1939 гг.) экспорт США в Японию составил 769 625 тыс. долларов. Из общей суммы американского экспорта в Японию экспорт военных материалов составил в 1937 г. 53 %, в 1938 г. — 63 % за 9 месяцев 1939 г. — 71 %. В 1938 г. американские банки предоставили военно-промышленному концерну «Кухара — Аюкава» кредит в 50 млн. долларов для строительства заводов в Маньчжурии. Одновременно японские компании получили заем от банковской группы Моргана на сумму в 75 млн. долларов.

Для переброски военных грузов из Японии в Китай тоннажа японского торгового флота оказалось недостаточно, и в 1938 г. японцы зафрахтовали иностранные суда общей грузоподъемностью в 900 тыс. т, из которых 466 тыс. т фрахта падало на английские суда.

В декабре 1937 г. японцы в китайских водах потопили американскую канонерскую лодку «Панай», а грозная Америка смолчала.

Единственным государством, согласившимся помочь Китаю, стал СССР. Полпред СССР в Японии, анализируя цели японской агрессии в Китае, писал 5 сентября 1937 г. в Москву: «Нам надо все время учитывать, что вся эта авантюра имеет целью и нас. Когда они приведут в действие весь военный аппарат, подтянут к нему всю страну, то в случае какого-либо вдруг благоприятного оборота для них дел в Китае (или каких-либо событий в США, или в Англии, или в Европе), а может быть, даже из отчаяния, они могут броситься на нас, хотя бы и знали, что это дело рискованное. Квантунский штаб, как я себе представляю, только и мечтает об этом».

29 июля советскому полпреду в Китае Богомолу Москва дала указание сообщить китайскому правительству, что СССР готов предоставить Китаю кредит в 100 млн. китайских долларов сроком на 6 лет с погашением поставками китайских товаров. «В счет этого кредита мы готовы доставить 200 самолетов со снаряжением, в том числе истребители и бомбардировщики, и 200 танков по 8—10 тонн с одним орудием и двумя пулеметами на каждом». (Имелись в виду танки Т-26).

21 августа 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении. Хотя соглашение о первом советском кредите Китаю на сумму 50 млн. долларов было оформлено только в марте 1938 г., доставка оружия из СССР в Китай началась уже с октября 1937 г.

В июле 1938 г. и в июне 1939 г. в Москве были подписаны соглашения о новых кредитах на 50 млн. и 150 млн. долларов соответственно. В счет советских кредитов, предоставленных в самый критический для страны период, Китай получал вооружение, боеприпасы, нефтепродукты, медикаменты. Всего с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. СССР поставил в Китай 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение.

Поскольку японский флот осуществлял плотную блокаду китайского побережья, отдельные суда Дальневосточного и Черноморского пароходств доставляли грузы в Китай через нейтральные порты. Так, в конце ноября 1937 г. из Севастополя вышли два парохода с

6182 т военных грузов, среди которых было 82 танка Т-26, 30 запасных моторов для этих танков, 30 артиллерийских тягачей «Коминтерн», 10 автомобилей ЗИС-6, 20 76-мм зенитных пушек и 40 тыс. выстрелов к ним, 50 45-мм противотанковых пушек, 4 прожекторные установки, 2 звукоуловителя, различное авиационное оборудование и т. д. Оба парохода прибыли в Хайфон и Гонконг в конце января 1938 г., и через 2 месяца оружие прибыло в действующую армию.

Но большая часть вооружения шла по трассе Алма-Ата — Ланьчжоу через Синьцзян. Синьцзянский тракт стал «дорогой жизни» для Китая, его обслуживало до 5200 советских грузовиков ЗИС-2. Для перевозки людей и особо важных грузов была создана авиалиния, обслуживаемая бомбардировщиками ТБ-3 (переделанными в транспортные машины), а затем и двухмоторными ДС-3.

Наиболее важна для Китая была поддержка с воздуха, поскольку с самого начала войны японская авиация безраздельно господствовала в небе. По японским данным в период с 14 августа по 10 октября 1937 г. их ВВС сбили 181 китайский самолет и еще 140 уничтожили на земле. При этом японцы потеряли 39 самолетов. Гоминьдановцы утверждали, что они уничтожили 327 японских самолетов, но это было пропагандистской липой.

14 сентября 1937 г. на приеме в Москве китайская (гоминьдановская) делегация обратилась к Сталину с просьбой о посылке советских летчиков. К 21 октября 1937 г. для отправки в Китай были подготовлены 447 человек, включая наземный технический персонал, специалистов по аэродромному обслуживанию, инженеров и рабочих по сборке самолетов. Переодетых в «гражданскую униформу» летчиков-добровольцев поездом отправили в Алма-Ату. Истребители И-15 и И-16 перегоняли из Алма-Аты в Ланьчжоу своим ходом.

В первые же дни после прибытия на фронтовой аэродром советские летчики-истребители открыли боевой счет. 21 ноября 1937 г. наши летчики (7 истребителей И-16) в бою с 20 японскими самолетами над Нанкином без потерь сбили 3 японских самолета (два истребителя «тип 96» и один бомбардировщик).

К весне 1938 г. в Китай поступило истребителей И-16—94 машины и И-15—122; бомбардировщиков СБ — 62 и ТБ-3—6; учебных самолетов УТИ-4—8 и УТ-1—5. И-16 поставлялись в Китай в двух вариантах — типа 5 и типа 10, китайцы И-16 последних серий иногда обозначали как И-16 Ш. Первые И-16 типа 10 стали поставлять китайцам весной 1938 года. В первых же боях выявилась недостаточная боевая мощь двух крыльевых 7,62-мм пулеметов ШКАС на И-16 тип 5. Поэтому весной 1938 г. вместе с И-16 типа 10 (2 крыльевых и 2 синхронных пулемета ШКАС) в Китай стали поступать дополнительные пулеметы для перевооружения И-16 типа 5. К 14 июня 1938 г. из СССР отправили 100 пулеметов ШКАС для установки их на шестидесяти И-16. Одновременно доставили до двух миллионов патронов. Есть сведения, что в партии из 30 И-16, прибывших в Ланьчжоу к 3 августа 1939 г., были 10 пушечных машин.

Самый крупный воздушный бой за все время японско-китайской войны произошел над Уханем 29 апреля 1938 г. Китайцы сосредоточили свои истребители на аэродромах под Уханем и ждали удобного случая для контратаки, а японцы в день рождения своего императора жаждали отомстить за удачные налеты китайских бомбардировщиков СБ на аэродром Нанкина 25 января и на авиабазу на Тайване 23 февраля 1938 г. В налете на китайские авиабазы участвовало 18 G3M2 из 13-го авиаотряда, их прикрывали 27 A5M из 12-го авиаотряда под командованием лейтенанта-коммодора Я. Озоно.

В 2 часа дня японские самолеты приблизились к Уханю, там их уже поджидали в воздухе 19 И-15 и 45 И-16 из отряда советских летчиков, входивших в состав 3-й, 4-й и 5-й истребительных авиагрупп. По заранее разработанному плану строй И-15 зажал японские истребители в «клещи», а строй И-16 напал на бомбардировщики. В 30-минутном бою были сбиты 11 японских истребителей и 10 бомбардировщиков, 50 членов японских экипажей погибли, двое, спустившись на парашютах, попали в плен. В этом бою было потеряно 12 самолетов, пилотируемых китайскими и советскими летчиками, 5 летчиков погибли, в их числе таранившие японцев Чэнь Хуайминь, Л.З. Шустер и капитан А.Е. Успенский. По

утверждениям китайцев, после этого боя японцы в течение месяца не совершали налеты на Ухань.

В апреле 1938 г. японское правительство по дипломатическим каналам потребовало от СССР отозвать из Китая советских летчиков, тем самым косвенно признав высокую эффективность их действий. Требование это было категорически отвергнуто советским правительством. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов официально заявил, что СССР вправе оказывать помощь любому иностранному государству и что «претензии японского правительства тем более непонятны, что, по уверению японских властей, в Китае нет сейчас войны, и Япония вовсе не воюет с Китаем, а то, что в Китае происходит, квалифицируется Японией лишь как „инцидент“ более или менее случайный, не имеющий ничего общего с состоянием войны между двумя независимыми государствами».

Следует заметить, что более половины советских летчиков-добровольцев погибли в ходе аварий самолетов на трассе Алма-Ата — Ланьчжоу. 16 мая 1938 г. в горном ущелье Инпань разбился ТБ-3, пилотируемый китайскими летчиками. На нем летели 25 советских добровольцев, сколько из них было летчиков-истребителей — неизвестно. В октябре 1938 г. во время эвакуации на Уханя в воздухе по неизвестным причинам загорелся ДС-3. Погибли 22 человека, в том числе 19 возвращавшихся в СССР добровольцев, среди них летчик-истребитель Соколов. В живых остались только два авиационных техника — В. Коротаев и А. Галаган. Позже там же, в горах, разбился еще один ДС-3.

НКВД заподозрило диверсии японцев, и советское руководство категорически запретило нашим добровольцам летать по этой трассе без особого разрешения.

Слабым местом китайской авиации были средние бомбардировщики. К началу войны у Китая было около 15 трехмоторных итальянских бомбардировщиков «Савойя» S72,6, забракovaných люфтваффе двухмоторных бомбардировщиков He-111A-0 (купленных в 1935 году) и 9 двухмоторных американских бомбардировщиков «Мартин» 139WC, поступивших в 1937 г.

Прибытие советских бомбардировщиков сразу изменило ситуацию. К 6 ноября 1937 г. в Китай было доставлено уже 58 двухмоторных бомбардировщиков СБ и 6 четырехмоторных ТБ-3.

2 декабря 1937 г. 9 бомбардировщиков СБ, ведомых советскими летчиками под командованием М.Г. Мачина, вылетев с аэродрома под Нанкином, бомбили японские авиабазы около Шанхая. Потерь не было. Один поврежденный СБ дотянул до Ханьчжоу и там приземлился. По оценкам наших летчиков, в общей сложности на аэродроме ими было уничтожено до 30–35 японских самолетов.

Вскоре эта же группа нанесла удар по японским кораблям на реке Янцзы. Советские источники обычно утверждают о потоплении крейсера (в мемуарах говорят даже об авианосце). Возможно, что летчики добросовестно заблуждались. Вот, к примеру, в 1942 г. американские летающие крепости Б-17 атаковали 2 японские подводные лодки, те погрузились, а янки доложили о потоплении двух тяжелых крейсеров. Любопытно, что японские источники отрицают любые безвозвратные потери японских боевых кораблей в течение всей японско-китайской войны. Так что наши летчики, скорее всего, потопили транспортное судно.

После того как китайские войска оставили Нанкин, наши СБ стали регулярно бомбить «родной» аэродром под Нанкином. Наиболее сенсационным налетом советской авиации стала бомбардировка острова Тайвань 23 февраля 1938 г. 28 самолетов СБ под командованием капитана Ф.П. Полынина сбросили на японскую авиабазу на Тайване 280 бомб. Японцы чувствовали себя на острове в полной безопасности, и бомбежка вызвала шок. Ни один истребитель не поднялся в воздух. Все СБ вернулись невредимыми. По китайским данным, на аэродроме было уничтожено 40 японских самолетов.

Целями для СБ были не только аэродромы, но и мосты, железнодорожные станции, позиции японских войск. В феврале 1938 г. группа из 3 СБ атаковала одну из крупных станций Пукоуской железной дороги — Тяньцзинь. Летчики разбомбили 3 эшелона. На

следующей день 2 звена СБ нанесли удар по японцам, переправлявшимся через реку Хуанхэ. На плоты и лодки сбросили бомбы, а пехоту разогнали пулеметным огнем. Переправа была сорвана.

В конце марта 1938 г. капитану Польшину было поручено разбомбить железнодорожный мост через Хуанхэ. До него надо было лететь более тысячи километров. Польшин принял решение на обратном пути сделать дозаправку в Сучжоу. Три восьмерки СБ благополучно добрались до цели, разбомбили железнодорожный мост, а заодно и соседний — понтонный.

3 августа 1938 г. 3 советских СБ (командиры Слюсарев, Котов и Анисимов) неожиданной атакой с высоты 7200 м разбомбили аэродром в Аньцине.

Летом 1939 г. боевое крещение в китайском небе получили дальние бомбардировщики ДБ-3. 3 октября 1939 г. 9 бомбардировщиков ДБ-3 совершили налет на японский аэродром в районе Ханькоу (занятый тогда японцами). Бомбометание велось с высоты 8700 м. На аэродроме было уничтожено и повреждено 64 самолета, убиты 130 человек, ранены 300. Бензохранилище горело более трех часов. По японским источникам, было потеряно 50 машин. Погибли 7 старших офицеров — от капитана 1 ранга и выше. 12 старших офицеров были ранены, среди них контрадмирал Цукахара, командующий японской авиафлотилией. Японцы объявили траур, а коменданта аэродрома расстреляли.

14 октября 12 бомбардировщиков ДБ-3 повторили налет. Но японские истребители успели подняться в воздух и атаковали ДБ-3, как только те отбомбились. Три бомбардировщика получили повреждения.

Активно действовали в Китае и бомбардировщики ТБ-3. Так, группа ТБ-3, ведомая смешанным советско-китайским экипажем, совершила дневной пролет над Японскими островами. По политическим мотивам самолеты не бомбили, а сбрасывали листовки, где имелось предупреждение японцам: «Если ты и дальше будешь творить безобразия, то миллионы листовок превратятся в тысячи бомб». Текст листовок глуповат, но он оказался пророческим.

В ходе войны число советских военных советников росло, хотя и медленно. На 20 октября 1939 г. в армии Китая работали советниками 80 советских военных специалистов: в пехоте — 27, в артиллерии — 14, в инженерных войсках — 8, в войсках связи — 12, в бронетанковых войсках — 12, в войсках химзащиты — 2, в управлениях тыла и транспорта — 3, в медицинских учреждениях — 2 человека. Советские специалисты в пехотных частях внесли большой вклад в дело борьбы с японцами, но у них физически не могло быть столь сенсационных дел, как налет на Тайвань.

В качестве примера советской помощи сухопутным китайским войскам можно привести доставку военной техники зафрахтованным советским правительством пароходом «Стэнхолл» в ноябре 1938 г. Пароход прибыл в Рангун (Бирма), чтобы избежать японской блокады. Там были выгружены в счет второго кредита (по договору от 1 июля 1938 г.) сто 37-мм противотанковых пушек. 2 тысячи ручных и станковых пулеметов, 300 грузовых машин, а также необходимых к ним запасных частей, боеприпасы и другие военные материалы. Эта техника сыграла решающую роль в Уханьской оборонительной операции и позволила остановить японцев.

В разгар Уханьского сражения представители китайской военной делегации на одной из встреч с советскими представителями вновь подняли вопрос о поставках авиационной техники. Рассмотрев просьбу китайской делегации, советское правительство 17 июля 1938 г. приняло постановление о продаже Китаю в счет второго кредита ста самолетов И-15. К 10 ноября все они были перебазированы в Ланьчжоу.

К началу сентября 1938 г. китайское правительство закупило и получило 123 самолета СБ, 105 — И-16, 133 — И-15, 12 — «Хеншель», 128 — «Хок-3», 36 — «Гладиатор», 9 — «Мартин» и 26 — «Девуатин». Всего 602 машины. Из них в боях было сбито 166 самолетов, на земле уничтожено — 46, разбилось при посадке — 101, разобрано для заводов — 8. Всего потеряно самолетов 321, то есть осенью 1938 г. на вооружении китайских ВВС оставался 281

самолет. Из них в строю находилось 170 машин, большинство которых использовалось в авиаколлах для подготовки летчиков. В течение последующих месяцев положение продолжало ухудшаться. На 28 октября в китайских ВВС оставалось всего 87 самолетов (14,4 % от общего числа самолетов, полученных к сентябрю 1938 г.).

Старший военный советник по авиации Г.И. Тхор отмечал, что китайская авиация к лету 1939 г. количественно и качественно усилилась и была подготовлена для нанесения сильных ударов по японским войскам и авиации. В этот период личный состав ВВС Китая включал: 1045 летчиков, 81 штурмана, 198 стрелков-радистов и 8354 авиационных техников, подготовленных в СССР. На вооружении у них числилось около двухсот советских военных самолетов, из них 30 бомбардировщиков и 153 истребителя.

Поставки авиационной техники продолжались и во второй половине 1939 г. К 18 июля была закончена доставка в Ланьчжоу 30 самолетов И-15, к 3 августа туда прибыло еще 30 истребителей И-16, причем 10 из них имели пушечное вооружение. На следующий день была завершена доставка 36 скоростных бомбардировщиков. Одновременно двумя партиями производилась перегонка 24 самолетов ДБ-3. Всего во второй половине 1939 г. было доставлено 120 боевых машин. Кроме самолетов к 19 августа в Ланьчжоу были доставлены все запчасти к ним, авиамоторы и боеприпасы на двадцать боевых вылетов для каждой машины.

В 1940 г. советское правительство начало свертывать военную помощь гоминьдановскому Китаю. Официальным поводом для этого послужило прекращение гоминьдановцами в конце 1939 г. — начале 1940 г. снабжения 8-й и Новой 4-й армий, возглавляемых коммунистами. В том же году советские советники и летчики прекратили непосредственное участие в боях. В дальнейшем, после заверений гоминьдановского правительства о поддержке единого национального фронта и лояльном отношении к Компартии Китая, поставки были возобновлены. В начале 1941 г. из СССР прибыли 200 бомбардировщиков и истребителей.

Однако через несколько недель, в том же 1941 г., произошел новый зигзаг советской военной политики. Советская сторона заявила о полном прекращении поставок оружия Китаю и об отзыве военных специалистов.

В советских послевоенных изданиях, как, например, «Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа», было сказано: «В январе 1941 г. гоминьдановское правительство вновь предприняло вооруженное нападение на войска, возглавляемые коммунистами. 6 января его войска нанесли внезапный удар по штабной колонне Новой 4-й армии и арестовали ее командующего Е Тина. Его заместитель Сян Ин был убит. 18 января Чан Кайши отдал приказ о расформировании „мятежной“ Новой 4-й армии и предании Е Тина военному суду. 25 января в ответ на эти действия посол СССР в Китае А. С. Панюшкин посетил Чан Кайши и предупредил его, что действия против 4-й армии чреваты серьезными последствиями, в стране может вспыхнуть гражданская война. Советский Союз вновь приостановил поставки вооружения Китаю».⁹⁰

На самом же деле обострение отношений между гоминьдановцами и коммунистами было лишь формальным поводом для охлаждения отношений с Чан Кайши. Причиной же стало подписание 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Замечу, что ни в тексте пакта, ни в приложениях нет ни слова о гоминьдановском Китае. Я имею в виду «Сборник документов. 1941 год», книга 2-я, М., 1998. С. 74–76. Как вралли наши дипломаты при Советах, так нагло врут и при демократах — раздел, касающийся Китая, вычищен. Получается, что министр иностранных дел Мацуока в своих беседах со Сталиным и Молотовым ни разу не коснулся военной помощи СССР гоминьдановскому правительству, и вообще, много разговоров о Монголии, Маньчжоу-Го, но нет ни слова о Центральном Китае. Как будто обеих сторон этот вопрос абсолютно не интересовал.

⁹⁰ Агеенко К., Бобылев П., Манаенков Т. и др. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. С. 80–81.

Согласно изданию «Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах», в 1937–1939 гг. в Китае погибли 146 командиров, 33 младших командира и 7 бойцов. Кроме того, пропали без вести 7 командиров и 2 младших командира. Всего погибших и пропавших без вести 195 человек.

ГЛАВА 25

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ (СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1941–1945 гг.)

Заключение пакта Риббентропа—Молотова стало полной неожиданностью для Японии. Посол Ясима в ночь на 22 августа 1939 г. в Берлине говорил с секретарем министерства иностранных дел Вейцекером довольно вежливо, но все же заметил, что заключение договора между Германией и СССР вызывает в Японии «некоторый шок». И шок действительно был сильнейший. Узнав о заключении договора, премьер-министр Хиранума подал в отставку, мотивируя ее тем, что он берет на себя ответственность за то, что «вероятный противник Японии, Советская Россия, заключила договор с Германией».

Новое правительство было сформировано генералом Абэ, приход которого к власти совпал с началом Второй мировой войны. Правительство Абэ заявило о неучастии Японии в европейской войне. Все внимание нового кабинета было обращено на расширение военных операций в Китае. Было введено единое командование, и главнокомандующим вооруженными силами Японии на всех фронтах в Китае был назначен генерал Нисио, его начальником штаба — бывший военный министр Итагаки.

Однако кардинальных успехов в Китае во второй половине 1939 г. японской армии добиться не удалось. В декабре 1939 г. правительство Абэ столкнулось с широким недовольством в самой Японии, вызванным продовольственными затруднениями. Нормированные выдачи продуктов питания сопровождались бесчисленными злоупотреблениями. «Регулирующий» правительственный аппарат не смог обеспечить бесперебойное снабжение рисом промышленных центров, и в частности Токио. В японской столице возникли волнения, которые, по отзывам иностранных наблюдателей, угрожали превратиться в «рисовые бунты».

Правительство Абэ было вынуждено уйти в отставку. На смену ему в 1940 г. пришел кабинет адмирала Ионаи, в основном продолжавший политику своего предшественника. Вскоре, однако, в кабинете Ионаи возникли острые разногласия.

Вопреки мнению премьер-министра Ионаи и министра иностранных дел Арита, считавших нецелесообразным и даже опасным, не разрешив «китайской проблемы», «распылять силы» и намечать новые объекты агрессии, влиятельные японские круги настаивали на срочном проведении в жизнь программы «полной экспансии». Странники этой программы указывали на желательность укрепления отношений Японии с Германией, домогались вступления Японии в войну на стороне держав оси.

Армейское руководство и, в частности, военный министр Хата настаивали на отказе от политики невмешательства в европейскую войну, немедленном заключении военного союза между Германией и Японией и на создании единой политической организации фашистского типа в соответствии с «новой политической структурой», предложенной Коноэ. Ионаи же считал преждевременным признание соглашения с Германией и возражал против «новой политической структуры».

Тем не менее в 1940 г. «новая экономическая структура» была все-таки введена. Она предусматривала государственный контроль над всеми важнейшими отраслями хозяйства. Для этого были созданы так называемые контрольные ассоциации по различным видам производства, действовавшие в качестве государственных органов, уполномоченных наблюдать за данной отраслью хозяйства, регулировать распределение рабочей силы, снабжение сырьем и топливом, устанавливать цены и т. д.

После захвата Японией большинства китайских портов и блокады оставшегося под

контролем Чан Кайши побережья у Китая осталось два окна в мир. На северо-западе — связь через Синьцзян с СССР и на юге — связь через английскую Бирму и французский Индокитай. Чтобы ослабить или даже прекратить поток оружия через Синьцзян, можно было договориться или припугнуть СССР. А вот чтобы прервать южные коммуникации гоминьдановских войск, надо было вступить в конфликт с Англией и Францией.

В конце 1939 г. страны Западной Европы начали свертывать торговлю с Японией. К примеру, 26 сентября 1939 г. правительство США заявило о запрещении экспорта в Японию металлического лома, железа и стали. А между тем японская экономика находилась в сильной зависимости от импорта сырья и топлива. В Голландской Индии, например, добывалось ежегодно около 8 млн. т нефти, что примерно в 20 раз превышало добычу нефти в Японии. В то время ежегодные потребности Японии в нефти составляли около 5 млн. т, из которых она имела возможность получать за счет собственной добычи только 10 %.

Стремясь увеличить поставки нефти, японское правительство 2 февраля 1940 г. обратилось к правительству Голландии с предложением заключить соглашение на принципах взаимного благоприятствования при условии, что Голландия не будет принимать ограничительных мер против Японии во внешней торговле. Однако маленькая Голландия набралась нахальства и ответила японцам отказом.

16 июля 1940 г. премьер-министр Ионаи подал в отставку.

18 июля принц Коноэ получил императорский приказ на формирование кабинета. Решение задачи Коноэ начал с назначения трех министров: военного — Тодзио Хидэки, военно-морского — Иосида Дзэнго и иностранных дел — Мацуока Иосукэ. С ними были согласованы взгляды относительно основного курса по военным и внешнеполитическим вопросам, требующим разрешения в первую очередь. 22 июля формирование кабинета, который стал известен как второй кабинет Коноэ, было завершено.

7 сентября 1940 г. в Токио начались переговоры между специальным германским послом Штаммером и министром иностранных дел Мацуока о заключении военного союза между Японией, Германией и Италией. 16 сентября кабинет министров и

19 сентября совещание в присутствии императора приняли решение о заключении пакта. Тройственный пакт был подписан в Берлине в 20 ч 15 м. 27 сентября 1940 г.

В тексте пакта говорилось:

«Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии...

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта — десять лет со дня вступления в силу. Договаривающиеся стороны по требованию одной из держав, заключивших пакт, обсудят вопрос пересмотра настоящего договора в любой момент до истечения этого периода».

После поражения Франции в июне 1940 г. и образования правительства в Виши Япония усилила давление на французские власти в Индокитае с требованием прекратить снабжение гоминьдановских войск в Китае. 20 июля последовало соглашение французского правительства. Но японцам этого показалось мало, и они потребовали право пользоваться аэродромами на территории Индокитая и двумя военно-морскими базами (в Сайгоне и Камране). 23 сентября 1940 г. японские войска заняли ключевые позиции в Индокитае.

25 июля перед вводом войск в Индокитай японское правительство через посла Номура сообщило непосредственно президенту Рузвельту о намерении Японии разместить войска во Французском Индокитае. Указав причины вступления японских войск, правительство одновременно подчеркнуло желание Японии урегулировать отношения с США. Однако 26 июля США заявили о замораживании японских капиталов. С подобным заявлением

выступили также Англия и опереточное правительство Голландии, обитавшее в Лондоне.

В сложившейся ситуации японское правительство не только отказалось от планов нападения на СССР, но и решило наладить сотрудничество с ним. В советское время наши историки постоянно занимались шулерством и любили путать планы политические и планы военные. В 1940 г. японские генералы по-прежнему составляли планы войны с СССР, занимались повышением боеспособности Квантунской армии, то есть делали то, что им положено по должности. Аналогично, по ту сторону границы советские генералы разрабатывали планы войны с Японией и усиливали свою мощь на Дальнем Востоке. Но ни одна, ни другая сторона в 1940 г. начинать войну не собиралась.

Советский Союз, в отличие от США и Англии, исправно выполнял все торговые обязательства. В Японию из СССР поступали нефть, уголь, рыба и др. По Транссибирской магистрали осуществлялся товарообмен между Японией и Германией. В апреле 1940 г. Чан Кайши направил в Москву специального посланника генерала Шэ Лаодзу с предложением нанести совместный удар по «японским агрессорам». При этом Чан Кайши предлагал ввести части Красной Армии в Китай для совместных действий с гоминьдановскими войсками. 28 апреля Шэ Лаодзу был принят Молотовым и получил отказ. Генерал просился на прием к Сталину, но допущен не был.

В сентябре 1940 г. японское правительство назначило генерал-лейтенанта Татэкава Йосицугу послом Японии в СССР и поставило ему задачу урегулировать дипломатические отношения с Советским Союзом.

3 февраля 1941 г. на заседании совета по предложению Мацуока были приняты «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом».

12 марта Мацуока выехал в Европу. 24 марта во время остановки в Москве он предложил рассмотреть вопрос о заключении японско-советского пакта о ненападении. Молотов, в принципе, был согласен, но сотрудники Наркомата иностранных дел напомнили, что пакт о ненападении с Китаем, заключенный в 1937 г., запрещал СССР заключать пакт о ненападении с Японией. Поэтому Молотов взамен предложил пакт о нейтралитете, который по сути дела ничего не менял. При этом Молотов пожелал получить и некоторую плату за пакт, как, например, признание японцами советского суверенитета на юге Сахалина и права на рыбный промысел.

В результате стороны так и не договорились, и специальный экспресс умчал Мацуока в Германию, где Риббентроп довольно прозрачно намекнул Мацуока на возможность начала войны с СССР. В частности, он сказал, что не может заверить японского императора, «что конфликт между Германией и Россией невообразим. Напротив, при нынешнем положении дел такой конфликт, пусть и не обязательный, все же следует считать возможным». Мацуока намек понял, но государственные интересы Японии требовали заключения договора с СССР.

6 апреля Мацуока вернулся в Москву и прожил там неделю. В эти дни германские войска вторглись в Югославию, и позиции Сталина и Молотова смягчились. В Москве Мацуока неоднократно встречался со Сталиным, но самая важная встреча произошла 12 апреля 1941 г. Мацуока заявил Сталину, что Япония имеет с Германией союзный договор, однако из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

На следующий день Молотов и Мацуока подписали пакт о нейтралитете между СССР и Японией. В пакте говорилось:

«Статья первая. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья вторая. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая

Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья третья. Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет».

В начале июня 1941 г. Риббентроп предупредил Мацуока о начале войны с СССР: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание».

24 июня 1941 г. военный и военно-морской отделы Ставки приняли «Программу национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», которая с небольшими поправками была утверждена советом в присутствии императора.

В программе говорилось: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на принципах укрепления мощи держав оси, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую политику, скрытно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза. В этот период дипломатические переговоры, конечно, должны вестись с большими предосторожностями.

Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, империя, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему и обеспечит стабильность положения на Севере».

После утверждения этой программы в присутствии императора военный и военно-морской отделы Ставки начали форсировать военные приготовления против Советского Союза. Были доукомплектованы личным составом до штатов военного времени Квантунская армия, основу которой составляли 12 пехотных дивизий и две авиационные группы, соединенные в четыре армии, и одно авиационное соединение; и Корейская армия, основу которой составляли две пехотные дивизии. Кроме того, в Корее была сформирована дивизия запаса, а в метрополии отобилизованы две дивизии (51-я и 57-я), требуемое число подразделений армейского подчинения (около 200 отрядов), которые были направлены на усиление Квантунской армии. Для укрепления обороны внутри Маньчжоу-Го из пяти отдельных охранных отрядов была создана Квантунская оборонительная армия. Общая численность Квантунской армии в результате принятых мер удвоилась и составила около 700 тыс. человек. Чтобы скрыть истинный смысл вышеуказанных мероприятий, им присвоили название «специальных маневров Квантунской армии», или «Кантону эн».

Для участия в операциях против Советского Союза приказом от 5 июля 1941 г. в Японии был вновь создан 5-й флот, в состав которого пока вошли два легких крейсера и два миноносца, базировавшихся на Оминато. Корабли, базировавшиеся в Оминато, должны были блокировать пролив Лаперуза и Курильские проливы. Полностью скомплектовать 5-й флот было решено лишь перед самым началом войны против СССР.

Однако сильное противодействие Красной Армии вторжению вермахта заставило призадуматься японских стратегов, и 9 августа 1941 г. японское командование отказалось от плана разрешения «северной проблемы» в 1941 г., независимо от того, как будет развиваться обстановка на германо-советском фронте, и взяло курс на продвижение в южном направлении. Вслед за этим были приняты «Основные принципы операций императорской армии», содержание которых сводилось к следующему: силами 16 дивизий, находившихся в Маньчжурии и Корее, обеспечить безопасность со стороны Советского Союза; продолжать утвержденные операции против Китая; в южном направлении ускорить военные приготовления против Англии и США и завершить их до конца ноября.

16 октября 1941 г. кабинет принца Коноэ подал в отставку. На следующий день императорским указом главой кабинета министров был назначен Тодзио Хидэки.

В течение всей осени 1941 г. японцы пытались заключить соглашение с США. Но госсекретарь Хэлл в ноте от 26 ноября предложил Японии фактически ультиматум. США предлагали заключить многосторонний пакт о ненападении между Японией, США, Англией, Китаем, Голландией, Советским Союзом и Таиландом. Но в качестве платы за это требовали

вывести из Китая и Индокитая все сухопутные, морские, воздушные, а также полицейские силы Японии, отказаться от признания на территории Китая всех правительств и режимов, кроме чунцинского правительства, и аннулировать Тройственный пакт.

Между тем, из-за нефтяной блокады США и их союзников в Японии оставалось нефти не более чем на 6 месяцев. США сознательно вели дело к войне.

В Японии ноту от 26 ноября сочли объявлением войны. Надо ли говорить, что такие требования можно было предъявлять только стране, потерпевшей полное поражение. Реакция последовала незамедлительно. 7 декабря 1941 г. японская авианосная авиация атаковала главную американскую военно-морскую базу Пирл-Харбор.

В первые дни после нападения на Пирл-Харбор советская пресса давала сообщения о боевых действиях на Тихом океане без всяких комментариев. Но после 11 декабря, в связи с объявлением Германией войны США, тон советской прессы изменился. Так, 12 декабря газета «Правда» писала: «Японский агрессор бросился в очень рискованную авантюру, которая не предвещает ему ничего, кроме разгрома». В то же время в статье давалось понять, что для победы над Японией помощь с советской стороны не потребуется.

С самого начала войны США попытались вовлечь СССР в конфликт с Японией. В первую очередь американские военные мечтали получить в свое распоряжение советские аэродромы в Приморье. Давление на советское правительство оказывалось как непосредственно, так и через Англию. Так, в конце декабря 1941 г. британский министр иностранных дел Энтони Идей в беседе со Сталиным в Москве обратился с просьбой разрешить базирование американских бомбардировщиков в Приморье. Сталин, воздержавшись от каких-либо конкретных обещаний, заявил, что СССР будет в состоянии помочь союзникам на Дальнем Востоке лишь весной 1942 г.

Японцы тоже были крайне обеспокоены этой проблемой. 5 августа 1941 г. новый министр иностранных дел адмирал Т. Тойода в беседе с послом Сметаниным потребовал гарантий того, что территория СССР не будет использована для действий против Японии. Такие гарантии были даны, и Советский Союз крайне скрупулезно выполнял их в 1941–1944 гг. Так, к примеру, 22 апреля 1944 г. американский посол Гарриман попросил Молотова разрешить переброску из Ирана в Китай через Алма-Ату 500 грузовиков «Студебеккер» для американских ВВС, базировавшихся в Китае. Советские дипломаты стали «тянуть резину», и лишь 2 ноября 1944 г. Молотов согласился на переброску грузовиков. Однако 25 ноября 1944 г. Наркомат иностранных дел отказался, сославшись на разгул бандитизма в Синьцзяне.

С середины 1943 г. японцы начали предпринимать попытки сближения с СССР, намериваясь сделать его посредником в мирных переговорах с Америкой. Делалось это в чисто азиатской манере. Так, например, на приемы в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, устраиваемые в советском посольстве в Токио, обычно являлись лишь второразрядные чиновники. Но 7 ноября 1943 г. явился сам министр иностранных дел Мамору Сигэмицу. Причем он пробыл в советском посольстве беспрецедентно долгое для дипломатического протокола время — 2 часа.

Сталин отвечал тоже в азиатском духе: через год, 6 ноября 1944 г., в официальном докладе по поводу 27-й годовщины Октября он впервые назвал Японию агрессором. На следующий день в токийской тюрьме Сугамо были повешены советские разведчики — немец Рихард Зорге и японец Ходзуми Одзак. Их приговорили к казни еще в 1943 г., но тянули с исполнением приговора.

11 февраля 1945 г. на конференции США, Великобритании и СССР в Ялте было подписано соглашение по вопросам Дальнего Востока. В нем говорилось: «Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

- 1) сохранения статус-кво Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
- 2) восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением

Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

в) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

с) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3) передача Советскому Союзу Курильских островов».

13 февраля 1945 г. В.М. Молотов обратился к Государственному секретарю США Э. Стеттиниусу с просьбой передать Тихоокеанскому флоту 2–3 крейсера и 10–12 эсминцев для войны с Японией. Стеттиниус отказал в кораблях, но предложил послать американские корабли в Японское море для совместных операций с Тихоокеанским флотом. Но тут отказался Молотов.

28 мая 1945 г. Сталин в беседе с советником президента Гопкинсом и послом Гарриманом заявил о желании СССР иметь свою зону оккупации в Японии, а конкретно на острове Хоккайдо. Американские представители воздержались от определенного ответа.

5 апреля 1945 г. СССР официально заявил о денонсации Пакта о нейтралитете с Японией. В заявлении говорилось: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 г., т. е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой.

С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным.

В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-й упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское Правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

В тот же день посол Японии в СССР Н. Сато заявил Молотову, что японское правительство придерживается той точки зрения, что если одна из сторон денонсирует договор за год до истечения срока, то Пакт все же будет существовать еще один год, несмотря на денонсацию, и попросил разъяснений. Молотов ответил, что пакт будет действовать в течение года, а после истечения этого срока советско-японские отношения, очевидно, вернуться к положению, которое было до заключения пакта. Сато ответил, что если это так, то японское правительство согласно с этим толкованием.

15 мая 1945 г. японское правительство заявило об аннулировании всех соглашений с Германией и Италией. Это заявление было лишь процедурной формальностью, так как указанные соглашения превратились в простую бумажку. Но заявлением об аннулировании этих соглашений, которые Советский Союз рассматривал как направленные против него, японское правительство рассчитывало в некоторой степени смягчить отношения с Советским Союзом.

Чтобы найти пути к переговорам с СССР, министр иностранных дел Того решил прежде всего с помощью неофициальных предварительных встреч выяснить позицию Советского Союза, в частности выяснить, в какой степени можно использовать его для достижения своих целей, и вместе с тем установить, каким способом можно привлечь Советский Союз для претворения в жизнь своих планов. Для проведения этих встреч были назначены бывший

премьер-министр, бывший министр иностранных дел и бывший посол в СССР Хирота Коки.

Первая встреча Хирота с послом СССР Маликом состоялась 3 июня 1945 г., а вторая — на следующий день. Обе встречи прошли в дружественной обстановке. Хирота сообщил послу, что японское правительство с целью укрепления дружественных отношений между обеими странами желает заключить с Советским Союзом долгосрочное соглашение, и спросил посла о его мнении по затронутому вопросу. Советский посол выразил желание дать ему время, чтобы изучить предложения японского правительства.

Посредником между СССР и Японией попыталась выступить Швеция. Вопрос об этом был поднят 10 мая в Стокгольме бывшим посланником Швеции в Японии в частной беседе с японским посланником Окамото. Как известно, никаких соглашений между СССР и Японией достичь не удалось. Тем не менее, вопрос, насколько далеко зашли эти переговоры, равно как и переговоры японского военного атташе генерала Око с младшим братом короля Густава V, до сих пор являются секретом.

ГЛАВА 26

ЯПОНСКАЯ АРМИЯ В КИТАЕ В 1941–1945 гг

К 7 июля 1941 г. в Маньчжурии в составе Квантунской армии находилось 6 полевых армий и малобоеспособное соединение — Квантунская оборонительная армия.

Таблица № 7

Состав Квантунской армии к 7 июля 1941 г.

Всего в Квантунской армии насчитывалось около 1 млн. человек, включая тыловые части и войска Маньчжоу-Го. Авиация Квантунской армии состояла из 2-го авиасоединения, базировавшегося в Муданьдяне, и частей непосредственного подчинения армии в Чанчуне. Авиасоединение включало в себя 5 истребительных, 4 легкомоббардировочных и 1 тяжеломоббардировочный отряды, 2 разведывательные эскадрильи и 3 эскадрильи непосредственной поддержки войск. В Чанчуне базировались 3 истребительных, 1 легкомоббардировочный и 3 тяжеломоббардировочных отряда. Всего в авиации Квантунской армии имелось 56 эскадрилий и 560 самолетов.

В Китае оставались — 21 японская дивизия, 20 отдельных бригад и 150 самолетов. Они имели задачу разгромить гоминьдановские и коммунистические войска и развить наступление на южные китайские провинции.

В Японии оставалось — 4 дивизии, 11 отдельных бригад и около 700 боевых самолетов. В портах метрополии находилось — 6 линкоров, 2 крейсера, 26 эсминцев и 12 подводных лодок.

Для овладения Малайей, Филиппинами, Голландской Индией и Бирмой были выделены 4 армии численностью 222–232 тыс. человек и 610 самолетов, а также военно-морские силы: 4 линкора, 10 авианосцев с 575 самолетами, 35 крейсеров, 74 эсминца и 51 подводная лодка.

С 1942 г. по ноябрь 1944 г. Квантунская армия вела повседневную боевую подготовку, генералы, как им положено по должности, прорабатывали варианты боевых действий против Советского Союза. Но никаких кризисов на границе, то есть сосредоточения войск для нанесения удара, провокационных больших маневров у границы и др., не было.

Усиление вооруженных сил на Дальнем Востоке, начавшееся в 1944 г., первоначально было направлено против США, а не СССР. Японцы считали, что США попытаются захватить Курильские острова. Поэтому на островах срочно началось строительство различных фортификационных сооружений, береговых батарей и аэродромов. На северных островах Курильской гряды — Парамушир и Шумшу — была размещена 91-я пехотная дивизия. На малых островах Центральной Курильской Гряды — 41-й отдельный полк (штаб на острове Матуа), на острове Уруп находилась 129-я смешанная бригада, на Южных Курильских островах было две пехотные дивизии: 42-я — на острове Итуруп и 89-я — на острове

Кунашир. На Южном Сахалине дислоцировалась часть 88-й дивизии — три пехотных батальона и две артиллерийские батареи.

После речи Сталина 6 ноября 1944 г., где Япония впервые была названа агрессором, началось срочное усиление Квантунской армии. Понятно, что о нападении на СССР не могло быть и речи — Япония готовилась исключительно к обороне.

В мае 1945 г. японская Ставка Верховного Главнокомандования пришла к выводу, что СССР начнет боевые действия в конце лета — начале осени 1945 г. В середине мая штаб 3-го фронта Квантунской армии был переведен из Цицикара в Мукден, штаб обороны Квантунской армии — из Мукдена в Ляоюань, штаб 4-й армии — из Сунью в Цицикар, а штаб 125-й дивизии — из района Хэйхэ в предместье Паньши. Штаб обороны Квантунской армии был переименован в штаб 44-й армии. Все эти мероприятия должны были создать видимость, что Япония не готовится к боевым действиям. Но, несмотря на перемещения штабов, части и соединения находились на занимаемых боевых позициях, а главное командование Квантунской армии по-прежнему оставалось в Чанчуне.

30 мая 1945 г. Ставка отдала приказ войскам Квантунской армии быть в готовности к боевым действиям против советских войск в Северной Корее. Ставка разработала так называемый оперативный план боевых действий на корейском фронте. По новому плану Квантунская армия должна была провести передислокацию войск, укрепить позиции в полосе от границы до районов в центре Маньчжурии, дооборудовать тыловые аэродромы, привести в готовность средства сообщения и связи, подбросить снаряжение и различные материалы, провести мобилизацию по всей территории Маньчжурии и т. д.

С 30 мая 1945 г., по решению Ставки, из состава японских экспедиционных войск в Китае были выведены 4 дивизии и по железным дорогам перебросены в Маньчжурию.

17 июня Ставка дала указание о передислокации 34-й армии в Северную Корею, а 30 июля издала приказ об усилении Квантунской армии вновь сформированными 137-й дивизией и 133-й отдельной смешанной бригадой.

К 8 августа 1945 г. Квантунская армия состояла из 1-го и 3-го фронтов и 4-й отдельной армии. Командовал Квантунской армией Отодзо Ямада. Всего в его подчинении находились: 31 дивизия, 9 пехотных и 1 танковая бригады и бригада «камикадзе». На вооружении Квантунской армии было 1155 танков, 5360 орудий и 1800 самолетов. Общая ее численность составляла 960 тыс. человек. Оперативно Ямада подчинялись 178 тыс. солдат Маньчжоу-Го и 12 тыс. из формирований Внутренней Монголии.

В составе 3-го (Западно-Маньчжурского) фронта под командованием генерала Усироку Дзюн находились 30-я армия (командующий — генерал-лейтенант Яда) и 44-я армия (командующий — генерал-лейтенант Хонго). В состав 30-й армии входили: 63-я, 107-я и 125-я пехотные дивизии, 1-я и 2-я маньчжурские кавалерийские дивизии, 1-я танковая бригада, 136-я и 138-я смешанные бригады, 6-я и 7-я пехотные и 1-я кавалерийская маньчжурские бригады. 44-я армия состояла из 108-й, 116-й, 119-й и 138-й пехотных дивизий, 47-й, 131-й и 134-й пехотных бригад, 1-й, 2-й, 4-й, 5-й, 6-й и 8-й маньчжурских пехотных бригад.

В состав 1-го (Восточно-Маньчжурского) фронта под командованием генерала Кита входили: 5-я армия (генерал-лейтенант Наричумэ Симидзу) в составе 1-й, 24-й, 124-й, 125-й, 128-й и 135-й пехотных дивизий и 22-й смешанной бригады, и 3-я армия (генерал-лейтенант Мураками) в составе 79-й, 112-й, 120-й, 122-й, 127-й и 139-й пехотных дивизий и 126-я бригада. 120-я и 122-я дивизия в феврале 1945 года были переведены в 5-ю армию.

Отдельная 4-я армия под командованием генерала Микио Уэмура состояла из 14-й и 57-й пехотных дивизий и 80-й, 131-й и 135-й бригад. Резерв Квантунской армии состоял из 10-й, 28-й и 29-й пехотных дивизий, смешанной бригады и 3-й маньчжурской пехотной бригады. Всего в Квантунской армии насчитывалось 32 пехотные дивизии, 10 бригад и бригада «камикадзе».

Армия Маньчжоу-Го состояла из 1-й и 2-й маньчжурских кавалерийских дивизий, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й маньчжурских пехотных бригад и 1-й маньчжурской кавалерийской бригады.

Армия Внутренней Монголии князя Дэвана состояла из 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й монгольских кавалерийских дивизий, из которых две (6-я и 8-я) были резервными.

9 сентября 1945 г., уже после начала войны, Квантунской армии был подчинен 17-й (Корейский) фронт в составе 34-й армии (59-я и 137-я пехотные дивизии), 58-й армии (120-я, 150-я и 160-я пехотные дивизии, 127-я смешанная бригада), 59-й армии, дислоцированной на островах Сайсю: Чеджудо — Цусима (96-я, 11-я и 121-я пехотные дивизии, 108-я смешанная бригада).

Военная Сунгарийская речная флотилия в Маньчжоу-Го была создана в 1932 г. на базе китайской флотилии на реке Сунгари. Фактически вся деятельность флотилии направлялась представителем штаба главкома Квантунской армии полковником Судо Кэндзи, который являлся советником у командующих Сунгарийской речной флотилией генерал-лейтенанта Цао Бин-Сэн и 4-м военным округом маньчжурской армии. Командующий флотилией по своим правам приравнялся к командующему военным округом Маньчжурии. Начальником штаба у него был генерал-майор японской армии Иван Бунго. Штаб флотилии почти на 70 % был укомплектован офицерами японской армии и флота, а на всей флотилии японских офицеров насчитывалось 36 % от общего состава.

Основу боевой мощи флотилии составляли 4 башенные канонерские лодки японской постройки.

Канонерские лодки «Шунтен» («Shun Tien»)⁹¹ и «Йомин» («Yang-Min» или «Yomin») были построены в 1933 г. в японском городе Харима, а затем в разобранном виде доставлены на судовой верфь Кавасаки в Харбине. В боевой состав Сунгарийской флотилии обе лодки были введены 20 сентября 1934 г. Вторая пара канонерских лодок — «Чин-Чен» и «Тинг-Пиен» («Ting-Pien») — была заложена на той же верфи в городе Харима в 1934 г. Лодки также были собраны на верфи Кавасаки в Харбине и в 1935 г. вступили в строй Сунгарийской флотилии.

Старая канонерка «Рисуй» («Risui») использовалась в качестве учебной. Эта лодка под названием «Фатерланд» («Vaterland») была построена в 1903–1904 гг. на верфи Шихау в германском городе Эльбинг. Канлодка служила германским стационаром в Нанкине и была 18 августа 1914 г. захвачена кораблями Антанты. 20 марта 1917 г. она вошла в состав Китайской флотилии под названием «Li-Sui», а затем была отправлена на реку Уссури. В 1932 г. канлодка вошла в состав Сунгарийской флотилии Маньчжоу-Го и была переименована в «Risui». С начала 1940-х годов «Рисуй» числилась учебной, и ее вооружение состояло из 2 70-мм гаубиц и 4 пулеметов. В перегруз лодка могла брать 30–40 мин.

В составе флотилии имелось не менее трех канлодок, переделанных из грузо-пассажирских колесных пароходов. Среди них была лодка «Chiang-Tung» (бывший пароход «Kotsu») водоизмещением 250 т. Еще две канлодки были переделаны из русских пароходов постройки 1897–1900 гг. В годы Гражданской войны эти пароходы были захвачены китайцами. В Сунгарийской флотилии канлодки получили названия «Chiang-Pien» (бывший «Kongi») и «Chiang-Ching» (бывший «Kosei»).

Бронекатеров в Сунгарийской флотилии было, по разным данным, от 9 до 12, а также не менее 12 сторожевых катеров. Наиболее крупными из них были «Wei-Ming», «Chei-Ming», «Chen-Chien» и «Siao-Chiang».

Резервом флотилии могли служить речные грузовые и пассажирские суда бассейна реки Уссури. Среди них насчитывалось 134 парохода различных типов (в том числе 30 пассажирских) и 281 баржа водоизмещением от 100 до 800 т.

Основной организационной тактической единицей Сунгарийской флотилии был отряд, состоявший из двух кораблей. Весь корабельный состав был сведен в 5 боевых и 8 сторожевых отрядов. Отряды были сведены в маневренные соединения — 1-ю и 2-ю дивизии кораблей, которые составляли эскадру.

Морская пехота Сунгарийской флотилии состояла из 3 полков общей численностью

⁹¹ В различных источниках название канонерки пишется по-разному: «Shu Tien», «Junten». По-русски ближе «Шунтен».

более 2 тыс. человек. Полки предназначались для десантных операций и поэтому имели на вооружении десантные средства — до 50 десантных мотоботов грузоподъемностью 30 человек каждый, 60 малых десантных моторных лодок грузоподъемностью 15 человек каждая и 20 малых и больших резиновых надувных лодок.

1-й и 3-й полки морской пехоты были расквартированы в районе Харбина, а 2-й полк дислоцировался на маневренную базу Фунцзинь. Отряды из этого полка, по 20 человек каждый, находились в Хэйхэ (Сахалин, напротив Благовещенска) и Хутоу (река Уссури, напротив Имана).

Также в Сунгарийской флотилии имелся учебный отряд численностью до 550 человек. Тылы флотилии насчитывали до сотни человек. При штатной численности флотилии 4200 человек к 9 августа 1945 г. в ее составе было только 3250 человек.

Главная база военно-речных сил находилась в Харбине. Там располагались штаб флотилии, учебный отряд, судоверфи и мастерские, госпиталь и другие береговые учреждения.

Основными маневренными базами флотилии были: на реке Сунгари — Саньсин, Цзямусы, Фуцзинь; на реке Амур — Хэйхэ; на реке Уссури — Хутоу.

С 1941 г. для всего личного состава Сунгарийской речной флотилии была введена сухопутная форма одежды, аналогичная армии Маньчжоу-Го.

В 1940-х годах японцы непрерывно строили укрепрайоны в приграничной с СССР и МНР полосе. Всего было построено 17 укрепрайонов, каждый из которых занимал до 100 км по фронту и до 40 км в глубину. Японцы подвели к госграницам стратегические железные и улучшенные грунтовые дороги, построили сеть многочисленных автобаз и аэродромов, складов, ремонтных мастерских, казарм и военных городков.

На огромной по протяженности границе между СССР и Маньчжурией было много мест, практически непроходимых для войск, а укрепрайоны и узлы сопротивления строились на стратегически важных участках. Так, в Приморско-Уссурийском районе к началу военных действий находилось 8 укрепрайонов, основным вооружением которых были 105-мм орудия и пулеметы. Самыми мощными из них были Сахалинский, Хутоуский и Мишаньский укрепрайоны.

Сахалинский укрепрайон основное направление имел против города Благовещенска и устья реки Зеи. Сунгарийский укрепрайон, в составе которого имелось два узла сопротивления — Чайцинский и Тунцзянский, защищал вход в реку Сунгари. Хутоуский укрепрайон угрожал советскому городу Иман и железнодорожной магистрали Хабаровск — Владивосток, проходящей недалеко от правого берега реки Уссури, и мог мешать свободному плаванию кораблей советской Амурской флотилии из Уссури в реку Сунгача и в озеро Ханка, а на маньчжурском берегу вместе с Мишаньским укрепрайоном прикрывал направление на города Мишань и Муданьцзян. Фуцзиньский укрепрайон, входивший во вторую линию японской обороны на сунгарийском направлении вместе с Сунгарийским укрепрайоном, был серьезным препятствием для продвижения войск 2-го Дальневосточного фронта и Амурской флотилии вверх по Сунгари в направлении Харбина.

Следует заметить, что большинство японских фортификационных сооружений могло служить эффективной защитой от дивизионной артиллерии. Многие сооружения были разбиты в августе 1945 г. огнем 122-мм пушек обр. 1931 г. и 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, подведенных на близкие расстояния.

ГЛАВА 27

ПОДГОТОВКА ЯПОНИИ К БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

В октябре 1936 г. в Японии было созвано сверхсекретное совещание, на котором присутствовали 60 человек, среди них были и политики, но преобладали военные. Генерал Бушикава познакомил собравшихся с состоянием исследований по изысканию возможностей применения бактериологического оружия. Эти исследования были начаты по приказу

императора Хирохито.

«Наша экспериментальная лаборатория, — говорил Бушикава, — закончила все подготовительные работы. Отряд, работающий на острове, полностью изолирован от внешнего мира. Не может быть лучших условий для такой работы. Имеется все, что касается оборудования, химикалий, подачи воды, газа и тока».

Первые лаборатории, предназначенные для подготовки бактериологической войны, были созданы в 1935–1936 гг. на территории оккупированной японцами Маньчжурии. Они были строго законспирированы и известны как «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии». Во главе первой команды, названной «отрядом 731», стоял известный японский бактериолог генерал Исии Сиро. Другой командой, скрывавшейся под названием «отряд 100», руководил ветеринарный врач генерал Вакамацу.

В год в отряд 731 доставлялись не менее 600 человек. В основном это были китайцы и маньчжуры, но попадали и русские из эмигрантов, которых японцы сочли подозрительными элементами и отправили в концлагерь «Хогони», а оттуда — во внутреннюю тюрьму отряда 731.

Отряд 731 состоял из восьми отделов. Отдел 1 занимался экспериментальным выращиванием микробов чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа, паратифов и других заболеваний, пригодных, по взглядам того времени, для применения в бактериологической войне. Узники тюрьмы отряда 731 были подопытными кроликами в экспериментах, проводившихся для определения эффективности бактерий.

Отдел 2 носил название «экспериментального» и проводил исследования в области применения бактерий в полевых условиях. В отделе проектировались и изготавливались различные средства доставки бактериологического оружия — фарфоровые авиационные бомбы, артиллерийские снаряды, а также специальные парашюты для сбрасывания бактериологических средств с воздуха. Кроме того, здесь производились различные мелкие средства диверсии и бактериологического нападения в виде автоматических ручек, тростей и др., в которые мог быть помещен заразный материал. Отдел 2 имел в своем распоряжении собственное авиационное подразделение. Также в отделе имелась лаборатория, где в огромных количествах разводили блох для распространения чумы.

В одном только отряде 731 было 4500 инкубаторов, где разводились блохи, для которых создавалась естественная среда. Инкубатор состоял из двух больших стеклянных баллонов, соединенных стеклянной трубкой, но изолированных от внешнего мира. Первый баллон, предназначенный для культивации блох, заполняли до половины смесью опилок, отрубей и высушенной крови и окрашивали черной краской. Второй баллон оставляли пустым и незакрашенным. В черный баллон помещались личинки блох. Вылупившиеся из них насекомые сразу же перебирались в прозрачную банку, где и происходило их дальнейшее культивирование. Чтобы заразить блох чумой, в прозрачную банку помещалась клетка с больными крысами. Быстрота размножения и заражения блох в таких условиях зависела только от температурных условий и обилия пищи.

Представление о масштабах работы по выращиванию блох может дать показание одного из свидетелей на Хабаровском процессе, сообщившего, что только в филиале 543 в районе Хайлара летом 1945 г. одновременно находилось 13 тыс. больных крыс, от которых заражались паразитирующие на них блохи.

Отдел 3 отряда 731 действительно занимался водоснабжением и профилактикой, но и там в мастерских производились гильзы для бактериологических снарядов — авиабомб системы «Исии».

Отдел 4 занимался массовым производством бактерий. Производительность отдела была огромной: за несколько дней там можно было вырастить более 30 тыс. миллиардов бактерий. Отдел этот состоял из двух секций, которые работали независимо друг от друга. На вооружении отдела имелась мощнейшая аппаратура, гарантировавшая массовое производство. Только в одной, первой, секции было 4 котла емкостью до одной тонны

каждый, рассчитанных на приготовление питательной среды для бактерий, и 14 автоклавов длиной 3 м и диаметром 1,5 м для стерилизации питательной среды. В один такой автоклав помещалось 30 культиваторов системы «Исии». В секции имелось 2 комнаты для охлаждения питательной среды, в каждой из которых помещалось до ста культиваторов. Еще в секции имелось 5 термостатов, вмещавших одновременно 620 культиваторов. Аналогично была оборудована и вторая секция. Также в отделе 4 имелись специальные холодильные установки для сохранения выращенных микробов.

На процессе в Хабаровске обвиняемый Карасава показал, что только один отдел 4 при максимальной загрузке оборудования мог произвести в течение месяца 300 кг бацилл чумы, 800–900 кг бацилл брюшного тифа, около 600 кг бацилл сибирской язвы, около 1000 кг бацилл холеры и 800–900 кг бактерий паратифов и дизентерии.

Кроме отрядов 731 и 100 имелось еще несколько филиалов, которые тоже не простаивали.

В числе прочих отделов был «учебно-просветительный». Там готовились кадры, предназначавшиеся для работы по применению в полевых условиях бактериологического оружия.

На станции Аньда располагался опытный полигон для испытаний различных видов бактериологического оружия на людях. Военнопленных привязывали к вкопанным в землю столбам, затем поблизости производился взрыв бактериологического снаряда — бомбы, мины или гранаты. В результате многие военнопленные, получившие осколочные ранения, погибали от газовой гангрены, споры бактерий которой попадали в их организм вместе с осколками. Также вокруг привязанных к столбам военнопленных разбрасывались зараженные блохи, распылялись суспензии болезнетворных микробов и т. д.

На одних военнопленных испытывалось действие новых вакцин, на других — действие ядов и наркотиков. Выжившие подвергались новым испытаниям, пока не умирали. Военнопленных, непригодных для опытов, убивали, так что никто из них не дожил до конца войны.

Первая крупная попытка практического применения бактериологического оружия была предпринята в 1940 г. под личным руководством генерала Исии, организовавшего экспедицию самолетов в район китайского города Нинбо. Вокруг этого города японцы сбросили блох — разносчиков чумы. В результате во всем районе среди китайского населения вспыхнула эпидемия чумы. Эта экспедиция по указанию Исии была заснята на киноплёнку, которая использовалась впоследствии в учебных целях.

Среди прочих «бактериологических атак» следует отметить применение японцами бактерий паратифов и сибирской язвы в момент отвода войск из Центрального Китая в 1942 г. По приказу Исии было использовано 130 кг этих бактерий, которыми были заражены водоемы, поля и продукты питания, умышленно оставленные в диверсионных целях. Тифом и паратифами японцы заражали сотни китайских военнопленных, которых затем выпускали на свободу или оставляли в лагерях на покидаемой японцами территории, в надежде, что освободившие их китайцы также заразятся.

В апреле 1945 г. генштаб японской армии дал указание Исии форсировать выработку бактерий. На оперативном совещании руководящего офицерского совета отряда 731 в апреле 1945 г. Исии указывал на неизбежность бактериологической войны против США и Англии, называя дату начала такой войны — 1945 год. «Нам придется применить последние средства, — говорил Исии. — в том числе и бактериологическое оружие, для того чтобы добиться перелома в пользу Японии».

Стремительное наступление советских войск в августе 1945 г. сорвало планы использования бактериологического оружия. Непосредственно перед капитуляцией по приказу верховного командования личный состав отрядов 731 и 100 уничтожил большую часть своего оборудования. Тем не менее полностью спрятать концы в воду не удалось.

25—30 декабря 1949 г. в Хабаровске состоялся судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении

бактериологического оружия. Дело рассматривалось Военным трибуналом Приморского военного округа. На процессе бывший главнокомандующий Квантунской армией Отодзо Ямада сказал: «Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Советской армии в глубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран».

Обвиняемые были приговорены: главнокомандующий Квантунской армией Отодзо Ямада, начальник санитарного управления этой армии Кадзицука Рюдзи, начальник ветеринарной службы Такахаси Такаацу, начальник отдела бактериологического отряда 731 Кавасима Киоси — на 25 лет лишения свободы каждый; начальник отделения отряда 731 Карасава Томно и начальник санитарной службы 5-й армии Сато Сюдзи — на 20 лет; начальник филиала отряда 731 Ниси Тосихидэ — на 18 лет; начальник филиала отряда Оноуэ Масао — на 12 лет; сотрудники отряда № 100 Митомо Кадзуо — на 15 лет и Хиразакура Дзенсаку — на 10 лет; сотрудники филиалов № 643 и № 162 отряда 731 Курусима Юдзи — на 3 и Кикиути Норимицу — на 2 года.

Однако главным разработчиком бактериологического оружия во главе с Исии удалось бежать в США, где американские «компетентные органы» трудоустроили их по специальности.

ГЛАВА 28

СОВЕТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

В середине августа 1940 г. нарком обороны СССР С.К. Тимошенко и начальник генштаба РККА Б.М. Шапошников направили И.В. Сталину записку по основам стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг. Там говорилось, что «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно и Турцией, и на Востоке — против Японии как открытого противника, или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение».

Как видим, уже за год до войны советское военное руководство в целом предвидело события 1941 г. Таким образом, интенсивное наращивание мощи советских вооруженных сил в 1940 г. и начале 1941 г. объясняется не какими-то агрессивными намерениями советского руководства, а естественным желанием защитить свою страну, которая в силу известных политических и географических аспектов в 1940–1941 гг. оказалась осажденной со всех сторон крепостью.

Далее в записке говорилось: «При нападении на СССР Япония большую часть своих сил направит в Северную Маньчжурию, оставив в Китае для оккупации захваченных областей около 10 пехотных дивизий, 1–2 кавалерийские бригады и часть смешанных бригад. Таким образом, в Северной Маньчжурии и Корее, а также в экспедициях на Сахалин и Камчатку можно ожидать до 39 пехотных дивизий, до 2500 самолетов, до 1200 танков и до 4000 орудий. Армия Маньчжоу-Го в расчет не принимается, как имеющая второстепенное значение.

Итак, при войне на два фронта СССР должен считаться с сосредоточением на его границах — около 270 пехотных дивизий, И 750 танков и до 16 400 самолетов».

В разделе «Вероятные оперативные планы противников» было сказано: «Можно предполагать, что к концу первого месяца сосредоточения японцы будут иметь против СССР и МНР полностью сосредоточенными 25–26 пехотных дивизий, при этом основная масса сухопутных войск, большая часть авиации и танков в первый период войны, а морской флот и морская авиация на всем протяжении войны будут сосредоточены против Приморья. Это подтверждается наличием против Приморья, уже в настоящее время, 4 японских армейских управлений, семи пехотных дивизий и интенсивными работами по подготовке театра на этом направлении. Одновременно против наших восточных берегов и портов будут направлены

действия сильного морского флота Японии».

В разделе «Основы стратегического развертывания на Востоке» говорилось: «При развертывании Вооруженных Сил СССР на два фронта (Запад и Восток) предусматриваются переброски на Запад из состава Забайкальского военного округа одной стрелковой дивизии (46-й) и механизированного корпуса в составе двух танковых дивизий и одной мотодивизии.

Для действий на Востоке предназначаются: 26 стрелковых дивизий, 4 кавалерийские дивизии, 3 отдельные стрелковые бригады, 8 танковых бригад и 43 полка авиации, с постановкой им следующих задач.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ФРОНТ

Основные задачи фронта — решительным ударом частями 17-й Армии уничтожить части японцев и овладеть районом Солунь и Хайларским плато и выйти на фронт Халун Аршан, станция Якеши, имея в виду дальнейшее наступление вдоль Маньчжурской железной дороги на Цицикар и в обход хребта Большой Хинган в долину р. Нонни; — прикрыть южную границу МНР.

17-я Армия — прикрывшись на южной и по восточной границе и взаимодействуя частью сил с 16-й Армией в направлении Ганьчжур, Баины-Обо, ударом главных сил в направлении Солунь, разбить японские части и овладеть районом Солунь. В дальнейшем, наступая в направлении Таонань, выйти в долину р. Нонни на фронте Таонань, Тайлай.

Главные силы армии развернуть в районе Ламыйн Сумэ, г. Дзун Модо, г. Хамар Раба Тамцак-Булак.

Состав армии: 3 мотострелковые дивизии; 2 танковые бригады; 3 мотобронебригады; 4 кавдивизии МНР.

16-я Армия — опираясь на наши укрепленные районы и взаимодействуя с частями 17-й Армии, разбить японские части на Хайларском плато и выйти на фронт оз. Баин-Цаган, станция Якеши. В дальнейшем, действуя вдоль железной дороги и обходя хребет Большой Хинган с юга, выйти в долину р. Нонни на фронт Тайлай, Цицикар.

Главные силы армии развернуть в районе станций Мациевская, Старо-Цурутуй, Борзя.

Состав армии: 3 стрелковые дивизии; 2 кавалерийские дивизии; 1 танковая бригада.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Основными задачами фронта постановить:

1. По окончании сосредоточения перейти в стремительное наступление с целью разгрома основной группировки противника против Приморья и выхода на линию: Бэланьжень, Саньсин, Боли, Нин-Ань (Нингута), Дуннин, госграница до устья р. Туман-ган, имея в виду дальнейшее наступление в общем направлении на Харбин;

2. Обеспечение побережья Тихого океана, Охотского моря, Сахалина, Камчатки от возможных попыток японских войск высадить десант.

2-я Краснознаменная Армия, — опираясь на наши укрепленные районы, разгромить японские силы и, форсировав совместно с Бурейским отрядом Амурской флотилии реку Амур, овладеть районом Бэланьчжань.

Главные силы армии развернуть в районе Благовещенск, Поярково, Куйбышевка.

15-я Армия — опираясь на наши укрепленные районы, форсировать совместно с нижеамурским отрядом Амурской флотилии реки Амур и Уссури, разбить японские части и овладеть районом Саньсин, Боли.

Главные силы армии развернуть в районе Сталинск, Михайло-Семеновское, Биробиджан.

Состав армии: 3 стрелковые дивизии; 1 танковая бригада.

1-я Краснознаменная Армия — временно активно обороняясь по Иманскому направлению и на фронте Полкавка, устье реки Тумень-Улла и обеспечивая с направления Мишаньского

Ура, нанести главный удар к северу от Гродеково, в общем направлении на Мигиучжен, Эхо.

Совместно с Тихоокеанским флотом оборонять берега Тихого океана от устья р. Тумень-Улла до Советской гавани и не допустить высадки на них морских десантов.

Удерживать Приморье в наших руках при всяких обстоятельствах.

Главные силы армии развернуть в районе Дворянка, Гродековский укрепленный район, Михайловское.

Состав армии: 10 стрелковых дивизий; 3 отдельные стрелковые бригады; 2 кавалерийские дивизии; 3 танковые бригады.

Особый стрелковый корпус — совместно с Северной Тихоокеанской флотилией оборонять нижнеамурский укрепленный район, Де-Кастри, бухту Ногаева, Сахалин и Камчатку, не допустив высадки японских десантов.

Состав корпуса — 2 стрелковые дивизии, 1 стрелковая бригада.

Всего в составе Дальневосточного фронта: 24 стрелковые дивизии; 4 стрелковые бригады; 2 кавалерийские дивизии; 5 танковых бригад; 28 полков авиации.

Задачи Военно-воздушных сил фронта:

1. В тесном взаимодействии с наземными войсками уничтожать живую силу противника, его укрепленные районы, массируя удары авиации на главных направлениях наступления армий фронта.

2. Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и аэродромам, а также боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию японцев и с первых же дней войны обеспечить наше господство в воздухе.

3. Мощными ударами по железнодорожным узлам Харбин, Мукден, Чанчунь, Тумынь, Нинбэй нарушить и задержать сосредоточение японцев.

4. Разрушение обоих железнодорожных мостов через р. Сунгари у Харбина и прекращение работы железнодорожного узла Сансамбон — поставить особой задачей.

5. Совместно с Тихоокеанским флотом и его авиацией:

а) нанести удар по морским сообщениям японцев с островов в Северную Маньчжурию;

б) разрушение корейских портов Юки, Расин, Сейсин;

в) атака японского военно-морского флота, транспортов и десантов;

г) оказать содействие наземным войскам и флоту по обороне Камчатки и Сахалина.

6. Истребительной авиации прикрыть сосредоточение, развертывание и действие наших войск.

7. По особому приказанию Главного Командования производить налеты на японские острова.

Задачи Тихоокеанского флота:

1. Совместно с войсками армии оборонять берега Тихого океана от устья р. Тумень-Улла до Николаевска-на-Амуре, побережья Охотского моря, Сахалина и Камчатки.

2. Закрывать Татарский пролив от проникновения японских судов.

3. Удар подводными лодками и авиацией по японским морским сообщениям в Японском море и блокада портов Кореи и западного побережья метрополии.

4. Крейсерские операции подводных лодок у Камчатки и восточных берегов японских островов.

5. Обеспечение левого фланга 1-й Краснознаменной Армии в районе заливов Посьет и Славянский.

Всего на Востоке при этом варианте иметь: 30 стрелковых дивизий, из них 6 из состава Сибирского военного округа; 4 мотострелковые дивизии; 4 стрелковые бригады; 2 танковые дивизии; 4 кавалерийские дивизии; 8 танковых бригад; 47 полков авиации».

Как уже говорилось, Транссибирская железнодорожная магистраль была той единственной ниткой, на которой висел весь русский Дальний Восток.

К 1917 г. Транссибирская магистраль из европейской части до станции Карымская была двухпутной. В связи с обострением ситуации на Дальнем Востоке в середине 1930-х годов началось лихорадочное строительство второго пути на линии Карымская — Хабаровск —

Владивосток. Полностью укладка второго пути была закончена в 1938 г. В 1939–1941 гг. от Транссибирской магистрали были отведены однопутные линии Завитая — Поярково (89 км), Биробиджан — Ленинск (122 км), Манзовка — Турий Рог (144 км), Манзовка — Варфоломеевка (106 км), Сучан — Находка (41 км), Барановский — Краскино (194 км).

В апреле 1932 г. Совнарком СССР принял постановление о строительстве Байкало-Амурской железной дороги. К Наркомату путей сообщения было предъявлено требование «немедленно приступить к подготовке и производству работ на линии Уруша — Тында — Пермское».

В августе 1937 г. последовало новое постановление Совнаркома по строительству БАМа, предусматривающее продолжение линии до Советской Гавани.

Ввод в строй БАМа в начале 1940-х годов имел бы огромное значение для освоения Сибири. Но главное его назначение — это военная стратегическая железная дорога, отстоящая на сотни километров от границы. Однако с началом Великой Отечественной войны строительство БАМа было законсервировано, а ряд уже построенных участков железнодорожного пути разобран. Рельсы пошли в 1942 г. на строительство Сталинградской рокадной дороги и на строительство дальневосточных железных дорог.

Строительство линии Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре началось в 1933 г. под руководством начальника Дальлага НКВД Т.Д. Дерибаса. Одним из значительных сооружений на трассе был Тунгусский деревянный мост длиной 600 м. Все работы, начиная от забивки свай, выполнялись вручную заключенными. В 1936 г. мост был открыт для движения.

Весной 1941 г. началось строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. Эта дорога должна была стать частью БАМа. По проекту длина ее составляла 444 км, предусматривалось сооружение 326 средних и малых мостов, трех тоннелей. За год было уложено 180 км пути и пробит один из тоннелей длиной 776 м. Но с началом войны строительство было законсервировано.

Лишь после разгрома немцев под Сталинградом строительные части, создававшие Сталинградскую рокадную дорогу, были переброшены на Дальний Восток, где они приступили к строительству однопутной железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. Первые поезда по этой линии пошли в 1944 г. хотя полностью дорога была введена в эксплуатацию в 1946 г. Перевозки в 1944–1945 гг. по этой, еще не до конца введенной в строй линии обеспечивали снабжение главной базы Северной Тихоокеанской флотилии.

В 1944 г. была построена военно-полевая железная дорога Березовский — Тамбовка (80 км), была продлена на 40 км ветка до Константиновского (на левом берегу Амура), на Северном Сахалине построена военно-полевая железная дорога Арково — Дербинское.

Таким образом, ко времени подготовки операции против Японии от Транссибирской магистрали к советско-маньчжурской границе подходили 7 однопутных железнодорожных линий, к Японскому морю — 2, и к Татарскому проливу — 1.

Большое количество мостов делало Транссибирскую магистраль очень уязвимой как от ударов авиации, так и от действий диверсантов. Для повышения боевой устойчивости железной дороги с 1938 г. строились обходные пути для наиболее важных мостов. Так, на перегоне Улан-Удэ под рекой Селенга был прорыт самый длинный в СССР (7247 м) железнодорожный подводный тоннель. К 1941 г. были построены глубокие обходы железнодорожных мостов через крупные реки Хор, Бикин, Уссури, Иман, предусмотренные в процессе подготовки к операциям для дублирования железной дороги на ее пересечениях с этими реками. С Зеей, Томью и Буреей также были построены глубокие обходы или паромные переправы (например, у Белогорья через Зею можно было передавать до 400 вагонов в сутки), либо однопутные обходы, на которых были сооружены (или могли быть быстро сооружены) мосты.

Для строительства 123-километрового, с двумя большими тоннелями, Кругобайкальского обхода в апреле 1945 г. по железной дороге были переброшены в район

работ 6-я, 7-я и 9-я железнодорожные бригады.

Отличительной особенностью дальневосточной железнодорожной сети было хорошее развитие станций выгрузки войск. Только 55 погрузочно-выгрузочных мест Приморской железной дороги позволяли освобождать не менее двухсот полных составов эшелонов в сутки.

На Дальний Восток в начале 1945 г. был переброшен особый резерв Наркомата путей сообщений — 5 паровозных колонн по 30 паровозов в каждой с личным составом паровозных и поездных бригад. Кроме того, около 650 паровозов было переброшено с других железных дорог.

Тем не менее на «узких» участках Транссибирской магистрали пропускная способность не превышала 30 пар поездов в сутки, а на отдельных участках направления Иркутск — Владивосток — и 25 пар. Поэтому большое внимание уделялось строительству гужевых дорог.

К августу 1945 г. дорожные войска фронтов включали: управление военно-автомобильной дороги, дорожно-эксплуатационный полк, 17 дорожно-эксплуатационных, 26 дорожно-строительных и 12 мостостроительных отдельных батальонов. Автотранспортные войска к началу операции состояли из трех автомобильных бригад, пяти автомобильных полков и 35 отдельных автотранспортных батальонов фронтового и армейского подчинения.

Значительная часть советско-маньчжурской границы проходила по крупной судоходной магистрали — Амуру, и его судоходному притоку — Уссури. Верхне-Амурское и Нижне-Амурское речные пароходства, обслуживавшие судоходные пути общей протяженностью свыше 4,2 тыс. км, располагали довольно большим флотом, насчитывавшим 251 судно. Но на судах не хватало персонала, запасы топлива были ограничены. Порты и пристани не были подготовлены к массовым перевозкам войск и тяжелой военной техники.

В ходе войны по дну Татарского пролива был проложен нефтепровод, по которому сахалинская нефть перекачивалась на материк.

Предвидя трудности транспортного обеспечения наступательных операций, Ставка Верховного Главнокомандования выделила в помощь Забайкальскому фронту две транспортные авиадивизии, которым пришлось доставлять войскам не только боеприпасы и горючее, но даже воду для личного состава и животных. Из 228 транспортных самолетов, находившихся на дальневосточных фронтах, 189 имел Забайкальский фронт.

ГЛАВА 29 КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ

Рассказом о мирных переговорах или капитуляции принято заканчивать описание боевых действий. Но августовская война 1945 г. уникальна в истории тем, что противник поднял вопросе капитуляции на второй день войны, и тем, что война продолжалась в полном объеме и после капитуляции. Поэтому я просто вынужден предварить описание войны рассказом о капитуляции Японии, поскольку иначе ход боевых действий останется непонятным читателю.

Начну с того, что руководство СССР тщательно маскировало подготовку к нападению на Японию. Зачем была нужна такая сверхсекретность, толком никто из отечественных политиков до сих пор не объяснил. Не надо путать 22 июня 1941 г. с 9 августа 1945 г. Если бы в июне 1941 г. советское руководство доподлинно узнало за два-три дня, что вторжение немцев неминуемо,⁹² то оно могло предпринять ряд кардинальных мер, которые могли изменить ход войны. Так, например, проведение мобилизации и приведение войск западных военных округов в полную боевую готовность, перевод промышленности на военное

⁹² Противоречивые сообщения разведки в счет не идут. К 22 июня «достоверные источники» сообщили в Москву более десятка дат начала войны с Германией, но все они благополучно прошли, и не было никакой уверенности, что очередная дата, 22 июня, станет роковой.

производство и др.

Японское же правительство в августе 1945 г. практически ничем не могло помочь Квантунской армии и гарнизонам на Курилах и Южном Сахалине, даже если бы узнало за месяц о начале вторжения. Это хорошо показали события августа 1945 г.

По моему мнению, больших жертв в августе 1945 г. с обеих сторон можно было бы избежать, если советское правительство пусть даже через неофициальные каналы, объяснило бы японскому правительству цели и задачи наступления советских войск. Можно было популярно объяснить японцам, что Россией движет не жажда кровавой мести за поражения 1904–1905 гг., интервенцию 1918–1922 гг. и обиды 30-х годов, а свои государственные интересы. А рассказы о Порт-Артуре и мучениях Лазо — лишь «агитки» для нижних чинов и малограмотного младшего комсостава.

Государственные же интересы СССР требовали вмешательства в войну на Тихом океане. Нетрудно смоделировать ситуацию в случае дальнейшего сохранения нашего нейтралитета. Япония, безусловно, была обречена на поражение, пусть даже не в 1945 г., а в 1946-м. В течение последующих месяцев войны, несомненно, окреп бы союз Чан Кайши с американцами. Еще до нападения Японии в Китае высадились бы американские войска. После же капитуляции Японии СССР оказался бы в кольце американских баз на Курильских островах и Южном Сахалине. А вдоль всей огромной границы с Китаем дислоцировались бы многочисленные армии Чан Кайши, поддерживаемые американской авиацией.

Вступление СССР в войну с Японией обезопасило наши границы с Китаем почти на 20 лет и дало возможность свободного выхода в океан нашего Тихоокеанского флота.

Считать наступление советских войск в августе 1945 г. агрессией и нарушением советско-японского договора о нейтралитете могут только недобросовестные историки или непонимающие суть происходящего люди. Риторический вопрос: можно ли требовать выполнения договора (контракта, условий сделки и др.) от умершего или находящегося в предсмертной агонии человека? Смерть человека или его агония автоматически прекращают Действие всех договоров и сделок, заключенных им. Другой вопрос, что когда речь идет о межчеловеческих отношениях, то в договорах участвует и третья сторона — наследники умершего, и, разумеется, государственные структуры, которые могут и должны выполнять обязательства покойного или недееспособного человека.

В договоре между СССР и Японией не было ни третьей стороны, ни правопреемников договаривающихся сторон. Поэтому недееспособность одной из сторон автоматически делает любой международный договор ничтожным. Так было и так будет всегда. Развал любого государства всегда затрагивает интересы его соседей — великих держав и автоматически приводит к вмешательству. Кризис власти в России в 1918 г. привел к интервенции стран Антанты и Японии, кризис Польского государства в середине сентября 1939 г. привел к вводу на его территорию советских войск, развал Югославии в 1990-х годах привел к вмешательству в ее дела стран НАТО и т. д.

Еще один риторический вопрос: что бы делала Япония, если бы немецкие войска к зиме 1941 г. вышли на линию Архангельск — Казань — Астрахань? Как уже говорилось, Япония имела соответствующие планы и была готова привести их в исполнение.

Но вернемся к 9 августа 1945 г. Есть достаточно оснований полагать, что если быяпонское правительство было бы уведомлено о том, что единственной целью вооруженных сил СССР является обеспечение безопасности своих границ от войск США и Чан Кайши, то оно могло бы отдать приказ своим войскам попросту «сыграть в поддавки» и открыть зеленую улицу нашей армии и флоту. Увы, этого не произошло. Последствиями просчетов советских дипломатов и пассивности командования Тихоокеанского флота стали Корейская война и превращение Японии в непотопляемый авианосец США. А ведь был и иной путь — вспомним послевоенный статус Австрии и Финляндии.

Об объявлении Советским Союзом войны в Японии узнали 9 августа в 4 часа утра через перехваченную агентством Домэй Цусин радиопередачу. Некоторые официальные лица, например министр иностранных дел Того, услышав сообщение ТАСС, даже высказали

сомнение относительно его подлинности.

Получив сообщение о вступлении СССР в войну, Ставка отдала 9 августа директиву повсеместно подготовиться к оборонительным действиям против Советского Союза. В директиве говорилось:

«1. Советский Союз объявил войну Японии и с 9 часов 9 августа перешел к боевым действиям, которые еще не развернулись в крупных масштабах.

2. Ставка считает, что главная задача сейчас — отражая наступление противника расположенными в пограничных районах силами, быть в готовности перейти на всех участках к оборонительным боям против Советского Союза.

3. Войска 17-го фронта с 6 час. 10 августа включаются в состав Квантунской армии.

4. Главнокомандующему Квантунской армией, отражая наступление противника расположенными в приграничных районах силами, быть в готовности к ведению на всех участках боевых действий против Советского Союза.

В соответствии с вышеуказанным Квантунской армии следует основные усилия сосредоточить против Советской Армии; одновременно минимальными силами быть в готовности отразить наступление американской армии против южной части Кореи.

5. Главнокомандующему экспедиционными войсками в Китае быть в готовности к немедленной переброске части сил и военных материалов в Южную Маньчжурию; одновременно имеющимися в распоряжении силами отразить нападение Советской Армии.

6. Разграничительная линия между Квантунской армией и экспедиционными войсками в Китае — Шаньхайгуань, Дачэнцзы, озеро Далай-Нор, Югодзир-Хид (все пункты для экспедиционных войск в Китае включительно).

7. Командующему 5-м фронтом выполнять ранее поставленную задачу: отражая наступление противника расположенными в приграничном районе силами, быть в готовности к ведению военных действий против Советского Союза по всему фронту».

9 августа 1945 г., в первой половине дня, открылось заседание Высшего совета по руководству войной, на котором премьер-министр Судзуки заявил, что в настоящее время окончание войны на базе принятия Потсдамских решений признается совершенно неизбежным шагом. Судзуки просил членов совета высказать их мнения, после чего разгорелись ожесточенные споры по поводу условий капитуляции. Подробное описание позиций японских лидеров вряд ли представит интерес для большинства читателей, а остальных я отсылаю к книге Такусиро Хаттори «Япония в войне 1941–1945». С. 559–571.

Итак, после ожесточенных споров в ночь на 10 августа (время токийское) кабинет министров поручил министерству иностранных дел уведомить союзные державы о согласии Японии принять условия Потсдамской декларации. К 6 часам утра 10 августа был составлен текст телеграммы с просьбой к правительствам Швейцарии и Швеции передать заявление японского правительства правительствам США, СССР и Китая. В заявлении говорилось: «Императорское правительство, основываясь на желании Его Величества императора, решило принять условия, выдвинутые совместной декларацией, которая была провозглашена 26 июля 1945 года в Потсдаме и к которой присоединилось правительство СССР. Императорское правительство решило принять эти условия, поскольку указанная декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы Его Величества как суверенного правителя».

В ночь на 13 августа группа экстремистски настроенных армейских офицеров попыталась устроить путч в Токио, чтобы заставить императора продолжать войну до победного конца. Однако путч был подавлен в течение нескольких часов.

15 августа в 12 часов по токийскому времени по японскому радио после исполнения национального гимна была передана запись выступления императора, где он сообщил о принятии условий Потсдамской декларации и о своем решении прекратить войну, чтобы установить вечный мир.

Как писал известный японский военный историк Такусиро Хаттори: «10 августа иностранные радиостанции передали сообщение, что Япония принимает Потсдамскую

декларацию, а 11 августа — сообщение о повсеместной капитуляции японских войск. Эти сообщения вызвали серьезное замешательство среди соединений и частей японских войск за рубежом.

Немедленно от командования Южного фронта в Ставку поступила телеграмма следующего содержания: „11 августа в радиопередаче из Токио на английском языке говорилось, что японское правительство получило последнее сообщение из Потсдама. Просим сообщить подробности“».

Командование войск в Китае послало всем подчиненным ему войскам предупреждение: «Иностранные телеграфные агентства сообщают, что Япония якобы приняла условия Потсдамской декларации. К этим сообщениям следует относиться с недоверием и рассматривать их как политическую диверсию со стороны противника».

В связи с этим 11 августа начальник генерального штаба направил телеграмму за № 487 всем армиям, непосредственно подчиненным Ставке. Телеграмма гласила: «Мирные переговоры действительно начаты, но японские солдаты должны быть по-прежнему готовы с честью умереть за нашу родину и императора».⁹³

Надо ли говорить, как подобная ситуация сказалась на боеспособности войск. Отдельные части и гарнизоны могли по-прежнему храбро обороняться, но организовывать наступательные операции теперь не хватало не только топлива, но и желания личного состава. На всех уровнях японского командования с 11 августа царило замешательство. Во многих местах находились офицеры-фанатики, считавшие необходимым сражаться до конца, но подавляющее большинство генералов и офицеров не знало, что делать.

Позицию японских военных еще можно понять, но самое забавное, что речь императора произвела буквально панику в... США. Позже министр обороны США Стимсон писал: «В связи с заявлением о капитуляции Японии президент Трумэн собрал высокопоставленных лиц в Белом доме. Вашингтон был взволнован, мало кто верил в правдоподобность случившегося». Государственный секретарь США Э. Стеттиниус утверждал: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллиона солдат».

Американцы ни морально, ни организационно не были готовы к капитуляции Японии. Быстрее всех пришел в себя главнокомандующий американскими силами на Тихом океане генерал Макартур. Генералу очень хотелось красочного шоу, где главным героем был бы он сам. Ему удалось навязать Объединенному комитету начальников штабов решение, что подписание соответствующих актов на различных фронтах пройдет только после того, как он подпишет главный документ. А пока не было ни мира, ни войны.

16 августа начались непосредственные радиопереговоры на английском языке между штабом Макартура в Маниле, японским правительством и Ставкой. В этот день в 16 часов Ставка передала приказ о прекращении войны всем войскам армии и флота. Для полного прекращения военных действий необходимо было вести конкретные переговоры с противником на местах. Для этого Ставка направила специальную директиву: 16 августа — Квантунской армии, а 19 августа — 5-му фронту. В директиве говорилось: «В период окончания войны разрешаем на местах вести соответствующие переговоры о прекращении военных действий и о порядке передачи оружия».

Лишь 27 августа американские войска высадились в бухте Сагами в Токийском заливе. В ходе высадки произошел забавный инцидент, который хорошо иллюстрирует страхи американцев перед русскими. К месту высадки прибыла группа советских дипломатов. Замечу, что в течение всего августа советское посольство оставалось в Японии. Дипломаты наблюдали за высадкой американцев. Внезапно к ним подлетел «виллис» с американскими солдатами, которые под угрозой оружия заставили дипломатов ехать к командиру дивизии, командующему высадкой.

Лейтенант, командовавший захватом дипломатов, представил их командиру дивизии: «Вот те русские, о которых докладывал майор из разведки». Полковник, не дослушав рапорт лейтенанта, стал истерично орать: «На каком основании русские первыми прибыли в базу Йокосука, разве вам не известно указание Макартура о том, что именно его дивизия занимает базу?» Когда полковник остановился, чтобы перевести дух, дипломаты объяснили ему, что к чему. Бравый полковник быстро сменил тон и стал расточать комплименты русским.⁹⁴ Этот эпизод показывает, что американцы были готовы увидеть советские войска даже в Токио.

Акт капитуляции был подписан 2 сентября 1945 г. По поручению японского правительства акт должны были подписать министр иностранных дел Сигэмицу и представитель Ставки начальник генерального штаба Умэдзу. Их сопровождали 9 человек: по 3 представителя от министерства иностранных дел, военного министерства и военно-морского министерства.

Указанные представители были доставлены на американском эсминце к борту американского линкора «Миссури», который стоял на якоре в Токийском заливе. На палубе линкора японские представители, которым даже не разрешили взять с собой холодное оружие, молча встали перед представителями союзных войск. Церемония подписания акта началась в 9 часов утра. В 9 ч 04 мин акт подписал первым Сигэмицу, а за ним — Умэдзу. Сигэмицу подписал акт «от имени императора и правительства и по их приказу», Умэдзу — «от имени Ставки и по ее приказу». В 9 ч 08 мин в качестве стороны, принимающей капитуляцию, акт подписал верховный главнокомандующий союзных держав генерал Макартур. Кроме него акт подписали представители США, Китая, Англии, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии и Новой Зеландии.

ГЛАВА 30

ПОХОД НА ХАРБИН

Рассказ о разгроме Квантунской армии, занявшей Маньчжурию, советскими войсками я начну с действий Амурской флотилии. Дело в том, что ее корабли оторвались вперед на многие десятки километров от наступавших танковых и мотострелковых частей.

К началу боевых действий с Японией в строю Амурской флотилии находились 5 мониторов типа «Ленин» и 1 монитор «Активный»; канонерские лодки специальной постройки — «Монгол», «Пролетарий» (бывшая «Вотяк») и «Красная Звезда» (бывшая «Вогул»); канонерские лодки, переделанные из мобилизованных речных пароходов, КЛ-30, КЛ-31, КЛ-32, КЛ-33, КЛ-34, КЛ-35, КЛ-36 и КЛ-37; 52 бронекатера, из которых 10 были старой постройки, а остальные — проектов 1124 и 1125; 12 тральщиков, 36 катеров-тральщиков и ряд вспомогательных судов.

Два монитора «Киров» и «Дзержинский», две канонерские лодки «Красное Знамя» и «Бурят» находились в ремонте. Кроме того, 26 новых бронекатеров, большинство из которых было проекта 1125, находились в стадии приемки Амурской флотилией. В боевых действиях они не участвовали.

Кроме кораблей, в состав Амурской флотилии входили 45-й отдельный истребительный авиаполк и 10-й отдельный авиаотряд самолетов-корректировщиков артиллерийского огня.

К началу войны Амурская флотилия была разделена на 3 бригады речных кораблей (1-я, 2-я и 3-я), Зее-Бурейскую бригаду речных кораблей и Сретенский отдельный дивизион речных кораблей, а также на Уссурийский и Ханкайский — отдельные отряды бронекатеров.

1-я и 2-я бригады флотилии высадили несколько десантов в устье Сунгари и оказали активное содействие наступавшим сухопутным частям.

3-я бригада обеспечивала форсирование Уссури 5-м отдельным стрелковым корпусом. За первые четыре дня боевых действий 3-я бригада перевезла через Уссури из села Васильевское в поселок Жаохэ около 6 тыс. человек, 50 орудий и минометов, 150

автомобилей, большое количество боеприпасов и военного имущества. Закончив переброску 5-го стрелкового корпуса, 3-я бригада речных кораблей была направлена на помощь кораблям 1-й и 2-й бригад.

Зее-Бурейская бригада речных кораблей перед войной базировалась в районе Благовещенска в поселках Сазанка, Астрахановка и Малиновка. В состав бригады входили 1 монитор, 5 канонерских лодок и 16 бронекатеров. Корабли и катера Зее-Бурейской бригады произвели десант в городах Сахалине и Айгуни.

После завершения действий на Сахалинском направлении отряд кораблей Зее-Бурейской бригады в составе монитора «Активный», канонерской лодки «Красная Звезда» и 1-го дивизиона бронекатеров 15 августа 1945 г. вышел из Благовещенска на реку Сунгари для содействия войскам 15-й армии, наступавшим на Хабаровск.

Захватив устье Сунгари, войска 15-й армии развернули наступление по обоим берегам реки: по правому берегу продвигались части 361-й стрелковой дивизии и 171-й танковой бригады, а по левому — 34-й стрелковый дивизион. Но передвижению войск сильно мешало плохое состояние прибрежных дорог, размытых ливневыми дождями. Войска растягивались, тылы отставали, так что армейское командование лишилось возможности наносить быстрые и сосредоточенные удары крупными силами по укрепленным районам японцев. Поэтому большие надежды возлагались на корабли Амурской флотилии, которые, приняв на борт сухопутные подразделения, становились передовыми отрядами.

Для перехода вверх по Сунгари были выделены 1-й, 2-й и 3-й бригады речных кораблей. Готовясь к боевым действиям в течение нескольких лет, командование Амурской флотилии не удосужилось добыть ни навигационных, ни даже лоцманских карт реки Сунгари.

Уже после войны флагманский штурман 2-й бригады речных кораблей В.И. Янковенко писал: «Движение кораблей по незнакомой реке проходило в общем-то успешно лишь потому, что противник не создавал нам искусственных навигационных препятствий... При входе в устье реки Сунгари и продвижении вверх по реке мы были удивлены тем, что навигационная обстановка противником не разрушена, створные и прижимные знаки находятся на штатных местах... Удивительно, но факт: война, а противник не пытался затруднить движение наших кораблей по реке. Впоследствии, будучи в Харбине, я уточнил через лоцмана, в чьем ведении находилась служба навигационной обстановки. Оказалось, ею владели не японцы, а маньчжурские власти и управление его находилось в Харбине. Так вот, фонарщики-китайцы, очевидно, намеренно не уничтожили знаки навигационной обстановки».⁹⁵

От себя добавлю, дело, конечно, не в «фонарщиках-китайцах», а в полной деморализации японского командования. Офицеры штаба Сунгарийской флотилии были ошеломлены нападением Советского Союза на Японию, а уже 10–11 августа узнали о переговорах о капитуляции. Тут было не до затопления грузовых судов и барж на фарватере Сунгари и не до минных постановок.

Кстати, и канонерские лодки Сунгарийской флотилии могли если не остановить, то, по крайней мере, надолго задержать продвижение советских кораблей. При удачном выборе позиции и удачной маскировке японские канонерки могли стать неуязвимыми как для советских мониторов, так и для авиации. О возможности этого хорошо свидетельствует пример действий Волжской военной флотилии в 1942 г. под Сталинградом.

10 августа в 15 часов 1-й бригаде речных кораблей была поставлена задача овладения портом Фуцзинь в 70 км выше от устья реки Сунгари. Командир бригады капитан 2 ранга В.А. Кринов решил создать два отряда кораблей. В первый, дозорно-разведывательный отряд, вошли монитор «Сунь Ятсен», 3 бронекатера и отряд катеров-тральщиков. А отряд прикрытия состоял из мониторов «Ленин» и «Красный Восток» и 3-х бронекатеров. Впереди

⁹⁵ Амурцы на защите рубежей отечества. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Амурской флотилии. С. 178, 180.

сухопутных войск было решено выдвинуть танковую бригаду для движения на Фуцзинь вдоль правого берега Сунгари. В десантный отряд вошли два батальона и штурмовая рота. На монитор «Ленин» был посажен 1-й батальон 345-го стрелкового полка, на монитор «Сунь Ятсен» — 3-й батальон 364-го стрелкового полка, на бронекатера — штурмовая рота.

11 августа в 5 ч 40 мин оба отряда направились вверх по Сунгари. Бронекатера и катера-тральщики дозорно-разведывательного отряда шли в 30 кабельтовых (5,5 км) впереди. Через 15–20 км монитор «Ленин» причалил в районе поселка Сусикэ и высадил батальон, который оттуда начал наступление параллельно реке вдоль дороги на Фуцзинь.

На дальних подходах к городу японцы затопили на фарватере две баржи, тем самым перекрыв путь нашим кораблям. Но катера-тральщики нашли обходной фарватер, и в 7 ч 20 мин дозорно-разведывательный отряд был уже на рейде Фуцзуня. Через 4 минуты по кораблям отряда японцы из дотов и дзотов, расположенных на набережной на правом берегу, открыли огонь. Советские корабли, не останавливаясь, вели ответный огонь.

Три монитора, бронекатера и катера-тральщики, маневрируя, вели огонь по японцам с коротких дистанций. Советские корабли стреляли прямой наводкой, и к 8 ч 30 мин все огневые точки противника в районе пристани и часть дотов и дзотов на набережной были подавлены. В это же время бронекатера, прорвавшись к берегу, высадили штурмовую роту, а через 15 минут началась высадка батальона с монитора «Сунь Ятсен», длившаяся 4 минуты. Батальон закрепился и начал наступление в глубь города. В 9 часов утра в Фуцзинь с севера вошла 171-я танковая бригада, и город был быстро очищен от противника.

В ночь на 12 августа к Фуцзиню по берегу прибыли два стрелковых батальона и артиллерийский дивизион 364-го стрелкового полка. 13 августа из Лобоя подошел усиленный стрелковый батальон 83-го полка 34-й стрелковой дивизии. Теперь для окружения и штурма Фуцзиньского укрепрайона сил стало достаточно, и к полудню 13 августа этот укрепрайон был взят.

В эти же дни части 34-й стрелковой дивизии вели наступление по дороге Лубэй — Цзямусы, проходящей в 100–120 км от левого берега Сунгари. У Синьшаньчжень советские части натолкнулись на упорное сопротивление японцев. Оставив отряд для ликвидации укрепленного сектора, командир дивизии с остальными силами к 14 августа подошел к Линьцзянкуу. Планы советского командования с ходу овладеть городом Цзямусы были сорваны, так как японцы взорвали мост через Сунгари, а все попытки частей 34-й дивизии форсировать реку были отражены противником.

Сопротивление противника все усиливалось, размытые ливнями дороги замедляли темпы продвижения 15-й армии. В связи с этим 13 августа Военный Совет 2-го Дальневосточного фронта поставил перед Амурской флотилией задачу — взаимодействии с десантными войсками 361-й и 388-й стрелковых дивизий и 171-й танковой бригады и совместное овладение городом Цзямусы, находящимся более чем в 200 км от устья Сунгари.

14 августа в 5 ч 35 мин корабли 1-й бригады речных кораблей закончили посадку 349-го полка неполного состава 361-й стрелковой дивизии, сводного отряда 83-го полка 34-й стрелковой дивизии и пошли вверх по Сунгари. Движению сильно мешал сплошной поток бревен и плотов, спущенных противником с верховьев реки. В населенных пунктах Кэхома и Синьсаньдженя японцев не оказалось, да и вся местность вокруг была затоплена вышедшей из берегов Сунгари, поэтому высадку тут решено было не производить. 15 августа в 10 ч 25 мин советский десант был высажен в 40 км ниже города Цзямусы.

При подходе кораблей 1-й бригады к Цзямусы, в 22 часа, японцы взорвали железнодорожный мост, но корабли нашли проход между разрушенными фермами и уже в 22 ч 15 мин вошли на рейд Цзямусы. Несколько плененных японских солдат и офицеров показали, что части японской 134-й дивизии, оборонявшей Цзямусы, еще 13 августа отошли на Саньсин, но в городе осталось до пятисот «смертников». 7-я смешанная японско-маньчжурская бригада численностью до 3500 человек с оружием и техникой отошла в район Мангали. На основании полученных сведений командующий Амурской флотилией решил части 632-го стрелкового полка с кораблей 2-й бригады, вышедшей в 21 час 14 августа из

Фуцзина, высадить в район Мингали с задачей отрезать отход 7-й японско-маньчжурской бригаде и внезапным ударом заставить ее капитулировать.

16 августа в 11 часов с 3-го отряда бронекатеров и 3-го отряда катеров-тральщиков 2-й бригады речных кораблей было высажено по роте автоматчиков, отряд разведывательного отдела штаба флотилии и корректировочные посты. Мониторы заняли огневые позиции и находились в полной готовности к открытию огня и высадке основного десанта. Через полтора часа командир 3-го отряда бронекатеров, командовавший высаженным десантом, донес: «Разоружение и пленение частей 7-й бригады идет успешно». В 15 ч 30 мин мониторы высадили на пристань Цзямусы остальные части 632-го стрелкового полка, которые совместно с частями 361-й стрелковой дивизии полностью очистили город от противника.

В ночь на 16 августа передовая рота 34-й стрелковой дивизии донесла, что ведет бой с превосходящими силами противника на левом берегу Сунгари, южнее Линьцзянкуо. В этот район были высланы бронекатера 2-й бригады, которые артиллерийским огнем поддерживали передовой отряд, и японцы, понеся большие потери, капитулировали.

16 августа в 14 ч 29 мин вверх по Сунгари вышел разведывательный отряд в составе монитора «Сунь Ятсен» и трех бронекатеров БК-20, БК-23 и БК-47. В 17 ч 30 мин в 30 км выше Цзямусы, напротив селения Аоцин, отряд был обстрелян с берега ружейно-пулеметным огнем. Корабли открыли ответный артиллерийский огонь и одновременно высадили корабельный десант в составе 27 человек и разведотряд штаба Амурской флотилии в составе 16 человек. При огневой поддержке своих кораблей высаженный десант стремительно атаковал японцев, находившихся в селении Аоцин. По официальным донесениям, после короткого боя японцы сдались, потеряв 27 человек убитыми. В плен сдались 686 японцев, среди них оказался начальник 4-го военного округа Маньчжурии. Среди трофеев советских десантников было 20 станковых и ручных пулеметов, 3 миномета, 600 винтовок, 5000 патронов и другое военное имущество. По воспоминаниям же командира монитора «Сунь Ятсен» В.Д. Корнера, в плен взяли 337 японцев, а об убитых вообще ничего не говорится. Можно ли предположить, что 43 десантника разгромили гарнизон в составе 713 японцев с 20 пулеметами и тремя минометами? Видимо, японцы попросту сдались без боя или сразу после нескольких выстрелов корабельных орудий.

В тот же день, 16 августа, в 19 ч 20 мин монитор «Сунь Ятсен» отошел от берега и взял курс на Саньсин. Выше Аоцина поток плывущих по Сунгари бревен и плотов стал еще плотнее, и монитор с большой осторожностью пробирался сквозь завалы, но в сгустившейся темноте все же натолкнулся на большой плот и стал на якорь, чтобы освободиться от бревен. Бронекатера, следовавшие за монитором, также бросили якоря. Только к двум часам ночи общими усилиями аварийной и боцманской команд удалось освободить от бревен монитор. Съемка с якоря была назначена на 5 часов утра 17 августа, но в 4 часа на реку опустился такой густой туман, что о дальнейшем движении не могло быть и речи. Только к 8 часам туман стал редеть, тут же была дана команда выбрать якорь, и монитор очень медленно стал подниматься по Сунгари.

Вскоре сигнальщики разглядели сквозь туман, что впереди через реку тянутся какие-то провода, немедленно об этом было доложено командиру. Направив бинокль выше кромки тумана, командир увидел воздушную высоковольтную линию электропередач, которая прямо по курсу имела наибольший провис. Чтобы не задеть ее, пришлось резко изменить курс и пройти вплотную от правого берега реки.

Около 11 часов утра 17 августа монитор «Сунь Ятсен» открыл огонь по селению Хунхэдао с дистанции 10–12 кабельтовых (1830–2196 м). Японцы открыли ответный огонь. За первые 8 минут боя в монитор попало 3 снаряда калибра 37–75 мм, но ни один из них не пробил броню и не повредил жизненных частей корабля. Корабельные же 120-мм осколочно-фугасные снаряды наносили противнику, находящемуся на открытой местности, заметный урон. На 15-й минуте боя по монитору открыла огонь японская батарея 105-мм гаубиц. Первым же залпом монитор был накрыт, два снаряда легли недолетом, а один попал в кранец волнореза для хранения продовольственных запасов впереди 1-й башни. Там лежало три

мешка муки, силой взрыва вся мука была поднята в воздух и белой пеленой окутала носовую часть корабля. Японцы решили, что монитор взорвался и даже отправили об этом телеграмму в Харбин, но серьезных повреждений корабль не получил.

Еще через несколько минут в район ходового мостика попало 2 малокалиберных снаряда. Одним снарядом был выведен из строя левый зенитный автомат и ранены 3 человека его прислуги, второй снаряд угодил в ящик с 37-мм патронами для зенитных автоматов. С большим трудом личному составу удалось выбросить горящие патроны за борт.

Монитор и бронекатера прошли мимо японских позиций и в нескольких километрах за крутым изгибом Сунгари укрылись от наблюдателей противника. На этой позиции монитор стал дожидаться остальных кораблей флотилии. В 16 часов 17 августа к «Сунь Ятсену» подошли основные силы 1-й бригады речных кораблей. В 16 ч 25 мин мониторы и бронекатера открыли огонь по селению Хунхэдао. В 17 ч 30 мин монитор «Ленин» под прикрытием огня других мониторов и дымзавесы с бронекатеров высадил батальон, который закрепился на берегу и повел наступление на Хунхэдао. К 23 часам 17 августа сопротивление противника в Хунхэдао было сломлено.

Сняв с берега десант, корабли продолжили движение к Саньсину. В 7 ч 15 мин 18 августа в Юйцзятуне к 1-й бригаде речных кораблей присоединилась 2-я бригада, которая вышла из Цзямусы 17 августа в 17 ч 15 мин.

Утром 18 августа четыре бронекатера с десантом двинулись к Саньсину. По пути они догнали китайский или японский пароход, пытавшийся уйти вверх по реке, и потопили его артиллерийским огнем. Затем катеры высадили бойцов из 632-го стрелкового полка на набережную Саньсина. Японцы вяло отстреливались, а вскоре и вообще прекратили сопротивление.

В 10 часов утра 18 августа на борт монитора «Дальневосточный комсомолец» прибыл начальник штаба 134-й японской пехотной дивизии подполковник Фудзимото и заявил о готовности подчиненных ему частей капитулировать. 632-й стрелковый полк приступил к разоружению японских частей. Всего в Саньсине были разоружены 1780 японских солдат и офицеров. Трофеями Амурской флотилии стали 5 буксиров, пароход, 2 земснаряда, 19 барж, несколько складов с боеприпасами, топливом и продовольствием.

В 20 часов 18 августа командующий Амурской флотилией приказал отряду из восьми бронекатеров (БК-13, БК-21, БК-22, БК-24, БК-51, БК-52, БК-53 и БК-54) под командованием капитан-лейтенанта В.Н. Дорошенко идти на Харбин. Выход был назначен на 3 часа ночи 19 августа. На Харбинский рейд бронекатера прибыли в 8 часов утра 20 августа. Сопротивления японцев не было, катера пришвартовались к пристани недалеко от здания штаба японской Сунгарийской флотилии. Через некоторое время десантники привели на борт катера БК-13 командующего японской флотилией. Это был пожилой китаец в звании генерал-лейтенанта.

Вопрос о занятии Харбина довольно спорен. Фактически Харбин был захвачен еще 16 августа... местным русским населением. В Харбине было советское консульство и, кроме того, несколько советских организаций. 240 советских граждан объединились во главе с сотрудником консульства (из какого ведомства — нетрудно догадаться) Н.В. Дрожжиным и образовали отряды обороны. Основной же силой, разоружившей японцев в Харбине, стали две-три тысячи русских эмигрантов. Они взяли под охрану радиостанцию, железную дорогу, пароходы, водонасосные станции и склады.

18 августа в 19 часов на аэродроме Харбина приземлились советские транспортные самолеты. С них был высажен десант в составе 120 человек. Однако это были не ВДВ, а солдаты 20-й мотостурмовой инженерной саперной бригады 1-го Дальневосточного фронта. Вместе с десантниками вылетел заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Г.А. Шелахов. Фактически это был не десант, а конвой ответственного парламентаря. В 19 ч 30 мин на аэродроме состоялась встреча Шелахова с группой японских генералов, возглавляемых начальником штаба Квантунской армии генерал-лейтенантом Хата.

Переговоры затянулись, но к 23 часам 18 августа, как и было обусловлено на переговорах с японцами, в консульство прибыл командующий 4-й японской армией со своим

начальником штаба и вручил в письменной форме ответы на предъявленные условия о капитуляции, а также приказ командующего Квантунской армией о прекращении боевых действий и о разоружении, именной список генералов и сведения о личном составе частей харбинского гарнизона, насчитывавшего свыше 43 тыс. человек.

В 7 часов утра 19 августа начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата с группой японских генералов и офицеров были отправлены с Харбинского аэродрома одним самолетом на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта.

К моменту прихода кораблей Амурской флотилии 120 десантников реально контролировали только аэродром Харбина. Поэтому можно считать, что первыми в Харбин пришли моряки-амурцы. Вслед за бронекатерами в Харбин прибыли и мониторы «Ленин», «Сунь Ятсен» и «Красный Восток».

Трофеями Амурской флотилии стали почти все корабли японской Сунгарийской флотилии, в том числе 4 башенные канонерские лодки, 3 колесные канлодки, 9 бронекатеров, 8 сторожевых катеров, 30 буксирных пароходов, 20 грузопассажирских пароходов, много барж и других плавсредств. Любопытно, что на башенных канлодках отсутствовали 120-мм универсальные орудия. Еще зимой 1944–1945 гг. японцы сняли их и использовали как зенитные пушки на суше для прикрытия какого-то важного для них объекта.

Символично, что в СССР командующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада был доставлен на корабле Амурской флотилии — боносетевомзаградителе ЗБ-1 (типа СБ-58). До 9 августа 1945 г. этот корабль охранял Хабаровский мост через Амур от мин и диверсантов.

Поход Амурской флотилии на Харбин не имел аналогов в истории войн XX века. Ее корабли действовали полностью самостоятельно, фактически без прикрытия авиации. Сухопутные части отстали от кораблей флотилии на многие десятки километров. Моряки флотилии действовали храбро и решительно. Грамотно действовали и командиры. К недостаткам можно отнести неудовлетворительное ведение разведки и незнание театра военных действий. Поход на Харбин можно было начать на несколько дней раньше, сразу же после захвата устья реки Сунгари.

Боевые потери Амурской флотилии оказались незначительными: убиты 4 офицера, 28 старшин и матросов. Для раненых эти цифры составили 3 и 44 человека. Потерь в судовом составе не было.

ГЛАВА 31

НАСТУПЛЕНИЕ 1-ГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Перед наступлением командование 1-го Дальневосточного фронта получило приказ нанести главный удар силами двух общевойсковых армий, одного механизированного корпуса, одной кавалерийской дивизии из района Гродеково в общем направлении на Мулин — Муданьцзян, чтобы к двадцать третьему дню операции достигнуть рубежа Боли — Нингута — Дунцинчэн — станция Саньчакоу. В дальнейшем войскам предстояло выйти на линию Харбин — Чанчунь — Ранан. С целью обеспечения их действий на этом направлении планировались два вспомогательных удара: один на севере, другой на юге.

В час ночи 9 августа началось наступление войск 1-го Дальневосточного фронта. Внезапности нападения способствовал проливной грозовой дождь. Противник был застигнут врасплох. Хотя японские гарнизоны и получили приказ о готовности к отражению возможного наступления, предпринять что-либо они не успели. Передовые батальоны, с которыми в качестве проводников шли группы пограничников, точно выходили к намеченным объектам и уничтожали долговременные сооружения противника. О роли пограничников свидетельствует тот факт, что за два дня, 9 и 10 августа, в Приморском пограничном округе только без вести пропали 14 человек. Замечу, что потери пограничников в общие сводки не включены и полностью до сих пор не посчитаны.

За передовыми частями перешли в наступление главные силы фронта. В полосе 35-й

армии войска форсировали реки Уссури и Сунгари и в тот же день прошли 10 км. Боевые действия войск 1-го Дальневосточного фронта затруднялись тем, что они велись в тайге и при полном бездорожье. Для движения артиллерии, танков и автомобилей прокладывались колонные пути, для устройства которых создавались отряды, куда входили несколько танков, подразделения автоматчиков и саперов. Танки валили деревья, а автоматчики и саперы растаскивали их и расчищали путь шириной до 5 м, затем дороги совершенствовались специальными частями.

Для ликвидации групп противника, окруженных в отдельных узлах сопротивления и опорных пунктах, оставлялись подразделения с артиллерией и авиацией. Японские гарнизоны этих пунктов оказывали ожесточенное сопротивление вплоть до 26 августа.

Главные силы фронта в трудных условиях горно-лесистой местности за двое суток на отдельных направлениях продвинулись на 75 км и овладели центрами укрепрайонов Хутоу, Пограничная, Дуннин и другими населенными пунктами. Активную помощь наземным войскам оказывала фронтовая авиация. Она наносила массированные удары по городам Хутоу, Чанчунь и Муданьцзян. Истребительная авиация надежно прикрывала свои войска с воздуха. Японские же самолеты лишь изредка, в основном по одному, реже небольшими группами, осмеливались пересекать линию фронта.

Чтобы прикрыть подступы к Центральной Маньчжурии, японское командование сосредоточило основное внимание на удержании рубежа по рекам Мулинхэ и Муданьцзян, и особенно города Муданьцзян. Здесь оборонялись войска 5-й японской армии в составе 5 пехотных дивизий, усиленных артиллерией. Подступы к Муданьцзяну прикрывались многочисленными долговременными железобетонными сооружениями, насыщенными пулеметами и артиллерией.

На муданьцзянском направлении наступали войска ударной группировки фронта — 1-я Краснознаменная и 5-я армии. С воздуха их поддерживали соединения бомбардировочной и штурмовой авиации, которые наносили эффективные удары по узлам сопротивления противника, отступающим войскам и подходящим резервам. 59-й стрелковый корпус 1-й армии с 75-й танковой бригадой сломил упорное сопротивление японцев в районе станции Машаньжань и овладел крупным узлом дорог — городом Линькоу, в результате чего Муданьцзян был отрезан с севера.

26-й стрелковый корпус с 257-й танковой бригадой, уничтожая отдельные группы японцев, передовым отрядом форсировал реку Муданьцзян и ворвался с севера в город Муданьцзян. Здесь начались ожесточенные бои, доходящие до рукопашных схваток. Одновременно войска 5-й армии прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника, овладели городом Мулин и развили наступление на Муданьцзян с востока.

Понимая важное оперативно-стратегическое значение Муданьцзяна, японцы принимали все меры к тому, чтобы удержать город в своих руках и этим воспрепятствовать продвижению советских войск в Центральную Маньчжурию. Японское командование перегруппировало свои войска с целью усиления муданьцзянской группировки. В результате этого только в полосе 5-й армии действовало 10 артиллерийских и 11 минометных батарей. На подступах к городу японцы заблаговременно подготовили оборону. Бои за Муданьцзян приняли напряженный характер.

14 августа бои за Муданьцзян развернулись с новой силой. Ломя сопротивление противника, советские бойцы продвигались к городу. Наиболее тяжелая обстановка сложилась в частях 26-го стрелкового корпуса, который вел бои в самом городе. Японцы неоднократно переходили в контратаки. Сотни смертников охотились за советскими офицерами и генералами, уничтожали танки и автомобили. Под натиском превосходящих сил противника передовые части корпуса были вынуждены покинуть город и отойти на 8—10 км на северо-восток.

Войска левого крыла фронта (25-я армия) успешно развивали наступление на Ванцин, а частью сил 12 августа овладели северокорейским портом Расин.

За 6 дней непрерывных боев части и соединения 1-го Дальневосточного фронта

прорвали долговременную оборону японцев, продвинулись в глубь Маньчжурии на 100 км и завязали бои за Муданьцзян. Одновременно были созданы благоприятные условия для наступления на юг, в Корею, и для изоляции японских сил в Маньчжурии от войск в Корее.

17 августа части 35-й армии овладели городом Боли, где взяли в плен до двух тысяч японских солдат и офицеров.

Успешно развивалось наступление и на главном направлении. Группировка противника в Муданьцзяне оказалась полуокруженной. 1-я армия подошла к городу с севера, а части 5-й армии — с востока. Советские войска начали новую подготовку к штурму города. Командование 26-го стрелкового корпуса решило нанести удар по противнику с двух направлений. 22-я стрелковая дивизия, форсировав реку Муданьцзян в 10–12 км севернее города, должна была овладеть северо-западной его частью; 300-я стрелковая дивизия с 257-й танковой бригадой — восточной и юго-восточной частями.

В 12 часов 15 августа из района севернее Муданьцзяна перешла в наступление 300-я стрелковая дивизия и в результате ожесточенного боя улучшила свои позиции. В 19 часов 22-я стрелковая дивизия на подручных средствах приступила к форсированию реки. К утру 16 августа войска сосредоточились на левом берегу и были готовы нанести удар по городу с севера. В 7 часов утра 16 августа корпус возобновил наступление. Пехота противника, опираясь на поддержку артиллерии и укрепления полевого типа, оказала упорное сопротивление. Однако, благодаря абсолютному превосходству в силах, советские войска прорвали японскую оборону.

300-я стрелковая дивизия с 257-й и 77-й танковыми бригадами (последняя подошла сюда в ходе боя 15 августа) овладели станцией Эхо, расположенной в 5 км восточнее Муданьцзяна, вышли к реке и приступили к ее форсированию.

Тем временем 22-я стрелковая дивизия, сломив сопротивление противника, ворвалась в город с северо-запада. Боясь окружения, японцы стали отходить. Этим воспользовались части 300-й дивизии, которые на плотках и рыбацких лодках переправились через реку Муданьцзян и ворвались в город с востока.

В результате действий 26-го стрелкового корпуса был взят город Муданьцзян — крупный промышленный центр, узел дорог и опорный пункт, прикрывавший выход в центральные районы Северо-восточного Китая. Здесь были разгромлены основные силы 5-й японской армии. Позже об этом рассказал ее бывший командующий генерал-лейтенант Симидзу Норицунэ: «Мы не ожидали, что русская армия пройдет через тайгу, и наступление русских внушительных сил со стороны труднодоступных районов оказалось для нас совершенно неожиданным. Потери 5-й армии составили более 40 тысяч, то есть около 2/3 ее состава. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла. Как бы мы ни укрепляли Муданьцзян, отстоять его не представлялось возможным».

Утром 16 августа перешли в наступления и войска советской 5-й армии. Они прорвали долговременную оборону восточнее Муданьцзяна, подошли к окраинам города и здесь были остановлены, так как в городе уже успешно действовали войска 1-й армии. 5-я армия получила приказ развить наступление на Гирин, а 1-я армия — на Харбин.

Войска 25-й армии, 16 августа освободив город Винцин, а 17 августа — город Тумынь, развивали наступление на северные районы Кореи. Одновременно часть сил наступала вдоль восточного побережья Северной Кореи на город Сейсин.

14 августа в Сейсине был высажен советский морской десант. 16 августа в город вступили подразделения 393-й стрелковой дивизии, входящей в состав 25-й армии.

18 августа передовой отряд 1-й армии из района Муданьцзяна двинулся на Харбин. 25-я армия и 10-й механизированный корпус развивали наступление на Гирин.

Стремясь ускорить капитуляцию Квантунской армии, советское командование решило высадить в наиболее крупных городах Северо-восточного Китая воздушные десанты. Как и в Харбине, эти десанты производились посадочным способом, а десантники представляли собой конвой высокопоставленных парламентаров.

19 августа в 12 часов дня на военном аэродроме Чанчуня сел самолет Си-47,

эскортируемый девятью истребителями Як-9. На борту самолета находился уполномоченный командующего Забайкальским фронтом полковник И.Т. Артеменко в сопровождении пяти офицеров и шести рядовых. Вместе с Си-47 на аэродром сели три Як-9, а остальные улетели. Через некоторое время на аэродром прибыл заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал Мацуока с группой офицеров. После нескольких часов переговоров Ямада согласился со всеми условиями и отдал приказ о разоружении 15-тысячного гарнизона Чанчуня.

Почти одновременно с десантом в Чанчуне в 13 ч 15 мин 19 августа был высажен десант в Мукдене (Шэньяне). Парламентером в десанте был уполномоченный Военного Совета Забайкальского фронта начальник политотдела генерал-майор А.Д. Притула. Вместе с ним прилетели 225 солдат и офицеров из 6-й Гвардейской танковой армии. Вскоре по прибытию Притула вступил в переговоры с командующим 3-м фронтом генералом Усироку Дзюн.

Тем временем на Мукденском аэродроме десантники захватили «ценный приз» в виде последнего китайского императора Пу И. После нападения Советского Союза главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада потребовал от Пу И, чтобы он переехал в Корею для последующей отправки в Японию. 12 августа Пу И покинул столицу Маньчжоу-Го — город Чанчунь и со своей свитой на следующий день прибыл поездом по назначению. Однако самолетов для отправки Пу И в Японию на корейских аэродромах не оказалось. Поэтому рано утром 17 августа он был переправлен на самолете в Мукден, чтобы пересесть на большой самолет и вылететь в Японию. Через несколько дней после ареста императора Пу И и его брата Пу Цзе советские власти отправили в СССР.

К 19 часам 19 августа переговоры с Усироку Дзюн были закончены, и японский гарнизон начал сдаваться.

19 августа в 15 ч 30 мин из Харбина в штаб 1-го Дальневосточного фронта был доставлен начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хикосабуро Хата, где он был принят маршалами А.М. Василевским и К.А. Мерецковым. В состоявшейся беседе маршал Василевский предупредил генерала Хата, чтобы японские войска сдавались организованно, вместе со своими офицерами. Согласившись с требованиями советского командования, Хата высказал свою просьбу: до прихода советских войск в Харбин, Чанчунь, Ранан (о высадке советских десантов он еще не знал) и другие населенные пункты Северо-восточного Китая и Кореи оставить у японских солдат оружие, так как «население там ненадежное». Такое признание лишней раз свидетельствовало об отношении к японцам местного населения.

Маршал Василевский через генерала Хата вручил ультиматум командующему Квантунской армией генералу Ямада. В ультиматуме советское командование требовало «немедленно прекратить боевые действия частей Квантунской армии повсюду, а там, где окажется невозможным быстро довести до сведения войск приказ о немедленном прекращении боевых действий, прекратить боевые действия не позднее 12.00. 20 августа 1945 г.».

Где-то между 21 и 23 августа войска 1-го Дальневосточного фронта вступили в Харбин. Обстоятельства и время занятия Харбина советскими сухопутными войсками постоянно «смазывались» нашими официальными военными историками. Ясно лишь одно, что первыми Харбин заняли моряки Амурской флотилии, и лишь спустя несколько дней — сухопутные войска. Причем неясно, сумели ли опередить войска 1-го Дальневосточного фронта своих соседей— 15-ю армию 2-го Дальневосточного фронта.

ГЛАВА 32

НАСТУПЛЕНИЕ 2-ГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА

В оперативную зону действия 2-го Дальневосточного фронта входили тысячи километров границы от реки Бикин на востоке до слияния рек Аргунь и Газимур на западе.

Согласно плану наступления, фронт наносил главный удар силами 15-й армии из района Ленинское на сунгарийском направлении и вспомогательный, силами 5-го стрелкового корпуса, из района Бикин на жаохэйском направлении. Остальным войскам фронта предстояло перейти в наступление на следующий день. 15-я армия должна была во взаимодействии с двумя бригадами речных кораблей Амурской флотилии и при поддержке авиации 10-й воздушной армии форсировать Амур по обе стороны устья реки Сунгари, овладеть городом Тунцзян и развивать наступление на Цзямусы и Харбин.

Войска 2-го Дальневосточного фронта начали наступление в ночь на 9 августа. В начале операции активные наступательные действия велись на двух направлениях — сунгарийском (вдоль реки Сунгари) и жаохэйском. Сунгарийское направление считалось главным, там действовали войска 15-й армии. На жаохэйском направлении действовали войска 5-го стрелкового корпуса. Лето 1945 г. выдалось дождливым, в июле и августе шли проливные дожди, вода в реках поднялась, вышла из берегов и затопила окрестности. Это сильно осложняло наступление советских войск. Места, намеченные для сосредоточения войск, оказались затопленными, дороги размыты. Заболоченные берега Амура крайне затрудняли подход к реке и выбор участков для переправ. Поэтому места сбора войск и пункты переправ приходилось намечать вновь и далеко от обороны противника.

Чтобы обеспечить форсирование Амура, командование 2-го Дальневосточного фронта усилило 15-ю армию переправочными средствами: понтонными парками, плавающими автомобилями и баржами Амурского речного пароходства. Но главную роль сыграли корабли Амурской флотилии. Они переправили большую часть войск и боевой техники, а также подавляли артиллерийским и пулеметным огнем огневые точки противника, располагавшиеся на берегу и мешавшие форсированию реки. Преодолевая сопротивление японцев, передовые отряды 9 августа заняли несколько островов на Амуре, плацдарм севернее города Тунцзян и овладели городом Фуюань, разгромив там японский гарнизон.

В это время 5-й стрелковый корпус, действовавший на жаохэйском направлении, форсировал на подручных средствах реку Уссури и овладел японским опорным пунктом Дуньяньчжэнь (Дуньянь). Южнее этого города был захвачен второй плацдарм. Передовые отряды 2-й Краснознаменной армии установили, что японцы оставили на побережье Амура лишь небольшие группы прикрытия и гарнизоны в отдельных опорных пунктах, а главные силы отвели на 10–15 км в глубь Маньчжурии.

Оценив сложившуюся обстановку, командующий 2-й Дальневосточной армией генерал армии М.А. Пуркаев принял решение о переходе в наступление основных сил фронта. В ночь на 10 августа началась переправа основных сил на сунгарийском направлении. За ночь корабли Амурской флотилии переправили 361-ю стрелковую дивизию в составе более четырех тысяч человек с артиллерией, автомобилями и боеприпасами. С утра 10 августа, не дожидаясь полного сосредоточения дивизии, переправившиеся подразделения при активной поддержке самолетов 253-й штурмовой авиадивизии перешли в наступление и овладели городом Тунцзян.

Войска 15-й армии продолжали развивать наступление на Цзямусы и Харбин. Упорные бои развернулись за город Фугдин и Фугдинский укрепрайон. На южной окраине Фугдина находился хорошо оборудованный и приспособленный к круговой обороне военный городок. Он был окружен противотанковым рвом и валом с пулеметными дотами и дзотами. В самом городке была целая система артиллерийских и пулеметных дотов и дзотов, замаскированных под жилые дома и соединенных между собой траншеями и ходами сообщения. На подступах к городку с севера и с востока располагалось несколько опорных пунктов. Обороняли городок три батальона 134-й японской пехотной дивизии.

В ночь на 12 августа в Фугдин вошли главные силы 361-й дивизии и 171-й танковой бригады. С утра 13 августа части дивизии при поддержке танков и артиллерии кораблей Амурской флотилии атаковали военный городок. Вскоре весь гарнизон городка был разгромлен, а к вечеру 14 августа закончилась ликвидация японских войск во всем Фугдинском укрепрайоне. Перед 15-й армией был открыт путь на Цзямусы.

Войска 5-го стрелкового корпуса на жаохэйском направлении также действовали успешно. Утром 10 августа советские части подошли к городу Жаохэ и предложили его гарнизону сдаться, но в ответ японцы открыли огонь по нашим позициям. Тогда войска корпуса пошли в атаку, после короткого боя овладели Жаохэ и двинулись на Баоцин. Этот город был взят 14 августа.

Командование 2-м Дальневосточным фронтом отдало приказ о переходе в наступление 2-й армии. 9—10 августа ее передовые отряды совместно с моряками Зее-Бурейской бригады речных кораблей Амурской флотилии захватили плацдарм на противоположном берегу Амура в районе южнее населенных пунктов — Благовещенска, Константиновки и Полярки. 11 августа 2-я армия продвигалась по направлению на Цицикар.

В связи с отставанием тылов от передовых частей фронта началось снабжение войск с воздуха. Транспортная авиация 10-й воздушной армии, насчитывавшая 24 самолета, перевезла для танковых частей 2-го Дальневосточного фронта 104 т горючего и 302 т боеприпасов.

К 1941 г. протяженность железных дорог в Маньчжурии превышала 11 тыс. километров. Понимая большое стратегическое значение железных дорог, японское командование добилось строительства в Маньчжурии в 1942—1943 гг. более 2,5 тыс. км новых дорог. Если же учесть еще и ветки, отходившие от магистралей, общая протяженность железных дорог к концу 1943 г. достигала 14 тыс. км. Японцы не только расширяли сеть, но и повышали техническую оснащенность уже имеющихся железных дорог Маньчжурии. Так, на магистрали Харбин — Пограничная, ведущей к советско-маньчжурской границе, в 1942 г. был уложен второй главный путь, что позволило довести ее пропускную способность до 56 пар поездов в сутки.

В ходе отступления японцам удалось вывести из строя только небольшую часть железнодорожного полотна. Всего сами японцы и советская авиация в районах действий 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов сумели разрушить до 6 тыс. км железнодорожного полотна. С первого дня войны советские железнодорожные бригады приступили к восстановлению железных дорог в Маньчжурии. В частности, в зоне 2-го Дальневосточного фронта действовала 25-я железнодорожная бригада. С 10 августа по 30 сентября 1945 г. бригада ввела в эксплуатацию около ста железнодорожных мостов общей длиной до 6000 погонных метров, пять тоннелей, 978 км станционных путей, 54 пункта водоснабжения, 3770 комплектов стрелочных переводов и многое другое. Кроме того, на участках с запущенным верхним строением пути пришлось сменить 485 тысяч шпал и 3166 штук рельсов. Успеху восстановления способствовало полное господство нашей авиации, не позволявшей противнику наносить удары по железнодорожным войскам, благодаря чему они могли работать круглые сутки. Тем не менее их работа не была безопасной. Так, 3-я железнодорожная бригада в августе отразила более десяти нападений японских диверсионных групп. Чтобы не возвращаться к деятельности железнодорожных войск, следует отметить, что советское командование приняло решение переделать основные маньчжурские магистрали с европейской 1435-миллиметровой колеи на русскую 1524-миллиметровую. Средний темп перешивки составлял на участке Маньчжурия — Харбин 46,7 км в сутки, Харбин — Муданьцзян — 59,3 км и Муданьцзян — Пограничная — 19,3 км. Всего было восстановлено 2623 км главных и станционных путей, более 100 мостов, в том числе 39 больших и средних, 6 тоннелей, 54 пункта водоснабжения, 1500 км линий связи, 3770 стрелочных переводов. К перешивке полотна было привлечено свыше 150 тыс. китайцев.

Стоило ли перешивать железнодорожное полотно на нашу колею — вопрос спорный. С одной стороны, эшелоны с грузами из СССР шли без перегрузки к наступавшим войскам, появилась возможность использования нескольких дивизионов бронепоездов, переброшенных с запада летом 1945 г. К примеру, поезд командующего войсками Забайкальского фронта Р.Я. Малиновского с начала августа 1945 г. до апреля 1946 г. ездил по Маньчжурии только в сопровождении 66-го отдельного дивизиона бронепоездов.

С другой стороны, перешивка полотна привела к тому, что на центральных магистралях нельзя было использовать китайские и японские трофеи: около 2 тыс. паровозов, 2,5 тыс. пассажирских и 31 тыс. грузовых вагонов. Тогда как в Маньчжурию из СССР поступало в сутки в среднем около 900 вагонов союзной колеи, а пропускная способность перешитой линии не превышала 18 пар поездов в сутки. После же окончания боевых действий по просьбе китайцев советским железнодорожным войскам пришлось перешить обратно колею на 1435-миллиметровую.

Но мы забежали вперед, а теперь вернемся к боевым действиям 2-го Дальневосточного фронта. 2 армия к исходу дня 17 августа в районе Сунью завершила разгром крупных сил 4-й японской отдельной армии, взяв в плен 20 тысяч солдат и офицеров. После этого танковые части стали быстро продвигаться на юг. 20 августа 74-я танковая бригада вошла в города Байаньчжэнь (Байань).

Для захвата города Цзямусы на реке Сунгари из состава 34-й стрелковой дивизии был выделен батальон, а из 361-й стрелковой дивизии — полк (обе дивизии принадлежали 15-й армии), из 388-й стрелковой дивизии, принадлежавшей 2-й армии, тоже был выделен полк. Эти силы на кораблях Амурской флотилии были высажены в Цзямусы.

После овладения городом войска 15-й армии начали наступление на Харбин по обоим берегам Сунгари. Одновременно 5-й стрелковый корпус, который с 15 августа действовал в составе 15-й армии, успешно продвигался к городу Боли.

В полосе действий 2-й армии в районе Сунью капитулировала 123-я японская пехотная дивизия во главе со своим командиром. Были разоружены и взяты в плен 17 065 солдат и офицеров. Войска 15-й армии, развивая наступление от Цзямусы в юго-западном направлении, заняли города Тяньюань и Саньсин (Илань).

Заканчивая рассказ о боевых действиях 2-го Дальневосточного фронта, стоит упомянуть и довольно темную историю со 126-м горно-стрелковым корпусом, а по другим сведениям, он был просто стрелковым корпусом. В его составе были 3-я, 12-я стрелковые дивизии и 396-я то ли горно-стрелковая, то ли стрелковая дивизия. Этот корпус осенью 1945 г. был перевезен морем из Владивостока в... Анадырь, то есть на расстояние 4300 км. Неужели кто-то из начальства думал, что Япония в процессе капитуляции решится на большой десант в Анадырь? Или у начальства имелись идеи о близлежащей Аляске?

ГЛАВА 33

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА

Согласно плану, главный удар Забайкальского фронта должен быть нанесен силами 39-й, 53-й, 17-й общевойсковых и 6-й Гвардейской танковой армии в общем направлении на Чанчунь. Перед армиями были поставлены конкретные задачи. 17-я армия должна была наступать из района Югодзыр-Хид в направлении на Дабаньшан. 6-я танковая армия получила задачу: нанести главный удар на Чанчунь, не позднее пятого дня операции овладеть районом Лубэй — Туцюань, закрепить за собой перевалы через Большой Хинган и не допустить подхода резервов противника из центральной и южной частей Северо-восточного Китая, а затем выйти на линию Чанчунь — Мукден. 39-я армия главный удар наносила из района юго-восточнее Тамцак-Булага в направлении на Солунь, обходя Халун-Аршанский укрепрайон с юга. Она должна была отрезать солуньской группировке японцев пути отхода на юго-восток и занять район Солунь. Часть сил армия выделяла для удара на северо-восток в общем направлении на Хайлар с целью изоляции солуньской группировки и оказания помощи 36-й армии в разгроме хайларской группировки японских войск.

Для обеспечения действий ударной группировки с севера 36-я армия должна была наступать основными силами из района Старый Цурухайтуй на Хайлар с задачей разгромить хайлардарскую группировку противника, а частью сил — из района Отпор с целью разгромить Маньчжуро-Чжалайнорский укрепрайон и в дальнейшем развивать наступление на Хайлар.

Конно-механизированная группа получила задачу нанести удар из района Молцок-Хид в направлении на Долоннор, обеспечивая действия ударной группировки с юга. В состав этой группы входили советские войска (43-я танковая, 25-я и 27-я мотострелковые бригады, 59-я кавалерийская дивизия, 35-я истреби-тельно-противотанковая артиллерийская бригада, 1914-й и 1917-й зенитные артполки, 350-й истребительный авиационный полк, 60-й гвардейский минометный полк и 969-й инженерно-саперный батальон) и войска монгольской Народно-революционной армии (5-я, 6-я, 7-я и 8-я кавалерийские дивизии, 7-я бронеполк, 3-й артиллерийский полк, авиационная дивизия и полк связи).

В зоне действия Забайкальского фронта не было сплошного фронта. Армии, а иногда и части Забайкальского фронта были оторваны на десятки и сотни километров от своих соседей. Поэтому об операциях каждой армии будет рассказано отдельно.

Как уже говорилось, стык зоны действий Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов находился у впадения реки Газимур в реку Аргунь. На всем, более чем 400-километровом участке советской границы от стыка армий до границы с МНР крупная группировка войск 36-й армии была сосредоточена лишь в двух местах: Даурия — Забайкальск и Досантуй — Старый Цурухайтуй, то есть там, где к границе подходила железная дорога. В остальных пограничных районах действовали пограничники и мелкие войсковые группы силами до полка включительно.

В первые 3 дня боевых действий частями Забайкальского пограничного округа в пограничной полосе Маньчжурии ликвидировано: 5 пограничных полицейских отрядов, 4 опорных пункта Маньчжуро-Чжэлайнорского укрепрайона, 6 районных пограничных полицейских отрядов, 38 малых пограничных полицейских отрядов, 3 пограничных поста, 27 вооруженных войсковых групп японско-маньчжур. В результате проведения операций частями округа уничтожены 592 солдата и офицера противника, взяты в плен 541 человек.⁹⁶

Даурский погранотряд в 12 часов 8 августа получил приказ командующего 36-й армией о ликвидации японских кордонов и опорных пунктов. К началу дня 9 сентября отряд успешно выполнил задачу по ликвидации японцев на флангах частей 36-й армии, штурмовавших Маньчжуро-Чжэлайнорский укрепрайон, а также в промежутке между соединениями фронта (Абагайтуй — Старо-Цурухайтуй) — на фронте 110 км. Погранотрядом уничтожены четыре опорных пункта укрепрайона, один основной и шесть малых погранполицейских отрядов, очищена от противника территория Маньчжурии против участка отряда на фронте 250 км и в глубину до 60 км. Уничтожены 119 солдат и офицеров противника, взяты в плен 40 человек. Захвачены трофеи: 3 пулемета, 125 винтовок, 19 тыс. патронов и другое вооружение и боеприпасы.

С продвижением частей Забайкальского фронта в глубь Маньчжурии, в связи с полным отсутствием частей и подразделений по охране тыла, Даурский и другие погранотряды занялись охраной тыла и коммуникаций фронта.

Нерчинскозаводский погранотряд ликвидировал 4 гарнизона противника, 12 малых полицейских отрядов, 11 войсковых групп японцев в тылу, занял 31 населенный пункт, в том числе 3 города (Драгоценку, Шивей и Джурганхэ) и шесть крупных населенных пунктов. Противник потерял 277 человек убитыми и 95 были взяты в плен. Советские пограничники захватили большие трофеи, среди которых были 144 600 патронов и 1200 гранат, а также другое вооружение и боеприпасы. Перед фронтом отряда была полностью очищена территория на 380 км по фронту и до 150 км в глубину.

Оперативная группа Нерчинскозаводского погранотряда на территории Маньчжурии (в Трехречье), в 50 км от границы, обнаружила и разгромила в несколько раз численно превосходящую группу японцев (до 500 человек), не ликвидированную проходившими частями и подразделениями Красной Армии.

Шилкинский погранотряд ликвидировал два японских гарнизона, девять малых погранполицейских отрядов, три войсковые группы японцев в тылу. Были уничтожены 98

⁹⁶ По данным сводки Забайкальского пограничного округа.

японцев, среди которых 48 человек — офицеры, взяты в плен 132 человека. Перед фронтом отряда полностью очищена от противника территория по фронту 340 км и в глубину до 100 км.

Оперативная группа отряда в труднопроходимой горно-таежной местности, в 100 км от границы и своих баз, преследовала сильно вооруженную группу японцев, которую настигла и уничтожила. Всего занято 14 населенных пунктов, в том числе 3 крупных населенных пункта и 2 города — Мохэ и Чекай. Отрядом захвачены большие трофеи: 13 складов с вооружением, боеприпасами и продовольствием и один японский пароход.

Джалиндинский погранотряд ликвидировал один погранполицейский отряд, два районных и одиннадцать малых полицейских отрядов, три погранпоста, девять отдельных войсковых групп японцев и уничтожил два парохода. Противник потерял убитыми 50 человек, из них 13 офицеров, взяты в плен 150 человек. Перед фронтом отряда полностью очищена от противника территория 427 км по фронту и до 80 км в глубину. Взято 24 населенных пункта, в том числе один город (Оупу) и шесть крупных населенных пунктов. Отрядом захвачены большие трофеи, вооружение, боеприпасы, 8 продовольственных и вещевых складов, 4 баржи с грузом и один японский пароход.

В боевых действиях принимал участие и 3-й легкобомбардировочный авиаполк НКВД. Он нес разведывательную службу на маньчжурском и хайларском направлениях, успешно выполнил задания командования 36-й армии по разведке, произвел аэросъемку всех объектов противника, сделал в этот период 214 самолетовылетов.

Части 36-й армии наступали на двух направлениях: главными силами из района Старый Цурухайтуй на Хайлар, а частью сил из района Отпор на станцию Маньчжурия и город Аргунь и продвигались по дороге на Хайлар.

До самого Хайлара советские части не встретили сопротивления противника. Ожесточенные бои развернулись лишь у этого города, где японцы создали мощный укрепленный район из нескольких узлов сопротивления. Подступы к ним прикрывали различные препятствия: проволочные заграждения, минные поля, эскарпы, противотанковые рвы. Этот укрепленный район оборонялся трехтысячным гарнизоном.

Подразделения передового отряда 36-й армии к вечеру 9 августа заняли мост через реку Аргунь, который находился в нескольких километрах от Хайлара. Но дальнейшее продвижение советских войск было остановлено огнем противника. Одновременно японцы открыли сильный огонь из узла сопротивления на горе Обору в 10–12 км северо-западнее Хайлара. Начались упорные бои, в ходе которых части 36-й армии добились только незначительных успехов. Весь день 10 августа передовой отряд 36-й армии вел упорные бои, но существенных успехов не добился — японцы оказывали ожесточенное сопротивление. Лишь к утру 11 августа удалось занять железнодорожную станцию, электростанцию и военный городок.

11 августа в районе Хайлара шли кровопролитные бои, в ходе которых советские войска заняли несколько дотов, большую часть города и аэродром. С 12 по 14 августа развернулась упорная борьба 94-й и 210-й дивизий на основных узлах сопротивления Хайларского укрепленного района.

На правом фланге 36-й армии войска, преодолев сопротивление мелких групп японцев, овладели станцией Маньчжурия и городом Чжалайнор, а затем двинулись на Хайлар, где приняли участие в ликвидации узлов сопротивления противника. Для скорейшего разгрома остатков Хайларского укрепленного района командующий 36-й армией 14 августа создал группу в составе 94-й и 293-й стрелковых дивизий и двух отдельных артиллерийско-пулеметных бригад, усиленных артиллерией. Эти войска и завершили разгром японцев: 18 августа остатки японских войск капитулировали.

Еще раньше некоторые части 36-й армии, преодолев хребет Большой Хинган, начали наступление на город Цицикар и 19 августа достигли его окрестностей. К 20 августа части 36-й армии заняли без боя Цицикар, где разоружили до шести тысяч японских солдат и офицеров. Части 275-й стрелковой дивизии, вступившие в город, были радостно встречены

местным населением, люди выходили на улицы со знаменами и цветами в руках. На этом боевые действия 36-й армии были закончены.

Теперь перейдем к действиям центральной ударной группировки Забайкальского фронта, костяк которой составляли 39-я армия, 6-я Гвардейская танковая армия и 17-я армия, дислоцированные на территории МНР.

Любопытно, что части 39-й армии дислоцировались в районе боев на реке Халхин-Гол в 1939 г. Преодолевав сопротивление японцев, войска 39-й армии вышли в предгорье Большого Хингана, за двое суток преодолели его и стали развивать наступление на Солунь и Ваньмяо. По пути движения на Ваньмяо советские войска неоднократно встречали ожесточенное сопротивление отдельных групп японцев из Халун-Аршанского укрепрайона. Этот район с дерево-земляными и железобетонными огневыми точками имел длину по фронту до 40 км и в глубину до 6 км. Гарнизон укрепрайона составляли 90-й полк 107-й японской пехотной дивизии и один погранотряд.

12 августа части 124-й стрелковой дивизии заняли город Халун-Аршан, но отдельные разрозненные группы японцев, бежавшие из этого района, а также части, отходившие в глубь Маньчжурии с запада, продолжали действовать в районе между Ваньмяо и Халун-Аршаном до 30 августа.

13 августа, освободив города Солунь и Ваньмяо, соединения 39-й армии вышли в Центральную Маньчжурию.

К 14 августа части 39-й армии, наступая вдоль железной дороги, оказались в 40 км от города Байчен (Таоань). К этому времени войска 6-й Гвардейской танковой армии заняли Туцюань и Лубэй. 17-я армия заняла Лам-Хурэ-Сумэ и подошла к Дабаньшану.

Далее верховное командование приказало Забайкальскому фронту захватить Мукден, чтобы затем выйти к Порт-Артуру. Эта задача была возложена на 6-ю танковую армию. 39-я армия наступала на Чанчунь и Сыпин. 36-я армия должна была выйти в район Цицикар, Тайлай, Аньгуан. Для ликвидации разрыва, наметившегося в ходе наступления между 17-й и 6-й танковыми армиями, командующий Забайкальским фронтом использовал второй эшелон — 53-ю армию, которая должна была выйти в район города Кайлу.

В течение 16 и 17 августа соединения конно-механизированной группы полностью овладели городом Чжанбэй и успешно развивали наступление на Калган. В Чжанбэе сдались в плен две дивизии Внутренней Монголии (войска князя Дэвана) со штабом и полным вооружением. Войска 17-й армии овладели городом Чифын.

Дальнейшее наступление 6-й танковой армии замедлилось. Заканчивалось горючее, ливневые дожди размывали дороги, танки и автомобили застревали в грязи, люди по несколько суток не получали хлеба и горячей пищи. Но советские войска не останавливались. От города Тунляо на юго-восток танковые части продвигались по железнодорожному полотну, так как все дороги были размыты только что прошедшими ливнями. На протяжении 120 км танки шли со скоростью 4–5 км/час, а автомобили — 5–6 км/час.

39-я армия сосредоточилась в районе Таоань для дальнейшего наступления в юго-восточном направлении. Частью сил она вела бои по уничтожению отдельных групп японцев, оставшихся после ликвидации Халун-Аршанского укрепрайона. В ночь на 16 августа передовые части армии отразили северо-западнее города Солунь шесть контратак противника, в каждой из которых участвовало до батальона пехоты. В 70 км севернее Ваньмяо упорные бои против 107-й японской пехотной дивизии вела 221-я стрелковая дивизия 94-го корпуса. В этих боях были уничтожены более тысячи японцев. 30 августа группировка противника капитулировала — в плен сдались более 7300 японских солдат и офицеров. Затем 39-я армия по железной дороге была переброшена в Порт-Артур.

Поскольку с 17 августа подавляющее большинство японских частей стало сдаваться в плен, а советское командование стремилось овладеть как можно большими территориями, то в войсках фронтов из танковых батальонов, артиллерийских противотанковых батарей, стрелковых подразделений на автомашинах создавались армейские передовые отряды. В 17-й армии было три таких отряда, в 39-й — семь. Но и эти подвижные отряды не могли всюду

быстро продвигаться, из-за дождей дороги стали труднопроходимыми или вовсе непроходимыми, разлились реки. Районы городов Ляюань, Факу, Мукден и Сыпин оказались залитыми водой.

20 августа передовые отряды 6-й танковой армии заняли Мукден. В Мукдене наши войска освободили узников японского лагеря военнопленных. Там в основном находились американцы и англичане. Среди них были вице-маршал авиации Великобритании Малтби, американские генералы-командиры корпусов Джонс, Шарп, Ченович, генералы-командиры дивизий Втофер, Пиэрс, Фонк, Орэйк, Стивенс, Лоф Бийби, всего 28 генералов, а также 1670 солдат и офицеров.

Для быстрейшего захвата Ляодунского полуострова в городах Порт-Артур и Дальний 22 августа были выброшены воздушные десанты. Десант в Дальний возглавлял генерал А.А. Яманов. Забегая вперед, скажу, что в Дальнем подразделением НКВД был арестован атаман Семенов. Вместе с ним взяли и генерала Нечаева — начальника белоэмигрантского бюро, генерала Токмакова — бывшего коменданта Читы, генерала Семенова — дядю атамана Семенова, генерала Шулькевича, генерала Ханжина — бывшего командующего 5-й армией у Колчака.

22 августа в 3 часа утра десять самолетов Си-47 взлетели с Мукденского аэродрома и, прикрываемые истребителями, отправились к Порт-Артуру. Десант возглавил заместитель командующего Забайкальским фронтом генерал-лейтенант В.Д. Иванов, его сопровождали 4 офицера и 200 солдат из 6-й Гвардейской танковой армии. В 17 ч 30 мин самолеты сели на аэродроме в Порт-Артуре. Через некоторое время Иванов вступил в переговоры с начальником японского гарнизона вице-адмиралом Кобаяси. Тот сразу согласился на капитуляцию и отдал Иванову свой самурайский меч. Согласно имеющемуся на этот счет приказу Сталина, холодное оружие оставлялось бывшим японским офицерам, и Иванов вернул меч Кобаяси.

С утра 23 августа началось разоружение японского гарнизона. В 19 ч 03 мин 24 августа в Порт-Артуре сели 6 летающих лодок «Каталина» с десантом моряков Тихоокеанского флота. В десанте находился генерал-лейтенант Е.Н. Преображенский. Командовал десантом капитан 1 ранга А.В. Трипольский. Одновременно 12 «Каталин» приземлились в порту Дальний. Всего в обоих десантах было 265 человек.

Части же 6-й Гвардейской танковой армии были посажены в железнодорожные эшелоны и с комфортом прибыли 24 августа в Порт-Артур. Вслед за ними на Ляодунском полуострове появились войска 39-й армии. Они заняли города Инкоу и Гайпин, а на востоке полуострова вошли в город Аньдун.

28 сентября из Владивостока вышел конвой кораблей Тихоокеанского флота, прошел Цусимским проливом и 5 октября прибыл в Порт-Артур.

Чтобы понять причины столь быстрого продвижения войск Забайкальского фронта к Порт-Артуру, следует сказать несколько слов и о событиях на дипломатическом фронте.

30 июня 1945 г. в соответствии с решением Ялтинской конференции начались переговоры между правительством СССР и Китая (гоминьдановцами). Переговоры закончились подписанием 14 августа договора о дружбе и союзе и целого пакета соглашений между Советским Союзом и Китаем.

Статья 1 договора предусматривала обязательство сторон взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку в войне.

Статья 2 оговаривала обязательство сторон «не вступать в сепаратные переговоры с Японией и не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора ни с нынешним японским правительством, ни с любым другим правительством или органами власти, созданными в Японии, которые не откажутся ясно от всяких агрессивных намерений».

Одновременно с договором о дружбе и союзе 14 августа между СССР и Китаем было подписано соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге (КЧЖД).

В статье 1 соглашения указывалось: «После изгнания японских вооруженных сил из

Трех Восточных Провинций Китая основные магистрали Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, идущие от станции Маньчжурия до станции Пограничная и от Харбина до Дальнего и Порт-Артура, объединенные в одну железную дорогу под названием „Китайская Чанчуньская железная дорога“, перейдут в общую собственность СССР и Китайской Республики и будут эксплуатироваться ими совместно».

Статья 2 зафиксировала, что «право общей собственности на вышеуказанную дорогу принадлежит обеим сторонам в равной степени и не должно переуступаться ни полностью, ни частично».

Статья 9 определяла ответственность китайского правительства за охрану дороги.

Статья 17 фиксировала срок действия соглашения на 30 лет, после чего дорога со всем имуществом безвозмездно переходит в полную собственность Китая.

В том же пакете от 14 августа 1945 г. имелось и соглашение о Порт-Артуре. Там говорилось: «В целях укрепления безопасности Китая и СССР и предотвращения повторной агрессии со стороны Японии, Правительство Китайской Республики согласно на совместное использование обеими Договаривающимися Сторонами Порт-Артура в качестве военно-морской базы».

Оборона этой ВМБ вверялась правительством Китая правительству Советского Союза. Предусматривалось, что «Правительство СССР в целях обороны военно-морской базы создает там необходимые сооружения, причем расходы несет Правительство СССР».

Пункт VIII устанавливал, что по истечении срока соглашения «все оборудование и общественное имущество, созданные СССР в данном районе, подлежат безвозмездной передаче в собственность Китайского Правительства».

Пункт IX определял срок действия соглашения о Порт-Артуре на 30 лет.

Подписанное одновременно соглашение о порте Дальний объявляло Дальний «свободным портом, открытым для торговли и судоходства всех стран».

Китайское правительство давало обязательство в порту Дальний «выделить для передачи СССР в аренду пристани и складские помещения на основе отдельного соглашения».

Своевременное подписание пакета соглашений с Китаем было серьезной дипломатической победой СССР. Статус советских войск в Китае был узаконен и не зависел от условий капитуляции или мирного договора с Японией. Своевременным он был потому, что американское правительство потребовало от командования ВМФ высадить десант в Дальнем и Порт-Артуре, но американские адмиралы категорически отказались, они прекрасно понимали, что десант может привести к вооруженному конфликту с Красной Армией.

Чтобы закончить вопрос о Порт-Артуре, скажу, что там была экстренно собрана сильная группировка советских войск из 39-й армии. Всего на Ляодунском полуострове дислоцировались: 5-й стрелковый корпус (17-я, 19-я и 91-я стрелковые дивизии) и 113-й стрелковый корпус (124-я, 192-я и 338-я стрелковые дивизии), а также 7-й механизированный корпус (36-я и 57-я мотострелковые дивизии).⁹⁷

Из Владивостока через Харбин на Ляодунский полуостров прибыли четыре 130-мм железнодорожные батареи Тихоокеанского флота (№ 866, № 867, № 868 и № 3). Сравнительно недалеко от Порт-Артура находились части всех трех советских фронтов. Нетрудно догадаться, чем закончилась бы высадка любого американского десанта на Ляодунский полуостров. Что же касается атомного оружия, то о нем и японские, и советские войска фактически ничего не знали. Да и к ноябрю 1945 г. у США была лишь одна готовая к применению атомная бомба.

Теперь перейдем к действиям конно-механизированной группы под командованием

⁹⁷ 20 августа 1945 г. 7-й механизированный корпус был передан в 39-ю армию из 6-й гвардейской танковой армии. Сама же 39-я армия в сентябре 1945 г. была переведена из состава Забайкальского фронта в подчинение Приморского военного округа.

генерал-полковника И.А. Плиева, действовавшей на правом фланге Забайкальского фронта. Действия группы проходили изолированно от других советских соединений. Справа от группы не было никаких наших частей, а слева части 17-й армии находились на расстоянии 200–250 км.

В первые дни наступления конно-механизированная группа попросту рассеяла небольшие конные отряды князя Дэвана — главы прояпонского монгольского правительства. Основными проблемами наступавших советских войск были бездорожье и отсутствие воды. Монголы Дэвана отравляли немногочисленные колодцы при подходе советских войск и цириков Сухэ-Батора. Наступавшие советские войска конфисковывали у местного населения лошадей и продовольствие «в кредит», как позже писал об этом сам Плиев.⁹⁸

К середине дня 11 августа подвижная часть конно-механизированной группы обогнула озеро Арчаган-Нур с восточной стороны и с ходу захватила монастырь Бор-Хошуну-Хурал. 12 августа подвижную группу попыталась атаковать 1-я кавалерийская дивизия князя Дэвана. Дикая монгольская конница не имела ни бронетехники, ни артиллерийской и авиационной поддержки. Для начала по коннице был нанесен штурмовой удар советской авиации, а затем в атаку пошли танки Т-34. Как писал И.А. Плиев: «Рев моторов навел ужас на людей и лошадей. Масса конников задвигалась из стороны в сторону, еще больше уплотняя строй. Обезумевшие животные, шарахаясь друг на друга, сбрасывали седоков и табуном мчались по степи, унося на себе чудом удержавшихся в седле всадников. После этой безумной скачки поле покрылось трупами».⁹⁹

14 августа подвижная группа после небольшой перестрелки овладела городом Долоннор. Об отсутствии организованного сопротивления в Долонноре можно судить хотя бы по тому, что японцы и монголы даже не уничтожили там запасы горюче-смазочных материалов. Благодаря этому были заправлены танки и автомобили 25-й мотострелковой бригады и 43-й танковой бригады, у которых кончалось горючее.

Почти одновременно части конно-механизированной группы захватили дворец князя Дэвана в Барун-Сунитване. Войска князя разбежались, а сам Дэван удрал в сторону города Гуйсуй. Наступление конно-механизированной группы проходило при отсутствии японской авиации. Лишь утром 15 августа юго-восточнее поселка Аяаймяо советские войска подверглись нападению четырех японских бомбардировщиков типа 96.

К 10 часам утра 15 августа передовая мотомехгруппа конно-механизированной группы подошла к городу Чжанбэй, где находились две дивизии князя Дэвана. Советское командование предложило монголам и японским советникам капитулировать, но ответа не последовало. На следующий день советские войска пошли на штурм Чжанбэя. Завязались уличные бои. К вечеру 16 августа город был полностью захвачен, а командовавший частями Дэвана генерал-лейтенант Дамрин-Сурун капитулировал.

19 августа части конно-механизированной группы начали штурм Калганского укрепрайона. Часть японских войск сопротивлялась, но большинство капитулировало. К вечеру 20 августа центральный узел укрепрайона был взят. В результате этой операции советские войска открыли себе путь на Калган и Пекин, то есть вглубь Центрального Китая, простиравшегося южнее Великой Китайской стены.

20 августа части конно-механизированной группы овладели городом Калганом (Чжанзянькоу). Японские части отошли по дороге на Пекин.

Как писал Плиев: «Для конно-механизированной группы дальнейшими объектами наступления являлись города Калган и Жэхэ. После этого ударом по сходящимся направлениям нам предстояло овладеть Пекином, где располагался штаб Северного фронта японской армии в Китае, а затем выйти на побережье Чжилийского залива, в районе города

98 Плиев И. Через Гоби и Хинган, М., Воениздат, 1965 г., С. 63.

99 Там же. С. 66.

Таньцзин».¹⁰⁰

Для наступления на Жэхэ (Чэндэ) был составлен передовой подвижный отряд в составе 25-й мотобригады, 43-й танковой и 35-й истребительно-противотанковой бригады. Однако гарнизон Жэхэ организованно капитулировал без сопротивления. В плен сдались 8136 солдат и офицеров. Советским войскам достались хорошие трофеи: 9126 винтовок, 81 легкий пулемет, 42 тяжелых пулемета, 15 минометов, 3 танка и 300 автомобилей.

Овладение городом Жэхэ имело большое оперативно-стратегическое значение. Оно открывало путь к Пекину и на побережье Ляодунского залива.

20 августа части конно-механизированной группы двинулись к Пекину. 5-я и 6-я монгольские кавалерийские дивизии захватили город Аньцзянтунь и к середине дня достигли Великой Китайской стены, которая здесь проходила по границе Внутренней Монголии с Китаем.

Наши войска без боя заняли город Кубэй, расположенный в том месте, где река Чаохэ пересекает Великую Китайскую стену.

Позже Плиев писал: «К тому времени, когда поступил приказ командующего Забайкальским фронтом, запрещающий переходить южную границу Маньчжурии и Внутренней Монголии, наши соединения уже овладели городом Шизячжэнь и находились на полпути от Жэхэ к Пекину. До столицы Китая остался один „прыжок“. Но пришлось приостановить наступление и отойти из пределов Центрального Китая на север, за Великую Китайскую стену».¹⁰¹

ГЛАВА 34

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАНЯТИЯ КРАСНОЙ АРМИЕЙ МАНЬЧЖУРИИ И КУРИЛ

2 сентября 1945 г. Сталин обратился к гражданам СССР: «Поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Можно по-разному относиться к личности Сталина, но не приходится сомневаться в том, что в сентябре 1945 г. с этими его словами были согласны 99,9 % русских людей внутри страны и подавляющее большинство русских людей, находившихся в эмиграции с 1922 г.

Именно Красная Армия, а не американские ядерные бомбы заставили капитулировать Японию. Американские и британские штабы подготовили планы десантных операций на 1946 и даже на 1947 год. Поэтому в августе 1945 г. все американцы приветствовали вступление СССР в войну. Сенатор Т. Коннэли, узнав о заявлении советского правительства 8 августа 1945 г., воскликнул: «Благодарение богу! Война уже почти окончена». Американский генерал К. Ченнолт, командовавший тогда военно-воздушными силами США в Китае, заявил корреспонденту «Нью-Йорк Таймс»: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что

100 Там же. С. 112.

101 Там же. С. 138.

Япония оказалась поставленной на колени».¹⁰²

Что же касается двух ядерных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, то они привели к уничтожению нескольких десятков тысяч мирных граждан, военный же ущерб от бомбежек был близок к нулю. После бомбардировки Нагасаки и до конца 1945 г. американцы располагали лишь еще одной боеготовой ядерной бомбой. Взрыв же 20-килотонной бомбы над полевыми войсками привел бы к уничтожению максимум одного батальона. А оппонентов я отправляю к уставам и наставлениям американских войск по применению ядерного оружия, а также к отчетам по действию американских ядерных бомб по кораблям на острове Бикини и советских — на Новой Земле. По расчетам взрыв в 1 мегатонну, то есть в 50 Хиросим, на расстоянии в 700 м от крейсера проекта 68 или 68бис позволял крейсеру немедленно применить орудия главного калибра.

За весь период боев Забайкальский фронт потерял убитыми 2228 человек, были ранены и заболели 6155 человек. Для 2-го Дальневосточного фронта эти цифры составили 2449 и 5583 человека, а для 1-го Дальневосточного фронта — 6324 и 14 765 человек. Итого вместе с Тихоокеанским флотом и Амурской военной флотилией убиты были 12 031 человек, а ранены и заболели 24 425 человек. Кроме того, небольшие потери понесли пограничники. Самые большие потери были в Приморском пограничном округе — 78 человек убиты и пропали без вести, 176 человек ранены.

Наши союзники — цирики МНР — потеряли 72 человека убитыми и 125 человек были ранены.

Потери японских войск составили свыше 700 тыс. солдат и офицеров, из них около 84 тыс. убитыми и более 640 тыс. пленными, среди них 609,5 тыс. — японцы. В это число не вошли пропавшие без вести и дезертиры. В Маньчжурии сдались в плен 148 генералов японской императорской армии.

Данные по советским трофеям расходятся в различных источниках. Но только в сентябре—ноябре 1945 г. советское командование передало (по неполным данным) командованию китайской армии следующие виды вооружения и боевой техники: 252 877 винтовок и карабинов, 2307 пулеметов, 5586 орудий и минометов, 896 танков и бронемашин, 839 самолетов. Кроме того, было передано 1032 автомашины, трактора и тягача, значительное количество радиостанций, инженерно-саперного имущества и боеприпасов.

Ввод советских войск в Северный Китай значительно усилил коммунистические войска, предводительствуемые Мао Цзэдуном. В октябре 1945 г. гоминьдановцы собирались высадить десант в порту Дальнем, чтобы зайти в тыл коммунистам. Но советское правительство не позволило высадить там десант, заявив, что этот порт, в соответствии с советско-китайским соглашением от 14 августа 1945 г., предназначен для перевозки товаров, а не войск. Еще более весомым аргументом стало наличие восьми советских дивизий в районе порта Дальний.

Присутствие советских войск на севере Китая послужило сдерживающим фактором для участия США в гражданской войне в Китае. Ну а если говорить прямо, то именно августовская война привела к созданию Китайской Народной Республики.

Однако нерешительность советского политического руководства, а также пассивная позиция командования Тихоокеанского флота в отношении высадки на Хоккайдо привели к тому, что Япония в 1945 г., в отличие от Германии, стала единолично управляться США. С первых дней американской оккупации под различным соусом начали создавать японские вооруженные силы. Уже в 1946 г. в «полицейских формированиях» находилось 93 тыс. человек, а в 1948 г. после очередной реорганизации численность их была доведена до 150 тысяч. Только центральное управление состояло из 30 тыс. человек, преимущественно бывших офицеров императорской армии. Кроме того, в департаменте охраны на море, созданном в том же году, служили 10 тыс. офицеров и матросов, а в составе железнодорожной полиции еще 20 тыс. человек. В 1950 г. был дополнительно сформирован

102 «The New York Times», August 15, 1945.

так называемый «резервный полицейский корпус» в составе 75 тыс. человек, ставший ядром будущей японской армии.

Создание армии шло в нарушение японской конституции, введенной в 1947 г. и не отмененной до сих пор. В статье 9 конституции говорится: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается».

В наследство от августовской войны нам досталась проблема Курильских островов, «северных территорий», как их называют японцы. Проблема сия представляется надуманной. Правительство Японии требует возврата Южных Курильских островов.¹⁰³ Причем ранее эти острова имели одинаковый статус с остальными Курильскими островами. Все Курильские острова перешли в 1875 г. от России к Японии и все вернулись назад в 1945 г. Отделение южных островов от остальных Курил есть плод крючкотворства японских дипломатов. Кстати, японские правые партии вполне резонно требуют все острова, да еще Южный Сахалин в придачу. Все эти территории были захвачены СССР одновременно, и пока никто не объяснил, почему острова Симушир и Уруп захвачены советскими войсками законно, а рядом лежащий остров Итуруп — незаконно.

Существует мнение, что-де Южные Курилы русские используют экономически неэффективно, местное население бедствует, а японцы, мол, много заплатят за острова. Но сколько бы японцы ни заплатили, все эти деньги уйдут в бездонные карманы чиновников, как это было с огромным займом в 1992–1995 гг.

Японское правительство стелает о 17 тысячах японцев, выселенных с Южных Курил.¹⁰⁴ Но с Южного Сахалина было выселено еще больше японцев. На Камчатке было выселено около тысячи японцев проживающих там на условиях договора концессии. А всего в 1945–1947 гг. с территорий, вышедших из юрисдикции Японии, было выселено 6,3 млн. мирных жителей.

Наконец, и японское правительство напрочь забыло о сотнях японских островов в Марианском, Маршалловом и Каролинском архипелагах. К 1939 г. на них жили 70 тыс. японцев и 50 тыс. аборигенов. После войны эти острова были захвачены США и стали колониями. Причем не колониями США, а колониями вооруженных сил США. С 1945 по 1980-е годы по «Голосу Америки» передавали о свободе передвижения американцев по всему миру, в отличие, мол, от советских граждан. А тут не то, что простой гражданин США, но и сенатор не мог посетить большинство островов Микронезии без специального разрешения высшего военного командования.

В чем же дело? Может, 17 тысяч японцев с Южных Курил были первосортными японцами, а 70 тысяч японцев из Микронезии относились к третьему сорту?

Ларчик открывается просто. Россия сейчас слаба, а Америка сильна. Изменится подобная ситуация, и японцы напрочь забудут о Южных Курилах, зато вспомнят о Хиросиме и Микронезии.

История взаимоотношений России и Японии всегда определялась соответствием их вооруженных сил в регионе.

103 Южные Курилы включают острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хабомаи. Их общая площадь составляет около 9 тыс. кв. км — более половины территории архипелага.

104 На 1991 г. русское население Южных Курил составляло 24,5 тыс. человек, не считая военнослужащих.

ГЛАВА 35 ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ

К моменту капитуляции Японии на территории Китая (не считая Квантунской армии) находились 1 049 700 японских солдат, а также 63 755 моряков (в их числе не указаны граждане других государств, служившие в японской армии и флоте).

Японские войска были дислоцированы от города Калган западнее Пекина через Юньчэнь — Ичан — Чанша и Кантон. Однако сплошного фронта японцы на ряде участков этой линии не имели. Мало того, в тылу у японцев имелось несколько «освобожденных районов», контролируемых коммунистами. Площадь ряда таких районов зачастую превосходила Бельгию и Голландию вместе взятые.

Гоминьдановское правительство во главе с Чан Кайши находилось в городе Чунцине на реке Янцзы в Южном Китае. В том же районе дислоцировалась и 16-я воздушная армия США, наносившая удары по японцам с китайских аэродромов.

Основные силы коммунистов (8-я армия) во главе с Мао Цзэ-дуном дислоцировались в районе Яньбяня, составлявшем «особый район». Еще несколько районов, контролируемых коммунистами, находилось в Центральном и Южном Китае.

12 августа 1945 г. в штабе 8-й (красной) армии был перехвачен приказ Чан Кайши «об очищении Северного Китая». Группа войск генерала Фу Цзо-и должна была к 28 августа выйти на рубеж Датун — Цзинин, а войска генерала Янь Си-шаня — ликвидировать партизанский район в юго-восточной части Шаньси. Войска генерала Ху Цзун-наня должны были пройти через район боевых действий армий Янь Си-шаня и сосредоточиться в Пекин-Тяньцзиньском районе.

За день до этого Чан Кайши передал приказ командирам коммунистических войск Чжу Дэ и Пын Дэ-хуаю, в котором указывалось, что войска 8-й армии должны оставаться на месте и ждать дальнейших приказаний гоминьдановского Главного штаба. Те части 8-й армии, которые находились на позициях или совершали марш, должны были перейти в подчинение командующим соответствующими военными зонами и выполнять только их приказы в отношении разоружения и принятия капитуляции японских и марионеточных войск.

Административное и политическое устройство на территории освобожденных от противника районов должно было осуществляться гоминьдановскими военными властями. Чан Кайши предупреждал, что невыполнение этого приказа может подорвать авторитет Китая в глазах союзников.

Таким образом, Чан Кайши стремился парализовать военные действия 8-й и Новой 4-й армий и использовать обстановку для последующей ликвидации этих армий и партизанских районов.

23 августа 1945 г. войска генерала Фу Цзо-и вышли на рубеж Датун — Цзинин и встретились с частями 8-й армии и партизанскими отрядами, оборонявшими границы партизанского района. Продвижение войск Фу Цзо-и в Шаньдун неожиданно вызвало сопротивление гоминьдановских генералов, командующих местными войсками, которые не желали допустить занятия территории Шаньдуна войсками Центрального правительства.

Против выдвижения войск Ху Цзун-наня к Лунхайской железной дороге выступил «местный» генерал Янь Си-шань, опасавшийся, как бы эти войска не осели на территории Шаньси. В Чунцине не знали действительной обстановки и главное внимание сосредоточили на подготовке предстоящего столкновения с 8-й и Новой 4-й армиями.

11 августа Чан Кайши отправил телеграмму гарнизонам японских войск в Китае, в которой предупреждал японское командование, что они должны капитулировать только перед командованием чунцинской армии. Требованиям о капитуляции, предъявленным командованием каких-либо других войск, японцы могли не подчиняться и даже оказать сопротивление.

В связи с этой телеграммой командующий 8-й (красной) армией Чжу Дэ отправил Чан Кайши протест. Он писал: «Вы отдали чрезвычайно опасный приказ своим войскам. Этот

приказ позволяет, по существу, противнику применить оружие против 8-й и Новой 4-й армий. Прошу и требую прекратить внутреннюю войну. Освобожденные районы и их армии должны участвовать во всех проблемах, связанных с капитуляцией Японии».

В августе—сентябре 1945 г. 49 гоминьдановских армий (127 пехотных дивизий) общей численностью более миллиона человек под предлогом «принятия капитуляции» начали выдвижение к границам освобожденных районов.

В провинции Шанси (Центральный Китай) части японской 1-й армии капитулировали перед войсками гоминьдановского генерала Янь Си-шаня. Однако генерал не только не разрешил японским частям сложить оружие, а наоборот, поставил под ружье и мирных японских граждан, проживавших в Шанси,¹⁰⁵ и заставил их воевать против коммунистов. Лишь в 1946 г. по требованию США японцы были переброшены в район Пекина, а оттуда репатриированы в Японию.

В начале октября 1945 г. военные корабли США почти одновременно вошли в важнейшие порты Северного Китая — Дагу, Циньхуандао и Циндао. Были высажены воздушные десанты в Пекине и на узловых железнодорожных станциях. Общая численность американских войск в Китае к концу 1945 г. составила 113 тыс. человек.

7 октября 1945 г. начальник штаба 8-й армии Е Цзянь-ин от имени командующего армией Чжу Дэ передал американскому командованию протест против подготовки к высадке морской пехоты в порты Инькоу, Чифу и Вэйхайвэй, указывая на то, что командование 8-й армии «не может понять цели подготавливаемой высадки США в эти порты, так как там нет японских войск, и они целиком контролируются войсками нашей армии».

В свою очередь, и китайские коммунисты решили расширить контролируемую ими территорию. 15 августа 1945 г. Чжу Дэ издал приказы № 2 и № 3. В первом говорилось: «В целях оказания помощи частям Красной Армии Советского Союза, действующим на территории Китая, и подготовки к принятию капитуляции японских и марионеточных частей Национально-освободительная армия из Шаньси, Суйюаня, Хэбэя и Чахара немедленно выступает в Жэхэ, Ляонин и Гирин».¹⁰⁶

В приказе же № 3 войскам предлагалось «использовать создавшуюся обстановку и помощь Красной Армии Советского Союза и приступить к освобождению территории Северного и Центрального Китая от японских захватчиков, стремясь при этом к взаимодействию с гоминьдановскими войсками, действующими в этом же направлении».¹⁰⁷

Тем временем в занятой советскими войсками Маньчжурии началось формирование коммунистических частей, которые организационно входили в 8-ю армию. К ноябрю 1945 г. только в Мукденской провинции удалось сформировать более чем стотысячную армию. На 23 ноября 1945 г. вооруженные силы компартии Китая в Маньчжурии насчитывали уже около 195 тыс. человек, не считая охранных отрядов при уездных управлениях (около 20 тыс. человек). Столь успешное форсирование армии позволило руководству Компартии Китая выделить ее из состава 8-й армии, назначив командарма и комиссара и создав штаб этой армии. В январе 1946 г. на Северо-востоке Китая была создана Объединенная демократическая армия.

Естественно, что для новых формирований 8-й армии потребовалось оружие. По настоятельной просьбе руководства Народно-освободительной армии Китая советское командование передало в ее распоряжение оружие, боевую технику и снаряжение бывшей Квантунской армии, захваченные войсками Красной Армии. Трофеи эти были значительными: только на Забайкальском и 1-м Дальневосточном фронтах было взято свыше 3,7 тыс. орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 12 тыс.

105 К сентябрю 1945 г. в Китае, кроме Маньчжурии, находилось около 3 млн. мирных японских граждан.

106 Сборник обзоров печати и радио. Хабаровск, 1945. С. 58.

107 Там же.

пулеметов, свыше 2 тыс. автомашин, 679 складов. И почти все это (кроме не подлежащей восстановлению техники) было передано вооруженным силам Китайской Компартии, что дало возможность перевооружить войска Народно-освободительной армии, сформировать и оснастить новые части и соединения. Несколько позже китайским вооруженным силам была передана и часть советского оружия.

К 1 октября 1945 г. войска Национально-освободительной армии, разоружив японцев, заняли Шанхайгуань, Чифу (Яньтай), Вэйхайвэй, Калган, Уху, Банбу, окружили Пекин, Тяньцзинь, Датун, Тайюань Гуйсуй, Баодин, Сюйчжоу, Кайфын, подошли к Нанкину и Шанхаю.

Таблица № 8

Вооружение и техника, переданные советским командованием Национально-освободительной армии в сентябре-ноябре 1945 г.

3 ноября 1945 г. события в Китае обсуждались на экстренном заседании Объединенного комитета начальников штабов. Главнокомандующий американскими войсками на Тихом океане генерал Макартур заявил: «...мы стоим перед угрозой потерять Китай. Русские не преминут приобрести эту нашу потерю». Но генерал Маршалл поставил под сомнение доклад Макарура. Он утверждал, что «тот факт, что коммунисты воюют против японцев, не свидетельствует об их отказе от переговоров с целью создания коалиционного с гоминьданом правительства, от совместного с гоминьданом строительства Китая, где сотрудничество с нами может стать основой политики такого правительства. Путь для переговоров между коммунистами и гоминьданом еще не закрыт. Все зависит от того, сбросим ли мы со счета коммунистов в посредничестве на переговорах между нами».

Это выступление оказало определенное действие, тем более что участники заседания считали возможным, чтобы «США посредничали в переговорах между коммунистами и гоминьдановцами, использовали время, возможное для таких „мирных“ переговоров, с тем чтобы бросить в Китай необходимую военную помощь Чан Кайши, поднять его способность разгромить коммунистов и вытеснить русских из Маньчжурии и Северной Кореи». На заседании было высказано и такое мнение: «Учитывая положительное отношение Мао Цзэдуна к послевоенному сотрудничеству с США, способствовать заключению соглашения между коммунистами и гоминьдановцами, создать правительство, сотрудничающее с США».¹⁰⁸

В середине декабря 1945 г. президент США Г. Трумэн дал поручение генералу Маршаллу отправиться в Китай. По прибытии Маршалл развернул активную посредническую деятельность между Чунцином и Яньанем. За это время американские дипломаты семь раз побывали в Яньане, разрабатывая предварительные условия деятельности «комитета трех»: от США — Маршалл в качестве председателя и арбитра в переговорах; от гоминьдана — генерал Чжэн Чэн; от коммунистов — Чжоу Эньлай.

Первое заседание «комитета трех» было назначено на 7 января 1946 г. Зная антикоммунистическую позицию Чан Кайши, Маршалл сообщил чунцинским руководителям «некоторые предварительные условия», которые могли заинтересовать их: о договоренности с советским командованием, что Маньчжурия будет занята чунцинскими войсками без вмешательства коммунистов.

В середине января 1946 г. Чан Кайши по совету Маршалла собрал в Чунцине членов Политического консультативного совета (ПКС), на заседании которого пообещал китайскому народу демократические права — свободу слова, собраний, организаций, освобождение из тюрем политзаключенных и др.

Обещания эти были одобрены Демократической лигой и другими прогрессивными китайскими организациями. Но коммунисты, зная склонность Чан Кайши к демагогии, с недоверием отнеслись к его словам и не прекратили критику деятельности чан-кайшистской

108 Цит. по: Сапожников Б.Г. Народно-освободительная война в Китае.

администрации в провинциях, а также чиновничества и гоминьдановского аппарата в Чунцине. Они требовали ликвидации блокады вокруг освобожденных районов и партизанских баз, немедленной демобилизации переданной чунцинскому командованию 700-тысячной армии так называемого национального Нанкинского правительства,¹⁰⁹ передачи ее вооружения и боевой техники 8-й и Новой 4-й армиям.

Чтобы примирить противников, генерал Маршалл 22 января 1946 г. направил в Яньань для переговоров комиссию в составе 17 американских военных специалистов и дипломатов. «Комиссию 17», как ее называли, встретили в Яньани со всеми почестями. После двухдневных переговоров из Чунцина в Яньань был вызван Чжоу Эньлай, с ним прилетел и назначенный Чан Кайши генерал Ван Цзичун.

С 25 января по 25 февраля при участии «комиссии 17» был разработан проект соглашения, по которому должна была произойти реорганизация национальных вооруженных сил и их командования. Проект этот приобретал силу закона через 12 месяцев после подписания.

Проектом предусматривалась следующая организация вооруженных сил и их дислокация:

В Северо-восточном Китае иметь 5 армий (по 3 дивизии в каждой; численность дивизии не более 14 тыс. человек). Командующим четыремя армиями назначались гоминьдановцы, а пятой — коммунист.

В Северо-западном Китае сформировать 5 армий (по 3 дивизии в каждой), все командующие назначались из гоминьдановцев.

В Северном Китае иметь 3 армии (по 3 дивизии в каждой), все командующие — от гоминьдана. Кроме того, здесь должны быть сформированы 4 армейские группы. Каждая из них должна состоять из двух армий — одна от компартии, другая от гоминьдана. Командующими армейскими группами назначались: два от коммунистов и два от гоминьдана. Всего же здесь формировалось 11 армий.

В Центральном Китае сформировать 9 армий (по 3 дивизии в каждой). 8 армий формируются под командованием гоминьдановцев, одна армия — под командованием коммуниста.

В Южном Китае, включая Тайвань, должны быть сформированы 4 армии (по 3 дивизии в каждой). Командующими армиями назначались гоминьдановцы.

Таким образом, согласно проекту, в Китае формировалось 34 армии (102 дивизии). Командующими тридцатью армиями назначались гоминьдановцы и четыремя — члены Компартии Китая.

По настоянию Чжоу Эньлая комиссия оговаривала в проекте организации вооруженных сил Китая «сохранение 8-й и Новой 4-й армий... (всего 16 дивизий) до полного снятия гоминьдановскими войсками блокады освобожденных районов, а также 19 охранных колонн (каждая равна дивизии) для охраны порядка на территории освобожденных районов». Всего, следовательно, под руководством Компартии Китая должны были находиться 39 расчетных дивизий.

В марте 1946 г. начался вывод советских войск из Маньчжурии. 14 апреля они вышли из Чанчуня, 28 апреля — из Харбина, а 3 мая эвакуация была закончена. Лишь 39-я армия осталась на территории Ляодунского полуострова. Организационно она была изъята из подчинения Забайкальскому фронту и подчинена Приморскому военному округу. В ее составе были: 5-й Гвардейский стрелковый корпус (17-я, 19-я и 91-я стрелковые дивизии), 113-й стрелковый корпус (262-я, 338-я и 358-я стрелковые дивизии), а также переданный из 6-й Гвардейской танковой армии 7-й Новоукраинско-Хинганский корпус, который вскоре был переформирован в одноименную дивизию.

¹⁰⁹ 30 марта 1940 г. в Нанкине под эгидой Японии было создано китайское Национальное правительство во главе с Ван Цзин-веем, который раньше был вице-председателем партии гоминьдана, т. е. заместителем Чан Кайши. 9 января 1943 г. Национальное правительство Китая объявило войну Англии и США..

Чтобы более не возвращаться к влиянию советских армий на гражданскую войну в Китае, скажу, что в 1947 г. части всех военных округов на границе с Китаем были подчинены единому командованию Главнокомандующего войск Дальнего Востока. Замечу, что эта должность была упразднена лишь 23 апреля 1953 г.

В 1947–1948 гг. советские войска в приграничных районах проводили крупномасштабные учения, в ходе которых отрабатывалась «помощь китайскому народу». Но она, как увидим, в таком объеме не понадобилась.

Чан Кайши попытался захватить Маньчжурию, воспользовавшись уходом частей Советской армии. В конце марта 1946 г. после оставления советскими войсками Мукдена части 25-й и 51-й армий гоминьдана вошли в город, вытеснили части Народно-освободительной армии, разогнали демократические органы власти, арестовали и убили многих коммунистов. К июню 1946 г. гоминьдановские войска захватили центральную часть Маньчжурии с городами Чанчунь, Гири и Сыпин.

К началу лета 1946 г. в Китае началась полномасштабная гражданская война. Командование войсками США постепенно также втягивалось в войну. К началу мая 1946 г. в Китае были сосредоточены следующие американские части: две дивизии морской пехоты, 14-я воздушная армия (78 тяжелых и 111 легких бомбардировщиков, 124 истребителя и 289 транспортных самолетов), 117 военных кораблей и катеров 5-го и 7-го военно-морских флотов США. Все эти силы находились в Северном и Центральном Китае в готовности участвовать в боевых действиях совместно с гоминьдановскими Новой 1-й, 5-й, Новой 6-й, 25-й, 51-й, 71-й и 94-й армиями, действовавшими в Маньчжурии.

Американские инструкторы обучали гоминьдановские войска, а соответственно, советские инструкторы — бойцов Национально-освободительной армии. Советские железнодорожные части в 1946–1947 гг. восстановили большинство железных дорог в Маньчжурии, а в мае 1947 г. началось регулярное сообщение по реке Сунгари, так были связаны Цзямуси и другие китайские порты с Хабаровском, Благовещенском и Комсомольском-на-Амуре.

За год боев численность Народно-освободительной армии Китая возросла до 2 млн. человек, улучшились ее вооружение и снаряжение. С начала 1947 г. она перешла в контрнаступление на отдельных направлениях, а с июля этого же года — в стратегическое наступление.

С июля 1946 по январь 1949 г. Национально-освободительная армия уничтожила и взяла в плен 2318 тыс. солдат и офицеров, а за 7 месяцев до января 1949 г. гоминьдановская армия потеряла 869 генералов, из них 697 пленными, 67 убитыми, и 105 генералов добровольно перешли на сторону Национально-освободительной армии. С июля 1946 по январь 1949 г. было разгромлено и капитулировало 86 гоминьдановских армий и 15 групп армий (380 расчетных батальонов). Национально-освободительная армия захватила 1709 тыс. винтовок и карабинов, 193 тыс. автоматов, 37 тыс. орудий и минометов всех калибров, 2580 тыс. снарядов, 1900 тыс. ручных гранат, 250 млн. единиц стрелковых боеприпасов, 513 танков (уничтожено более 140 танков), 289 бронемашин, 12 тыс. мотоциклов, 857 локомотивов и 86 самолетов.

В январе 1949 г. войска Национально-освободительной армии начали штурм Пекина. В конце января генерал Фи Цзои капитулировал и сдал город. 25 гоминьдановских дивизий, оборонявших Пекин, были включены в состав Национально-освободительной армии Китая.

2 марта 1950 г. флагман китайского флота крейсер «Чунцин» самовольно покинул Шанхай, прибыл в порт Вэйхай (бывший Вэйхайвэй) и перешел на сторону коммунистов.

17 апреля 1949 г. войска трех полевых армий коммунистов (2-я, 3-я и 4-я, всего около 830 тыс. чел.) начали форсирование реки Янцзы на трех участках общей протяженностью 68 км. Форсирование реки шириной от 800 до 2000 м велось без технических средств переправы — на джонках, самодельных плотках и весельных лодках под артиллерийским и минометным огнем и бомбардировкой с воздуха.

Узнав о форсировании Янцзы частями Национально-освободительной армии,

британское правительство решило устроить провокацию. Эсминец «Консорт» (2400 т, 4—114-мм пушки) и шлюп «Аметист» (1375 т, 6—102-мм пушек) 19 апреля вышли из Ханькоу по реке Янцзы на Нанкин для «защиты» британского посольства. В 60 км от Нанкина, на параллели Цзюцзяна, «Аметист» был обстрелян артиллерией Национально-освободительной армии. Команда шлюпа открыла ответный огонь. В результате 17 человек команды «Аметиста» были убиты и 20 ранены. Оставшиеся в живых члены экипажа сумели довести шлюп до Шанхая.

Командующий английскими морскими силами в Китае адмирал Маден вместо выяснения обстоятельств конфликта послал крейсер «Лондон» (13 000 т; 8—203/50-мм и 8—102/45-мм орудий) и фрегат «Блэйксвэн» по реке Янцзы, чтобы «наказать коммунистов, виновных в инциденте с кораблем „Аметист“». Но и эти корабли в районе Янчжоу были обстреляны артиллерией Национально-освободительной армии и ретировались в Шанхай, а для прикрытия их отхода была вызвана британская авиация.

Всего же в ходе конфликта англичане потеряли 42 человека убитыми и 53 были ранены. С китайской стороны пострадали 252 человека.

Командование Национально-освободительной армии выразило адмиралу Мадену протест, в котором говорилось, что «любое появление иностранных кораблей в китайских водах будет пресечено силой, так как они нарушили государственный суверенитет Китая». Также в протесте китайцы требовали немедленно вывести все иностранные корабли из Янцзы, и требование это было выполнено.

В Форин Оффисе еще не поняли, что время «дипломатии канонерок» в Китае прошло. И дело не столько в решительности командиров Национально-освободительной армии, сколько в том, что за их спиной стояли десятки советских дивизий, готовых в любой момент войти в Китай.

23 апреля 1949 г. войска Национально-освободительной армии заняли Нанкин. За несколько часов до этого генералиссимус Чан Кайши улетел на самолете на остров Тайвань.

Войска 2-й и 3-й армий коммунистов в короткий срок заняли огромную территорию южнее Янцзы и к июню в основном закончили операцию. Были полностью освобождены провинции Цзянси, Чжэцзян и частично Фуцзянь, а также крупнейшие города Центрального Китая Шанхай, Нанкин, Наньчан, Аньцин, Ханчжоу, Нинбо и др.

10 мая войска 4-й полевой армии начали наступление на Ханькоуский район. Под натиском частей этой армии и под давлением частей 2-й полевой армии в направлении Чанша гоминьдановские войска Бай Чун-си оставили троградье Ухань (Ханькоу, Учан и Ханьян) и начали отступать на юг и юго-запад.

Таким образом, оборона противника на рубеже Янцзы была сокрушена, нанкин-шанхайская группировка гоминьдановских войск разгромлена, и ее остатки стали поспешно отходить в южном и юго-западном направлениях.

Одновременно с наступлением на южном направлении войска 1-й полевой армии в первой половине мая 1949 г. развернули наступление против гоминьдановских войск генерала Ху Цзун-наня, оборонявших район города Сиань — столицы провинции Шэньси, форсировали реку Вэйхэ и 20 мая освободили Сиань. В это же время были ликвидированы ранее блокированные тай-юаньская группировка (около 100 тыс. человек), гарнизоны городов Датун, Аньян, Синсян, в северной части Шэньси на сторону Национально-освободительной армии в полном составе перешла 22-я гоминьдановская армия.

2 июня войска 2-й полевой армии вступили в Циндао — последний опорный пункт американо-гоминьдановского командования в Шаньдуне был ликвидирован. Теперь у противника оставались лишь острова у восточного и юго-восточного побережий Центрального Китая. Но в Национально-освободительной армии не имелось достаточного количества десантных средств, чтобы высадиться на эти острова. Поэтому острова эти использовались гоминьдановцами в качестве перевалочного пункта между континентом и Тайванем для эвакуации гоминьдановских войск, беженцев и иностранцев.

Ко времени образования Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.) Народно-

освободительная армия Китая разгромила абсолютное большинство гоминьдановских армий, освободила Северо-Восточный, Северный, Восточный и Центральный Китай и значительную часть Южного, Северо-Западного и Юго-Западного Китая. Остатки гоминьдановских армий отступали в южном и юго-западном направлениях, часть их переправилась на Тайвань.

В конце октября 1949 г. 1-я полевая армия коммунистов вступила в Синьцзян. Войска 2-й и 4-й полевых армий, наступая в Юго-Западном Китае, очистили от гоминьдановцев провинции Гуйчжоу и Сычуань. 30 ноября коммунисты взяли Чунцин, после чего местные юньнаньские и сиканские милитаристы заявили о своем разрыве с Чан Кайши и подчинились Центральному народному правительству.

17 апреля 1950 г. части Национально-освободительной армии заняли остров Хайнань, а 4 мая — Чжоушаньские острова, расположенные к югу от Шанхая.

ГЛАВА 36

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ КНР В 1949–1960 гг

После выдворения с территории континентального Китая гоминьдановцы не пожелали прекращать войну. С Тайваня и малых островов на бомбардировку объектов в Китае постоянно вылетали самолеты, с кораблей высаживались малые и средние десанты. Чан Кайши готовил свои армии к генеральной высадке на континент.

Части Национально-освободительной армии имели 113 самолетов. Все они являлись японскими и американскими и были сильно изношены. К началу 1950 г. гоминьдановцы располагали 361 самолетом. Из них: 158 истребителей (в том числе «Мустанг» — 110 и «Тандерболт» — 48), 65 бомбардировщиков (из них В-24—21, В-25—28 и 16 «Москито»), 16 самолетов-разведчиков и один транспортный самолет. Гоминьдановская авиация базировалась в основном на аэродромах Тайваня и островах Чжуашаньского архипелага.

2 октября 1949 г. Советский Союз официально признал Китайскую Народную Республику, став первым в мире государством, признавшим новую власть.

16 декабря 1949 г. в Москву прибыл председатель Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдун, а 20 января 1950 г. — премьер Государственного административного совета Чжоу Эньлай.

В ходе переговоров И.В. Сталина и Мао Цзэдуна были рассмотрены многие вопросы международной обстановки и советско-китайских отношений, выработаны меры по развитию сотрудничества и дружбы двух государств.

14 февраля 1950 г. были подписаны Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (сроком на 30 лет), соглашения о Китайской Чачуньской железной дороге (КЧЖД), Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении КНР долгосрочного экономического кредита и другие.

КНР и СССР обязались совместно предпринимать меры, чтобы не допустить повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с ней в агрессивных актах. В случае нападения Японии или ее союзников на одну из стран другая немедленно окажет ей военную и иную помощь всеми имеющимися у нее средствами.

В соглашении указывалось, что советские войска будут выведены из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур, а все военные объекты Ляодунского полуострова перейдут КНР. Вывод войск и передачу сооружений предполагалось осуществить после заключения мирного договора с Японией, но не позже конца 1952 г.

В декабре в ходе московских советско-китайских переговоров Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай поставили перед И.В. Сталиным и Н. Булганиным вопрос о создании с помощью СССР национальных ВВС и ВМС для захвата Тайваня. Руководители КНР просили у Советского Союза помощи для вторжения на Тайвань «народных добровольцев» из «числа военнослужащих стран народной демократии» (то есть советских войск). Но Сталин на это не пошел. Он лишь дал согласие обучить «кадры китайского морского флота» в Порт-Артуре с последующей передачей части советских кораблей Китаю, подготовить план десантной

операции на Тайвань в советском Генеральном штабе, а также направить в КНР группировку войск ПВО и необходимое количество советских военных советников и специалистов.

В 1950–1953 гг. в Китае находились 3642 советника и специалиста Советской армии и ВМФ, а всего до 1966 г. в Китае побывали 6695 человек, в том числе 68 генералов, 6033 офицера, 208 солдат срочной службы и 386 рабочих и служащих. За эти годы 1514 китайских военнослужащих прошли подготовку в военных учебных заведениях Советского Союза (в том числе для сухопутных войск — 97 чел., ПВО — 178 чел., ВВС — 446 чел., ВМС — 608 чел., тыла — 99 чел. и др. — 66 чел.).

В первую очередь советская сторона решила обеспечить ПВО-Шанхая, который регулярно подвергался налетам гоминьдановской авиации. Командующим группировкой советских войск ПВО в Шанхае был назначен генерал-лейтенант П. Батицкий, начальником штаба — полковник Б. Высоцкий, заместителями командующего: по авиации — генерал-лейтенант авиации С. Слюچارев, по зенитной артиллерии — полковник С. Спиридонов (он же командовал 52-й зенитно-артиллерийской дивизией). Главным военным советником при Народно-освободительной армии Китая и военным атташе в этот период был генерал-лейтенант П. Котов-Легоньков.

В боевой состав советской группировки входили: оперативная группа (управление группы войск, управление 106-й истребительной авиационной и 52-й зенитно-артиллерийской дивизий); 29-й гвардейский истребительный (реактивные МиГ-15), 351-й истребительный (поршневые Ла-11), 829-й смешанный (бомбардировщики Ту-2 и штурмовики Ил-10) авиаполки; 1-й гвардейский зенитно-прожекторный полк; 64-й отдельный радиотехнический батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС); 278-й, 286-й и 300-й отдельные автотехнические батальоны; отдельные радиотехническая и автомобильная кислородно-добывающая станции; 45-я отдельная рота связи и транспортная авиагруппа, оснащенная самолетами Ли-2.

25 февраля генерал-лейтенант П. Батицкий прибыл в Пекин, где его принял главнокомандующий Национально-освободительной армией Чжу Дэ. Батицкий доложил ему о составе и задачах группировки, и было принято решение о включении в состав группировки четырех китайских зенитно-артиллерийских полков смешанного состава.

Затем штаб Группы приступил к рекогносцировке аэродромных узлов Шанхая, Нанкина и Сюйчжоу. 27 февраля план сосредоточения группировки войск ПВО Шанхая был представлен на утверждение начальнику Генштаба Вооруженных Сил СССР генералу армии С. Штеменко. Планом этим предусматривалось завершить сосредоточение советских войск к 23 марта 1950 г.

С 9 по 15 февраля в Шанхай прибыли оперативная группа командующего советскими войсками, управление 106-й истребительной авиадивизии ПВО и управление 52-й зенитной артиллерийской дивизии.

7 марта с аэродрома Дальний на аэродром Сюйчжоу был передислоцирован 351-й истребительный авиаполк, а с 16 марта по 1 апреля 6 авиазвеньев этого полка перебазировались на аэродром Дзяньвань в 8 км севернее Шанхая. Три звена остались для прикрытия аэродрома Сюйчжоу, где производилась сборка истребителей МиГ-15 29-го истребительного авиаполка, доставленных туда из СССР по железной дороге.

9 марта в Сюйчжоу прибыл личный состав полка и авиакомендатура 286-го отдельного авиатехнического батальона. В тот же день в Нанкине разместилась оперативная группа 829-го смешанного авиаполка.

В течение марта—апреля 1950 г. на территорию Китая были передислоцированы и другие авиационные части.

К 22 марта закончилось оборудование командного пункта, с которого осуществлялось центральное управление войсками.

В марте 1950 г. в КНР начала поступать авиационная техника. 40 самолетов МиГ-15 29-го истребительного авиаполка прибыли из Новосибирска в Сюйчжоу в разобранном виде по железной дороге, с 10 по 14 марта они были собраны. К 1 апреля 39 самолетов

перевелись на постоянное место дислокации 29-го истребительного авиаполка — на аэродром Дачан в 10 км северо-восточнее Шанхая. 351-й истребительный авиаполк к этому времени сосредоточился на аэродроме Дзяньвань. Еще через неделю прибыли 829-й смешанный авиаполк с аэродрома Дальний в аэропорт Сюйчжоу, 278-й автотехнический батальон развернулся на аэродроме Дачан, а 286-й — на аэродроме Дзяньвань. 300-й батальон, с октября 1949 г. находившийся в Китае, был передислоцирован из Пекина на аэродром Сюйчжоу.

С 23 марта на 19 позициях в районе Шанхая закрепился 1-й Гвардейский зенитно-прожекторный полк, образовав круговую световую зону с радиусом 10–20 км и зону обнаружения самолетов в 20–30 км от центра города.

Сосредоточение и развертывание войск, боевой техники и материальных средств прошло по плану. Основная часть офицеров штаба Группы прибыла в Китай самолетом, предупредив войска на 10–20 дней, что позволило заблаговременно решить ряд оперативных задач.

Всего в состав советской Группы войск входило: 118 самолетов (в том числе: МиГ-15—39, Ла-11—40, Ту-2—10, Ил-10—25, Ли-2—4), 73 прожекторных и 13 радиотехнических станций, 116 радиостанций, 31 радиоприемник и 436 единиц автотранспорта.

7 марта 1950 г. 351-й советский истребительный авиаполк приступил к боевому дежурству. Полк базировался в Сюйчжоу и имел задачу — патрулированием в воздухе и дежурством на аэродроме в готовности № 1 и № 2 не допустить бомбардировки с воздуха аэродрома и железнодорожного узла.

Первый воздушный бой произошел 13 марта. Патрулировавшее звено истребителей Ла-11 обнаружило южнее Сюйчжоу средний бомбардировщик В-25. Командир звена В. Сидоров произвел две атаки с задней полусферы сверху с дистанции 800–400 м. Подбитый самолет противника упал в горах северо-западнее Нанкина.

На следующий день во втором воздушном бою патрулировавшим звеном Ла-11 под командованием П. Душина был сбит еще один самолет В-25, который с горящим мотором сел на брюхо в 5 км северо-восточнее аэродрома Сюйчжоу. Шесть человек экипажа были взяты в плен, а седьмой (радист) погиб. После этого случая активность воздушного противника несколько снизилась.

20 марта в 85 км юго-восточнее Шанхая была обнаружена неизвестная цель. В воздух поднялись девять Ла-11 с задачей уничтожить противника на ближних подступах к Шанхаю. Первая пара истребителей после обнаружения трех «мустангов» пошла на сближение. Но «мустанги» отклонились от боя и ушли за границу запретной зоны. Следовавшие за ними бомбардировщики беспорядочно сбросили бомбы и тоже скрылись.

2 апреля два «мустанга», пролетавшие в районе северного побережья залива Ханчжоувань, встретились с двумя советскими истребителями. Капитан И. Гужев внезапно атаковал противника и первой же очередью сбил истребитель ведомого, а затем двумя последующими очередями уничтожил и самолет ведущего.

В целом гоминьдановская авиация с 20 февраля по 20 октября потеряла 7 самолетов: два В-24, два В-25, два «мустанга» и один «Лайтнинг». После этого налеты на Шанхай и его пригороды прекратились. Основные усилия ВВС гоминьдановцев были перенацелены на борьбу с наземными войсками Национально-освободительной армии. Они систематически вели разведку вдоль побережья, атаковали автоколонны и скопления мелких кораблей. Но все это не наносило серьезного ущерба армии Китая.

Для совершенствования боевой выучки китайского личного состава в штабах и подразделениях под руководством офицеров 52-й зенитно-артиллерийской дивизии систематически проводились занятия по изучению боевой техники и по отработке способов управления частями и подразделениями в бою. Всего состоялся 2591 час учебных занятий.

С 1 августа части Группы параллельно с несением боевой службы, в соответствии с шифротелеграммой военного министра СССР № 3365 от 13 июля 1950 г., приступили к переучиванию и обучению личного состава частей ПВО Народно-освободительной армии на

технике Группы войск. При этом вся она, как и имущество группировки советских войск, в соответствии с постановлением Совмина СССР от 21 июля 1950 г., подлежала передаче китайскому правительству.

В июне 1950 г. началась война в Корее. Участие в Корейской войне вооруженных сил СССР и КНР — тема особая, и в данной работе она не затронута. Скажу только, что Корейская война не только не обескровила, но и заметно усилила Национально-освободительную армию Китая. Так, к началу 1954 г. китайская авиация располагала более чем 1500 боевыми самолетами, среди которых были истребители Як-9, Ла-11, МиГ-15; штурмовики Ил-10 и бомбардировщики Пе-2 и Ту-2. Начались поставки и самых современных реактивных машин — истребителей МиГ-17 и бомбардировщиков Ил-28.

В свою очередь, США непрерывно усиливали авиацию Тайваня, поставляя туда реактивные истребители F-84G «Тандерджет», F-86F «Сейбр» и разведчики RT-33. Чанкайшисты продолжали налеты на континентальный Китай. К началу 1950 г. они имели 86 боевых самолетов (истребители P-38 «Лайтнинг», P-40, P-47 «Тандерболт» и P-51 «Мустанг», дальние бомбардировщики B-25 и B-26).

Соединенные Штаты, напуганные активностью вооруженных сил КНР, 2 декабря 1954 г. подписали с Чан Кайши договор «о взаимной безопасности». Договором предусматривалось оказание военной помощи гоминьдановцам и размещение на Тайване и Пескадорских островах (Пэнхуледао) американских военных баз. Госсекретарь А. Даллес заявил, что «подписание договора об обороне положит раз и навсегда конец всяким слухам и сообщениям о том, что Соединенные Штаты каким-то образом согласятся на то, чтобы Формоза и Пескадорские острова попали под коммунистический контроль».

8 декабря 1954 г. правительство КНР заявило, что «предательская клика Чан Кайши не имеет никакого права заключать от имени Китая соглашения с какой-либо державой, а поэтому „договор о взаимной безопасности“ является незаконным и недействительным». Советское правительство 15 декабря заявило, что оно разделяет мнение правительства КНР: «Американо-чанкайшистский договор является вмешательством во внутренние дела Китая, покушением на его территориальную целостность и ставит под угрозу мир в Азии».

28 января 1955 г. конгресс США принял резолюцию, которая давала американскому президенту право принять любые меры для «обеспечения безопасности Формозы и Пескадорских островов» (Тайваня и Пэнхуледао).

Благодаря решению конгресса на Тайване были размещены американские ВВС и пехотные части, а в Формозском проливе начали патрулирование корабли 7-го флота США. С 1 июля 1954 г. по 30 июля 1955 г. США израсходовали на военно-экономическую помощь Тайваню более 670 млн. долларов.

Тем не менее начало 1955 г. ознаменовалось рядом побед Национально-освободительной армии Китая. В январе—феврале в результате успешной морской десантной операции у чанкайшистов был отбит ряд стратегически важных островов у побережья континентального Китая: Дачень, Юйшань, Пишань, Ицзяншань, Наньцишань и другие более мелкие острова. Десант поддерживали силы истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации. По китайским данным, было уничтожено свыше 4600 вражеских солдат и офицеров, сбито и повреждено 160 гоминьдановских самолетов, потоплено и повреждено 20 кораблей и судов (пять из них — авиацией).

Немалую роль сыграла и артиллерия. Из СССР в Китай были поставлены 100-мм пушки БС-3, 122-мм пушки обр. 1931/37 г., 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20, 130-мм пушки С-47, 130-мм береговые пушки КСМ-65 с ПУС «Москва» и др.

Полковник В.Г. Маликов, бывший советником в Национально-освободительной армии в те годы, рассказал автору довольно интересный случай. С одного из прибрежных островов гоминьдановцы периодически обстреливали материк из тяжелых артиллерийских орудий. А самые дальнобойные советские орудия не могли их достать. Тогда Василий Георгиевич пошел на риск и посоветовал китайцам дожидаться попутного ветра и нагреть заряды к 130-мм пушке М-46, те послушались совета и достали вражескую батарею.

В 1954 г. в нейтральных водах гоиньдановские военные корабли захватили советский танкер «Туапсе», шедший с грузом бензина. наших военных кораблей в том районе не было, и СССР пришлось ограничиться несколькими грозными нотами, которые не произвели ни малейшего впечатления ни на Тайвань, ни на США. Через несколько месяцев часть советского экипажа была возвращена на родину, но сам танкер так и не вернули.

В это трудное для Китая время Советский Союз продолжал оказывать ему всестороннюю помощь. Так, СССР предоставил КНР на выгодных для нее условиях долгосрочные кредиты на общую сумму 1816 млн. рублей, помог в сооружении 250 крупных промышленных предприятий, цехов и объектов, оснащенных новейшим оборудованием. В том числе с помощью СССР китайцы реконструировали Аньнаньский и Уханьский металлургические комбинаты, Чаньчуньский автомобильный завод, комплекс лаоянских заводов (тракторный, подшипниковый и горнорудного оборудования, электромашиностроительный, турбинный и котельный), заводы в Харбине, завод синтетического каучука и нефтеперерабатывающий завод в Ланьчжоу, азотные заводы в Гирине и Тайюане, сланцеперерабатывающие заводы в Фушуне, завод тяжелого машиностроения в Фулаэрци, целый ряд мощных электростанций и других объектов.

31 декабря 1952 г. СССР безвозмездно передал КНР все свои права по совместному управлению КВЖД со всем принадлежащим дороге имуществом. Были переданы основные магистрали, дороги, идущие от станции Маньчжурия до станции Пограничная (Суйфынхэ) и от Харбина до Дальнего и Порт-Артура, с железнодорожными сооружениями и устройствами, подвижным составом, электростанциями и линиями связи и другими предприятиями и учреждениями, обслуживающими эту дорогу. И, наконец, 26 мая 1955 г. Порт-Артур покинули последние советские части.

К концу 1955 г. военная авиация КНР насчитывала две тысячи боевых самолетов. МиГ-15 и МиГ-17 постепенно вытеснили поршневые истребители, из СССР стали поступать первые дальние бомбардировщики Ту-4, значительно расширившие зону досягаемости китайских ВВС. С помощью поставок из СССР создавалась и морская авиация Национально-освободительной армии Китая.

СССР оказал КНР неоценимую помощь в создании китайской авиации и авиационной промышленности. Первым реактивным самолетом, производство которого было начато в Китае, стал истребитель J-5 — почти точная копия самолета МиГ-17Ф. Замечу, что за счет более тщательного изготовления конструкций истребителя китайцы выигрывали в скорости до 50 км/час. СССР предоставил Китаю два эталонных МиГ-17Ф и полные комплекты узлов и агрегатов для сборки еще 15 машин. Благодаря этому первый самолет J-5 был отправлен на заводские испытания 13 июля 1956 г., в том же году было начато серийное производство J-5. До конца 1959 г. китайцы выпустили 767 истребителей.

В 1961 г. на Шеньянском авиазаводе началось производство всепогодного истребителя МиГ-17ПФ, получившего китайское обозначение J-5А.

Первый собранный в Китае из советских комплектующих самолет МиГ-19П совершил первый полет 17 декабря 1958 г. 30 сентября следующего года начались летные испытания дневного фронтового истребителя МиГ-19С. Эти машины получили китайское обозначение J-6.

В начале 1950-х годов СССР поставил в Китай около 50 четырехмоторных бомбардировщиков Ту-4 (аналог американской летающей крепости Б-29). Позже в КНР были поставлены реактивные бомбардировщики Ту-16 и Ил-28, на базе которых в Китае было организовано производство их аналогов, получивших наименования, соответственно, Н-6 и Н-5.

В 1955 г. СССР передал КНР 4 эсминца проекта 7, введенных в состав Тихоокеанского флота в 1941–1942 гг. Перед передачей Китаю эсминцы прошли капитальный ремонт. Эсминец «Резкий» получил название «Фушунь», «Рекордный» — «Аньшань», «Ретивый» — «Цзилинь», а «Решительный» — «Чанчунь». Любопытно, что в 1971–1974 гг. эти эсминцы прошли в Китае модернизацию, в ходе которой торпедные аппараты были сняты, а взамен

поставлены две спаренные установки противокорабельных ракет «Хайин-2». Все 4 корабля находились в боевом составе китайского флота до конца 1980-х годов.

В 1955 г. Тихоокеанский флот передал КНР сторожевые корабли СКР-48 и СКР-49 (бывшие японские сторожевые корабли водоизмещением 940 т, полученные СССР в 1947 г. по репарациям).

В декабре 1954 г. были переданы 4 малые подводные лодки XV серии (М-276, М-277, М-278 и М-279). В 1955 г. СССР передал Китаю 4 подводные лодки типа «Щ» (Щ-121, Щ-122, Щ-123 и Щ-124)¹¹⁰ и 3 подводные лодки типа «С» (С-25, С-52 и С-53).

В 1954 г. рабочие чертежи и техническая документация на подводные лодки проекта 613 были переданы КНР для строительства лодок в Китае. По условиям договора с КНР первые три лодки должны были изготавливаться полностью в Советском Союзе, а затем перевозиться в разобранном виде в КНР, где должны были вновь монтироваться и испытываться, как это ранее делалось при строительстве лодок для Дальнего Востока. Последующие корабли должны были строиться в КНР, причем СССР поставлял для них сталь для корпуса, механизмы, электрооборудование, приборы и вооружение. Для оказания технической помощи в постройке и освоении этих подводных лодок из ЦКБ-18, ЦКБ-112 и с завода «Красное Сормово» в КНР была направлена группа специалистов, всего около 20 человек.

В КНР китайскими специалистами при участии советских специалистов вся проектная и технологическая документация была переведена на китайский язык. Одновременно силами советских специалистов производилось обучение китайских специалистов теории подводных лодок и ознакомление их с особенностями подводных лодок проекта 613, технологией их постройки и испытаний.

Первые три подводные лодки были построены на Шанхайском судостроительном заводе «Дзянань», испытания лодок проводились в Порт-Артуре.

В конце 1957 г. после завершения испытаний первых трех подводных лодок часть советских специалистов возвратилась в СССР. В это время в КНР началась подготовка производства к постройке подводных лодок проекта 613 на Учанском судостроительном заводе в Ханькоу. Головная лодка Учанского завода была направлена на испытания в Порт-Артур в ноябре 1958 г. и закончила испытания в январе 1959 г. К этому времени в Порт-Артуре уже находилось около 15 подводных лодок постройки Дзянаньского завода.

В конце 1950-х—начале 1960-х годов СССР передал КНР противокорабельные ракеты П-15, а также техническую документацию на производство ракетных катеров проекта 183Р. По этой документации в Китае было произведено около 60 ракетных катеров этого типа.

К началу 1955 г. ВВС гоминьдана на Тайване располагали 450 боевыми самолетами. В их числе были современные реактивные истребители, истребители-бомбардировщики и разведчики F-86F, F-86G, RF-84F и RT-33A. Кроме того, на острове базировалась и американская истребительная эскадрилья, оснащенная F-86H «Сейбр».

Воздушные бои над Формозским проливом и территорией КНР продолжались. 10 мая 1955 г. восемь F-86 ВВС США, базировавшихся на территории Южной Кореи, при выполнении разведывательного полета в районе города Аньдун, где находился крупный военный аэродром, были перехвачены китайскими истребителями МиГ-15бис. В результате в завязавшемся бою один «Сейбр» был сбит и два получили повреждения. В июне 1956 г. Герой КНР летчик-истребитель Лу-Минь одержал первую в истории китайской авиации ночную победу, перехватив и сбив по радиолокационному наведению с земли тайваньскую летающую крепость В-17.

Следует заметить, что агрессивные действия в отношении КНР велись США не только с острова Тайвань, но и с территории Японии и Южной Кореи. Еще в конце 1953 г. на аэродроме в Комаки в Японии была сформирована специальная группа в составе 15-й разведывательной эскадрильи ВВС США. На восьми самолетах RF-86F сняли вооружение и

110 В ряде источников говорится, что их в 1954 г. сдали в ОФИ для разрезки на металл.

установили фотоаппаратуру с фокусным расстоянием от 152 до 1000 мм. Для увеличения дальности полета на RF-86F помимо двух основных топливных баков емкостью 850 л навешивали еще два бака по 450 л. Кроме того, в ходе разведывательных полетов RF-86F использовали аэродромы «подскока» в Южной Корее, где происходила дозаправка. Замечу, что посадка американских военных самолетов в Южной Корее существенно нарушала соглашение о прекращении огня в Корее.

С апреля 1954 г. по июль 1955 г. RF-86F совершили свыше 12 дальних полетов над территорией Китая и СССР. Им удалось пролететь над районами Владивостока, Советской Гавани, Сахалина, Дайрена, Порт-Артура и др. Обычно в полете участвовало от двух до четырех машин. Они летели днем на высоте 13,5—14,5 км, и только при таких метеорологических условиях, когда отработанное топливо не оставляло видимых следов в атмосфере.

Типовой пример: 1 мая 1954 г. два RF-86F, пилотируемые лейтенантами Робертом Депью и Рудольфом Андерсоном, в 4 часа утра поднялись с аэродрома Комаки и перелетели на базу Кунсан в Южной Корее. Посадка американских самолетов на аэродромах в Южной Корее была грубым нарушением соглашения о прекращении огня. Тем не менее американцы систематически проводили подобные дозаправки.

После дозаправки самолеты направились в сторону Китая. На высоте 16,5 км они пролетели над Дайреном, а затем, развернувшись, прошли над Порт-Артуром. Вернулись в Комаки они тем же маршрутом.

Однако вскоре вблизи RF-86F стали появляться «миги», и в конце лета 1955 г. американское командование отказалось от разведывательных полетов на этих машинах и группа RF-86F была расформирована.

1958 г. ознаменовался Тайваньским кризисом — резким обострением военной конфронтации в Тайваньском проливе. Поддерживая своего союзника, США направили в регион более 700 боевых самолетов (в том числе новейшие сверхзвуковые машины F-100, F-101, F-104 и RF-101) и около 130 боевых кораблей, в том числе семь авианосцев.

Американский министр авиации, выступая на пресс-конференции в столице Тайваня Тайбэе, заявил: «Если в районе Тайваня возникнут новые военные действия, США сделают так, что истребители F-84, которые получает националистическая армия от США, будут иметь на своем борту атомные бомбы».

8 мая 1957 г. на Тайвань прибыло авиакрыло ВВС США, самолеты были вооружены самолетами-снарядами TM-61 «Матадор» с дальностью стрельбы 500—1000 км, оснащенными ядерной боевой частью мощностью 80 кт. Вице-адмирал Доил заявил 20 января 1958 г., что снаряды «Матадор» готовы для удара по красному Китаю.

Кроме того, в 1958 г. ВВС Тайваня получили первые сверхзвуковые самолеты «Норт Америкэн» F-100D «Супер Сейбр», а истребители F-86F были оснащены управляемыми ракетами класса «воздух—воздух» AIM-9B «Сайдуйдер». Для ведения стратегической разведки над территорией континентального Китая из США прибыли высотные разведчики RB-57, на которых летали тайваньские летчики.

Тем временем воздушные бои над Тайваньским проливом продолжались. Только с 29 июля по 14 августа 1958 г. авиация Национально-освободительной армии сбила 9 тайваньских самолетов. 24 сентября в групповом бою между МиГ-17 и F-86F гомиьдановцы впервые применили управляемые ракеты класса «воздух—воздух» AIM-9B и сбили ими один китайский самолет, а второй получил повреждения от попадания невзорвавшейся ракеты.

В течение 1958 г. авиацией Национально-освободительной армии было сбито 17 и повреждено 25 гомиьдановских самолетов, а собственные потери составили 15 истребителей МиГ-15, МиГ-17 и J-5.

В августе—сентябре 1958 г. китайская артиллерия вела интенсивный обстрел прибрежных островов Мацзу и Цзиньмынь-дао, занятых чанкайшистами. В ответ американцы сосредоточили в Тайваньском проливе около ста военных кораблей, в том числе 7 авианосцев, 3 крейсера и 40 эсминцев. На Тайвань были переброшены крупные соединения

военной авиации США и пополнения морской пехоты с Филиппин и американских баз в Японии.

В связи с угрозами США нанести ядерный удар по КНР Мао Цзэдун обратился к СССР с просьбой передать Китаю управляемые ракеты и ядерные боеголовки. В конце 1957 г. Советский Союз поставил в КНР несколько советских баллистических ракет Р-1 (копия ФАУ-2) и Р-2 с обычными боеголовками. В начале 1958 г. был развернут первый ракетный дивизион Национально-освободительной армии Китая. Дальнейшими планами военного сотрудничества предусматривались поставки в 1959–1960 гг. баллистических ракет Р-5 (дальность 1200 км, КВО около 1,5 км). Ракеты Р-5 должны были иметь ядерные боевые части. Однако советская сторона в 1959 г. отказалась поставлять ядерное оружие в Китай.

Зато СССР поставили в Китай несколько типов управляемых ракет, в числе которых были зенитный ракетный комплекс С-75, береговой противокорабельный комплекс С-2 «Сопка», ракеты «воздух—воздух» К-5М и др.

Особую важность для КНР имели ЗРК С-75 «Двина». Первый эшелон с этими ракетами проследовал через станцию Маньчжурия 23 ноября 1958 г. Технику принимал командир 1-го ракетного батальона ВВС КНР Чжан Цзяньхуа с группой из 21 человека. При этом присутствовал представитель Министерства обороны СССР генерал-лейтенант Буженский.

Всего в 1958–1960 гг. в Китай прибыли пять ЗРК С-75 «Двина» и 62 ракеты В-750. 30 ноября 1958 г. в ВВС Пекинского и Нанкинского военных округов было организовано еще по одному зенитно-ракетному батальону, а 26 декабря в уезде Дасинсянь Пекинского округа развернулся еще один батальон. 18 января 1959 г. в Сюйчжоу Нанкинского округа организовали пятый зенитно-ракетный батальон.

К 21 декабря 1958 г. весь командный состав 1-го и 2-го батальонов сосредоточили в Чансиньдяне в районе Пекина для обучения китайских офицеров советскими специалистами. Командиром 2-го зенитно-ракетного батальона был назначен Юэ Чжэньхуа.

В апреле 1959 г. в пустынной местности в 40 км к северо-востоку от уезда Чжунвэйсянь 1-й батальон провел первые учебные стрельбы при помощи советских специалистов. 19 апреля в 9 ч 40 мин самолет Ту-4НМ на высоте 8 км подлетел к охраняемому району и в зоне пуска сбросил парашютную мишень с уголковым отражателем. После выхода самолета из зоны пуска ракет, в 9 ч 50 мин, командир батальона Чжан Цзяньхуа дал команду «пуск». Первой же ракетой мишень была повреждена, «ее обломки упали на землю, все китайцы были очень довольны».

Китайцы не зря спешили с принятием на вооружение комплекса С-75.

Осенью 1956 г. США передали Тайваню первые два высотных дальних разведчика RB-57A1. В первый разведывательный полет над КНР майор Лян Лун вылетел на этом самолете 6 декабря 1957 г. Этот и последующие полеты 15 ноября 1957 г. и 7 января 1958 г. прошли без сучка и задоринки.

Четвертый полет RB-57A1 состоялся 18 февраля. Капитан Ван Хуяцзяо взлетел с авиабазы Таюань и должен был пролететь над объектами, расположенными на Шаньдунском полуострове. Сначала капитан Ван полетел на восток, чтобы набрать высоту, потом повернул на север и летел, пока не оказался над Восточно-Китайским морем. Здесь он взял курс на северо-запад и полетел параллельно побережью Китая.

На подлете к Шаньдунскому полуострову китайские радары обнаружили самолет-нарушитель. Два МиГ-17 китайских ВВС поднялись с авиабазы в Циндао. Используя указания наземных РЛС и бортовые радиолокационные установки, «миги» приблизились к RB-57A1. Вопреки всем ожиданиям, они вышли на дистанцию выстрела, хотя самолет-разведчик шел на предельной высоте, и открыли огонь из пушек. Снаряды повредили левое крыло и двигатель, и самолет упал в Желтое море недалеко от Циндао. Пилот погиб.

Гоминьдановцы продолжали разведывательные полеты. В 1959 г. в них участвовала и новая модификация разведчиков, созданная на базе британского бомбардировщика «Канберра», — RB-57D. Только в I квартале 1959 г. RB-57D, пилотируемые гоминьдановскими летчиками, совершили 10 полетов над территорией Китая, пролетая над

провинциями и городами Фуцзянь, Чжэцзян, Шанхай, Цзянси, Гуандун, Хунань, Хубэй, Аньхой, Гуйчжоу, Сычуань, Шаньдун и др. За 8–9,5 часа полета RB-57D пролетал до 6800 км и с высоты 18 км четырьмя фотоаппаратами производил аэрофотосъемку полосы шириной до 70 км и протяженностью до 4000 км.

В 1959 г. китайские истребители МиГ-19 и J-5 202 раза вылетали на перехват вражеских самолетов, 106 раз были обнаружены высотные цели, но ни разу сбить нарушителя не удавалось.

В январе 1959 г. ВВС Тайваня получили от США 4 разведчика RF-100A,¹¹¹ однако над территорией КНР они не летали, поскольку чанкайшисты считали, что их могут сбить истребители МиГ-19. В конце октября 1959 г. на Тайвань прибыли новейшие сверхзвуковые разведчики RF-101 А, которые летали над КНР до конца 1968 г. Забегая вперед, скажу, что за это время три RF-101А были сбиты, один летчик погиб, а два попали в плен.

Первый полет знаменитого американского высотного разведчика «Локхид» U-2 над КНР состоялся 18 июня 1957 г. Возможно, это было реакцией на инцидент 17 июня, когда разведчик RF-84F ВВС Тайваня был перехвачен китайскими МиГ-17 над провинцией Фуцзянь и, пытаясь уйти от преследователей, врезался в гору. Пилот погиб.

Второй полет U-2 состоялся весной 1958 г. В обоих случаях машины пилотировали американцы.

7 октября 1959 г. с аэродрома на Тайване поднялся RB-57D. Китайцы утверждают, что их РЛС обнаружила цель в небе над морем в 50 км от Тайбэя в 9 ч 41 мин В 10 ч 03 мин с РЛС сообщили, что самолет-нарушитель в провинции Чжэцзян над местечком Вэйлин пересек береговую черту на высоте 18 км. Над Нанкином самолет поднялся на высоту 19,5 км, затем пролетел Цзинань и приблизился к Пекину. В 11 ч 15 мин он был в 700 км от Пекина. Перехватчики ВВС КНР поднялись в воздух, но достать RB-57D не смогли.

Первым объявил боевую тревогу 5-й зенитно-ракетный батальон. Когда самолет находился уже в 480 км от Пекина, все системы ЗРК были приведены в полную боевую готовность. В 11 ч 30 мин удаление составляло 380 км, высота 19 км, скорость 750 км/час.

Станция наведения ракет обнаружила цель на дальности 115 км и высоте 20,3 км. Нарушитель шел с набором высоты. На дальности 41 км стартовала первая ракета, на дальности 40 км — вторая, на дальности 39 км — третья.

Какой по счету ракетой был поражен RB-57D — неизвестно. Его обломки упали на юго-востоке уезда Тунсянь. Позже «органы» выяснили, что летчик ВВС Тайваня Ван Инцин выпрыгнул с парашютом, но часть строп была перерезана, возможно осколками ракеты. Летчик упал в 100 м к северо-западу от самолета, к моменту обнаружения он был еще жив, но спасти его не удалось.

В карманах нашли какие-то бумаги и удостоверение пилота ВВС Гоминьдана.

Итак, первый разведчик был сбит ЗРК С-75 в Китае, а не под Свердловском 1 мая 1960 г. Другой вопрос, что китайцы пытались дезинформировать США, а Хрущев на радостях «ударил в литавры».

Чтобы скрыть наличие зенитно-ракетных комплексов на вооружении Национально-освободительной армии Китая, 9 октября агентство «Синьхуа» распространило следующее заявление: «Пекин, 9 октября. 7 октября в первой половине дня один чанкайшистский самолет-разведчик типа RB-57D с провокационными целями вторгся в воздушное пространство и был сбит военно-воздушными силами Народно-освободительной армии Китая».

В конце 1950-х годов ЦРУ США осуществляло широкую поддержку сепаратистов на Тибете. Как писал Кертис Пиблз: «Полеты U-2 с целью поддержки операций на Тибете начались в мае 1959 года. 12 мая U-2 пролетел над Тибетом, Китаем, Лаосом и Северным Вьетнамом. Через два дня последовал еще один полет над Тибетом и Китаем. Фотографии, сделанные U-2, использовались при составлении первых точных карт Тибета. До этого

111 Переоборудованный истребитель F-100, вооружение снято.

летчики, пилотировавшие самолеты ЦРУ и летавшие над Тибетом уже два года, полагались на неполные и неточные карты. Вторая серия полетов U-2 над Тибетом была проведена 3, 4 и 9 сентября, третья — 4 ноября».¹¹²

После сбития 7 октября 1959 г. RB-57D американцы решили подстраховаться и в полеты над Центральным Китаем направляли не американских, а гоминьдановских пилотов. В конце осени 1959 г. в США отправилась первая группа тайваньских летчиков, отобранных для обучения полетам на U-2.

В июле 1960 г. из США на Тайвань прибыли два самолета U-2, из которых была сформирована «метеорологическая эскадрилья», преобразованная с 1 февраля 1961 г. в 35-ю эскадрилью ВВС Гоминьдана. Контролировали эту эскадрилью агенты ЦРУ. Самолеты находились в специальном ангаре, куда допускались лица, имевшие специальные пропуска. Задания на разведывательные полеты выдавали американцы, они же задавали условия полета — цель, курс, высоту. После возвращения самолета с задания агенты ЦРУ тут же забирали на обработку всю кино- и фотопленку. Гоминьдановцам же информация передавалась строго дозированно. Фактически чанкайшисты лишь предоставляли пилотов для этих разведывательных акций.

19 марта 1961 г. во время ночного тренировочного полета на U-2С разбился первый гоминьдановский летчик. Самолет по неизвестной причине взорвался в воздухе, рассматривалась версия и об уничтожении его китайской ракетой. В сентябре 1962 г. на Дальнем Востоке в ходе учебного полета при отработке приземления с последующим немедленным взлетом разбился еще один U-2С. Кто пилотировал самолет, американец или тайванец, неизвестно.

20 декабря 1961 г. США передали Тайваню еще две машины. Гоминьдановских летчиков переучивали больше года, и лишь 13 января 1962 г. состоялся первый разведывательный полет над территорией КНР. Но полной уверенности, что это был действительно первый полет U-2 над Китаем, нет. В августе 1957 г. РЛС — Туркестанского военного округа неоднократно фиксировали пересечение советско-китайской границы в районе озера Чатыр-Куль несколькими неопознанными самолетами.

Утром 21 августа 1957 г., в день первого успешного пуска на Байконуре межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, два разведчика нарушили воздушное пространство СССР со стороны Китая. Недостаточное количество РЛС в этом труднодоступном районе не позволило точно проследить их маршруты на советской и китайской территориях. На перехват нарушителей на высоту 10–15,5 км поднялся 31 истребитель МиГ-17 и МиГ-15 (МиГов-19 в Туркестанском округе тогда еще не было). Но перехват не состоялся, хотя советские летчики преследовали нарушителей даже над территорией Китая, залетев туда на 50 км, но цель так и не обнаружили. У китайцев в этом районе, видимо, РЛС вообще не было, и они никак не прореагировали на инцидент.

На следующий день, 22 августа, в 3 ч 55 мин неопознанный самолет вошел в воздушное пространство СССР со стороны Китая и вышел обратно в 9 ч 10 мин. На перехват поднялся МиГ-17 100-й истребительной авиадивизии Туркестанского корпуса ПВО, пилотируемый капитаном Жовтым. На высоте 17 км наш летчик обнаружил цель и с высоты 15,3 км с кабрирования обстрелял нарушителя, но безрезультатно. Капитан Жовтый идентифицировал самолет-нарушитель предположительно как FB-57 «Канберра» или «Локхид» U-2.

За первое полугодие 1962 г. U-2 гоминьдановцев летали над территорией КНР 11 раз. Сфера их разведывательной деятельности распространялась на весь Китай, кроме провинции Синьцзян и Тибет. U-2 летали на высоте более 22 км, за 9-часовой полет производили аэрофотосъемку площади размером 3500х 150 км. Бортовое оборудование позволяло вскрывать систему радиотехнических средств ПВО. U-2 оснащались постановщиками помех и системами, предупреждающими об облучении РЛС ЗРК.

Китайцы в то время могли сбить U-2 лишь ракетами комплекса С-75, но большая часть

их была задействована в ПВО Пекина, а туда с 7 октября 1959 г. высотные разведчики не летали. Прикрытие же всех крупных городов Китая зенитно-ракетными комплексами не представлялось возможным. Тогда командование Национально-освободительной армии пошло на хитрость. 7 сентября 1962 г. эскадрилья бомбардировщиков, расквартированной в Нанкине, было приказано срочно перебазироваться в Наньчан, играя, таким образом, роль приманки. Естественно, что этот перелет зарегистрировали с Тайваня. 9 сентября тайваньский U-2 в 6 часов утра вылетел с аэродрома Таююань. В 6 ч 13 мин РЛС Национально-освободительной армии обнаружили его над проливом в 40 км от авиабазы. Надо ли говорить, что на предполагаемом маршруте U-2 уже были размещены передвижные комплексы С-75. Разведчик пролетел над Дюдянши и вторгся в провинцию Хубэй, в 8 ч 24 мин он развернулся на 180° и пошел на Наньчан и в 8 ч 30 мин был уже в 102 км от позиции ЗРК. В 8 ч 32 мин, когда разведчик находился в 39 км от позиции, командир батальона Юэ Чжэньхуа скомандовал «пуск». Было выпущено 3 ракеты, осколки которых повредили U-2. Обломки его нашли на рисовом поле в окрестностях Лоцзяди в 15 км к юго-востоку от Наньчана. Летчик Чэнь Хуай (по другим данным Чэнь Хуайшен) был тяжело ранен, и спасти его не удалось.

В 60—70-х годах XX века комплексом С-75 и его китайским аналогом было сбито несколько десятков боевых самолетов США и Тайваня, но рассказ об этом выходит за рамки данной монографии.

ГЛАВА 37

КОНФЛИКТЫ НА СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

Начало конфликту с Китаем положил Н.С. Хрущев своим знаменитым «секретным» докладом XX съезду. Трагикомическая кампания по «борьбе с культом личности», развернувшаяся в конце 1950-х — начале 1960-х годов, нанесла огромный вред СССР.

Европейские «страны народной демократии» были вынуждены слепо следовать за изменением «генеральной линии КПСС». Но китайское руководство отказалось это делать. Мало того, они использовали защиту Сталина от поношений Хрущева в борьбе за лидерство в мировом коммунистическом движении.

Было, разумеется, много других причин для ухудшения отношений между СССР и КНР. Так, Хрущев отказался передать КНР технологию изготовления ядерного оружия, несмотря на имевшийся договор. Споры нет, нераспространение ядерного оружия — цель вполне оправданная, но не в отношении великих государств. И в 1964 г. Китай самостоятельно изготовил и испытал свою первую атомную бомбу.

С начала 1930-х годов между СССР и Китаем накопилось много нерешенных пограничных проблем. В 1950-х годах во время дружественных Отношений с проблемами этими худо-бедно мирились, но после ухудшения отношений в начале 1960-х годов они стали серьезно отравлять обстановку.

Первоначально руководство КНР стало высказывать свои территориальные претензии на чисто азиатский манер. В конце июня 1960 г. в районе перевала Буз-Айтыр скотоводы с территории Китая перешли государственную границу СССР. Несмотря на требования наших пограничников, они отказались вернуться в КНР и продолжали пасти скот на нашей территории, пока не выпал снег. Когда советские пограничники спросили скотоводов, почему и теперь, когда им уже нечем кормить скот, они не идут домой, старший — председатель народной коммуны — признался, что переход был совершен по прямому указанию провинциальной администрации и они боятся без разрешения возвращаться обратно. В конце концов, благодаря терпеливой позиции СССР инцидент был улажен.

26 октября 1962 г. народный комитет провинции Хэйлунцзян направил пограничным постам, уездным и городским народным комитетам закрытую директиву о том, что рыбаки должны вести лов на принадлежащих СССР водных участках, если же советские пограничники будут показывать рыбакам географические карты, то попросту игнорировать

их. Далее директивой предписывалось пограничным властям КНР ни при каких обстоятельствах не снимать рыбаков с островов на реках Амур и Уссури, советская сторона, мол, не примет насильственных мер для их выдворения. Если же это произойдет, то китайские представители должны заявить, что советская сторона вносит разлад в дружбу с КНР и действует противозаконно.

Весной 1962 г. многие из проживавших в Синьцзяне советских граждан и выходцев из России, в основном казахов и уйгуров, перешли в СССР, так как не могли больше терпеть тяжелых условий жизни и национальной дискриминации со стороны китайских властей. И это обстоятельство руководство Компартии Китая также попыталось использовать для обострения отношений с СССР. Руководители КНР знали истинные причины массового бегства некитайского населения со своей территории, но, видимо, решив, что применение силы скомпрометирует их, они избрали иную тактику. Власти в Кульдже и Чугучаке говорили гражданам, требовавшим разрешения на выезд в СССР, что те могут обойтись без виз, то есть самовольно переходить границу, и даже продавали билеты на автотранспорт до пограничных пунктов и организовали отправку багажа на почтовых машинах. В конце мая 1962 г. только из Кульджи ежедневно отправлялось 10–12 грузовиков по 40–50 человек в каждом. В нескольких километрах от границы пассажиров высаживали, и дальше они шли пешком.

Одновременно с этим китайские руководители настаивали, чтобы советские власти прибегали к насилию в отношении лиц, переходивших границу. Расчет строился так: толпы стариков, женщин и детей будут встречены штыками и пулями и возвращены в КНР, что в среде простых людей вызовет лютую ненависть к Советскому Союзу.

Еще в апреле 1962 г., когда первая группа переселенцев появилась на советской территории, и стало известно о подобном намерении многих жителей Синьцзяна, советское правительство предложило китайскому руководству принять необходимые меры и направить представителей для переговоров с беженцами. Но китайские власти категорически требовали от СССР применять силу. На это советские власти, естественно, не пошли. Тогда китайское руководство обвинило СССР в «подрывной деятельности в пограничных районах Китая», и в «подстрекательстве национальных меньшинств к отделению от Китая».

С китайской стороны последовала серия провокационных действий в отношении работников советского консульства в Синьцзяне, включая задержание и обыск наших дипломатов. Были закрыты общества местных советских граждан, а их руководители арестованы по ложным обвинениям в «антиправительственной деятельности» и нарушении законов. В Синьцзяне усилилась антисоветская пропаганда.

В таких условиях советское правительство было вынуждено закрыть советское генеральное консульство в Урмчи и консульство в Кульдже. А затем по настоянию китайской стороны было ликвидировано отделение торгпредства СССР в Урумчи.

После снятия Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. новое советское руководство попыталось нормализовать советско-китайские отношения. Однако на переговорах, проходивших в 1964–1965 гг., обе стороны заняли непримиримые позиции по пограничным вопросам, и переговоры, естественно, закончились провалом. Затем последовало заявление китайского руководства о претензиях на 1,5 млн. кв. км советской территории. Завершением процесса разрыва двухсторонних связей стал отказ ЦК Компартии Китая от приглашения направить делегацию на XXIII съезд КПСС, о чем было заявлено в официальном письме от 22 марта 1966 г.

Развернувшаяся вскоре «культурная революция» определила и основной курс внешней политики Китая — антисоветизм. Участились случаи различного рода провокаций: беспорядки китайских граждан и сотрудников посольства КНР на Красной площади в Москве 25 января 1967 г., бесчинства хунвейбинов на аэродроме в Пекине в феврале того же года при отлете жен и детей работников советского посольства, погром на территории посольства СССР в Пекине 17 августа, задержка советских судов и грубое насилие над членами их экипажей.

Одновременно активизировались провокационные действия на советско-китайской

границе. С 1964 по 1968 г. только на участке Тихоокеанского пограничного округа китайцы организовали более 6 тыс. провокаций с участием около 26 тыс. человек.

В начале 1969 г. возник спор вокруг небольшого острова Даманский (Чжэнь-Баодао) на реке Уссури. Остров длиной 1700 м и шириной 500-м был необитаем. От китайского берега его отделяет протока шириной 70 м. Советская сторона обосновала свои права на остров тем, что в соответствии с приложением к Пекинскому договору от 14 ноября 1860 г. красная пограничная линия проводилась по китайскому берегу Уссури. Китайская же сторона утверждала, что граница между странами должна проходить по оси фарватера реки и что-де остров Даманский вследствие изменения русла реки «переплыл» из России в Китай.

В январе 1969 г. китайцы начали сосредоточение в приграничных с СССР районах воинских частей и многочисленных подразделений так называемой трудовой армии, развернули строительство крупных военизированных госхозов, по сути представлявших собой воинские поселения. Ускоренно создавались «кадровые отряды» народного ополчения, которые привлекались к охране границы, а также использовались для поддержания «чрезвычайного положения» в прилегающих к границе населенных пунктах. Местные жители были разбиты на группы, возглавляемые представителями общественной безопасности. Примыкающая к границе полоса китайской территории шириной до 200 км была объявлена запретной зоной — «передовой линией обороны Китая». Все лица, подозреваемые в симпатиях к СССР или имеющие в Советском Союзе родственников, выселялись с этой территории в глубинные районы Китая.

Советское руководство предприняло ряд мер по усилению обороны советско-китайской границы. Так, весной 1966 г. в Забайкальском военном округе были сформированы 97-й (у Забайкальска и Даурии) и 114-й (у станции Шерловая Гора) укрепленные районы. Каждый из них имел в своем составе пулеметно-артиллерийский батальон, артиллерийский дивизион, реактивную батарею и четыре танковых батальона четырехротного состава. И в каждом пулеметно-артиллерийском батальоне имелись две танковые роты, так что общее количество танков в укрепрайоне составляло 230 единиц. Машины были в основном старых типов — Т-34—85, ИС-2, ИС-3 и ИС-4. В составе частей Забайкальского военного округа имелось 8 мотострелковых дивизий, 3 из которых подчинялись управлению армейского корпуса со штабом в г. Борзя, а 5 были отдельными.

Также был предпринят ряд мер для усиления огневых возможностей погранзастав и погранотрядов: в подразделениях увеличили количество пулеметов, в том числе крупнокалиберных, ручных противотанковых гранатометов и другого вооружения; на заставы поступили бронетранспортеры БТР-60ПА и БТР-60ПБ; в погранотрядах создавались маневренные группы; совершенствовалась система технической охраны границы. Но мер этих было недостаточно. К тому же в пограничных войсках не хватало опыта по освоению новой техники, не имелось навыков для грамотного ее применения на поле боя.

Авторы книги «Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века» утверждают, что «китайские лидеры были кровно заинтересованы в крупном „победоносном“ конфликте на советско-китайской границе. Во-первых, это гарантировало генералитету солидное представительство в руководстве страны, что было особенно важно накануне IX съезда КПК, во-вторых, военно-политическое руководство могло бы подтвердить правильность курса на превращение Китая в военный лагерь и подготовку к войне, зачинщиком которой якобы явится советский „социал-империализм“».¹¹³

К 25 января 1969 г. в штабе Шэньянского военного округа разработали план боевых действий с применением трех пехотных рот и ряда других военных подразделений, тайно сосредоточенных на о. Даманском. Рядом, у наблюдательного поста Гунсы, был развернут командный пункт. Командовать частями на о. Даманском был назначен начальник штаба военного подокруга Ван Цзылян,¹¹⁴ а общее руководство операцией возлагалось на

113 Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. С. 127.

114 С 1965 г. воинские звания в китайских вооруженных силах были отменены.

заместителя командующего войсками военного округа Сяо Цюаньфу.

План этот был утвержден Генштабом 19 февраля, а в ЦК КПК операции присвоили кодовое название «Возмездие». По распоряжению Генштаба КНР каждой погранзаставе, расположенной в районе о. Даманский, было придано не менее одного усиленного пехотного взвода. Из каждого взвода организовывались 2–3 патрульные группы, которые должны были вести патрулирование в районе острова.

Командование Национально-освободительной армии для успеха операции полагалось на фактор внезапности — осуществление быстрого маневра силами и огневыми средствами. После выполнения задачи предусматривался быстрый отвод сил на заранее подготовленные позиции. Одной из главных задач предстоящей спецоперации китайское командование считало захват у противника «доказательств его виновности в агрессии»: образцов советского вооружения, различной аппаратуры, фотодокументов и т. д.

Через несколько дней Генштаб несколько скорректировал утвержденный план. В частности отмечалось, что если советские солдаты будут использовать подручные средства (например, деревянные палки) или бронетранспортеры, то китайские солдаты должны «решительно дать отпор», применяя аналогичные палки и подрывая БТРы. Если же советские солдаты откроют огонь из стрелкового оружия, то китайцам следовало отвечать предупредительными выстрелами, но если это окажется безрезультатным, то дать «решительный отпор в целях самозащиты». Особо оговаривалась необходимость любыми способами добыть доказательства того, что противоположная сторона открыла огонь, а если советские солдаты углубятся на территорию Китая, то захватить несколько человек. В случае же появления советского вертолета огня по нему не открывать.

В ночь на 2 марта 1969 г. около трехсот китайских солдат переправились на о. Даманский и, вырыв одиночные окопы, устроили засаду. Выпавший этой ночью снег скрыл все следы. Расстояние до Даманского от ближайшего советского поста наблюдения составляло около 800 м, и пограничники из-за отсутствия приборов ночного видения ничего не заметили.

Утром 2 марта пограничный пост заставы «Нижне-Михайловка» доложил командиру о нарушении границы СССР двумя группами китайцев численностью до 30 человек. Начальник заставы старший лейтенант И. Стрельников с 30 пограничниками выехал на БТРе и двух автомобилях на перехват нарушителей. Он решил их блокировать с двух сторон и вытеснить с острова. С пятью бойцами и оперуполномоченным особого отдела КГБ старшим лейтенантом Н. Буйневичем Стрельников направился к острову с фронта. В 300 м от них двигалась вторая группа из 12 пограничников под командованием младшего сержанта Ю. Бабанского, а третья группа из 13 человек под командованием сержанта В. Рабовича подходила к острову с фланга. В 11 часов группа Стрельникова приблизилась к китайцам. В соответствии с существующим положением начальник заставы собирался заявить протест нарушителям и потребовать удалиться на свой берег. Но неожиданно китайская цепь расступилась, и вторая шеренга открыла огонь. Группы Стрельникова и Рабовича были уничтожены на месте. Одновременно из засады на острове и с китайского берега был открыт пулеметный и минометный огонь по группе Бабанского, которая заняла круговую оборону. Тут же вступили в бой и китайские солдаты, накануне проникнувшие на Даманский.

С соседней заставы «Кулебякины сопки» к острову срочно направилась мотоманевренная группа во главе с начальником заставы старшим лейтенантом В. Бубениным. Ей удалось обойти китайцев с тыла и отбросить за насыпь на острове. Бой с переменным успехом продолжался весь день. Советские пограничники потеряли убитыми 31 человека и 14 были ранены. Ефрейтор Павел Акулов попал в плен, позже его обезображенное тело было сброшено с китайского вертолета на советскую территорию.

В это время командование Иманского погранотряда, в состав которого входили заставы «Нижне-Михайловка» и «Кулебякины сопки», во главе с полковником Д. Леоновым вместе с маневренной группой и школой сержантского состава находились на учениях

Дальневосточного округа. Получив сообщение о боях на о. Даманский, Леонов немедленно отдал приказ снять с учений сержантскую школу и маневренную группу и направил их в район острова. К вечеру 2 марта пограничники отбили Даманский и закрепились на нем.

Позже Следственная комиссия насчитала на острове 306 лежек с брустверами и циновками. Также были обнаружены маскировочные халаты под цвет рыхлого таящего снега и много пустых бутылок от китайской водки. Штыки карабинов были обернуты в бумагу, чтобы не блестели, шомпола залиты парафином, чтобы не гремели. Были найдены и носилки, на которых китайцы эвакуировали своих раненых и убитых.

В этот же день, 2 марта, советское правительство направило правительству КНР ноту, в которой заявляло решительный протест по поводу вооруженного вторжения в пределы советской территории и потребовало немедленного расследования и самого строгого наказания лиц, ответственных за организацию провокации. Однако китайская сторона на ноту никак не среагировала.

Для предотвращения возможных повторных провокаций на Даманский выдвинулась усиленная маневренная группа под командованием подполковника Е. Яншина (45 человек с гранатометами) на четырех БТР-60ПБ. На советском берегу сосредоточился резерв в 80 человек на бронетранспортерах из школы сержантского состава.

В советских военных структурах царил полная неразбериха — никто не знал, что делать дальше. «Высшее руководство СССР молчало, армейские части и подразделения не имели конкретных распоряжений ни от министра обороны, ни от Генштаба. Руководство КГБ, в ведении которого находились пограничники, заняло явно выжидательную позицию, не желая, видимо, „падать лицом в грязь“, да и понимая, что без поддержки вооруженных сил решительной победы не достичь. Именно этим объясняется неразбериха в действиях пограничников, которая проявилась 14 марта при отражении массированных атак с китайской стороны».¹¹⁵ В результате китайцы захватили секретную модификацию танка Т-62, а наши пограничники понесли большие людские потери и вынуждены были оставить Даманский.

Положение изменилось после прибытия в район конфликта 135-й мотострелковой Тихоокеанской Краснознаменной ордена Кутузова дивизии. На свой страх и риск ее штаб отдал приказ артиллерийскому полку 122-мм гаубиц, отдельному реактивному дивизиону БМ-21 «Град» и минометным батареям 199-го полка нанести мощный огневой удар по острову и прилежащему к нему китайскому берегу на глубину 5–6 км. При этом установки «Град» использовали кассетные боеприпасы. Почти все китайцы, занимавшие позиции на острове, были уничтожены. Затем стрелковый батальон 135-й дивизии занял остров, 7 человек были убиты, 9 человек были ранены. Было потеряно 4 бронетранспортера. Китайцы же потеряли около 600 человек.

Всего со 2 по 16 марта 1969 г. наши пограничники потеряли убитыми и умершими от ран 49 человек и были ранены 61 человек, части Дальневосточного военного округа потеряли, соответственно, 9 и 33 были ранены.

Немедленно началось усиление войск на границе с Китаем. Так, Забайкальский военный округ был усилен: 2-й Гвардейской танковой Тацинской Краснознаменной ордена Суворова дивизией (из Ленинградского военного округа) и 5-й Гвардейской танковой Донской Будапештской Краснознаменной ордена Красной Звезды дивизией (из Северокавказского военного округа). Непосредственно в Забайкальском округе на базе 243-й учебной мотострелковой дивизии, дислоцированной в Чите, в конце 1969 г. была развернута 49-я учебная танковая дивизия, а кроме соединений в Забайкальский округ из других округов прибывали танковые полки, выделяемые из мотострелковых дивизий.

Летом 1969 г. в Дальневосточном регионе прошли крупные стратегические учения с участием штабов и войск Дальневосточного, Забайкальского, Сибирского и Среднеазиатского военных округов.

На территории Монголии развертывалось управление 39-й общевойсковой армии, а в

Забайкалье «Борзинский» армейский корпус переформировывался в 36-ю общевойсковую армию. Управление Забайкальского военного округа разворачивалось по штатам, соответствующим потребностям формирования фронтового управления.

Я в те годы был студентом МИФИ. Советская пресса давала лишь обрывочные сведения, «Голос Америки» и «Би-би-си», которые я регулярно слушал, тоже не полностью владели информацией. Зато за дружеским застольем приятель моего отца генерал-лейтенант Михаил Гуцко, прибывший незадолго до этого с Дальнего Востока, рассказал мне в красках о действии РСЗО «Град» на острове Даманский. После очередной рюмки я спросил генерала, справятся ли наши части с китайцами без применения тактического ядерного оружия. «Они (т. е. китайцы) сами сразу же его применяют», — последовал ответ. При этом генерал очень выразительно посмотрел на меня. Вопросов больше не было.

11 апреля 1969 г. МИД СССР направил МИД КНР ноту, в которой предложил возобновить консультации между полномочными представителями правительства СССР и КНР, выразив готовность начать их в Москве 15 апреля 1969 г. или в другое время, удобное для китайской стороны. В ответном заявлении китайцы формально не отклоняли идею мирных переговоров с СССР и подтверждали, что Китай выступает против применения военной силы. А в районе о. Даманский советские пограничники в мае—июле 1969 г. более трехсот раз открывали огонь по нарушителям границы.

Летом 1969 г. заметно обострилась ситуация на казахстанском участке советско-китайской границы (в районе Джунгарского выступа), охраняемого Уч-Аральским погранотрядом. 12 августа пограничники на постах наблюдения «Родниковая» и «Жаланашколь» заметили на китайской территории перемещения отдельных групп военнослужащих. Начальник погранвойск Восточного округа генерал-лейтенант Меркулов предложил китайской стороне встретиться и обсудить обстановку, но ответа не последовало.

На следующий день, 13 августа, около 5 часов утра китайцы двумя группами (9 и 6 человек) вышли на линию границы на участке погранзаставы «Жаланашколь» и к 7 часам углубились за линию границы на 400 и 100 м. Здесь китайцы начали окапываться, демонстративно выходить к окопам у линии границы, игнорируя требования советских пограничников вернуться за линию границы. В это же время за линией границы на китайской территории сосредоточилось еще около 100 вооруженных китайцев.

К этому времени к участку вторжения прибыли бронетранспортеры, личный состав заставы и резервы с соседних застав под командованием начальника штаба погранотряда полковника П. Никитенко. Еще через час со стороны нарушителей послышалось несколько выстрелов в направлении линии окопов советских пограничников. По китайцам был открыт ответный огонь, и завязался бой.

В это время три группы китайцев (до 40 человек), вооруженные РПГ, вплотную приблизились к границе, попытались ее пересечь и захватить сопку Каменную. Подошедшая с соседней заставы маневренная группа на трех БТР-60ПБ с ходу вступила с ними в бой. Первый БТР, под командованием младшего лейтенанта В. Пучкова, попал под сильный огонь противника и получил повреждения: было снесено наружное оборудование, изрешечены скаты, пробита в нескольких местах броня, заклинило башню. Сам Пучков и механик-водитель были ранены.

Группа советских пограничников из восьми человек под командованием старшего лейтенанта В. Ольшевского, развернувшись в цепь, стала обходить нарушителей с тыла, чтобы отрезать им путь отхода, а со стороны заставы китайцев атаковала группа помощника начальника штаба маневренной группы капитана П. Тербенкова.

Около 9 ч 30 мин начальник погранвойск округа доложил в Москву об инциденте и о том, что с обеих сторон имеются убитые и раненые. Из Москвы последовал приказ: «Захватить как можно больше трофеев и по возможности тел убитых провокаторов, а лучше пленных, чего не сделали на Усури».

К 10 часам утра удалось захватить трех китайцев, которых немедленно отправили в Уч-Арал, но довели только одного, двое скончались от ран в дороге. На поле боя подобрали 19

трупов нарушителей. Наши пограничники потеряли двух человек убитыми и 10 были ранены.

Видимо, обе стороны осознали опасность пограничных конфликтов, и 11 сентября 1969 г. в Пекине начались переговоры между Алексеем Косыгиным и Чжоу Эньлаем. С тех пор крупномасштабных вооруженных конфликтов на советско-китайской границе не было.

Лишь в феврале 1979 г. на советско-китайской границе вновь повысилась напряженность. Но на сей раз причиной стало не вторжение китайцев на нашу территорию, а начало «первой социалистической войны», то есть войны между Китаем и Вьетнамом. В феврале в Чите было развернуто Главное командование войск Дальнего Востока, объединившее войска Забайкальского и Дальневосточного военных округов с оперативным подчинением Тихоокеанского флота. Состав советских войск в Монголии был несколько усилен.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Более чем 300-летний период российско-китайских отношений был временем союзов и мирного сотрудничества. Этот же период был омрачен рядом конфликтов. Всяческое утаивание негативных сторон в отношениях между государствами представляет собой установку мин замедленного действия, с которыми придется иметь дело нашим потомкам. Поэтому автор постарался по возможности объективно и без купюр рассказать об истории взаимоотношений наших стран.

В настоящий момент у КНР и России есть ряд существенных противоречий, главным из которых, на мой взгляд, является миграция китайского населения на русский Дальний Восток. Однако экономический, политический и военный союз между двумя странами будет иметь несоизмеримо большую важность, чем любые существующие противоречия. Ни КНР, ни России не несут ничего хорошего система однополярного мира, которую навязывают всем США. Не меньшую угрозу обеим странам представляет исламский фундаментализм.

Замечу, что и американские империалисты, и исламские фундаменталисты, формально являясь антиподами, имеют единую цель по отношению к России и к КНР. Они стремятся, используя сепаратистов, в том числе мусульман, расчленить обе великие державы и низвести их до уровня банановых республик.

Есть и еще один аспект, объединяющий оба государства. Рядом с ними в настоящий момент имеются государственные образования, населенные русскими и китайцами соответственно. Естественно, что наши великие державы имеют законное право защищать интересы соотечественников в этих государственных образованиях. США же со своей стороны не только препятствуют этому, но и объявляют эти государственные образования «сферой своих жизненных интересов». По мнению автора, в сложившейся ситуации Россия и КНР могут сохранить статус великих держав лишь в политическом и военном союзе друг с другом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Агенков К.П., Бобылев П. Н., Манаенков Т.С. и др. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа, М.: Воениздат, 1975.

Александровская Л. В. Опыт первого морского переселения в Южно-Уссурийский край в 60-х годах XIX века. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1990.

Амурцы на защите рубежей отечества / Под ред. Н. Коршкова, М.: Орлов и сын, 1996.

Атаман Семенов. О себе воспоминания, мысли и выводы, М.: АСТ, 1999.

Аюшин Н., Калинин В., Воробьев С, Гаврилкин Н. Крепость Владивосток, СПб.: Остров, 2001.

Багров В., Сунгоркин Н. Краснознаменная Амурская флотилия, М.: Воениздат, 1976.

Балакин С.А. ВМС Японии, Турции и других стран Азии, 1914–1918 гг., Морская

коллекция, № 5 (29), 1999.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в, М.: Наука, 1986.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке, М.: Наука, 1973.

Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917 год, М.: Учпедгиз, 1960.

Боевой путь советских вооруженных сил / Под ред. В. Воробьева, М.: Воениздат, 1960.

Брук С. Население мира. Этнографический справочник, М.: Наука, 1981.

В небе Китая. 1937–1940/ Под ред. Ю. Чудодеева, М.: Наука, 1986.

Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота, М. — Л-д: Военмориздат, 1939.

Витте СЮ. Избранные воспоминания, М.: Мысль, 1991.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др., в 18 томах, Петербург, 1911–1915.

Гагин В. Воздушная война в Китае и Монголии, Воронеж, 1999.

Голицын В. Очерк участия охранной стражи КВЖД в событиях 1900 г. в Маньчжурии, Харбин, 1910.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Под ред. С. Хромова, М.: Советская Энциклопедия, 1983.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925), М., 1927.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева, М.: Воениздат, 1993.

Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Сборник научных статей, Владивосток, 1998.

Дацышен В. Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г., Альманах «Цитадель», СПб., 1996.

Дацышен В.Г. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин, Альманах «Цитадель», СПб., 1999.

Документы внешней политики СССР, т. 1 (7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г.), М.: Политиздат, 1957; т. 2 (1 января 1919 г. — 30 июня 1920 г.), 1958; т. 3 (1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г.), 1959.

Доливо-Добровольский Б.И. Тихоокеанская проблема, М., Высший военный редакционный совет, 1924.

Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота, М. — СПб., ОЛМА-ПРЕСС — Издательский дом «Нева», 2000.

Захаров С., Багров В. Тихоокеанский флот, М.: Воениздат, 1966.

Иванов М. Япония в годы войны, М.: Наука, 1978.

Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг., М.: Наука, 1986.

История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. Потемкина В.П., М. — Л-д: Государственное издательство политической литературы, 1945.

История железнодорожного транспорта в России / Под ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина, т. I (1836–1917 гг.), СПб. — М., АО «Иван Федоров», 1994.

История стран Азии и Африки в средние века / под ред. Л. Симоновской, Ф. Ацамба, М.: Издательство Московского университета, 1968.

Казачьи войска, сост. Казин В., Справочная книжка императорской Главной Квартыры, 1912.

Капица М.С. КНР: два десятилетия — две политики, М.: Издательство политической литературы, 1969.

Керсновский А. История русской армии, М.: Голос, 1994.

Крах первого нашествия империалистов на страну Советов / Под ред. Н. Азовцева, М.: Воениздат, 1973.

Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на

кораблях «Надежде» и «Неве», М.: Государственное издательство географической литературы, 1950.

Кэгл М., Мэнсон Ф. Морская война в Корее, М.: Воениздат, 1962.

Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896, М.: Международные отношения, 1991.

Ленский А.Г., Цыбин М.М. Советские сухопутные войска в последний год Союза ССР, СПб., В&К, 2001.

Любавский М. Обзор истории русской колонизации, М.: Издательство московского университета, 1996.

Мао Цзэдун. Избранные произведения, М.: Издательство иностранной литературы, 1952.

Мартенс Ф.Ф. Европа и Китай, СПб., 1881.

Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия, М.: Госполитиздат, 1950.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.) / Под ред. Е.М. Жукова, М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.

Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая, М., Главная редакция восточной литературы РАН, 1994.

Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов, М., 1997.

Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота с 1861 по 1917 г., М.: Воениздат, 1948.

Морской атлас, т. III. Описания к картам / под ред. С. Горшкова, М.: Издание Главного штаба ВМФ, 1966.

Мошин В. Оборона побережья с древнейших времен до наших дней, СПб., Типография Н. В. Васильева, 1901.

Ольденберг С. Царствование Императора Николая II, Белград, издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1939.

Персии М.А. Дальневосточная республика и Китай, М.: Издательство восточной литературы, 1962.

Пиблз К. Тайные полеты, Смоленск: Русич, 2002.

Плиев И. Через Гоби и Хинган, М.: Воениздат, 1965.

Похлебкин ВВ. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах, М.: Международные отношения, 1995.

Пржевальский Н.М. Путешествие в Южно-Уссурийский край, СПб., 1870.

Пын Мин История китайско-советской дружбы, М.: 1959.

Рожнятовский Т., Жутовский З. Биологическая война, М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева, М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000.

Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В.А. Золотарева, М.: Арбизо, 1994.

Россия. XX век. 1941 год. Сборник документов / Под ред. А. Яковлева, М.: Демократия, 1998.

Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. / Под ред. А.Р. Артемьева, Владивосток, РАН Дальневосточное отделение, 1998.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, т. 1–8, СПб., 1910.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе, кн. 1–7, СПб., 1912–1917.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов, М.: Воениздат, 1941.

Сапожников Б.Г. Китай в огне войны. 1931–1950, М.: Наука, 1977.

- Сапожников Б.Г.* Народно-освободительная война в Китае. 1946–1950, М.: Воениздат, 1984.
- Сафронов В.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг., М.: Институт Российской истории РАН, 2001.
- Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге, Харбин, 1922.
- Сборник исследований и материалов военно-исторического ордена Красной Звезды музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, выпуск V, Ленинград, 1990.
- Сборник обзоров печати и радио. Хабаровск, 1945.
- Сидихменов В.* Маньчжурские правители Китая, М.: Наука, 1985.
- Сладковский М.И.* Китай и Англия, М.: Наука, 1980.
- Советско-китайские отношения. 1917–1937 г. Сборник документов, М.: Политиздат, 1959.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен, в 15 томах, М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.
- Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах, М.: Мысль, 1993.
- СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М.: Издательство политической литературы, 1971.
- Такусиро Хаттори* Япония в войне 1941–1945, М.: Воениздат, 1973.
- Танеев В.К.* Путь к океану, М.: Советский писатель, 1958.
- Феоктистов А.Л.* Русские, казахи и Алтай, М. — Усть-Каменогорск: Альфа и Омега, 1992.
- Широкоград А.Б.* Русско-японские войны 1904–1945, Минск: Харвест, 2003.
- Юзефович Л.* Самодержец пустыни. М.: Эллис Лак, 1993.
- Яковлев В. В.* История крепостей, М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2000.
- Японский милитаризм / Под ред. Е.М. Жукова, М.: Наука, 1972.
- Журнал «Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра» № 33, 1999; №№ 2, 3, 4, 2002.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Сибирский коч. Рис. А. Карелова

Ли Хунчжан

С.Ю. Витте

Китайский броненосный крейсер «Пинг-Иен», взятый в плен японцами и переименованный ими в канонерскую лодку «Хей-Иен»

Водопропускное сооружение (ступенчатый акведук) на 192-м км Кругобайкальской железной дороги

Суй Цзинчен

А.М. Югович

Свято-Николаевский собор в Харбине. 1899 г.

Колокольня Свято-Николаевского собора

Первая церковь в Харбине

Хинганский тоннель на КВЖД

Русская православная церковь в Цицикаре

Лицемерие Цыси во время восстания ихэтуаней (китайская карикатура)

Император Гуансюй

Русский казак в Маньчжурии

Казнь хунгуза китайцами

Строительство укреплений в Порт-Артуре

Западная часть внутреннего рейда Порт-Артура

Казнь японцами китайцев, состоявших на русской службе

«Народы Европы, оберегайте ваши священные права». Рис. Вильгельма II, олицетворяющий поддержку России Германией

Канонерская лодка «Бурят»

Мост через Амур у Хабаровска

Сунь Ятсен. 1912 г.

Пу И и его младший брат Пу Цзе. 1908 г.

Японские интервенты у трупов расстрелянных ими рабочих-железнодорожников. Дальний Восток. 1920 г.

Бомбардировщик СБ-2 китайских ВВС. Август 1937 г. Северный Санси

И-16 тип 10 китайских ВВС. Бортовой № 70.

И-153 китайских ВВС. 1941 г.

Реактивные истребители КНР. 1950-е гг.

МиГ-15бис ВВС Китая

МиГ-9 ВВС Китая

Мао Цзэдун. Парадный портрет